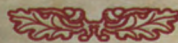

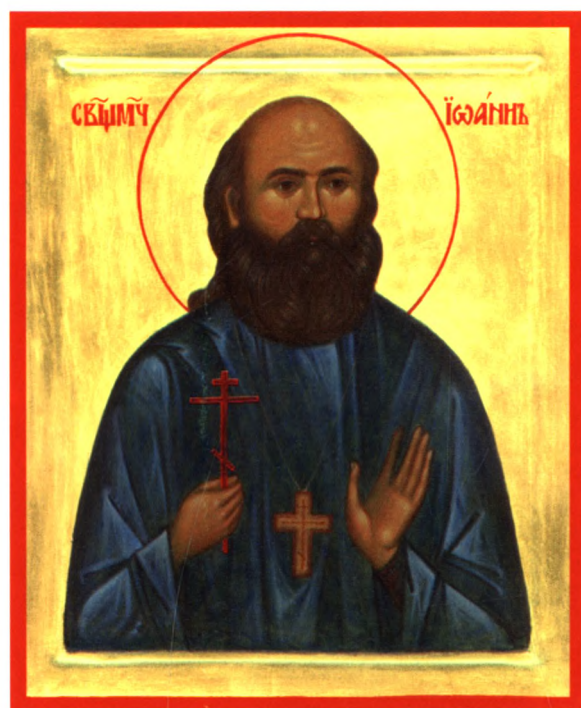
ПРАВДА ВЕРЫ И ЖИЗНИ

ЖИТИЕ И ТРУДЫ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИОАННА
ВОСТОРГОВА

К 10-летию возрождения
московского ставропигиального
Сретенского монастыря
1994 – 2004

Святой священномучениче Иоанне,
моли Бога о нас!

ПРАВДА ВЕРЫ И ЖИЗНИ

ЖИТИЕ И ТРУДЫ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ПРОТОИЕРЕЯ
ИОАННА
ВОСТОРГОВА

ИЗДАНИЕ СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Москва
2004

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ**

Сборник содержит житие, слова и проповеди замечательного пастыря и проповедника начала XX века протоиерея Иоанна Восторгова, подвигом мученичества утвердившего свою веру в эпоху гонений на Церковь и отречения от Христа. Будучи настоятелем Покровского собора на Красной площади, отец Иоанн стяжал себе широкую известность как яркий проповедник и патриот. Священномученик Иоанн в должности синодального миссионера много потрудился для утверждения Православия, посвятив свои яркие дарования и силы Святой Церкви.

© Составитель, автор предисловия, жития и примечаний — священник Афанасий Гумеров, 2004.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За несколько дней до начала нового XX, для нас уже минувшего, века отец Иоанн Восторгов писал: «Основные запросы человеческого духа не изменяются с переменой столетий; все те же они, эти вопросы высшего порядка, вопросы о смысле и цели бытия, нередко затемняемые ежедневной сутолокой жизни, но никогда не умирающие... И как в природе во все века, возвышаясь над всеми переменами ее жизни, неизменно действует вложенный Богом закон всемирного тяготения, так в человеческом богоподобном духе, не умирая, действует всечеловеческое и всемирное тяготение его к бесконечному центру мира...»* Во все времена, даже в болезненные эпохи массового, заразительного неверия, человек, которого Творец создал по Своему образу и *вдунул в лице его дыхание жизни* (Быт. 2, 7), не перестает тосковать явно или смутно по своему Небесному Родителю и стремиться к Нему. Эту истину, подтвержденную опытом всех поколений, особенно явственно открывает нам жизнь святых. По слову нашего Спасителя, они являются *солью земли* (Мф. 5, 13). Своей духовной силой и крепостью святые удерживают мир от нравственного гниения. Своей чистой и строгой жизнью, посвященной Богу, они светят окружающим их людям, погруженным во мрак неверия и нравственного неведения, помогая найти спасительный путь.

О святых лучше всего могут рассказать сами святые. Святой пророк Моисей запечатлел жизнь праведников, живших до него (Авеля, Ноя, Авраама и других). Великий пророк Самуил рассказывает в Первой книге Царств о молодом Давиде, уже помазанном на царство, но еще гонимом и не обретшем пока царского скипетра. Святой апостол и евангелист Лука засвидетельствовал нам жизнь и деяния святых апостолов. Так было и в последующие времена. Одним из первых творений в области агиографии было житие преподобного Антония Великого, написанное святителем Афанасием Великим.

* И. И. Восторгов, прот. Новый год и новый век. — Полное собрание сочинений в пяти томах. СПб., 1995 (репринт). Т. 1, С. 1–2.

Протоиерей Иоанн Восторгов, всецело посвятив данные ему Богом богатые таланты (дар яркого и сильного слова, проницательный и ясный ум, могучую, не слабеющую с годами энергию) служению Церкви, закончил жизнь святым мучеником и прославлен на Архиерейском Соборе в августе 2000 г. Как проповедник и духовный писатель он часто обращался к опыту святых. 23 февраля 1903 года, в Неделю Православия, он говорил: «Во славу Бога и Христа Его, в благодарное исповедание Божией благодати и благодати, свидетельствуем мы о великом сонме святых Божиих в нашей Православной Церкви. Не оскудевает сонм этот, растет из века, украшая новыми и яркими звездами духовное небо славного христианства. Милостью Божиею не оскудела носителями святости и наша Российская Церковь... Наступил XX век, и се — у самого порога его мы видим новое знамение милости Божией к Русской Церкви, новое свидетельство ее истины, ее православия и целостности ее духовной жизни, новый призыв к нам хранить святыню веры и сыновнее послушание Церкви: близится время прославления боголюбивого старца Серафима, Саровского подвижника, нареченного в святых Божиих общим гласом верующего и православного народа»*.

В предлагаемой читателю книге собраны проповеди и статьи священномученика Иоанна о тех, кто угождал Богу своей праведной жизнью. В этот сборник включены не только уже прославленные Церковью подвижники, но те, кто, имея высокое благочестие, по-христиански исполнил свои многотрудные обязанности общественного служения. Хотя имена эти знакомы каждому образованному человеку, их богатая духовная жизнь и подвиги веры известны, к сожалению, немногим. Так при имени А. В. Суворова сразу вспоминаются блистательные ратные дела (взятие Измаила, Альпийский переход и др.). Но сколько людей знают, что он построил несколько храмов (в Новой Ладоге он собственными руками изготовил крест-распятие), был щедрым благотворителем (только после смерти Суворова узнали, что он посылал ежегодно ко святой Пасхе в петербургскую тюрьму несколько тысяч рублей на выкуп неимущих должников), что он свято соблюдал церковные уставы, составил «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу» (опубликован в 1998 г.), в конце жизни принял решение

* И. И. Восторгов, прот. Правда и вера жизни. — ПСС. Т. 2. С. 222—223.

стать иноком и написал письмо государю Павлу Петровичу с просьбой «позволить отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где... намерен окончить краткие дни в службе Богу»*.

Выступления протоиерея Иоанна, посвященные государю Александру III, представляют ценный вклад в духовно-нравственную оценку личности этого великого монарха. В посвященной ему литературе последнего столетия доминируют взгляды, удручающие бедностью оценок, стереотипностью суждений, узостью критериев (политика контрреформ, жесткий административный контроль, подавление инакомыслия и проч.). Насколько искажен такой одномерный взгляд, можно убедиться, обратившись к высказываниям далеко не консервативного исследователя отечественной истории В. О. Ключевского: «Наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее даются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покориł общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее»**.

Святые Христовы заповеди даны всем: бедным и богатым, больным и здоровым, царям и нищим. На Суде Божиим все будут судимы именно по законам евангельской правды. Каждый делатель, по слову нашего Спасителя, будет узан по плодам его (см.: Мф. 7, 16). Перед Своей крестной смертью Господь наш Иисус Христос назвал мир как драгоценнейшее наследие, которое Он оставляет на земле: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). В Нагорной проповеди Господь наш, называя блаженными исполняющих заповеди Божии, выше всех ставит миротворцев — *тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9). Эта высокая мысль была воспринята святыми отцами и подавалась как важнейшее назидание людям. «Посему все те, которые любят благо мира,

* Цит. по кн.: Жукова М. Г. «Твой есмь аз. Суворов». М., 1998. С. 120.

** Речь в Императорском обществе истории и древностей российских. — цит. по кн.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 7.

и, напротив того, ненавидят раздор и отвращаются его, близки к Богу и Божественным духам; а те, которые браннолюбивы нравом, ищут славы в нововведениях и тщеславятся тем, чего бы надлежало стыдиться, принадлежат к противоположной стороне. Ибо и диавол не только сам с собою в раздоре, по своей многовидности и по своим страстям, но то же производит и в других, как человекоубийца искони и ненавистник добра, прикрывая себя тьмою возмущения...»*.

Плоды правления Александра III изумительные. Он взошел на трон по окровавленным, залитым кровью отца, ступеням, чтобы принять скипетр над страной растерянной и смятенной взаимной ненавистью и раздорами, а оставил державою. Это было очевидно всем любящим Россию современникам рано почившего царя. Вот одно из свидетельств: «При кончине государя все почувствовали, что потеряли в нем то, чем наша жизнь была, — надежду. Его дела были у всех на глазах: успокоение царства после общей умственной и нравственной смуты, закончившейся событием 1 марта; твердая, истинно русская политика, поставившая Россию в Европе, без войн и жертвований, так прочно и высоко, как она никогда не стояла; голос России — первый и решающий в Европе; тишина и спокойствие, которыми мы пользовались, заботы и льготы для устройства разных сословий, возросшее значение Церкви — все это труды почившего царя... Недолго длился царственный подвиг почившего государя, но в короткое время он достиг венца человеческой жизни: он отвергнул себя»**. Праведность его засвидетельствована праведниками (святым праведным Иоанном Кронштадтским, святой преподобномученицей Елизаветой и др.). Современники по плодам царствования называли его царем-миротворцем.

Среди тех, кого священномученик Иоанн Восторгов почитал как праведника, был также великий князь Сергей Александрович. Помещенная в книге речь при его поминании содержит веру в его молитвенное предстательство: «В этот час заупокойного о нем моления, продолжая в любимой им Москве любимое им дело, мы призываем его светлый дух, и, приобщая его к радости подвига во имя Церкви и Рос-

* Григорий Богослов, свт. Слово 6-е, о мире. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 153–154.

** Поселянин Е. По поводу смерти Александра III: Судьбы царицы. СПб., 2001. С. 184, 187.

сии, мы уповаем на невидимое его нам вспоможение духом его любви, его загробного дерзновения в молитве к Богу»*. Получив весть о его убийстве, святой преподобноисповедник Сергей (до монашества — протоиерей Митрофан Серебрянский) записал: «7 февраля. Сейчас служили мы панихиду по новомученике царствующего дома, великом князе Сергии Александровиче. Царство Небесное мученику за правду!»** Трудно найти в нашей истории другого человека, чей светлый лик так старательно пытались бы очернить клеветой. «Он был, — пишет современный православный исследователь, — оклеветан не только революционерами, врагами великой национальной России, но и многими представителями «высшего» общества. Его неумоимо чернили за рубежом, чем особенно прославился германский император Вильгельм II. Но он, помня слова Спасителя: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), высоко неся имя православного христианина, не воздавал им злом за их беззакония. Мать-Церковь обильно подавала ему свои утешения, и он наслаждался ее святыней. Однако безбожный мир продолжал жестоко преследовать его, и наконец он был зверски убит»***.

К сожалению, и сейчас даже среди людей, претендующих на серьезный подход к истории, можно встретить жертв этой клеветы. Живучесть ее при отсутствии каких-либо фактов убеждает в том, что она питается из самого мутного источника, который хорошо был известен святым отцам. Греческое слово «диавол» переводится как «клеветник, ненавистник». Потому слово Божие относит клевету к тяжким грехам (см.: Рим. 1, 30; 2 Тим. 3, 3). Ложь, по-видимому, в силу своей генетической природы обладает изощренно-парадоксальной логикой. Она норовит прилепиться чаще всего к той области, где человек наиболее безукоризненно себя проявляет. Как ни чудовищно звучало обвинение святителя Афанасия Великого в растлении женщины, но нашлись люди, которые устроили ему суд, хотя весь христианский мир (восточный и западный) знал его высокую подвижническую жизнь. Святитель Василий Великий писал ему: «Если бы при содействии твоих молитв удостоились

* И. И. Восторгов, прот. Основатель Православного Палестинского общества. — ПСС. Т. 3. С. 353.

** О. Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 250.

*** Вяткин В. В. Христовой Церкви цвет благоуханный. Жизнеописание преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. М., 2001. С. 47.

мы увидеть тебя и насладиться тех благ, какими ты преисполнен, и к сказанию о нашей жизни присовокупить свидание с твоей подлинно великою и апостольскою душою, то, без сомнения, заключили бы о себе, что, по Божию человеколюбию, приобрели мы утешение, вознаграждающее за все скорби, какие претерпели в целой своей жизни»*. Преподобного Германа Аляскинского обвинили в присвоении чужих денег, хотя нестяжательная жизнь этого смиреннейшего человека была хорошо известна.

Среди клеветников великого князя Сергея самыми нечистыми были те, кто касался его супружеской жизни — этой возвышенно светлой страницы его недолгой, но многотрудной жизни. Трудно избавиться от недоумения: почему повторяющие эту ложь не примут свидетельства его святой супруги?! От писем ее, в которых она говорит о своем муже, веет радостью при жизни и чувством благодарности за пережитое счастье после его смерти. Она писала государю Николаю II 7 апреля 1910 года: «Дорогой мой... Сергей с радостью умер за тебя и за свою родину. За два дня до смерти он говорил, с какой готовностью пролил бы свою кровь, если бы мог этим помочь. Надеюсь, Господь даст мне силы, чтоб никто не смог сказать, что я оказалась недостойной водительства такого истинно благородного мужа и настоящего христианина»**.

Чуткий и духовно внимательный к проявлениям благочестия, протоиерей Иоанн не упускал возможности говорить о святых угодниках Божиих. «Почему же так важно пребывание праведных среди народа? Прежде всего потому, — говорит священномученик Иоанн, — что они являются показателями и свидетелями духовной жизни и духовного роста народа; они своим существованием показывают, что народ не умер для Бога, для святости и для духовной жизни; что среди него есть люди достойные благоволения Господа, и что таких людей немало. Прославленные праведники, угодники, чудотворцы — это как бы высочайшие горные вершины... Горные высочайшие вершины никогда не стоят совершенно одиноко и особняком на равнине; около них всегда поднимаются меньшие, но все же возвышенные горы, целые цепи гор, целые горные пространства. В области духовно-благо-

* Василий Великий, свт. Творения. СПб., 1911. Т. 3. С. 105.

** Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 50.

датной видим то же: около великих святых есть меньшие, но добрые и высокие души: их почитатели, ученики, подражатели, люди, напоенные единым с ними духом, единой верой, единым благочестием. Праведники не бывают совершенно одиноки; вот почему прославление праведного есть признак, что в обществе, где он жил, воцарилось не одно зло, что, напротив, в обществе этом есть живые духовные силы; вот почему, далее, прославление праведного есть радость Церкви, которая видит, что она не бесплодно молилась о сынах своих, не бесплодно учила их вере и благочестию, и действительно, ведет их к небу и блаженной вечности»*. Слова эти были сказаны священномучеником Иоанном Восторговым 19 июня 1903 г. — за месяц до Саровских торжеств.

Имеем ли мы, век спустя, такую же бодрую веру в духовные силы России? Не побеждается ли она воспоминаниями страшных потрясений, постигших наше Отечество в минувшем столетии? Жестокое, безжалостное разрушение тысячелетней православной традиции, в которой выкристаллизовался лучший опыт поколений, многие десятилетия массового атеизма, лишившего большую часть народа живоносных источников духовно-нравственного здоровья, — все это напоминает пронесшийся страшный разрушительный ураган. Особенно пострадала наиболее тонкая и хрупкая сфера народной жизни — нравственная. Земля наша залита кровью младенцев: ежегодно женщины наши убивают во чреве 2,5 миллиона детей. Люди — от подростков до престарелых — не стыдятся блуда, называя этот смертный грех, который как кислота разъедает нравственную ткань души, «частной жизнью». Наркомания и алкоголизм среди подростков (включая 11—13-летних детей) нарастают. Вернется ли духовно-нравственное здоровье народа? Жива ли надежда?

Священномученик Иоанн всегда черпал силу своего упования в слове Божию. Он был свидетелем потрясения духовно-нравственных устоев народной жизни, но никогда не был историческим пессимистом. Каким бы ни казался задавленным общественными невзгодами народ, сколько бы ни обломала пронесшаяся буря ветвей и стволов, главное — жив ли корень народной жизни? Если он жив, тогда по отношению

* И. И. Восторгов, прот. Уроки прославления святых. — ПСС. Т. 2. С. 271–272.

к нашей стране действительно будет слово пророка: *Как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее* (Ис. 6, 13)*.

Корень народной жизни — православная вера, а семя — святые угодники Божии и праведники, без которых не стоит ни один град, ни одна страна.

В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском Соборе протоиерей Иоанн Восторгов был прославлен в лике святых как священномученик.

* И. И. Восторгов, прот. Семя святое. — ПСС. Т. 2. С. 183.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ПРОТОИЕРЕЙ
ИОАНН
ВОСТОРГОВ**

ЖИТИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИОАННА ИОАННОВИЧА
ВОСТОРГОВА
(1867 – 1918)

Выдающийся организатор миссионерского дела и яркий проповедник протоиерей Иоанн Восторгов родился 30 января 1867 года в станице Кавказская Кубанской области. Отец его, священник Иоанн, был сыном профессора Владимирской духовной семинарии, магистра богословия Александра Восторгова. Мать протоиерея Иоанна — Татьяна Ксенофонтовна. Крещен он был в честь святителя Иоанна Златоуста. День тезоименитства совпал с днем рождения — 30 января. К своему небесному покровителю отец Иоанн всегда относился с сыновней любовью: «Его жизнь навеки полна поучений, как пример твердой веры, бестрепетного служения долгу, невзирая ни на какие препятствия, беспредельной преданности Святой Церкви и сопряженной с великими трудами и подвигами любви к своим ближним», — говорил отец Иоанн о великом святителе в день 1500-летия его кончины. Самого священномученика Иоанна Восторгова сближала с великим архиереем беспредельная преданность Церкви, жертвенное исполнение долга и дар проповедника. Святой праведный Иоанн Кронштадтский называл его Златоустом*.

* Духонина Е. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 94.

В марте 1868 года семья переехала в станицу Ново-Александровскую (ныне г. Новоалександровск Ставропольского края). Здесь прошли детство и отрочество Иоанна.

«...смирюсь пред Божиим Промыслом, что вывел меня из этой когда-то глухой и заброшенной станицы, из горького сиротства и нищеты на широкий путь жизни и службы Богу, царю и родному народу... слезы благоговейного смирения невольно льются из очей пред Богом моего детства и отрочества... Не стыжусь признать и благодарно исповедать, что среди простого верующего народа... заложены были мне в душу первые, и самые сильные, чувства преданности Богу, царю и нашему русскому царству, те чувства, которыми дышали тогда здесь все от мала до велика; не стыжусь я признать и поведать трепетную благодарность этому народу, во дни сиротства моего и лишений спасшему мне жизнь и укrywшему от голода и гибели»*.

Иоанн Восторгов по окончании в 1887 году Ставропольской Духовной семинарии по первому разряду (под первым номером, со званием студента) был назначен 15 августа того же года надзирателем за учениками Ставропольского Духовного училища.

30 сентября того же, 1887, года он назначается штатным учителем русского и церковно-славянского языков в том же училище. Обязанности свои исполнял усердно и хорошо, о чем свидетельствуют отмеченные в послужном списке вознаграждения, выдававшиеся с разрешения преосвященного епископа Владимира**.

К 1887 году относится и самое раннее дошедшее до нас сочинение Иоанна Восторгова «Раскольническая австрийская иерархия с точки зрения церковных канонов»***. Эта работа, посвященная опровержению мнения старообрядцев-раскольников о канонической законности белокриницкой иерархии, показывает, как рано определились церковно-апологетические устремления будущего блестящего защитника Церкви от различных противоцерковных

* И. И. Восторгов, прот. Просвещение народа. — ПСС. СПб., 1995. Т. 1. С. 628–629.

** Владыка Владимир (Петров) (1828–1894). Закончил жизнь архиепископом Казанским. Известный алтайский миссионер.

*** И. И. Восторгов, прот. ПСС. СПб., 1995. Т. 4. С. 1–12.

течений. Заметны в ней и зачатки дарований, так ярко проявившиеся в последующие годы: ясное понимание темы, сила опровержения, прозрачность слога.

Преподавал молодой учитель недолго. Решением епископа Владимира Иоанн Восторгов определяется на священническую должность в Михайло-Архангельской церкви поселка Кирпильского Кубанской области. 1 августа 1889 г., в праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, он был рукоположен в диакона, а 6 августа, в двенадесятый праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Иоанн Восторгов стал иереем.

При первом своем служении (20 августа 1889 г.) он сказал, как страшно ему, молодому, совсем даже юному, в священнических одеждах стоять перед людьми, убежденными сединами, учить и управлять каждой вверенную ему душу к Царствию Небесному. «Но совершается воля Божия, и рождением, и воспитанием, и призванием церковной власти, и — что еще скажу? — желанием моего сердца пришел я на эту высоту и тяготу священства и готов повторить пред призывающим Богом то, что говорят при этом высшие священноначальники: благодарю, приемлю, ничесоже вопреки глаголю»*.

Молодому пастырю предстояло священство в необычайно трудных условиях: большую часть населения составляли раскольники, около ста лет здесь не было православного священника. Надо было сначала создать и духовно воспитать приход. Но даже сам храм пришлось батюшке устраивать самому. «Этот храм мною построен, освящен и наполнен утварью», — говорил он через 14 месяцев после своего рукоположения, прощаясь с прихожанами. За год служения 25-летний священник добился поразительных результатов. Люди стали более богобоязненными, привыкли ходить в храм, меньше стало пьяниц и закоренелых грешников. Более ста человек из старообрядцев познали истину и присоединились к Православной Церкви.

Отец Иоанн не ограничил себя только священством и приходским пастырством, вскоре на свои собственные средства он открывает

* И. И. Восторгов, прот. ПСС. М., 1995. Т. 1. С. 6.

церковно-приходскую школу. 6 ноября 1889 года епархиальный училищный совет назначает его законоучителем и учителем в этой школе*. Им же было основано в селе общество трезвости. В этой благотворительной деятельности у 25-летнего начинающего священника обнаружились те свойства его личности — жертвенность, ревность в трудах и любовь к учительству, — к которым он, несомненно, имел особое призвание.

12 мая 1890 года епархиальный Училищный совет назначает его наблюдателем всех церковно-приходских школ 12-го благочиннического округа Кубанской области. 15 сентября 1890 года отец Иоанн получает новое назначение — законоучителя Ставропольской мужской гимназии. Предстояло расстаться с прихожанами, которых он полюбил. Последнее его служение было 6 октября 1890 года. Прощаясь с духовными чадами, он сказал: «Со словом мира и любви — не на языке только, но и в сердце — я в первый раз приходил к вам, возлюбленные братие, когда по воле Пастыреначальника Господа Иисуса паства эта вручена была моему недостойному попечению. И вот прошел год, в который я день и ночь оглашал вас, не имущих прежде пастыря, оглашал, поучал слову Божию. Не прошло ни одной службы, не пропущено ни одного случая, чтобы не сказал я вам слово поучения, назидания... Любите Господа Бога всею душою вашею, почитайте Божию Матерь, угодников Божиих, крепко держитесь святой православной нашей веры. Наша вера — Христова, наша вера — правая, наша вера — спасительная»**.

В Ставропольской гимназии, на новом поприще, не слабеет его ревность. 21 августа 1891 года преосвященный Евгений, епископ Ставропольский и Екатеринодарский, назначил его настоятелем церкви Ставропольской мужской гимназии. 6 декабря 1891 года владыка Евгений наградил отца Иоанна набедренником. В указе Консистории было дано объяснение: «За ревностное исполнение обязанностей, за проповедование слова Божия, усердное преподавание Закона Божия, открытые им собеседования с пансионерами гимназии»***.

* Послужной список.

** И. И. Восторгов, прот. Пастырские заветы. — ПСС. Т. 1. С. 5–6.

*** Там же.

Епархиальный съезд духовенства Ставропольской епархии, состоявшийся 24 августа 1893 года, избрал отца Иоанна членом совета Ставропольского епархиального женского училища на три года. В этом же 1893 году, 2 октября, он был избран членом правления Ставропольской Духовной семинарии. 14 мая 1894 года преосвященный Агафодор за усердную службу наградил отца Иоанна бархатной фиолетовой скуфьей. В том же году в жизни отца Иоанна совершилась перемена: с согласия высокопреосвященного архиепископа Владимира (Богоявленского), экзарха Грузии, попечитель Кавказского учебного округа телеграммой от 29 сентября назначает его законоучителем гимназии в Елисаветполе (ныне г. Гянджа в Азербайджане). Он покидает родную епархию и начинает деятельность на Кавказе.

Всякое дело отец Иоанн Восторгов освящал молитвой, согревал теплотою сердца, оживотворял любовью. Так и четырехлетний труд по возделыванию молодой, чистой нивы соединил его с воспитанниками сердечными узами. Поэтому таким задушевым и одновременно печальным было его прощальное слово в Ставропольской гимназии: «Последний раз я молился сегодня с вами, братие и дети, в этом храме, в той семейной обстановке, в которой мы сходились сюда каждый праздник более четырех лет сряду... В эти памятные для меня и для вас годы вступили мы с вами в общение веры и молитвы, к которому присоединилось общение любви. Не знаю, как вы — хотя и могу судить по тем слезам, с которыми вы слушали меня, — но я сроднился с вами, милые дети, сроднился с этим храмом и братьями его. Вот почему в настоящие минуты сердце мое полно скорби, слезы застилают мне очи, вся душа моя трепещет во мне... В эту минуту я помню только то доброе, светлое и чистое, что я видел здесь за четыре года службы. Незабвен буди этот святой храм и в нем таинственный престол благодати, к которому я предстоял, недостойный. Незабвенны будьте те светлые минуты, когда ваших душ касался Ангел молитвы, и я видел вас здесь поверженными пред алтарем в сердечном умилении. Буду вспоминать, как вы говели, как многие со слезами исповедовались, какими умиленными подходили ко Святой Чаше. Памятны будут мне те минуты внимания, которым вы отвечали на мое проповедное слово,

когда я сам чувствовал, что оно дошло до сердца. Отрадою наполнялось все существо мое, когда, посещая пансион, иногда в поздний послеполуночный час я видел пред иконою, в сумраке лампады, склоненных в молитве детей. От всей души призывал я тогда на вас благословение неба...»*

И на новом месте отец Иоанн проявляет сугубую ответственность и усердие. Ревность, соединенная с дарованиями, вновь приносит плоды. В послужном списке записано: «По засвидетельствованию учебного начальства об отлично усердной службе и особых трудах по должности законоучителя и настоятеля гимназической церкви удостоен благословения Святейшего Синода с выдачею установленной грамоты в 12-й день июля месяца 1896 года, как о сем изложено в Указе Святейшего Синода от 20 августа того же года»**.

Как и в Ставрополе, в Елисаветполе ведет отец Иоанн, наряду с богослужением, воспитанием и обучением учащихся, разнообразную общественно-административную работу. 7 сентября 1895 года епархиальным начальством Грузинского экзархата он назначен членом Елисаветпольского отделения Грузинского епархиального училищного совета, 11 августа 1896 года избран на три года секретарем педагогического совета гимназии.

«За отличную, усердную и полезную службу» Святейший Синод 6 мая 1897 года наградил отца Иоанна бархатной фиолетовой камилавкой.

С 1897 года жизнь и деятельность отца Иоанна Восторгова проходит в Тифлисе: 17 июля он перемещен законоучителем Тифлисской 1-й женской гимназии великой княгини Ольги Феодоровны. Высокопреосвященный Владимир, экзарх Грузии, утвердил его в должности настоятеля домово́й гимназической церкви во имя святой равноапостольной княгини Ольги. В августе 1898 года отцу Иоанну поручено преподавание Закона Божия также в 1-й Тифлисской мужской классической гимназии.

В 1900 году благодаря деятельности Тифлисского миссионерского братства в одном из самых неблагоустроенных районов Ти-

* И. И. Восторгов, прот. Привет прощальный. — ПСС. Т. 1, С. 92–95.

** Послужной список.

— *Архиепископ Владимир (Богоявленский),* —
экзарх Грузии

флиса, населенного сектантами и железнодорожными рабочими, возникли три церковно-приходские миссионерские школы (число учащихся дошло до 300). Просветительское дело шло успешно, и вскоре число школ было доведено до восьми. Заведующим школами был поставлен отец Иоанн. Он не только руководил занятиями, но и совершал богослужения (сначала в классах, а затем в устроенной его усилиями домовой церкви), а также проводил беседы о воспоминаемых Церковью лицах и событиях, о поведении в храме, в школе и дома. Число учащихся через несколько месяцев достигло 500 человек. Двадцать

процентов из них составляли дети сектантов. «Пусть они сближаются с Православной Церковью, — писал заведующий этими школами отец Иоанн, — пусть видят любовь к ним и заботливость о них. Не может быть, чтобы потом на любовь они не ответили любовью»*. За усердную и полезную службу Святейший Синод наградил отца Иоанна Восторгова золотым наперсным крестом.

7 ноября 1900 года экзарх Грузии высокопреосвященный Флавиан (Городецкий) назначил его временно заведующим приходом и школою первой миссионерской тифлисской Покровской церкви. Исполнял эти обязанности отец Иоанн до 21 июля 1901 года. В декабре 1900 года Святейший Синод определил отца Иоанна в должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты Грузинской епархии с возведением в сан протоиерея. 21 декабря 1900 года высокопреосвященный Флавиан поставил его наблюдателем за преподаванием Закона Божия во всех низших и начальных учебных заведениях Кавказского учебного округа в пределах Грузинской епархии. В январе 1901 года владыка Флавиан поручил отцу Иоанну быть также наблюдателем за преподаванием Закона Божия в железнодорожных училищах Закавказского края. Указом Святейшего Синода от 13 февраля 1901 года отец Иоанн Восторгов назначен редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». В августе 1901 года вышло новое определение Святейшего Синода об отце Иоанне Восторгове: он назначен окружным наблюдателем школ церковно-приходских и школ грамоты во всех епархиях Грузинского экзархата. На том же заседании Святейшего Синода было принято решение командировать его в Персию для обозрения дел Российской духовной миссии в Урмии и ревизии состоящих при миссии школ. В этой поездке отец Иоанн находился до 9 октября 1901 года.

Проповеднические труды отца Иоанна были оценены и признаны полезными советом Императорского Православного Палестинского общества. 18 июля 1902 года он был избран пожизненным действительным членом Общества с присвоением установленного

* И. И. Восторгов, прот. Кукийские церковно-приходские миссионерские школы в г. Тифлисе. — ПСС. Т. 4. С. 73.

знака. 28 декабря 1902 г. отец Иоанн принял от священноначалия еще одно послушание — быть председателем попечительства при тифлисской церкви Иверской иконы Божией Матери, а месяц спустя (28 января 1903 года) на него были возложены и обязанности председателя попечительства при тифлисской Кукийской Иоанно-Крестительской церкви.

В мае 1903 года вышло новое высочайше утвержденное положение об управлении церковными школами Грузинского экзархата. Оно коснулось и отца Иоанна Восторгова: он был оставлен окружным наблюдателем церковных школ, но с него были сняты обязанности грузинского епархиального наблюдателя школ. Училищный совет Грузинской епархии принял специальное постановление о трудах отца Иоанна на этом посту: «Ввиду выдающейся деятельности протоиерея Восторгова по должности епархиального наблюдателя, проявившейся в том, что за три года служения число школ в епархии удвоилось (с 160 до 300 с лишним), а средства школ увеличились более чем втрое, выразить протоиерею Иоанну Восторгову особую благодарность и вместе с тем ходатайствовать пред Его Высокопреосвященством, не в пример прочим и не в очередь, представить протоиерея Восторгова к почетной награде по усмотрению Его Высокопреосвященства»*.

Духовная жизнь отца Иоанна этого периода запечатлелась в его проповедях. Настроение его было бодрое, а сердце исполнено благодарения Богу. «Вот мы стоим сейчас на грани прошлого и настоящего, — говорил он на полунощном молебствии 1 января 1903 года в экзаршей церкви г. Тифлиса. — Что говорит нам прошлое, какие чувства оно подсказывает нам для молитвы? Мы живы, мы сохранены для земли, для работы, для покаяния, для спасения. О, благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его! В этот миг новогодней молитвы возблагодарим Отца Небесного, щедрого и милостивого, о всех, ихже ве мы и ихже не ве мы, о всех благодеяниях, бывших на нас: за свет дня, за покой ночи, за каждое биение сердца, за радость осмысленного труда, за уроки нужды и страданий,

* Послужной список.

за сладость молитвы, за отрадное и светлое чувство, за бодрость духа жизни, за то, что мы видежом свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную. Слава Богу за все!»*.

Устраивая новые школы, совершенствуя процесс обучения в прежде созданных, отец Иоанн в своей деятельности окружного наблюдателя руководствовался прежде всего духовно-воспитательными целями. Он не упускал ни единого случая принести им нравственную пользу своими наизданиями: «Милые дети! Счастливы вы, что введены во храм вашими родителями и воспитателями по образу Приснодевы. Ея именем и радостью нынешнего праздника мы просим вас и молим: останьтесь детьми пред Богом навеки! Сохраните детскую веру, детское послушание Церкви, детские чувства и детское умиление молитвы и, введенные во храм Господень, останьтесь в нем духом навсегда до последнего вздоха вашей жизни!»**

Среди множества трудов в должности руководителя церковно-школьного дела в Грузинском экзархате отец Иоанн находил силы и время участвовать в жизни общественных организаций. 18 декабря 1903 года он был избран членом Кавказского отдела Императорского общества. В этот же день он утверждается секретарем Тифлисского отдела Православного Императорского Палестинского общества. Кавказское окружное управление Красного Креста 25 января 1905 года утверждает его пожизненным членом общества и избирает членом Комитета Кавказского окружного управления Красного Креста. Отмечены наградой священноначалия и священнические труды отца Иоанна. Святейший Синод 6 мая 1904 года награждал его палицею.

Дважды обер-прокурор Святейшего Синода посылает его в ответственные командировки: 16 декабря 1904 года на Северный Кавказ (в Ставропольскую и Владикавказскую епархии) для обозрения инородческих церковно-приходских школ и для ознакомления с делами местных епархиальных училищных советов и 6 июля для выяснения нужд и положения Ардонской Духовной

* И. И. Восторгов, прот. Пред лицом прошлого и будущего. — ПСС. СПб, 1995. Т. 2. С. 196.

** И. И. Восторгов, прот. Пустите детей ко Христу. — ПСС. Т. 2. С. 167–168.

семинарии (г. Ардон сейчас находится в Северной Осетии. — *Ред.*). Отец Иоанн вновь безупречно выполнил порученные ему задания. По особому представлению Святейшего Синода от 27 августа 1905 года он «Всемиловитейше сопричислен за отлично-усердную и полезную службу к ордену Святой Анны 2-й степени»*.

За два дня до указа о награждении (25 августа) обер-прокурор Святейшего Синода направил его в очень продолжительную и крайне трудную поездку для знакомства с нуждами духовно-учебных заведений Иркутской, Забайкальской и Приамурской епархий. Девять лет спустя, готовя к печати второй том полного собрания сочинений, отец Иоанн писал: «Тревожные обстоятельства того времени и вообще крайне тяжелые условия этого обширного путешествия, во время которого пришлось много раз совершать богослужения и говорить поучения в различных городах и местах России, препятствовали печатанию проповедей, и поэтому они остаются в рукописях...»**

Особо значимым в жизни отца Иоанна был день 25 января 1906 года. Указом Святейшего Синода он назначается на должность проповедника-миссионера Московской епархии с правами противосектантского епархиального миссионера. Начинается последний — московский — период его жизни. Протоиерею Иоанну исполнилось 42 года. Яркие и многообразные дарования, соединившись с опытом жизни, созрели для новых выдающихся трудов. Богатые силы своей незаурядной личности он всегда отдавал на служение любимой им Церкви. «В Церкви — наше спасение; в Церкви — мир, радость, счастье и жизнь; без нее не стоит работать, не к чему стремиться, без нея — скажем дерзновенно — не стоит и жить, ибо бессмысленно жить. Итак, будем в послушании Церкви. Пусть послужит нам в этом руководством прекрасное слово древнего библейского мудреца: «Подставь послушанию плечо твое и, неся его, не тяготись узами его. Пути его будут тебе крепкою защитой, и цепи его славным одеянием» (см.: Сир. 6: 26, 30)»***.

* Послужной список.

** И. И. Восторгов, прот. Послесловие к 2 тому. — ПСС. Т. 2. С. 534.

*** И. И. Восторгов, прот. Церковь. — ПСС. Т. 2. С. 109–110.

Последние 12 лет жизни были отданы отцом Иоанном Восторговым святому делу миссионерского служения. Его кипучая энергия, блестящий дар слова, творческий ум и высокое чувство долга вполне соответствовали требованиям этого важнейшего общецерковного дела. Священномученик митрополит Московский Владимир, оценивший отца Иоанна еще в Тифлисе, будучи экзархом Грузии, возлагает на него ряд ответственных поручений. Он назначает его членом редакционной комиссии по изданию и распространению журнала «Московские церковные ведомости» (с 29 июня того же года — исполняющим обязанности редактора). 25 августа 1906 года высокопреосвященный Владимир как председатель Всероссийского миссионерского общества вводит отца Иоанна в качестве члена в состав совета общества. Трудился он и в миссионерском братстве Святого митрополита Петра, членом совета которого он был назначен еще 25 января 1906 года.

Святейший Синод также возлагает на отца Иоанна ряд ответственных поручений. С 1 июня 1906 года он — член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде. В сентябре 1906 г. он посетил Самарскую и Симбирскую епархии, знакомясь с состоянием там церковных школ. Обер-прокурором Святейшего Синода в августе 1907 года он был послан в Нижний Новгород для участия в работе миссионерского съезда. 22 августа 1907 года обер-прокурор Святейшего Синода посылает его в командировку для изучения состояния миссионерского дела и доклада в 24 епархиальных городах: Твери, Рязани, Тамбове, Воронеже, Ярославле, Вологде, Вятке, Калуге, Казани, Ставрополе, Харькове, Туле, Орле и др. 6 декабря 1906 года отец Иоанн был всемилостивейше пожалован митрою.

К этим годам относится сближение его и общение любви со святым праведным Иоанном Кронштадтским. В день памяти святителя Николая, 6 декабря 1907 года, отец Иоанн Восторгов в Кронштадтском Андреевском соборе произнес взволнованное слово о великом старце-молитвеннике: «Здесь, в этом святом храме, полвека трепетал самый воздух его от гласа молитв и воздыханий всероссийского пастыря и молитвенника... Он зажег священный огонь в тысячах душ, он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец, он возвратил Богу и в ограду Церкви тысячи погибших чад,

он увлек на служение пастырское столько выдающихся людей, которые именно в личности отца Иоанна успели увидеть, оценить и полюбить до самозабвения красоту священства...»* В день памяти **трех** вселенских святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого — 30 января 1909 года, отцом Иоанном Восторговым от всех московских патриотических союзов **была** возложена на гробницу святого праведного Иоанна Кронштадтского икона святителей Московских. Это был сороковой день кончины основателя Иоанновского монастыря, где теперь покоятся его **святые** мощи. Святой праведный Иоанн Кронштадтский высоко ценил **отца** Иоанна Восторгова. Известен отзыв о нем, записанный в дневнике его духовной дочери: «Похвалил священника Восторгова, сказав, что это дивный человек, обладающий необыкновенным красноречием, что это Златоуст, что он может великую пользу принести России»**.

18 января 1908 года отец Иоанн получил высочайшее поручение посетить переселенческие места в епархиях: Оренбургской, Омской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Якутской, Забайкальской, Владивостокской и Благовещенской. Целью поездки было изучение духовных нужд миллионов переселенцев.

В эту многомесячную поездку, требовавшую большого напряжения духовных и физических сил (значительная часть путешествия проходила Великим постом), он регулярно служил. Сохранились и опубликованы 12 его проповедей***. В 5-ю Неделю Великого поста во Владивостоке при служении архиепископа Владивостокского он произнес замечательные слова: «В сознании **обязанностей**, в долге повиновения нужно, наконец, видеть не **только** силу жизни, не **только** исполнение заповеди Христовой, но и высокое наслаждение правды, доступное **только** для людей, много и долго над собою поработавших»****. Сказанные слова приложимы и к отцу Иоанну

* И. И. Восторгов, прот. Кронштадтский светильник и газетные глени. — ПСС. СПб., 1995. Т. 3. С. 411–412.

** Духонина Е. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 304.

*** И. И. Восторгов, прот. ПСС. Т. 4. С. 514–596.

**** И. И. Восторгов, прот. Права и обязанности. — ПСС. Т. 4. С. 534.

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский*

Восторгову. Обозревая десятки поручений, данных ему священноначалием и высшей властью, многие из которых требовали многомесячных изнурительных путешествий, трудно сомневаться, что исполнение этих обязанностей сопровождалось особой радостью.

Отец Иоанн был одним из организаторов четвертого Миссионерского съезда, проходившего в Киеве с 12 по 26 июля 1908 года. Общим собранием съезда он был избран председателем отдела по организации мер борьбы с социализмом, атеизмом и противоцерковной литературой.

Он сделал доклад съезду* о нарастающей опасности сектантства. Все 15 предложенных им тезисов были приняты общим собранием членов съезда. Другой его доклад — «Проповедь социализма и успех ее среди учащейся молодежи, и главным образом среди рабочих». Он обобщил основные положения доклада в десяти тезисах, среди которых были следующие: христианство и социализм несовместимы; социализм по природе атеистичен, и стать на место христианства не может; так называемый «христианский социализм» ввиду бесспорно атеистического его происхождения невозможен и другие.

Отец Иоанн Восторгов с обостренным и тревожным вниманием следил за деятельностью социалистов в России и за успехами их пропаганды. Многочисленные его работы о социализме, составляющие целый том его собрания сочинений, показывают, насколько точным было его духовное видение сущности происходивших общественных процессов. Никто из церковных писателей того времени не посвятил столько усилий для раскрытия богоборческой природы социализма и коммунизма. «Обманные, пагубные речи и тайно и явно раздаются теперь всюду в России. Они заманивают в свои сети людей, часто искренних и хороших, но не понимающих того, как ими пользуются враги веры, Церкви и России. Таковы простые люди — крестьяне, рабочие, которым ложные учителя ложно обещают всякие блага; таковы часто люди молодые, неопытные, увлекающиеся, из образованных и полуобразованных, думающие, что они самоотверженно жертвуют собою для общего блага, а на самом деле служащие только общей смуте, беспорядку и гибели Родины**». Отец Иоанн указывает на богоборческую природу социализма, ибо он пытается приобрести все внешние черты религии и стать на место христианства. «Раз социализм отрицает Бога, душу, бессмертие, свободу духовную в человеке, постоянные правила нравственности, то он должен обратиться к единственному средству воздействия на человека —

* И. И. Восторгов, прот. Положительное церковное учительство. — ПСС. Т. 4. С. 423–443.

** И. И. Восторгов, прот. Берегись обманных речей. (Против социалистов всех партий). — ПСС. СПб. 1998. Т. 5. С. 11.

к насилию»*. Последующая история нашего Отечества это полностью подтвердила.

Столь трезвое и вдумчивое отношение ко всем проявлениям «освободительного движения», умение увидеть в них богоборческую природу и разрушительные цели (чаще всего прикрытые словами об общем благе) является главной причиной его участия в патриотических союзах. Человек не только мысли и слова, но и дела, отец Иоанн был убежден, что все, видящие в монархическом государстве защитника и охранителя Православия, должны соединиться. Отец Иоанн яснее других понимал, что с падением царской власти жестокие удары будут направлены против Святой Церкви. «Патриотические русские союзы, ставя Православие во главу угла своего политического исповедования, делают это не по «тактическим соображениям», а по глубокому убеждению в истине, спасительности и исключительной духовно-культурной силе религии»**.

Человек глубокой и непоколебимой веры, беспредельно преданный Церкви, покорявший силой своего необычайно сильного и яркого слова сердца и умы многих людей, отец Иоанн посвящал свое время общественно-монархической деятельности только **потому**, что видел в патриотических союзах средство охранения Церкви и святого Православия. «Народ русский есть народ православно-христианский, составляющий царство христианское, имеющее мировое призвание, указанное Промыслом, — призвание сохранить и распространить святую истину Православия; народ наш входит в Церковь, гибель его есть потрясение Церкви, следовательно, потрясение мира и человечества есть умаление истины... Служить в этом смысле народу — значит **служить Богу, Христу, Церкви, истине, Православию, спасению мира и человечества. Патриотизм и национализм тогда — не цель, а средство для высшей цели, для служения вечной истине...**»***.

* И. И. Восторгов, прот. Христианство и социализм. — ПСС. Т. 5. С. 113.

** И. И. Восторгов, прот. Патриотические союзы и их отношение к религии. — ПСС. Т. 3. С. 129.

*** И. И. Восторгов, прот. Патриотическое начинание (по поводу издания газеты «Патриот»). — ПСС. Т. 4. С. 506.

Горячая ревность отца Иоанна Восторгова о благе Святой Церкви, мужественная защита Православия от клеветы и нападок, искренняя любовь к царю и, несомненно, активное участие в патриотических организациях навлекали на него нападки тех, кто, напившись «прогрессивными» идеями, испытывал явную или скрытую вражду к Православию и вековым отечественным традициям. «Тяжкая тревога закрадывается в сердце при виде этой зияющей бездны ненависти, окружающей Церковь и истинно церковных людей, — писал отец Иоанн. — Мы видим опасность: все эти рассуждения, таящие ненависть к Церкви, однако прикрытые и замаскированные общелиберальными и прогрессивными фразами то о свободе, гуманности и прочих приманках современности, то о свободе и силе самой Церкви, делают свое пагубное дело»*.

Отец Иоанн, все свои колоссальные силы и время отдавший церковному делу, почти не участвовал в полемике. Отвечал он в исключительных случаях. Так, сугубая любовь к святому праведному Иоанну Кронштадтскому была причиной взволнованного и сильного слова в защиту общецерковного достояния — великого молитвенника: «Черные вóроны тучами собираются над Россией, и первое, что они силятся расклевать хищными клювами, — это святыни и святых, подорвать авторитет уважаемых лиц, подорвать благоговение религиозное, на котором построен всякий долг, всякий порядок, всякая жизнь, истинно достойная и истинно человеческая»**.

На выпады против себя отец Иоанн старался не отвечать. Лишь однажды, когда Н. Н. Дурново выпустил брошюру, в которой отца Иоанна Восторгова обвинял в блуде, покрывании убийства и разграблении казенных денег, он выступил с опровержением. Упомянутое сочинение и аналогичные публикации побуждают задуматься об умственном и душевном здоровье авторов. Нравственно и психологически трудно погружаться в эти материалы. Впрочем, в этом нет никакой необходимости, достаточно привести образчик. Так,

* И. И. Восторгов, прот. Новогодние думы (к 1 января 1912 г.). — ПСС. Т. 4. С. 612.

** И. И. Восторгов, прот. Кронштадтский светильник и газетные гиены. — ПСС. Т. 3. С. 413.

Дурново писал: «Русская революция выдвинула чуть не на высоту расстриг: архимандрита Михаила-Жидовина, попа Георгия Гапона, Огнева, Тихвинского, Бриллиантова, Григория Петрова и о. Иоанна Восторгова». В своем опровержении отец Иоанн писал: «Полагаю, для многих, и особенно для меня, совершенная новость, что я будто бы «расстрига». Кто, когда и за что снял с меня сан и расстриг — не знаю и не помню. Но я ведь состою на службе, совершаю богослужение, проповедую, имею должность при Святейшем Синоде, получаю различные поручения, и в формуляре у меня не значится, что я лишен сана»*.

Недоброжелатели подхватывали ложные печатные обвинения и распространяли их повсюду, несмотря на их фантастичность. В проповеди, произнесенной 24 августа 1908 года в родной станице Ново-Александровской, отец Иоанн говорил: «Вы знаете, что по рассказам ваших смутьянов, усердно распространяемых здесь, на моей родине, и я будто бы за что-то сослан в Сибирь, совершал преступления, убил жену, бежал даже в Америку. Все это клеветают за то одно, что я остался верен долгу и присяге, Богу, царю и Отечеству и, как ныне пред вами, везде, где Бог привел мне и учить, я обличал смутьянов, бунтовщиков и лжеучителей. Но вы видите — вот я пред вами, не сослан, не обвинен и не был никогда и никем обвиняем в преступлениях»**. С сожалением нужно признать, что и среди людей, находившихся в церковной оgrade, в том числе священников, были те, кто, поддавшись настроениям социально-общественного обновления или будучи теплохладными в вере, питали к отцу Иоанну неприязнь.

Он глубоко печалился об этом и утешался тем, что люди, которые его знали и были едины в общем деле служения Церкви, его горячо любили. Принимая в дар в августе 1912 года по завершении пастырско-миссионерских курсов Албазинскую икону Божией Матери, он сказал: «Святыня эта будет знаком нашего духовного с вами общения. Ведомо вам и то, что мне приходится идти часто над зияющей бездной ненависти человеческой. Страшно заглядывать

* И. И. Восторгов, прот. Клевета Н. Дурново. М., 1909. С. 11.

** И. И. Восторгов, прот. Просвещение народа. — ПСС. Т. 3. С. 642.

в нее, и нередко сердце сжимается от боли и естественных страхований. В эти минуты ваш святой дар будет у меня пред глазами укреплением и утешением. Он мне будет говорить о том, что на пути моем встречал я не одних врагов, но встречал и друзей, не одну ненависть, но и любовь...»*

Указом Святейшего Синода от 16 февраля 1908 года отец Иоанн Восторгов назначается членом Особого совещания при Святейшем Синоде о миссионерском деле для разработки мер к наилучшему устроению внутренней и внешней миссий и к оживлению их деятельности.

Он был представителем духовного ведомства в межведомственной Комиссии по организации празднования 25 ноября 1908 года 200-летия Полтавской битвы. Неделью спустя он командирован в города Тверь и Кашин, чтобы принять участие в заседаниях Комитета по восстановлению почитания святой благоверной княгини Анны Кашинской. Святейший Синод поручил отцу Иоанну к 200-летию Полтавской победы и к прославлению святой благоверной княгини Анны Кашинской написать специальные листки и брошюры. В это же время по заданию совета Православного Миссионерского общества им составлено и напечатано шесть поучений о миссионерском деле для рассылки по всем церквам империи.

1909 год прошел для отца Иоанна, как и предшествующий, в напряженнейших делах и многотрудных поездках. Священномученик митрополит Московский Владимир утверждает его 4 января в звании товарища председателя братства Воскресения Христова в Москве.

В конце января 1909 года государь Николай Александрович вновь поручает ему совершить поездку по восьми переселенческим епархиям (включая Владивостокскую) для определения порядка открытия новых приходов и школ, построения церквей и школьных зданий в переселенческих районах. Святейший Синод сделал эту поездку еще насыщеннее, поручив отцу Иоанну: 1) обозрение состояния дел Пекинской духовной миссии в Китае; 2) рассмотрение на месте вопроса о епархиальном управлении церквами Северной

* И. И. Восторгов, прот. Возвращение дара любви. — ПСС. Т. 4. С. 617—618.

Маньчжурии в связи с возникшими разногласиями между Пекинским и Владивостокским епархиальными начальствами; 3) обозрение духовных семинарий, духовных мужских и женских епархиальных училищ в восьми епархиях Зауралья. Кроме этого, совет Православного Миссионерского общества поручил ему ознакомиться с состоянием миссионерского дела в Японии и Корее с обозрением местных миссионерских учреждений.

В течение многих месяцев он совершил путешествие по обширным просторам Сибири, Китая, Кореи, Маньчжурии и Японии. Исполнение такого множества поручений было под силу лишь недюжинному по своим духовным и физическим силам человеку. Дневник этой поездки* свидетельствует о высоком чувстве долга и самоотрешенности ради блага Святой Церкви и своего Отечества: «Проехал Китай и Японию, посетил Сеул, Чемульно, а оттуда прорезал всю Корею к северу с большими неудобствами и лишениями через реку Ялу и горы Маньчжурии, мимо знаменитого Тюринчена. Посетил всюду могилы русских воинов, совершил везде панихиды»**.

Из наблюдений за жизнью переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке и понимания во всей остроте их духовных нужд отец Иоанн пришел к мысли создать в Москве пастырско-миссионерские курсы по подготовке священников и учителей для создаваемых в переселенческих районах приходов и школ. Он издал пособие «Народно-миссионерские и катехизаторские курсы» с подробными программами занятий, с указанием учебников и руководящими статьями по этому вопросу.

Московские курсы, проходившие с 15 октября 1909 по 15 февраля 1910 г., менее всего походили на просветительский лекторий. Они оживотворялись пастырской любовью и ревностью. Теоретические занятия соединялись с практическими: слушатели четыре раза в неделю посещали богослужения, произносили проповеди, вели в различных местах Москвы миссионерские беседы с сектантами и раскольниками, проводили совместные собрания с церковно-просветительскими обществами (Миссионерским обществом,

* И. И. Восторгов, прот. Из путешествия по Сибири. — ПСС. Т. 4. С. 450—470.

** Там же. С. 452.

Император Николай II и цесаревич Алексей.
1913 г.

Православным Палестинским обществом, Братством митрополита Петра и др.), совершали паломнические поездки в Свято-Троице-Сергиеву лавру, Ново-Иерусалимский монастырь и другие. Работа курсов была успешной: 105 слушателей было рукоположено для переселенческих приходов в Сибири и на Дальнем Востоке. «Этот человек незаурядного ума и огромной энергии, — писал протопресвитер Михаил Польский, — отлично справился с этой трудной задачей, избирая в священники способных псаломщиков и сельских учителей и подготавливая их на специальных семинарских курсах. Особенно поразительны были результаты обучения проповедничеству. В год по его методу ученики совершенно овладевали церковным ораторским искусством. Коллективно разработанные его учениками проповеди печатались и раздавались после произнесения их по

церквам»*. Сам отец Иоанн писал: «Я могу сказать собратьям-пастырям одно: попробуйте только раз завести народно-катехизаторские или народно-миссионерские курсы; возьмите хоть несколько человек для обучения, проведите через 4–6 месяцев правильного обучения: ручаюсь, что потом от этого святого дела и радостного труда сами уже не отойдете. Вы увидите преданных прихожан, отличных и осведомленных сотрудников по миссии, воистину чад духовных, любовью преданных Церкви и пастырю. Вкусите и видите; прииди и виждь — вот единственный путь к тому, чтоб убедиться в пользе курсов. Надо собирать чад Церкви, скреплять их, единить пасомых, вооружать духовным оружием, и тогда мы будем пастырями, а не требоисполнителями, не формальными лекторами-проповедниками с церковной кафедры, а будем стоять в центре живого дела, окруженные живыми людьми, близкими нам, верующими и ревностными, и тогда посрамится всякое сектантство. Тогда будет успешна борьба с тем, что, может быть, опаснее открытого сектантства: с сектантствующим настроением, с сомнениями и недоумениями, которые часто долго живут среди членов Церкви, постепенно охлаждая их преданность Православию»**.

На уровне приходов отец Иоанн широко создавал народно-миссионерские курсы. «Такие курсы теперь ведутся во многих местах Москвы... и имеют до 8 тысяч слушателей, которые объединяются ныне в “Братстве Воскресения”, имеют свою газету “Церковность”», — писал он***.

В 1910 году отец Иоанн предпринял еще одну поездку для изучения духовных нужд переселенцев. На этот раз он объехал Туркестан от персидской границы до северных пределов Сыр-Дарьинской области, посетил Семиреченскую и Семипалатинскую области.

Он участвует в работе Общесибирского миссионерского съезда, проходившего в Иркутске с 24 июля по 5 августа 1910 года. Общим

* М. Польский, протопресвитер. Новые мученики российские. М. Т. 2. Ч. 1. С. 189.

** И. И. Восторгов, прот. Из миссионерской практики в Москве. — ПСС. Т. 4. С. 651–652.

*** И. И. Восторгов, прот. Из миссионерской практики в Москве. — ПСС. Т. 4. С. 648.

собранием съезда он был избран товарищем председателя. К мысли о проведении такого съезда отец Иоанн пришел еще в 1908 году во время поездки по Сибири в качестве синодального проповедника-миссионера. Предложение это было поддержано Иркутским епархиальным начальством и одобрено Святейшим Синодом.

Отцу Иоанну было поручено сделать при открытии съезда доклад, в котором он сказал: «Собрались здесь миссионеры под небесным благодатным покровом у раки святого миссионера святителя Иннокентия, жизнь которого, от земных утеснений и скорбей до небесной славы, есть как бы символ пути всякого миссионерского делания... Здесь пройдут пред нами, как ободрение и живое поучение миссионерам, величавые образы двух современных апостолов: одного — архиепископа Николая, полстолетия подвизавшегося в Японии и создавшего там из ничего Церковь из язычников, его представитель здесь — Преосвященный Киотский Сергей; другой, среди нас находящийся апостол Алтая архиепископ Макарий. Каждый из них полстолетия горит на свещнице Церкви, каждый перейдет в историю, каждый примером своей жизни и деятельности показывает нам, как много может сделать ревность, молитва и благочестие в святом апостольском деле»*

По возвращении в Москву отец Иоанн участвует в организации Высших богословских женских курсов в Москве. Митрополит Владимир назначает его руководителем курсов (резолуция от 5 октября 1910 года). Через два дня высокопреосвященный Владимир возлагает на него еще одно поручение, назначив председателем совета по управлению Московским епархиальным домом.

С 15 ноября по 15 декабря 1910 года отец Иоанн руководит первыми Московскими епархиальными миссионерскими курсами. Работа прошла успешно. Владыка Владимир 30 декабря выразил отцу Иоанну особую благодарность.

В то время, когда в Москве проходили миссионерские курсы, Святейший Синод 22 ноября 1910 года принял указ о назначении отца Иоанна членом Московского Духовно-цензурного комитета.

* И. И. Восторгов, прот. Значение и задачи общемиссионерского сибирского съезда. — ПСС. Т. 4. С. 497.

Важную поездку совершил он в январе 1911 года с согласия великой княгини преподобномученицы Елизаветы Феодоровны и по благословению Святейшего Синода. Отец Иоанн посетил г. Рим и г. Бари, где приобрел земельный участок для строительства православного храма и странноприимного дома для паломников, приезжающих из России на поклонение святым мощам святителя и чудотворца Николая. В августе 1911 года с соизволения государя Николая Александровича он стал членом Барийского комитета по строительству в г. Бари храма и странноприимницы.

Определением Святейшего Синода он был направлен в Белгород для произнесения проповедей в дни праздничных торжеств в связи с открытием святых мощей святителя Иоасафа Белгородского (сентябрь 1911 г.).

В 1912 году протоиерей Иоанн организовал для Сибири и Дальнего Востока выездные пастырско-миссионерские курсы: в Тобольске (июль) и Хабаровске (август). По окончании этих курсов слушатели как в Тобольске, так и в Хабаровске вручили заведующему курсами благодарственные адреса. Участники миссионерских курсов Тобольской епархии говорили о давно назревшей потребности в них, но «встретились препятствия, которые едва не заставили отказаться от всякой мысли о миссионерских курсах в Тобольской епархии. Не было на месте человека, который принял бы на себя обязанности руководителя курсов; поиски его в других соседних епархиях также были безрезультатны в течение трех лет. Но после долгих и тщетных поисков Бог послал нам в лице Вашем, глубоко-чтимый отец протоиерей Иоанн Иоаннович, такого умелого, много-сведущего и опытного руководителя миссионерских курсов, на ка-кого мы не осмеливались рассчитывать... Думалось, что тяжелые труды по ведению пастырских и иных курсов в Москве зимою и другая разносторонняя и многосложная деятельность неблагоприятно могут отразиться на здоровье Вашем, что поездка Ваша на Дальний Восток, включая сюда Сахалин и Камчатку, может утомить Вас настолько, что Вы не найдете времени или откажетесь от намерения руководить курсами в Тобольске. Но, слава Богу, все наши страхи и опасения не оправдались. В памятный для нас день — 15 июля — Вы стали своею миссионерскою дружиною во главе наших миссио-

нерских курсов... с начала и до последнего часа Ваших занятий курсисты с неослабевающим интересом слушали полные захватывающего интереса, глубокосодержательные и прекрасно изложенные лекции, или вернее — беседы Ваши»*.

Этот ценный для жизнеописания протоиерея Иоанна документ подписан преосвященным Алексием, епископом Тобольским и Сибирским, священниками, дьяконами и псаломщиками, участвовавшими в работе курсов.

В Хабаровске не менее высоко оценен был подвижнический труд отца Иоанна и его сотрудников. О колоссальном труде, который был совершен ими, говорят цифры: занятия начинались в 9 часов утра и продолжались до 10 часов вечера. На обоих курсах было прочитано 140 лекций.

Священнослужители Хабаровской епархии так же, как и в Тобольске, вручили отцу Иоанну адрес: «Духовенство обеих епархий давно уже сознавало необходимость миссионерских курсов. Но не было у нас ни средств, ни лиц, способных вести это дело. И вот Вы, отец протоиерей, первый сердцем отозвались на нашу острую нужду, у Вас первого загорелась мысль о курсах для нашей дальневосточной окраины, Вы же взяли на себя труд ходатайства пред Святейшим Синодом о разрешении их и об отпуске необходимых средств, Вы же приняли на себя и главную работу на курсах. И вот, считая себя всем обязанными Вам, мы счастливы принести Вам свою глубокую, искреннюю, сердечную благодарность за все, благодарим за неусыпные труды и заботы как по ведению курсовых занятий, так и по самому их направлению, выразившиеся в стремлении пробудить нас от губельного сна, ободрить и вдохновить нас на дело, к которому и призваны, и разрозненных, рассыпанных — собрать воедино»**.

25 ноября 1912 года митрополитом Московским стал высокопреосвященный Макарий (Невский). Он, как и его предшественник по кафедре, оценил деятельность отца Иоанна и опирался на него

* Адрес, подписанный слушателями миссионерских курсов в городе Тобольске. См.: И. И. Восторгов, прот. ПСС. Т. 4. С. 621–622.

** И. И. Восторгов, прот. ПСС. Т. 4. С. 619.

как на одного из ближайших своих помощников, прежде всего в делах миссионерских.

В 1913 году протоиерей Иоанн Восторгов был поставлен настоятелем Покровского собора на рву (собора Василия Блаженного). До этого он был причисленным к церкви Семи Вселенских Соборов, что при Святейшем Синоде (с 25 августа 1911 года). Для отца Иоанна это было очень значимым событием. Он, несомненно, имел особое призвание к священству: человек глубокой церковности, обладавший огромными пастырско-педагогическими дарованиями, выдающийся проповедник, неутомимо-ревностный в служении и послушаниях христиан. Лишь один год приходского служения молодого батюшки в с. Кирпильское принесло замечательные плоды. Хотя большая часть его жизни была посвящена исполнению важнейших общецерковных послушаний, священство свое он всегда считал самым драгоценным достоянием. В слове на праздник Сретения Господня (2 февраля 1901 года) в церкви Тифлисской Духовной семинарии он сказал: «Священство, подобно царству и пророчеству, не есть сословие, оно выше этого обычного деления общественной жизни. Если же мы, носители священства, говорим о нем, как о духовном первородстве, то, как видите, говорим с чувством трепетного смирения и сознания своего недостойнства... И доньше, и до конца времен, и на вечные веки священство во Христовой Церкви имеет значение, подобное первородству Иакова: оно есть первенец духовный, оно есть залог жизни духа, оно есть семя мира; оно есть жертва Богу всенародная, всемирная»*.

Свое священство отец Иоанн принял как великую милость Божию к себе и стремился до последнего дня своей земной жизни быть верным и достойным этого дара. Принимая 21 мая 1900 года от своих чад наперсный крест, он сказал: «Вы подчеркиваете мою любовь к долгу моего звания. И в эти минуты и пред этим крестом не могу я отречься от того, что действительно люблю его больше жизни»**.

* И. И. Восторгов, прот. Священство — первородство духовное. — ПСС. Т. 2. С. 10–11.

** И. И. Восторгов, прот. Крест наперсный. — ПСС. Т. 1. С. 334.

Протоиерей Иоанн совершал священнодействия благолепно и благочинно. «Ваше благоговейное совершение богослужения, — говорится в письме к нему, подписанном епископом Тобольским Алексием и священниками, — отчетливое и выразительное произношение возгласов и такое же чтение молитвословий, ваша красноречивая, сердечная и одушевленная проповедь, всегда на злободневные вопросы данного момента, никогда не изгладятся из нашей памяти и будут служить для нас образцом, как следует совершать богослужение, чтоб оно производило благотворное действие на молящихся, и как назидать свою паству живым словом»*.

Протоиерей Иоанн обладал высоким даром проповедника. Его исключительная сила поучения и назидания заключалась и в кристальной ясности творческой мысли, и в красоте выразительного слога, и в удивительной цельности его духовно-нравственного облика, насквозь пронизанного духом церковности, и конечно, в чуткости и отзывчивости ко всем нуждам современной ему жизни. Все его слова, беседы, поучения и статьи исполнены желания на все жизненные вопросы пролить свет высшей евангельской правды. Проповеди его производили на современников сильное и благодатное воздействие. «Трогательное, доходящее по местам до художественного воодушевления слово посвятил протоиерей Восторгов памяти в Бозе почившаго святителя Николая, воистину апостола Японской страны, — писал архиепископ Никон (Рождественский). — Немногими, но сильными чертами он сумел изобразить во весь рост этого великого человека нашего времени, при воспоминании о котором считаешь себя счастливым, что ты — ему современник, что ты имел счастье знать его лично, переписываться с ним, что ты — православный христианин, ибо в этом Божием человеке так непререкаемо ясно проявила себя сила Божией благодати, обитающей именно в нашей Православной Церкви»**.

* Адрес, поднесенный слушателями миссионерских курсов в городе Тобольске. См.: И. И. Восторгов, прот. ПСС. Т. 4. С. 622–623.

** Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 3, Сергиев Посад, 1915. С. 35.

Все, что причастно к истине, не умирает и даже не стареет. В многочисленных проповедях отца Иоанна Восторгова все православные люди, священники и миряне, ищущие совета и руководства во всех областях жизни, имеют источник разрешения многих вопросов.

В начале 1915 года умерла жена протоиерея Иоанна — Елена Евпловна (урожденная Маковкина). Сколь велико было его переживание — известно из письма отца Иоанна к митрополиту Макарию: «Возлюбленный и незабвенный Владыко, отец мой и архипастырь! От всей души благодарю Вас за слово участия и соболезнование моему горю. Тяжело оно, несказанно тяжело, но да будет и совершится воля Божия. Теперь уже нет у меня ничего на земле, в смысле земных плотских привязанностей: пусть безраздельная любовь к Святой Церкви и служение ей совершенно заполнит мою жизнь»*.

Митрополит Макарий, ценивший протоиерея Иоанна Восторгова как выдающегося церковного деятеля, специальным представлением от 22 апреля 1916 года предложил Святейшему Синоду возвести отца Иоанна по принятии монашества в сан епископа, викария Московской епархии с целью объединения в митрополии всего миссионерского дела. Владыка Макарий закончил представление надеждой найти в лице Иоанна Восторгова умелого и верного пособника во всяком добром и церковном деле, особенно в деле миссии и организации приходской жизни**.

Предложение это вызвало новую активность клеветнических выступлений против отца Иоанна. В связи с промедлением Святейшего Синода в решении вопроса о епископстве отца Иоанна владыка Макарий 23 мая направил дополнительное представление. Касаясь публикаций против отца Иоанна, он писал: «Заметки и статьи не сообщают ровно ничего нового и повторяют старые клеветы на протоиерея Восторгова, давно и документально опровергнутые, пишутся его недоброжелателями — личными завистниками, охотно печатаются на страницах противоправительственных и противоправительственных газет, очевидно потому, что в протоиерее И. Восторгове

* ЦА ФСБ РФ. След. дело Н-21. Т. 6. Л. 46–46 об.

** РГИА. Фонд 796. Опись 202. Дело 418. Л. 10а.

Митрополит Московский Макарий
(Невский-Парвицкий)

они справедливо опасаются найти сильного и опасного для них борца за Святую Церковь и за государственный порядок, чем он доселе и отличается. Для доказательства неправды всех наветов прилагая несколько экземпляров его брошюры, составленной в ответ на обвинения некоего Н. Дурново, давнего и известного хулителя почти всех русских архиереев и церковных деятелей»*. В представлении

* РГИА. Фонд 796. Опись 202. Дело 418. Л. 12 об.

митрополита Макария приводятся факты, характеризующие отца Иоанна как настоятеля Покровского собора и священника-проповедника: «В соборе Святого Василия Блаженного, где настоятельством отец Восторгов и где прежде не было богомольцев, в настоящее время, благодаря его служению и постоянной миссионерской проповеди, такое множество богомольцев и такое религиозное усердие, что собор сей по количеству продаваемых церковных свечей занял в настоящее время одно из первых мест в епархии — 615 пудов в год». Он был избран закрытым голосованием председателем Московского столичного Совета благочинных. «Он постоянно получает приглашения служить и проповедовать в самые многолюдные церкви столицы и епархии, причем его служения всегда привлекают особый прилив богомольцев... Все это говорит за то, что в сане епископа деятельность его будет еще плодотворнее»*.

Первые вести из Петрограда о начале событий, закончившихся февральским переворотом, отец Иоанн воспринял крайне тревожно: «Неужели «времена исполнились»? Чудилось мне, что Москва не спит, а чувствует день расплаты за грехи свои и грехи отцов... Что камень уже сорвался с горы, и только Творец один может сдержать падение его на виновные и невинные головы...»**

В то время протоиерею Иоанну было 50 лет. Несмотря на огромные труды, совершенные им на ниве священства, духовного просвещения и миссионерства, дух его был исполнен свежих и бодрых сил. Его жизненное настроение не изменилось со дня, когда в храме Троицкого подворья в Санкт-Петербурге он сказал: «В общей борьбе добра и зла, непрерывно совершающейся в мире, бывают особые времена и сроки, когда такая борьба наиболее усиливается и обостряется, когда мы наблюдаем как бы некоторые особо напряженные духовные битвы, необыкновенно ожесточенные духовные сражения... И если борцам за правое дело — за Бога и Его закон, за религиозно-нравственные устои и основы жизни — сынам воинствующей на земле Православной Христовой Церкви

* РГИА. Фонд 796. Опись 202. Дело 418. Л. 12 об., 13.

** Шествие. Воспоминания протоиерея Иоанна Восторгова о начале февральской революции 1917 г. в Москве — «Русский вестник», 1993, № 34–35. С. 6.

нужен теперь ободряющий призыв, поднимающий дух, то мы можем найти его именно в словах нынешнего Евангелия: не бойся, только веруй! (см.: Лк. 8, 50). О, не бойся, не бойся, верный! Брось малодушие и страх пред врагами истины, взявшими засилье только потому, что кругом их не видится отпора, нет смелого сопротивления... Наше дело — бороться со злом в окрылении веры и любви; наше дело — творить свой долг. А победу даст Сам Господь. Таково Его обетование: Его сила в нашей немощи совершается (см.: 2 Кор. 12, 9). *Не бойся, малое стадо! ибо Отец благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32). Аминь*.

Отношение его к новой власти — Временному правительству — определялось позицией, занятой Святейшим Синодом, признавшим ее законной. Но в сознании он оставался преданным монархии, как соответствующей христианскому общественному идеалу. С этим соединялась его личная любовь и признание последнего государя как помазанника Божия и подвижника благочестия. Это вызвало недовольство людей, питавших социальные иллюзии в отношении новой власти, возникшей после Февральского переворота. Это недовольство прозвучало и на собрании московского духовенства и мирян 27 марта (по ст. ст.) 1917 года: «Среди других сравнительно мелких вопросов, решенных на этом же общем собрании духовенства и мирян, обращает на себя внимание следующий. В маленьком журнальчике «Церковность», издававшемся для народа и солдат протоиереем Восторговым, в номере от 25–26 марта с. г., между прочим, был напечатан призыв к верности «помазаннику Божию», т. е. бывшему царю. Выслушав сделанные от сего печальные последствия, общее собрание вынесло такую резолюцию: «...общее собрание Союза объединенного духовенства и мирян относится с порицанием к отцу Восторгову, который публично дает подписку на верность Временному правительству, а сам агитирует в народе против него, и высказывает пожелание, чтобы отец Восторгов был удален совсем из клира Московской Церкви как элемент в ней пришлый и совсем нежелательный». 13 мая протоиерей Иоанн был уволен от должности наблюдателя церковных

* И. И. Восторгов, прот. «Не бойся!». — ПСС. Т. 3. С. 738.

школ Поволжских и Приуральских епархий и лишен звания и должности синодального миссионера-проповедника. В рапорте Святейшему Патриарху Тихону от 15 марта 1918 года он писал: «Я уволен не за служебные, судом и следствием доказанные преступления или неисправности, а по каким-то другим, службы не касающимся соображениям»*. Далее протоиерей Иоанн продолжает: «Лично для меня желательнее сохранить помянутые должности без всякого содержания, сохранив за собою только звания, причем если Вашему Святейшеству и Священному Синоду угодно будет оказать мне эту милость и правду, то я совершенно бесплатно, по-прежнему охотно и беспрекословно буду исполнять всякие возлагаемые по сим званиям поручения, каковые будут соответствовать и той службе, которую я и доныне несу по совету Православного Миссионерского общества по внешней миссии, немыслимой без школ и без объединяющей деятельности синодального миссионера. При сем присовокупляю, что должности сии не закрыты и никем не замещены»**. Протоиерей Иоанн продолжал оставаться секретарем Православного Миссионерского общества.

Все свои силы и время протоиерей Иоанн отдает делу священства, руководит жизнью Покровского собора, проповедует. Часть его слов и поучений публикуется в издаваемой им газете «Церковность». Отец Иоанн бесстрашно говорит о тяжелых днях гонения на веру и Церковь***. Сильное впечатление производит его проповедь 9 мая 1918 года «Чудо и вера» — по случаю крестного хода к чудотворной иконе святителя Николая на Никольских воротах Московского Кремля. Проповедник рассказывает о недавнем чуде, которое произошло на глазах у многих людей. Революционные власти завесили огромными кумачовыми полотнами Спасские ворота, закрыв икону Спасителя, и Никольские ворота, на которых было изображение святителя Николая. Кумачовая завеса сама собой упала со Спасских ворот; люди, вышедшие после всенощной из храма, увидели ее лежащей на земле, а лампада на Спасской башне

* Богословский сборник. Вып. VI. М., издательство ПСТБИ. 2000. С. 284.

** Там же. С. 285–286.

*** Врачевство от духовного расслабления. — «Церковность», 8–15 апреля 1918 г.

ярко горела перед образом Спасителя. На Никольских воротах полотнище также само разодралось крестообразно перед иконою, потом стало быстро истлевать, распалось на части и развеялось ветром по площади.

31 мая 1918 года протоиерей Иоанн Восторгов был арестован на своей квартире. Перед богоборческой властью стояла цель, которую она стремилась достичь любыми средствами, — уничтожить неутомимого миссионера, талантливое обличителя всех лжеучений (включая и социализм), преданнейшего служителя Церкви. С этой целью сотрудниками ЧК было сфабриковано «дело». Это очевидно из следственных материалов. В апреле 1918 года к протоиерею Иоанну, как секретарю Православного Миссионерского общества, явился человек, назвавшийся петроградским купцом 1-й гильдии П. Я. Погаревым. Он предложил заключить сделку на покупку им здания общества, которое предполагалось продать еще в 1916 году. За покупаемый им дом Погарев предлагал сумму в 1 млн. 600 тыс. рублей и взятку секретарю общества. Отец Иоанн был арестован по обвинению в совершении в своекорыстных целях, в обход декрета от 23 января об отделении Церкви от государства, незаконной сделки по продаже дома, ранее принадлежавшего Православному Миссионерскому обществу. Знакомство со следственным делом протоиерея Иоанна Восторгова убеждает, что он полностью понимал и цели чекистов в отношении к нему, и средства, какими они действовали. В своих показаниях он полностью опроверг выдвинутое против него обвинение: «На предложение Погарева относительно продажи дома я ответил, что как рядовой член совета, могу принять от него только заявление для передачи на заседание совета. Его намеки на получение личного вознаграждения я в мягких формах отклонил» (протокол допроса протоиерея Иоанна Иоанновича Восторгова, следственное дело).

Оправдательные показания отца Иоанна были документально подтверждены в удостоверении, выданном председателем Православного Миссионерского общества Святейшим Патриархом Тихоном 10/23 июля 1918 года. В нем было указано, что Восторгов «по должности секретаря принимал все заявления, просьбы, между прочим, и по продаже и покупке принадлежащего обществу

*Чудотворная икона святителя Николая
с Никольских ворот Московского Кремля,
расстрелянная большевиками*

в Москве дома. Все такого рода дела обсуждались в совете общества, проводились по журналам за общей, всех членов, подписью. Продажа дома советом не могла быть совершена без Святейшего Синода. В числе семи соискателей принято было протоиереем Восторговым заявление о покупке дома некоего Погарева, представлено в совет, советом же передано в Святейший Синод, и Святейший Синод отверг самую возможность продажи дома на

заседании 18 мая (по ст. ст.), за 6 часов до ареста протоиерея И. Восторгова. О всех случаях предлагаемых отцу Восторгову комиссионных вознаграждениях, иногда очень крупных, отец Восторгов всегда докладывал председателю совета, и таковые предложения всегда отвергались... Заявление Погарева о покупке дома было написано на имя совета Миссионерского общества и после доклада Святейшему Синоду было отвергнуто».

Получив от Петроградской купеческой управы удостоверение, что за последние 10 лет среди петроградских купцов Погарев не **значится**, и сопоставив всю совокупность фактов, отец Иоанн пришел к выводу, что Погарев является сотрудником ЧК. Отец **Иоанн** писал: «Он вошел в сношение со мною с совершенно определенной целью, во-первых, создать обвинение против патриарха в спекуляции или получении денег на нужды Церкви каким-то незаконным путем, уличив его и вместе в контрреволюционности, во-вторых, искусно обманув меня... втянуть меня путем **крупной** взятки в 300 тыс. рублей в спекулятивную сделку, этим потом **опозорить** меня в глазах общества, одновременно же войти ко **мне** в доверие и выявить политические секреты в области активного **участия** моего в контрреволюции» («Прошение в следственную комиссию Верховного революционного трибунала заключенного в Бутырской тюрьме протоиерея Иоанна Восторгова»). Из следственного дела нетрудно убедиться, что смертный приговор был предreshен заранее.

4 сентября 1918 года следственная комиссия Революционного трибунала при ВЦИК приговорила протоиерея Иоанна к **расстрелу**. На следующее утро (5 сентября) он вместе с епископом Ефремом (Кузнецовым) и несколькими государственными деятелями был привезен на братское кладбище на Ходынском поле. Умер отец Иоанн, как и жил: непоколебимым в вере мужественным исповедником. Он удостоился смерти христианского мученика. До нас дошла запись рассказа очевидца — заключенного, имевшего обязанность копать могильные рвы и засыпать расстрелянных: «По просьбе отца Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени и полилась горячая молитва «смертников», после чего все подходили под

благословение преосвященного Ефрема и отца Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю искупительную жертву. «Я готов», — заключил он, обращаясь к конвою. Все встали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу*.

К самому протоиерею Иоанну Восторгову можно применить слова, сказанные им на Священном Соборе о священномученике, убиенном митрополите Киевском Владимире: «И мученическая смерть старца-митрополита, человека чистого и цельного — **ими** же Бог весть судьбами, верим — внесет много в то начинающееся движение покаяния, отрезвления, которое мы все предчувствуем сердцем, которое мы призываем и которое одно принесет спасение нашему гибнущему в кровавой и безверной смуте народу»**. За десять лет до принятия мученического венца в проповеди, произнесенной в праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя, он сказал: «И если и нам самим за слово истины, за крепкое стояние в исполнении долга, за верность Богу, царю и Родине судит Господь принять клеветы, гонения, позор, преследования и даже смерть, то да сподобит и нас Господь части верных Его свидетелей в молитве Церкви и во Царствии Христовом»***.

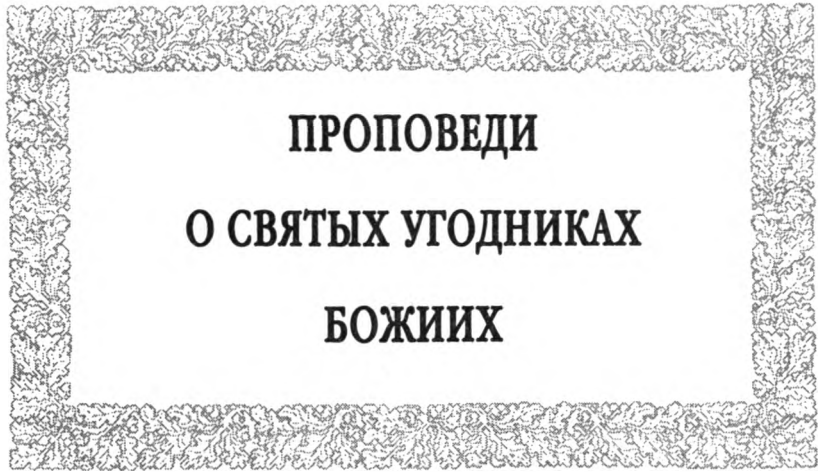
* М. Польский, протопресвитер. Новые мученики Российские. М. Т. 1. С. 191.

** Прибавление к «Церковным ведомостям», 1918, № 9–10. С. 354.

*** И. И. Восторгов, прот. ПСС. СПб. 1995, Т. 3, Т. 650.

ЛИК СВЯТЫХ

ПРОПОВЕДИ О СВЯТЫХ УГОДНИКАХ БОЖИИХ

ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН БЫТЬ СВЯТЫМ

Поучение в Неделю Всех святых, 1-ю по Пятидесятнице¹

Сия бо есть воля Божия святость ваша.

1 Фес. 4, 3

Древнее сказание передает нам из жизни благочестивых христиан такой случай. К одному святому старцу, жившему и подвизавшемуся в пустыне, стекался народ из окружающих и дальних поселений. Всякий приходящий предлагал старцу тот или другой вопрос по поводу своих душевных тревог или жизненных затруднений. И каждому, и всем давал святой старец благодатные советы, уроки и наставления, всех поучал охотно. Только один юноша вел себя не как другие. Почти каждый день приходил он к старцу, сидел у его ног, внимательно слушал все, что говорилось, но сам никогда и ни о чем не спрашивал старца. Наконец святой старец обратил внимание на юного и на его необычайное поведение. Он спросил юношу-посетителя: «Скажи, отчего ты все молчишь? Разве у тебя нет ничего, о чем бы тебе хотелось спросить у меня?» – «Отче, — ответил юноша, — для меня довольно и того, чтобы всегда смотреть на тебя!»

Братие! Святая Церковь поставляет нас в положение этого юноши, когда вспоминает того или другого святого, когда поставляет пред нами его жизнь, его духовный образ, когда изображает его на

иконе или картине, когда восхваляет его богослужебными песнями, когда дает нам имя того или другого святого. Сегодня же Святая Церковь представляет нам всех святых, в честь которых и посвящено первое воскресение после Пятидесятницы. Смотрите на это величественное собрание святых! Смотрите на древних патриархов, пророков, царей и праведников, смотрите на апостолов, подвижников, мучеников, преподобных, возсиявших в Новом Завете, из всех стран и народов, из всех возрастов, полов, званий и состояний. Какое великое множество и какое училище благочестия!

Человек так устроен, что во всех случаях жизни нуждается в образцах и назидających примерах. Средством к приобретению им познаний и умений в огромном большинстве случаев служит подражание. И вот в этом великом собрании святых каждый, сообразно своему положению, найдет себе то в одном, то в другом святом образец для подражания. Так, даже о величайшем подвижнике древности — об Антонии Великом² — нам известно, что он старательно изучал жизнь святых, и у одного учился кротости, у другого — молитве, у иного — трудолюбию, у иного же, наконец, — молчанию и терпению и т. д.

Но скажут: да разве всем нам нужно и можно быть святыми?

Братие возлюбленные, помните, что именно так и нужно, и можно нам быть святыми! Если же будем думать иначе, если святость для нас необязательна, то суетна вера наша и напрасны наши упования. Ибо для чего же и для кого тогда Христос Спаситель сходил на землю, учил воле Божией, оставил нам в Себе Самом образ жизни святейшей, да последуем стопам Его, для чего Он искупил грешных Своею кровию?

Для чего и для кого тогда на земле учреждена Христом Господом Церковь? Ее Он соделал святою, и таковою она пребывает, в ней именно грешные получают освящение, т. е. святость, чрез нее спасаются и входят в вечную славу Божию, куда не может войти ничто нечистое. Или напрасна была молитва Спасителя в тяжчайший час Его жизни, пред муками Гефсимании и Голгофы, молитва к Отцу о верующих: *Святи их во истину Твою <...> за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи во истину* (Ин. 17: 17, 19). Или напрасно писал апостол: *Будьте подражателями мне, как я*

Христу (1 Кор. 11, 1)? Или не обязательно для нас его наставление: *поступать достойно звания, в которое вы призваны* (Еф. 4, 1)? Или напрасно слово его ко всем христианам: *воля Божия о вас есть святость ваша* (1 Фес. 4, 3)? Читайте Деяния апостольские, читайте Послания апостолов — и вы найдете и увидите, что там везде верующие так прямо и называются не христианами, а именно святыми (см.: Деян. 9, 32; 1 Кор. 16, 1).

И мы должны быть святыми. Но не только должны, мы можем быть святыми. За то порукою Сам Господь: Он, милосердый, не положил бы на нас бремени, которого мы понести не можем. За то порукою Церковь Его, которая на земле продолжает дело Христово, дает верующим благодать Духа Святого ради искупления Иисуса Христа.

Припомните прошлый праздник Пятидесятницы, припомните обильное излияние Духа Святого на верующих и припомните, что тогда говорилось вам с этого святого места. Говорилось о необходимости принадлежать Церкви Христовой. Но принадлежность сказывается не одною верою, не одним исповеданием ее устами, но и исповеданием жизни святой и богоугодной. В противном случае мы — лицемеры.

Покажи мне веру твою без дел твоих, — говорит апостол и добавляет: *вера без дел мертва* (Иак. 2: 18, 20), как мертво тело без духа.

А святые — нам судьи, как и слово Божие говорит: *разве не знаете, что святые будут судить мир?* (1 Кор. 6, 2). Почему же они нам судьи? Понятно и ясно это. Ведь они так же, как и мы, жили в мире, имели плоть и кровь, имели нужды и заботы, имели врагов и друзей, испытывали соблазны, искушения, падения, несчастья. Они не отличались от нас по человеческой природе. Даже нужно сказать больше: многие из них так были искушаемы, как никто из нас. Кто из нас страдал, как мученики? Кто распят, как апостолы Петр и Андрей? Кто сжигаем был на огне? Кого раздирали колеса, у кого сдирали кожу, кого бросали зверям на растерзание?

Но и святые спасались не одною своею силою, они спасались тою силою, какая дана и каждому из нас, — это сила Божия, сила благодати Христовой. *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Фил. 4, 13) — вот что, словами апостола, может сказать о себе

всякий верующий, если только он действительно, а не на словах только верующий. И история блистательно подтвердила это. До Христа как мало было святых! В язычестве совсем не было людей добродетельных в полном смысле этого слова, а среди избранного народа если и были немногие праведники, то они спасались только верою в Того же Иисуса, только грядущего, еще не пришедшего. Но вот пришел давно желанный всеми народами Христос Избавитель. И что же видим?

Вспомните, как после тяжелой и унылой зимы начинается весна: еще стоит часто ненастье, но солнце уже начинает греть больше, земля, однако, еще пустынна и безжизненна, деревья голы, поля неприветливы. Но прошел весенний дождь, пронеслась гроза, засияло солнце — и вдруг обновилось лицо земли! Неделя, другая, третья — и все зелено, все цветет, жизнь торжествует в природе. Эта дивная картина природы особенно поразительна в странах южных, где голая, безотрадная степь-пустыня после первого весеннего тепла и дождя как-то изумительно быстро, в несколько дней, преобразуется в цветущий, благоухающий рай.

Это образ великого переворота в духовной жизни людей под действием благодати Духа Святого, обитающего в Церкви Христовой. До христианства темно, безотрадно и пустынно было в жизни людей; один грех царствовал в мире, одно зло торжествовало в жизни людей. Но вот пришел Христос Спаситель, основал Свою христианскую и святую Церковь — и процвела пустыня, как дивный сад, процвела языческая, прежде неплодящая Церковь пришествием Господним: процвела великим множеством святых; как звезды яркие путеводные, они украшают наше духовное небо. Братья! Взирая на звезды эти, будем возгораться их светом, будем помнить наше единственное назначение здесь, на земле: сия есть воля Божия о вас — святость ваша! Аминь.

СУД СВЯТЫХ

Слово в Неделю Всех святых*

В церковной богослужебной книге относительно нынешнего воскресного дня говорится: «Ведомо буди, яко вся ныне празднуем, елика благодатно освяти Дух Святой, — высочайшие и освячительные умы; праотцы и патриархи, пророки и священные апостолы, мученики и священноначальники, священномученики и преподобномученики, преподобныя и праведныя и вся святых жен ликования и иныя вся безименныя святые, с ними же да будут и хотящии быти. Прежде же всех, и во всех и со всеми Святых Святую Владычицу Богородицу» (см. Синаксарий³ праздника).

Итак, первый воскресный день после праздника Пятидесятницы, как завершение многих великих и святых воспоминаний, Святая Церковь посвящает прославлению всех святых. Богослужебная книга, из которой взяты приведенные сейчас слова, поставляет это воспоминание в связь с празднованием в честь Святого Духа. В ней выражается мысль о том, что, вспоминая всех, елика благодатно освяти Дух Святой, мы не в силах назвать их поименно: так они многочисленны, так много их жило в простоте, смирении и безвестности на севере и юге, на востоке и западе и во всей вселенной.

Святые эти — достойный плод освящения и Духа Святого. Они — вечная похвала Церкви, ее слава, чистая, святая и достойная. Они — свидетельство и доказательство могучего, чудесного действия Церкви Божией в мире после того, как она приняла дары искупления и освящения. Поистине, если Дух Святой вещественным образом, т. е. в виде огненных языков, сошел с неба на землю, то через Него, наоборот, вещество и земля, т. е. люди плотские, восходят и возвышаются от земли на небо: «Восходит к горним персть, естеством долу предложна сущи» (из Синаксария).

И смотрите, поучаясь, как это освящение мира Христовою верою приметно и действительно в жизни и истории! И до Христа люди

* Сказано в Петрограде, в церкви подворья митрополита Московского.

жили, искали истины, искали нравственности и духовных основ, мучительно старались разобраться между добром и злом, тяготились сознанием греха, стремились к Богу и святости. Много ли было, однако, святых и чистых? Их не было. Самые лучшие люди древности, прославленные и превознесенные за добродетели в Греции, в Риме, даже среди народа избранного, имели крупные недостатки. «Блестящие пороки» — вот как называет один из учителей Церкви самые их добродетели. Но и такие люди были очень редки: зло и греховность господствовали в мире. Перед пришествием Христа зло так наполнило мир, что гибель мира была неизбежна. Но вот появилось христианство — и откуда только явилась в людях сила духа, сила жизни, святости и благочестия! Апостолы, мученики, подвижники, проповедники, святые во всех возрастах, званиях и состояниях, во всех народах, во всех концах земли. Каждый народ, каждая страна, каждый город хвалится своими великими святыми. Исполняется воочию то, что поется в церковной песни: «Прощесть пустыня, яко крин (лилия. — *Ред.*), Господи, языческая неплодющая церковь пришествием Твоим...»

Вспоминая и прославляя всех святых, с грустью, однако, видим, что их земная жизнь была исполнена страданий, унижений и бедствий, она не соответствовала их значению для людей, их высокому достоинству. «В багрянице крови, в червленице твердого страдания, истерзанные и окровавленные, по всей земли мучившиеся терпеливо и доблестно, как бы в чужих телах страдавшие, подражатели Христа Первомученика, огнем искупившиеся искушения» — вот как представляются они в церковных песнопениях (см.: канон).

А между тем мы слышали от апостола сегодня, что святые верою победили царствия, содеяли правду, получили обетования. И Церковь для их прославления как бы не находит слов, богослужebные песни и молитвы достигают высшей силы вдохновения в желании изобразить их заслуги и воздать им хвалу и в желании нас подвигнуть к подражанию их жизни. Они — «Церковь обнебесили, они небо церковное уяснили своими дарованиями, они благородством души очистились, венцы получили, наследниками Царствия оказались, мзду трудов прияли», души их — в руке

Божией, и уж не прикоснется их мука; в очах безумцев они умерли, и исход их вменен был как бесчестие, на самом же деле они вечно живут теперь в славе и в мире, а упование их бессмертия исполнено. Как золото в горниле Бог искусил их, как всеплодие жертвенное приял их. Во время посещения Его и суда они возсияют; как искры по стеблию, будут пылать и сверкать небесною красотою (см.: канон, 2 паремия).

Так величает святых церковное слово. Они — семя святое, они — стояние мира, т. е. ими держится и держался мир, они — соль земли и свет жизни.

Что же, одною похвалою святым удовлетворяется и довольствуется слово церковное? Нет, братие, в нем слышатся великие и глубокие заветы живущим поколениям, сынам Церкви воинствующей. Великие заветы и вместе грозные предостережения.

Воля Божия о нас — святость наша во Христе Иисусе; мы созданы на дела благая — вот первый урок и завет каждому отдельному христианину.

Хотите слышать урок царям, правителям, народам, обществам и государствам? Вот этот урок: *Слышите убо, царие, и разумеите; научитесь, судии концев земли; внушите, держащие множества и гордящиеся о народах языков: яко дана есть от Господа держава вам и сила от Вышняго* (3 паремия; Прем. 6, 1–3). Итак, не земное устройство только, не земные удобства, не устройство только гражданского быта, суда и порядка, городов, дорог, промыслов и торговли, не одновременные цели и задачи поставлены царям и царствам. Они имеют религиозно-нравственные задачи, религиозно-нравственные обязанности; царства человеческие покоятся на нравственных основах и без них погибнут и подпадут осуждению.

Кто же будут судьи? Судьи — это те самые святые, которых мы ныне прославляем. *Судят языком и обладают людьми, и воцарится в них Господь во веки*, — говорит о них древнее слово Божие (2 паремия; Прем. 3, 8).

Разве вы не знаете, что святые будут судить мир? — повторяет и подтверждает апостол (1 Кор. 6, 2).

Они предстанут лицу Божию с нами рядом и скажут о нас: это не те, для которых мы приготовили кровью и страданиями торжество

Церкви; они на нас не похожи: мы обнебесили Церковь, а они ее приземлили; мы в муках и крови остались ей верны, а они в мире и благоденствии ей изменяют; нам тяжело было оставаться на высоте подвига, но мы остались тверды, а этим легко было, и они пали.

Пусть, — скажут они о нас, — пусть не говорят они о трудностях, соблазнах, искушениях, препятствиях; пусть не выдумывают для себя извинений; пусть не ссылаются на невозможность спасения. Мы, — скажут святые, — люди такие же, как они, и нам была дорогá жизнь, и нас страшили страдания, и нам тяжки были препятствия; нам было в страданиях и гонениях тяжелее, чем этим живущим христианам; мы часто спасались в пустынях и лесах, в пещерах и подземельях, в ссылках и тюрьмах, мы не имели храмов и богослужения, не слышали пастырей и учителей; одинокие, рассеянные среди моря язычества, мы все же остались верны Христу, а они посреди множества христиан, во дни господства Церкви, восстановили в жизни древнее издохшее язычество, с которым мы боролись до крови и смерти...

Что мы скажем пред этою укоряющею речью? В чем будет наше оправдание? Самое существование святых, их подвиги, самое наше празднество в честь них, наше прославление их — все это будет судить нас пред Божьей правдою.

Наш долг — им подражать. Наш долг — следовать их жизни. Наш долг — молитвою просить их помощи. Как бы ни тяжело было это подражание, будем помнить уроки нынешнего Евангелия. Апостолы спросили Господа: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?* Господь им ответил: *истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на Престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 27–29).

Братие, не весте ли, яко святии мирови ижут судити? (1 Кор. 6, 2)
Аминь.

СВИДЕТЕЛИ ВЕРНЫЕ

Слово в день Усекновения главы Иоанна Крестителя,
29 августа 1908 г.*

Вспоминаем и чествуем сегодня верного свидетеля Господня, за истину пострадавшего с радостью, святого Пророка, Предтечу Христова и Крестителя Иоанна¹.

Верным рабом Божиим и свидетелем явился он, когда получил повеление Господа проповедовать людям скорое пришествие Спасителя и крестить людей крещением покаяния; верным свидетелем явился он, когда, по откровению пославшего его крестить в воде, указал он народу Сына Божия, имеющего крестить Духом Святым (см.: Ин. 1, 33–34); верным свидетелем явился он, когда возгремел глас его и в пустыне, и при водах Иордана, когда приходили к нему люди всех званий и состояний — мытари, фарисеи, саддукеи, воины, и когда каждому сердцу он поведал его печальную историю, указал грехи, обличил неправды, давал наставления; верным свидетелем истины Божией явился он, когда в лицо обличил царя нечестивого, нарушившего закон и соблазнявшего народ тем, что взял себе жену брата своего, отняв ее у живого мужа.

Свет неприятен больному глазу, истина неприятна испорченному сердцу. К кому бы ни обращалось обличение, редко исполняется слово древнего мудреца: *обличиай мудрого, и он возлюбит тебя* (Притч. 9, 8); чаще видим другое: если обличишь безумного, он возненавидит тебя. Это в равной мере относится ко всем людям — сильным и слабым, богатым и бедным, ученым и простецам. Напрасно поэтому думают и говорят, что преследуют провозвестников истины только люди, стоящие у власти. Не одни цари и правители убивали пророков и апостолов и мучили христиан: мы знаем, что Пилат не находил вины в Иисусе Христе, а толпа вопила: *возьми, возьми, растни Его*; мы знаем, как часто начальники не только защищали, но и прямо спасали апостола Павла от смерти в Иерусалиме, в Кесарии, в Эфесе,

* Сказано в церкви станицы Ново-Александровской Кубанской области ввиду сильной революционной пропаганды.

в Коринфе, — читайте об этом в Деяниях апостольских (см.: гл. 13, 16, 18, 19, 21, 22, 23 и т. д.), люди же улицы, безумная толпа, требовали смерти апостола, а однажды сорок человек заклились не есть и не пить, пока не убьют апостола Павла, и сторожили его на дороге (см.: Деян. 23, 12–13); мы знаем, что первых христиан очень часто влекло на суд и предавало смерти буйное народное сборище, кричавшее, что эти якобы безбожники достойны смерти; наконец, что всего удивительнее, первых христиан правители и начальники предавали самым жестоким истязаниям и казням, по требованию ученых, философов, людей, считавших себя самыми образованными и просвещенными. Ибо нет более жестокой ненависти к истине, как у людей, ее не признающих, но себя почитающих мудрыми и обладающими истиной. В последнем мы убеждались теперь каждый день.

Итак, нет ничего удивительного, что и Крестителя Иоанна схватил им обличаемый пред всеми царь и посадил его в мрачную темницу. В это время Иисус Христос уже был в силе Своего Божественного учительства: за Ним следовало множество слушателей, Он неустанно учил народ истинам Царствия Божия, Он совершал множество чудес. До Иоанна, томившегося в темнице, доходили слухи об Иисусе, и он не знал, Тот ли это Самый, Кого он крестил и на Кого сходил Дух Святый при крещении, или это кто-то другой. Может быть, по человеческой слабости временно заколебался дух его в этом мучительном заключении в подземной темнице далекой пустыни; может быть, хотел он кротко и смиренно напомнить о себе пред Чудотворцем Иисусом, в тайной надежде, не изведет ли Он и его чудодейственной силой из уз и заточения. И вот посылает он к Иисусу двух учеников своих сказать Ему: *Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?* (Мф. 11, 3).

Непостижима, братие, тайна судеб Божиих, неведомы нам тайны Божественного мироправления, непостижима уму и тайна страдания праведных. И Спаситель Сам не сошел со Креста, не свел со креста страданий и раскаявшегося разбойника, не вывел из темницы и Иоанна. Но пред учениками Иоанна Он засвидетельствовал о Своем небесном посланничестве, поддержал веру Своего Предтечи, укрепил его дух, предостерег от колебания: *Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прока-*

женные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне (Мф. 11, 4–6).

А затем Господь восхвалил Иоанна самой высокой похвалой, какая есть и может быть в мире: *Истинно говорю вам, — сказал Господь, — из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя (Мф. 11, 11).*

И остался Иоанн свидетелем верным и в страдании своем. Скоро и кровью своей засвидетельствовал он верность Истине, приняв смерть от руки палача, по требованию развратной блудницы Иродиады, незаконной жены царя, и ее бессердечной и такой же развратной дочери*.

Святая Церковь отметила особо этот день воспоминания смерти праведного и верного свидетеля Господня установлением поста в знак того, что мы далеки должны быть от того нечестивого образа жизни, от блуда, пьянства и безумия пиршеств и всякого непотребства, в которых пребывали убийцы святого пророка — Ирод, Иродиада, ее дочь и все, окружающие царя.

Вместе с тем невольно пред духовным взором нашим восстают все подражатели святого Иоанна, подобно ему смертью своею запечатлевшие верность истине, от кого бы они ни прияли гонения и кончину.

Кто они, эти верные свидетели?

Это прежде всего, конечно, святые мученики, исповедники, страстотерпцы, им же несть числа, пострадавшие за Христа и Его Церковь по всей земле. Они во святых, и имена их вечно в похвалах Церкви Божией.

Но подобны им и все те, не прославленные святостью жизни, может быть, в земном житии и много согрешившие, но приявшие смерть за исполнение своего долга пред ближними: это — православные воины, положившие жизнь свою за веру, царя и Отечество на полях брани, в дальних плаваниях, на страже долга, в защите Родины, во исполнение величайшей заповеди Христовой: *больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други*

* Евангельское сказание об этом читается по русскому тексту (см.: Мк. 6, 14–30). — *Сост.*

своя (Ин. 15, 13). Ныне поминает их Святая Церковь заупокойною молитвою. Вам, возлюбленные, особенно близки эти свидетели верные. За последние сто лет, как здесь поселены были казаки для ограждения Русского царства от натиска и набегов диких горцев, есть ли среди коренных жителей станицы хотя одна семья, в которой бы не было за минувшие войны нескольких убитых на поле брани, замученных и погибших в плену, пропавших без вести, умерших преждевременно от полученных ран и увечий?! О них ведутся тихие рассказы в старых семьях, о них хранятся здесь бережно воспоминания... Совершая сегодня священную службу, на проскомидии в редком «поминании» (помяннике) мы не встретили имен на брани убиенных воинов. И достойно и праведно возносится о них ныне особое моление в день, когда празднуется память с похвалами верного свидетеля Господня Иоанна. И верим мы, и верою и любовью возгреваем надежду, что молитва церковная пройдет небеса, что всенародное моление предстанет пред Господом, и грехи, содеянные ими, простятся и покроются за труды их, за страдания, за кровь и смерть ради блага Церкви и Родины.

И еще есть теперь свидетели верные — это слуги царевы, павшие жертвой за исполнение своего долга пред Родиной от руки безбожных внутренних врагов нашего Отечества. За грехи наши послал нам Господь тяжкое испытание. От нас самих вышли и из среды нашей восстали люди развращенные; одни из них — это сознательные обманщики, которые, или ненавидя Россию, покрыли ее изменами, предательством, кровью и позором, или, пробираясь к власти и богатству, старались устранять убийствами и насилиями всех, кто мешал им в достижении их преступной цели; другие же из них, в большинстве обманутые, сбитые с толку, шли сами на гибель и губили других, по предречению Евангелия: *наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2). Только не нашему Богу истины, а своему собственному богу — сатане, идолу современных учений они совершали службу. И вот на наших глазах — мы все помним это и знаем — они в жертву сатане бросали бомбы, стреляли из револьверов, производили крушения поездов, убивали по ночам сонных солдат, убивали из засад, распинали, мучили, сжигали, резали, отравляли верных долгу служителей

Родины. Так убито несколько десятков тысяч человек озлобленными врагами, впадшими в кровавое помешательство. Так убит царь-освободитель Александр II и его сын великий князь Сергей Александрович; убито множество губернаторов, начальников всякого рода и правителей и еще больше убито казаков, солдат, городских и, наконец, просто случайных прохожих, стариков, старух, женщин, грудных детей, погибших от взрывов бомб, от выстрелов при всевозможных покушениях. Никого не щадили нечестивые злодеи в своем кровавом безумии. В больших городах по ночам они из-за угла или подъезжая на быстрых лошадях подкарауливали солдат, сторожей, городских и безжалостно их расстреливали.

Чтоб иметь деньги на покупку оружия, на поездки, на обеспеченное житье, на наем квартир, на печатанье всяких подпольных листов, и особенно на издание десятков газет, развращающих народ, они грабили, отнимали деньги у артельщиков, казначеев, в кассах, в банках, в казначействах, вымогали их путем застрашивания у людей богатых — и снова убивали и убивали, стреляли, бросали бомбы... Безумное помешательство стало теперь тише, но все же окончательно еще не прекратилось.

И за всех этих погибших, расстрелянных, взорванных, зарезанных, убитых достойно и праведно ныне вознести заупокойное моление, как за свидетелей верных, помянуть их вместе с православными воинами, на брани убиенными. Тяжела была их смерть, не легче была и жизнь: их обычно, прежде, чем убить, преследовали продажные и преступные газеты, клеветали на них, возводили всякие небылицы, обвиняли во всевозможных преступлениях, позорили всячески их имя, лишали покоя их самих и их родных и близких. Да будет же и к ним милость Господня! Да прольется и о них наша молитва! И верим мы и уповаем, что грехи этих новых бесчисленных мучеников, свидетелей верных, от руки врагов за служение царю и Отечеству убиенных, простит Господь за страдание их и смерть и за молитвы Церкви Божией.

Ибо что говорит о такой смерти от руки врагов Божиих святое и вечное слово Господне?

Пишет святой апостол Петр: *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти,*

правителям ли, как от Него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро <...> Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу (1 Петр. 2, 13–14; 17, 19–20). Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Петр. 4, 15–16).

Пишет и святой апостол Павел: *Если же кто и подвигается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться и мучен будет (2 Тим. 2, 5).*

Итак, вся похвала только убиенным за исполнение долга, и нет никакой похвалы пострадавшим, хотя бы и убиенным за преступления и беззакония. Итак, как лживы и безумны все эти убийцы, бунтовщики и крамольники, когда, попадая на суды, подвергаясь осуждению в тюрьмы или ссылки, или на смертную казнь, они своими ли устами или устами своих единомышленников силятся себя называть и прославлять «борцами», «героями», «подвижниками» и «мучениками»! Намеренно, с особою силою, мы говорим здесь об этом, ибо знаем, что здесь именно раздавались и ныне раздаются такие речи, восхваляющие злодеев и приравнивающие их к мученикам и подвижникам, здесь именно раздаются и обвинения против правительства и суда за то, что они ссылают и присуждают к казням таких убийц и преступников.

Как убедительно, как ясно опровергаются эти лицемерные и лукавые речи приведенными словами святых апостолов! Нет, не всякое страдание, не всякая смерть есть мученичество и подвиг! Это понимали гораздо лучше нынешних просвещенных разбойников разбойники, распятые на кресте вместе с Иисусом Христом. По крайней мере, один из них, страдая неимоверно и останавливая другого в его хулах и ругательствах, говорил: *Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он, Иисус Христос, ничего худого не сделал (Лк. 23, 40–41).* А нынешние защитники по-

литических убийц и преступников, очевидно, полагают, что страдания и Христа, и разбойников имели одинаковую цену и заслугу!..

Далее: не преступление совершает законное правительство, когда наказывает злодеев, напротив, оно исполняет свой долг, ибо, слышали вы, говорит апостол Петр: правители посланы для наказания преступников. Апостол же Павел учит: *Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга <...> Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое* (Рим. 13, 3–4). Слышите: меч дан власти земной, и дан не напрасно; он законно и праведно направлен против злодеев и крамольников. Сам апостол, когда его представили на суд, на своем собственном лице и примере указал, что меч этот может быть употреблен властью для посечения зла; здесь же апостол вместе с тем дал нам ясное различие смерти ради Христа, за правду, и смерти за преступление; он заявил судье: *если я не прав и сделал что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет <...> то никто не может выдать меня обвинителям. Требую суда кесарева*, т. е. царского (Деян. 25, 11).

Что скажут на это современные злодеи, убийцы, изменники, бунтовщики, предатели и грабители? Они осуждены бесповоротно словом Божиим, и спасение их не в том, чтоб их другие или они сами себя прославляли как «борцов» за свободу: такой «борец» был Каин, такой «борец» был и Иуда; нет, их спасение только в том пути, на который вступил евангельский благоразумный разбойник, распятый с Иисусом: признать свою вину, осудить себя, признать наказания, на них налагаемые, справедливыми, раскаяться и у Христа Спасителя просить прощения греха и участия в Его Царствии. Иначе это будут предстатели от Иуды, а не от Христа, свидетели от сатаны, а не от Бога, свидетели лживые, а не верные.

Всех же верных свидетелей да помянет Господь во Царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков! Помолимся о них всецерковным молением. И если и нам самим за слово истины, за крепкое стояние в исполнении долга, за верность Богу, царю и Родине судит Господь принять клеветы, гонения, позор, преследования и даже

смерть, то да сподобит и нас Господь части верных Его свидетелей в молитве Церкви и во Царствии Христовом! Аминь.

МИР ДУШЕВНЫЙ

Слово в день Сретения Господня, 2 февраля 1894 г.

*Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко,
по глаголу Твоему с миром³...*

Уья душа не пожелала бы иметь у себя сокровище, которое приобрел блаженный старец Симеон⁶? Кто не пожелал бы себе этого мира, с которым провел Симеон свою долгую жизнь и теперь бестрепетно встречает и саму смерть? Мир душевный, мир совести, мир с Богом и людьми, мир с целым миром — вот к чему стремятся все люди, вот чего жаждет утомленное сердце; находим ли этот мир, правильные ли средства употребляем для приобретения его — это другой вопрос, но что все считают его благом — это несомненно. Сама война имеет последнею целью мир. Так смотрит на мир, как на высочайшее благо, и христианство. Божественный Основатель его для того и сошел на землю, чтобы принести на нее мир; прощаясь с учениками, Он говорил им: мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам (см.: Ин. 14, 27).

Так смотрит на мир и Святая Церковь, продолжательница дела Христова на земле. Прислушайтесь к ее богослужению: начинается оно всегда призывом к миру: *миром Господу помолимся; о свышнем мире⁷; мир всем; станем святое возношение в мире приносить*; наконец, *с миром и изыдем⁸* из храма Божия.

Такое-то сокровище имел у себя Богоприимец Симеон. Поучимся у него, как прибрести и нам себе мир: путь к этому вождь-ленному счастью никому из нас не загражден, особенно с пришествием Примириителя. Так то, что в Ветхом Завете давалось только избраннейшему из избранных, то в Новом Завете дается каждому сыну Церкви Христовой.

Но возвратимся к Симеону: чем приобрел он себе мир душевный? Мало о нем сказано в Евангелии, но что сказано, то дает нам вполне вразумительный ответ на поставленный вопрос: *И се бе, — говорит святой евангелист, — человек во Иерусалиме, емуже имя Симеон: и человек сей праведен, и благочестив, чая утехи израильтвы: и Дух бе Свят в нем* (Лк. 2, 25). Вот разгадка счастья Симеона. Приобрети его праведность, его благочестие — и ты привлечешь к себе Духа Святого, а вместе с Ним и мир души. Такой мир, которого нарушить ничто не может.

Что такое праведность? Это такая черта в жизни человека, по которой он свято хранит права других и верно исполняет возложенные на него законом обязанности по отношению к ближним. Праведным называется тот, кто отдает каждому свое, кто исполняет свой долг. Но были и есть многие, которые обладали такими свойствами и на них полагали всю свою надежду, чтобы сохранить мир с собою и ближними, и, однако, мир этот далек был от них. Это потому, что они смотрели на праведность с точки зрения пользы: полезно быть праведным, ибо и другие исполнят свой долг по отношению к тебе, и вот путем взаимной праведности должен получаться мир и общее счастье. Увы, никогда не получали мира и счастья те, кто любит добро потому только, что оно полезно; на праведность редко отвечали праведностью, и любитель пользы вместо мира чувствовал одно озлобление. Не на том должно основывать добродетель: не на пользе, а на благочестии. Веруй в Бога, благоговей пред Ним, люби Его всем сердцем и душой и любовно исполняй Его волю, а любовное исполнение есть наслаждение, и оно дает душе мир и отраду. Воля же Божия требует праведности, но при любовном исполнении ее ты ищешь уже не пользы; оттого, если на твое добро тебе и отвечают злом, то мира души тебя не лишают, потому что добро творил ты с другими целями: ты творил его из-за добра, из-за благочестия, из любви к Богу, и добро твое всегда останется добром, и цель его достигнута даже и в том случае, когда на него отвечают злом. Только та праведность, которая истекает из благочестия и коренится на нем, имеет нравственную цену и может быть названа прочною... Она тогда привлечет к тебе Духа Святого. А Дух Святой оскудевающее восполнит, немощное укрепит и даст душе такой мир, которого не

нарушат никакие земные беды и напасти. Таковы были мученики христианские, которые шли на костры в радости и веселии духа; таков был, например, знаменитый Иоанн Златоустый, который после жизни скорбной, умирая в изгнании, окруженный врагами, предавая дух свой, воскликнул: «Слава Богу за все!» В Ветхом Завете редки были Симеоны, в Новом же Завете, после обильного ниспослания на верующих благодати Святого Духа, таких счастливых было много, это счастье не отнято и от нас. Будем праведны, будем благочестивы, тогда возгласы Церкви: «Причастие Святаго Духа со всеми вами», «мир всем» не будут для нас пустыми звуками, тогда и мы будем иметь счастье со временем бестрепетно идти в путь отцов наших от этой земной жизни и дерзновенно сказать: *Ныне отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром. Аминь.*

ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ

Слово в Неделю жен-мироносиц, 20 апреля 1903 г.*

И минувшей субботе, Мария Магдалина, и Мария Иаковля, и Саломия, купиша ароматы, да пришедше помажут Иисуса. И зело заутра во едину от суббот приидоша на гроб...

Мк. 16, 1–2

По руководству Святой Церкви, сегодня, возлюбленные братья, мы вспоминаем этот изображенный в Евангелии подвиг святых жен-мироносиц¹⁰. Достоин и праведно памяти их и прославлению отведено одно из первых воскресений после светоносного дня Пасхи. Великий подвиг любви и преданности ко Христу в назидающие векам показали они миру, и не напрасно об одной из таких

* Сказано в Пантелеимоновском соборе Ново-Афонского монастыря Сухумской епархии, при священнослужении высокопреосвященного экзарха Грузии, архиепископа Алексия (Опоцкого).

усердных жен, помазавших Господа Иисуса драгоценным миром еще при Его жизни, Он Сам засвидетельствовал: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ея, и о том, что она сделала (см.: Мк. 14, 9).

Велик подвиг любви святых жен-мироносиц! Вот после позорного суда ведут Господа на пропятие. Здесь грубые воины, распинатели и палачи, здесь кругом озлобленная толпа, здесь властные, знатные и сильные враги Христовы. Трудно было и мужчинам в это время следовать за Страдальцем, опасно было хоть малейшим знаком выразить свое сочувствие Осужденному, все ближние и друзья бежали от Иисуса Христа, оставили Его и апостолы. Но ничто не могло удалить от Христа жен-мироносиц. Вместо телесной силы и крепости — у них горящая любовь ко Христу, и эта любовь преодолевает все, и они все время неотступно с возлюбленным Господом. Они оплакивают Его осужденного и идут вслед за Ним на Голгофу, они стараются всячески облегчить Его страдания, стоят бесстрашно у Его Креста, не боясь высказать пред всеми сочувствие Ему; присутствуют при Его смерти, бесстрашные и в те минуты, когда меркло солнце, колебалась земля; они участвуют и в Его погребении... Они смотрят на Погребаемого хоть издали, замечают место Его могилы (см.: Мк. 15, 40; Мф. 27, 61), замечают каждую подробность погребения... И при виде этого погребения в душе они переживают мучительное беспокойство и тревогу: миром Он, дорогой и любимый, не помазан, вековые священные обычаи погребальные не все над Мертвецом исполнены... А завтра — день Великой Субботы, день безусловного покоя, предписанного строжайше строгим законом, когда ни купить, ни достать ничего невозможно. И вот, до захода солнца, когда начинается предписанный законом покой, они бегут от погребальной пещеры в город купить дорогие ароматы; они не считают трудов, не жалеют никаких средств, эти большею частью бедные женщины, богатые только любовью, оставившие свои дома, семьи и удобства жизни и следовавшие за Христом. И только купили они ароматы, и только успели возвратиться домой — надвинулась ночь над Иерусалимом, и субботний покой на целый день приковал их к месту.

Провели они в слезах и скорби и эту ночь и самый день Великой Субботы; пришла опять ночь, и вот вечерняя заря погасла, утренняя

на небе еще не загоралась, а они бодрствуют и вперяют нетерпеливые очи в предрассветную мглу и рвутся сердцами, и трепещут от мысли, что вот-вот к утру они пойдут на дорогую могилу, увидят Господа любимого хоть мертвым... Придут они на Гроб, припадут к холодному могильному камню, обольют слезами бездыханное тело, помажут миром, покроют ароматами — и это одно, хоть малое, даст утешение их пламенной любви к Умершему. Утру глубоко, сущей тьме и в мрак глубок идут-бегут мироносицы ко Гробу Христову. Крутом их ужасы и страхи: вот безлюдные улицы, страшные для робких одиноких женщин, вот дома распинателей Христовых, вот стражи римские, грубые обидчики, вот ужасная Голгофа, где высятся и чернеют во мраке ночи три окровавленные креста, где веют тени умерших, где, может быть, сидят теперь, сокрывшись, разбойники, товарищи казненных. Бегут-текут жены-мироносицы, подавляя в душах страх, ужас и смятение; еще не знают они, что ко Гробу приставлена стража, и заботятся только об одном: *кто отвалит нам камень от двери гроба?* (Мк. 16, 3). Бегут-спешат мироносицы, зовет их и окрыляет любовь ко Христу, а в душах-то загорается робкая надежда: о, Владыко! Неужели все кончено, неужели смерть осилила Тебя, воскресавшего и других из мертвых?! Ты же говорил «по трех днях восстану», Ты же говорил, что имеешь и другим дать жизнь вечную, Ты же — Сын Бога Живаго...

Вот, наконец, темный, весь благоухающий и цветущий весною сад Иосифа, а в нем дорогой Гроб, дорогой Умерший. И видят они в смятении и чудятся в предчувствии радости: камень взят от Гроба...

И вот за любовь, за усердие, за слезы, за труды и подвиги преданности им первым светозарный Ангел приносит весть о Воскресении, и только они побежали домой всем рассказать об этом, явиться апостолами-благовестницами для самих апостолов, к ним первым и Сам Иисус приблизился Воскресший и сказал великое и мировое слово: *Радуйтесь!* (Мф. 28, 9).

Вот в кратких словах начертанный образ жен-мироносиц.

Все ли и всегда ли умилялись этим образом бестрепетной и самоотверженной любви, все ли поражались этой готовностью на самозабвение, подвиг и жертву?

Нет! Когда еще до смерти Иисуса Христа одна из преданных Ему жен, та самая, которой воздал Он хвалу и обещал всемирную

известность и славу, возлила на Него драгоценнейшее миро, уже сказано было о ней слово укоризны и осуждения. Иуда, впоследствии предатель, таивший в душе корыстолюбие, как семя предательства, выступил тогда с рассуждением, в котором звучали скрытые зависть и корысть, прикрашенные мнимой заботой о нищих. «Зачем, — говорил он, — зачем такая дорогая трата? Лучше бы масло это продать и деньги отдать нищим» (см.: Ин. 12, 5). Спаситель, мы знаем, не одобрил этого рассуждения Иуды.

Но как в то время, по сказанию Евангелия, некоторые и из верных апостолов увлеклись мниморазумною речью Иуды (см.: Мф. 26, 8–9; Мк. 14, 4), так и ныне эта речь повторяется даже и среди верных христиан на разные лады и приводит многих в смущение...

Есть и будут всегда подражатели святых жен-мироносиц. Есть и будут всегда христианские души, горящие любовью ко Христу и ради этой любви все оставившие: они все мирское драгоценное отдают Христу по любви к Нему; все внешние дары природы, все внешние дары мирские, как мироносицы свое драгоценное миро, они блюдут, сохраняют и ценят, но только для Христа, как жертву Ему, Его Церкви, Его Царствию, ради Его славы и Его владычества: эти дары для них не цель, а только средство для иных, высших и духовных целей.

Не то же ли именно мы видим и здесь, в этой чудной обители Нового Афона? Богатые и прекрасные храмы, везде дорогое художество и разнообразное искусство: воздвигнуты величественные постройки, всевозможное мастерство, чудные сады, образцовое хозяйство... Но всему этому богатству нет собственника и хозяина среди насельников обители: все это Христово, все Ему отдано и существует ради Его прославления, ради службы Ему Единому.

Многие восхищаются всем этим видимым довольством, цветущим хозяйством, благоустроенными угодами, мастерством, ремеслами, но восхищаются по-мирскому и смотрят на видимое благоустройство монастыря очами мирян, как будто бы здесь какое-то промышленное или хозяйственное заведение. Но тогда для чего же насельники обители принимали обеты иночества? Зачем тогда эти храмы и службы Божии? Не явятся ли они второстепенными, а то и совсем ненужными?

Многие, напротив, осуждают это видимое благоустройство обители и ставят ей в упрек якобы неразумную трату времени и средств на внешнюю сторону жизни, повторяют вслед за Иудой: чесо ради трата сия бысть? Не лучше ли все это продать и раздать нищим?

Не правы те и другие. Разъяснение истины мы и найдем в примере святых жен-мироносиц. Покупают и хранят они драгоценное миро, это благороднейшее произведение рук человеческих, но не себе, не для своего украшения или для удовольствия, а для Господа любимого. Этого ищет наше сердце — оно требует жертвы, требует внешнего знака служения и угождения любимому существу: и пока мы на земле и живем с телом, этой потребности души выражать внутреннее посредством внешних знаков нельзя ни подавить, ни заглушить никакими рассуждениями.

И Господь не запретил благ мирских и внешних, Им же для человека созданных, но запретил злоупотреблять ими, делать их целью жизни, главным предметом забот и ставить их на первый план. Он Сам сказал: *ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33).

Прилагалось «все сие» и боголюбивым инокам земли Русской. Сами они жили в трудах и лишениях, в простоте, часто и в убожестве*, но Господу Богу они воздвигли богатейшие лавры — Киевскую и Сергиеву, Почаев, Соловки, Валаам и Саров со всем их великолепием. Искали они жизни будущего века и славы небесной, но верою, молитвою, доброю жизнью и благословенным трудом рук своих они благоуукрашили и в сем веке земное Русское царство, населили дальний и дикий север и восток России, пронесли имя Христова среди дикарей обширной русской равнины, убелили и удобрили костями своими в мученическом подвиге далекие пределы нашего царства, провели дороги, устроили города, заселили дремучие леса и пустыни, завели промыслы и торговлю, слили в единстве веры

* В Новом Афоне все великолепно, что для Бога, и все скромно и просто, что для людей: чудная роспись в трапезной, но простые и некрашенные столы и лавки для обедающих; чудные храмы — и скромные келии; везде прекрасные чугунные решетки в церквах, и притом собственного изделия монахов, но простые деревянные перила на лестницах, ведущих в помещения настоятеля и братские келии... Это бросается в глаза. — *Авт.*

и исповедания с русским народом многочисленные инородческие племена, воспитали наш народ в христианстве, выковали его духовный лик, показали ему дивные подвиги, развили вкус к благолепию церковному, к торжественному чину священнослужения, к чтению и пению церковному, хранили науку и письменность, создали и сохранили ее в написанных иноками книгах, устроили и первые школы, воспитали и первых ученых людей.

Верим: еще немного, и стародавний Афон все более и более будет становиться русским; верим: и Новый Афон сослужит на Кавказе стародавнюю службу русского монашества. Только ищите, возлюбленные братие, ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, только не служите миру, не увлекайтесь его духом, только храните любовь к Богу и к Нему Единому, ту любовь, что привела вас в святую обитель, к обетам монашеским. Растите, ширьтесь, благоустраивайте обитель, возделывайте, по заповеди Бога первозданному человеку, возделывайте и храните эту землю, этот рай, что расстилается кругом обители, — но все для Бога. Горе, если средство обращается в цель; горе, если внешние дары, внешнее благоустройство станут идолом и кумиром жизни. Тогда каменностроительство подавит и убьет строительство душ к Царствию Божию, тогда воцарится настоящее язычество, и все обратится в служение золотому тельцу; и наоборот любящим Бога все поспешествует во благое (см.: Рим. 8, 28), и это видимое довольство и благоустройство только облегчит иноков в их служении Богу «в разуме и во всяком чувстве», при посредстве этих чудных храмов и этого благолепия церковного.

Растите же духовно, возделывайте и храните веру и благочестие, проливайте свет духовный на всех окружающих, будьте градом, верху горы стоящим, будьте подражателями древних русских святых иноков. Пусть народ, несущий сюда телесное, приемлет от вас в изобилии все духовное: веру, молитву, поучение, примеры доброй настроенности и доброй жизни; пусть и окружающая дикая страна приобщается к вашему духовному деланию, приобщается и к великому русскому народу. Несите ей просвещение духовное и учение Христово — на сие вы и призваны сюда.

Смотрите, как ущедрил Господь вашу обитель! Сколько знамений Его благоволения за это короткое время существования обители,

выросшей из ничтожества в это великолепие, сколько чудес, воистину чудес Его милости! Это — за любовь ко Господу вам, говорит Он, как древле мироносицам: *Радуйтесь!*

Да услышим оный блаженный глас и в не вечернем дне Его Царствия! Аминь.

ЖЕНЩИНА-ХРИСТИАНКА

Слово в Неделю о расслабленном*

В прошлое воскресенье, второе после Пасхи, Церковь наша воспоминала святых женщин евангельских, так называемых мироносиц; сегодня мы слышали за богослужением повествование книги Деяний апостольских о воскресении апостолом Петром доброй и благочестивой девушки Тавифы в Лидде; в следующий воскресный день назначается евангельское чтение о беседе Спасителя с самарянкою. Таким образом, мы стоим в круге таких священных-исторических событий и воспоминаний, в которых женщины занимают особенно видное место. В день учебного праздника нашей женской школы, в день, когда мы, кроме того, прощаемся с этим священным алтарем и в последний раз совершили в нем святейшую бескровную и духовную жертву**, — в этих совпадающих воспоминаниях естественно искать нам указаний и руководства для поучительных размышлений.

Почтим же с Церковью благодарным воспоминанием святых женщин евангельских. В земной жизни нашего Спасителя, даже в среде Его ближайших последователей, они занимают видное мес-

* Сказано в Тифлисской 1-й женской гимназии в 1900 г., в заключение служения автора в звании законоучителя 1-й Тифлисской женской гимназии. В этот день в гимназии был назначен торжественный акт.

** Ввиду устройства новой церкви в гимназии алтарь старой церкви был предназначен к упразднению.

то. Когда раздались первые священные слова Его проповеди о покаянии, когда разнеслись по лицу земли родной Его призывы к небу, к Богу, к вечности и святости, ко спасению и к Царству Божию, женские души сейчас же чутко отозвались на святое учение, и на обаяние святейшей личности Богочеловека. И должно быть, радостно и отрадно женскому сердцу сознавать и слышать, что среди озлобленных врагов нашего Спасителя, среди той лжи и клеветы, зависти и ненависти, которые, соединившись вместе, сплели терновый венец Господу и вознесли Его на Крест, среди этих темных и злых сил мы не видим ни одной женщины. Женщины, да еще дети с неизменной любовью относились к Нему и тогда, когда восхищенный Его учением и чудными делами народ готов был возвести Его на царский престол (см.: Ин. 6, 15), восклицал Ему: «Осанна!», и тогда, когда тот же народ, в непонятной изменчивости, чрез несколько дней вопил о Нем: «Возьми, возьми, распни Его!» В этой отзывчивости на проповедь Спасителя, в этой сердечной любви к Нему, в этой неизменной верности Ему со стороны женщин сказалась глубочайшая религиозность женской души. И смотрите, поучаясь, как вся история минувших веков громовым голосом, способным разбудить и вразумить мертвого, говорит нам об этой религиозности женщины! Вот прародители человечества после грехопадения и первоевангелия¹¹ начали свой новый жизненный путь. Какое же первое слово их занесено на страницы священной библейской летописи? Слово женщины, слово Евы — и это первое слово женщины было «Бог», она произнесла его, когда, впервые испытав радость материнства, воскликнула: *тяжках человека Богом* (Быт. 4, 1). Следите потом за историей человечества. Вот, совершенно минуя женщину, течет нарастающая жизнь государственная, общественная и даже семейная; женщина не законодательствует, не управляет, не учит, не влияет, не священнодействует, не носит меча и не занимается науками; она забыта, подавлена, унижена, как бы удалена из течения человеческой жизни; она — простая принадлежность дома и хозяйства, а в некоторых племенах низведена до степени домашнего рабочего животного. Но и в этом глубоко унижении живет в ней высокое достоинство человечности, эта область жизни истинно человеческой, и область самая высшая, никогда не доступная для животного, самая светлая и вековечная,

не проходит мимо женщины, это — область религиозная. Нет времени у нас повествовать обо всех библейских женщинах, но кому не известны эти — Сарра, Ревекка, Рахиль, Руфь, Деворра, Анна, мать Самуила, Вирсавия, Эсфирь, Анна, Елизавета?

Они, эти глубоко набожные женщины, как звезды, сияют среди тьмы дохристианской; они — предтечи славы и величия женщины христианской. Но величие их зависит от того, что они жили в Боге и для Бога. Женская душа всегда стремилась к Богу и умела проникновенно любить Его. Хотите видеть первую вдохновенную песнь женщины, первое ее высокое художественное произведение, поэтическое и музыкальное? Ее составила Мариам, сестра Моисея, и пропела с женщинами и девушками под звуки кифар и тимпанов. И опять эта песнь, как первое восклицание праматери Евы у врат заключенного рая, посвящена имени Бога: *поим Господеви, славно бо прославися...* (Исх. 15, 21). Чрез много веков после того другая Мариам, у врат уже открытого рая после возвышенного благовестия Архангела, как Дева-Матерь, открыла уста для Своей вдохновенной песни, и песнь эта, первая песнь новозаветной женщины, опять гласила о Боге и славila Господа Спасителя: *Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Бозе Спасе Моем* (Лк. 1, 46–47). Мы во временах новозаветных. Выступает Иисус Христос на дело общественного учительства: кому это впервые возвещает Он самое высокое духовное учение о Боге и открывает сущность истинного духовного богопочитания? Женщине-самарянке. Женщине-самарянке у колодца Иакова говорит Он великие, вечные слова: *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться...* (Ин. 4, 24). Затем мы видим около Него и Марию Магдалину, и двух сестер Вифанских, Саломию, Сусанну, Иоанну, Марию Иосиеву, Марию Иаковлеву, и кающихся грешниц, и женщину-хананеянку, и женщин галилейских. Женщины идут за Ним, оставив дома и хозяйства и спокойную домашнюю жизнь; они слушают Его учение, они служат Ему от имений своих, они пребывают с Ним в Его напастях; участливым сердцем, любящей душою переживают они с Ним Его страдания. Вот жена язычника Пилата в решительную минуту осуждения Спасителя, как бы предчувствуя малодушную и себялюбивую робость мужа, пишет к нему свою просьбу: *не делай ниче-*

го Праведнику Тому! Вот женщины иерусалимские идут вслед за Страдальцем-Христом на Голгофу и, не боясь озлобленных врагов Иисуса, открыто выражают Ему сочувствие и плачут и рыдают о Нем; вот мироносицы бестрепетно у Креста среди возбужденной толпы слушают ругательство воинов, стоны распятых, проклятия разбойника, насмешки и неистовое злорадство важных и властных учителей народа; вот они пред гробом Иисуса, отдают Ему, яко мертвому, последнюю дань плача и рыдания; вот во едину от суббот, утру глубоко, сущей тьме и во мрак глубокий идут, бегут они к дорогому гробу по темным и пустынным улицам Иерусалима, мимо домов распинателей Христовых, мимо ужасной Голгофы, мимо окровавленных крестов, в темный сад, где сокрыто их Сокровище... И за любовь, за преданность, за пролитые слезы, за скорбь великую им первым Он является по воскресении и говорит им великое слово: «Радуйтесь!» И потом они являются апостолами для самих апостолов и им возвещают о радости Воскресения. Что дальше? Вижу Марию Магдалину, которая доходит с проповедью о Христе Воскресшем до Рима и до двора самого кесаря и здесь предстает пред ним с приветствием: «Христос воскрес!» Вижу Фотину, эту жену-самарянку, которая обращает в христианство Доминику, дочь императора, и с нею сто рабынь ее. Вот апостол Павел впервые переносит слово евангельской проповеди в нашу Европу — и здесь вижу первую уверовавшую, начаток стран европейских, женщину Лидию во Филиппах; вижу Дамарь, после речи святого Павла в ареопаге Афинском, принявшую слово благовестия; вижу Прискиллу, которую апостол в посланиях приветствует как сотрудницу; вижу Фиву, диакониссу в Кенхреях, о которой святой Павел пишет: *она была помощницей многим и мне самому* (Рим. 16, 1–2). Вижу потом Монику, почтенную мать великого Августина, который сам приписывал молитвам, слезам и любви ее искреннее обращение свое к истинной вере в Бога и Церковь. «Если я размышляю только об истине и неустанно ищу ее одну, и если люблю ее выше всего в мире, то этим я обязан тебе, мать моя», — говорит он в своих письмах.

Вижу Анфусу, мать святителя Иоанна Златоустого, которая воспитала и сохранила нам этот светоч нашей Церкви; о ней великий из языческих риториков, враг христиан, должен был с восхищением

сказать: «О, какие женщины у этих христиан!» Вижу святых Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского и других многих величайших учителей Церкви, открыто заявлявших, что всем светлым, возвышенным, чистым, религиозным и самими собою они обязаны своим матерям и сестрам. Вижу святых Веру, Надежду, Любовь, Софию, Екатерину, Анастасию, Варвару и великий сонм других мучениц, слабых женщин и девушек, безбоязненно и бестрепетно до смерти исповедовавших Христа. Вижу величайших подвижниц, завещавших миру пример самоотречения и самоотвержения. Вижу и в жизни обычной, мирской, этих двух женщин, о которых величайшему подвижнику и пустыннику Макарию открыто было, что он не достиг меры их духовного возраста, и он пришел и увидел их: они, будучи не родными, много лет жили в одном доме вместе со своими мужьями в трудах, в нужде, в ежедневных заботах о детях, о муже и о доме, и за все это время не сказали друг другу ни одного непристойного слова, никогда не спорили и были единокорными и мирными. Вижу знаменитую царицу венгерскую Елизавету, невинно выпившую воду того прокаженного, которому она усердно служила, чтобы показать ему, что он не отчужден от общества людей. Говорить ли о тех женщинах, которые отдали жизнь и труды распространению христианства и облагодетельствовали народ, племена и царство? Вот благочестивая царица Елена в греко-римском мире, вот девушка Нина, святая, равноапостольная, здесь, в Грузии; вот Хосровидухта в Армении, Клотильда во Франции, Верта в Англии, Феодора в Болгарии, Людмила в Богемии, Домбровка в Польше и у нас на Руси святая Ольга, небесная покровительница нашего храма. А сколько их осталось неизвестными, вроде той малознамой Кандиды, внучки знатного мандарина китайского, которая обратила к христианству мужа своего и построила в родной области тридцать церквей! А сколько матерей, сестер и жен — святых, благоговейных женщин — влияли благочестием на окружающую жизнь и помогали процветанию и распространению на земле Царства Божия! Не устроая храмов рукотворенных, подобно святым Елене, Нине или Ольге, они в нерукотворенных храмах, в душах человеческих, и доныне первые возжигают светильник веры, внушают нам страх Божий, приучают нас к молитве, к целомудрию, к спра-

ведливости и чести, развивают в нас любовь к ближним, уважение к старшим, милосердие к нищим, сострадание к несчастным, укрепляют в сердцах наших благоговение к святыне, уважение к пастырям, любовь к Отечеству и уважение к власти. «Несколько лет тому назад, — говорит один европейский ученый (Навиль), — в Англии или Америке, хорошенько не помню, образовалось общество молодых людей, которые решились посвятить себя преимущественно благочестивым делам для блага человечества. Когда они стали расспрашивать друг друга — кто из них обязан матери за направление, данное их сердцу и совести, то оказалось, что из ста двадцати человек более ста от матерей наследовали все, что в них было доброго».

Что же? Неужели все эти исторические примеры — простая случайность? Неужели не слышны для нас, как для глухих, голоса этого облака свидетелей?! Неужели мертвы их заветы и их посмертные уроки?! О, нет! И подобно путеводным звездам на небе в темную ночь, они указывают нам духовный путь жизни: «взирая на звезды эти, позаимствуемся от света их!» Они говорят нам, что если вообще религиозность глубоко заложена в сердце человеческое, то для женской души религиозность — это родная стихия по преимуществу, родная стихия, вне которой женщина духовно и нравственно гибнет. Противно видеть отсутствие того, что естественно, необходимо и, по преимуществу, должно принадлежать тому или другому существу: противно видеть, например, в ребенке преждевременную старость или в старике неустойчивость и легкомыслие юноши, противно видеть в воине трусость, в называющем себя ученым — невежество, в судье — бесчестность, в священнике — религиозную холодность или небрежность, в учащемся — равнодушие к науке и лень. Точно так же особенно противно в женщине отсутствие религиозности — того, что составляет глубочайшую сущность и как бы душу души женской. Это явление уродливое, отталкивающее, глубоко возмутительное и печальное, а в семье, а в школе, вообще там, где приходится влиять на других — а многим из вас, помните, несомненно, придется действовать и в семье, и в школе, — это явление прямо преступное.

И вот вам урок из нынешних воспоминаний церковных о святых женщинах, и вот вам завет этого отходящего от вас алтаря Господня

и приготовление к новому и постоянному, и вот вам завет школы в день ее праздника: будьте религиозны, дети, будьте набожны, любите Церковь Божию всем сердцем, всем существом вашим и не стесняйтесь проявлять свою веру, свою религиозную любовь, напротив, ею заполните всю вашу жизнь! Она вам так же необходима, как и пища; в ней, и только в ней — единый и единственный путь счастья вашего и спасения. Все прочее — науки, искусства, навыки, умения, познания и прочее — все это и нужно, и полезно, и прекрасно, но все это освящается и получает высший смысл и цену только в религии. Здесь единое на потребу и здесь найдете то, что даст вам незаменимое и самое победоносное могущество — могущество нравственное. Ищите же прежде всего Царства Божия и правды его, и все прочее приложится вам! Утешительно говорить об этом именно теперь, когда, по-видимому, издыхает это нечестивое религиозное равнодушие и всюду повеяло животворным дыханием религии; когда общество наше, в лице многих и лучших представителей своих, проявляет особый интерес к вопросам веры и нравственности христианской, когда представители науки громогласно зовут нас к Богу. Утешительно говорить об этом теперь, когда ежедневная печать в минувшие светлые пасхальные дни приносила нам такие светлые и отрадные известия: царь наш и царица в первопрестольной Москве, посреди заветных святынь народных идут богомольцами из церкви в церковь, из монастыря в монастырь, от богомолья к богомолью, являя народу на высоте престола пример глубокой религиозности, смиренной веры, почтения к Церкви и ее пастырям и благоговения к святыне. Да посрамит Господь нечестивые глаголы тех безумцев, которые говорят легкомысленно о религии или даже безумно заявляют о вреде ее и тем смущают молодые души и неутвержденные сердца! Да заградит Господь уста тех пошлых и легкомысленных развратителей, часто волков в овечьих шкурах, у которых само имя мироносиц обращено во что-то насмешливое.

И да будет Божья благодать тем чистым сердцам, которые верою и любовью подражают святым женам-мироносицам! Да осияет и их Воскресший Своим словом: «Радуйтесь!», и вместе с ними да войдет радость жизни и бодрости и в государственную, и в общественную, и в нашу школьную жизнь, ибо всегда и везде исполняется

нравственный вековечный закон, указанный в Священном Писании: «семя свято — стояние мира», и только праведниками стоят, и крепнут, и живут общества человеческие.

Заключаем наше слово великими словами святого апостола Петра, которыми он оканчивает свое прощальное послание к христианам: итак вы, возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения, но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа (см.: 2 Пет. 3, 17–18). Ему слава и ныне, и в день вечный. Аминь.

ПОДРАЖАНИЕ СВЯТЫМ

Слово в день памяти великомученика Пантелеимона¹²
в станице Крымской, 27 июля 1894 г.

Как звезды с неба освещают землю и светом своим указывают дорогу путникам, так святые своею жизнью освещают нашу жизнь и показывают нам дорогу к небу. Взирая на звезды эти, позаимствуемся от света их». Так рассуждает один из святых отцов Церкви о том значении, какое имеют для нас святые. Празднуя сегодня память святого великомученика и целителя Пантелеимона, постараемся и мы из его жизни извлечь для себя полезные уроки и наставления.

Святой Пантелеимон жил за 1500 лет до нашего времени. В то время и цари, и большая часть народа были по вере язычники, христиан было очень немного. Страшное то было время для христиан. Язычество как бы чуяло свою близкую гибель и все усилия употребляло, чтобы сохранить свою жизнь и задушить веру Христову. Христиан жгли, топили, распинали, казнили, зашивали в звериные шкуры и отдавали на съедение собакам, бросали на растерзание зверям, обматывали паклей, пропитанной смолой, и живыми зажигали. В такое-то время жил Пантелеимон. Отец его был язычник, мать — христианка. С детства благочестивая мать учила сына вере

во Христа, с ним молилась, с ним посещала богослужение. Но когда Пантелеимон был еще отроком, мать его умерла, и стал его воспитывать отец, водил его по языческим храмам, приносил жертвы идолам. И стал Пантелеимон отвыкать от веры своей матери и сделался язычником. Видел он гонения христиан. При нем случилось такое страшное событие: христиане в день святой Пасхи молились в храме, в это время по приказанию царя на них напали воины, разрушили храм и избили 20 000 человек. «Если бы у меня были тысячи языков и железные уста, — пишет один очевидец этого гонения, — то и тогда я бы не мог пересказать всех ужасов и мучений, которые претерпевали верующие. Железо притуплялось, кровь лужами стояла на земле, заливала и тушила костры. Руки палачей от усталости опускались и не могли продолжать своей убийственной работы». Конечно, нелегко было тогда быть христианином. Но Пантелеимон все-таки уверовал во Христа. При виде гонений на христиан он вспоминал мать. Наставления матери не умерли, слова ее и молитвы не были забыты.

Это вам урок, христианские матери. Учите детей своих от младых лет, учите их вере и благочестию, молитесь и посещайте с ними церковь Божию. Придет время, вырастет твой сын, может случиться, что закрадется в сердце юноши грех, и станет жить он так, как будто ни Бога, ни смерти, ни суда, ни ада не будет. Но если с детства его учила мать добру, он не погибнет окончательно. Видели вы, как кроется и тлеет огонь под пеплом: как будто его и нет, но дохнет ветер, и пламя ярко взовьется к небу. Видели вы, как сокрыто зерно под землей: его не видно, и как будто оно погибло. Но упадет на него дождь, польет его водою, и зерно даст росток и взойдет оно к солнцу светлому, к Господу Богу. Так и наставления матери в сердце грешника. Как будто и незаметно их у грешника, но дохнет на него дуновением благодати Божией, придет горе житейское, польет его сердце слезами, как дождем, и вспомнит грешник свое далекое детство, припомнит мать родимую, ее наставления, ее молитвы, и обратится к Богу, и раскается в грехах и сделается добрым сыном Церкви Божией.

Так случилось и с Пантелеимоном. Не мог он не видеть, что христиан мучат невинно, и вот, когда он раз поговорил с одним священником — Ермолаем, то, вспомнив наставления матери, скоро же

уразумел ложь язычества и истину христианства. В это время он был уже совершенно взрослым. Раньше он много учился и был известен как самый лучший врач. Когда он сделался христианином, то обратился ко Христу и своего отца, раздал свое имущество и стал всех больных лечить без всякой платы, всем служил, чем мог. Он ходил по домам бедняков, посещал заключенных в тюрьме. Лечил он и лекарствами, и молитвою с именем Иисуса Христа. И дал ему Бог дар чудес. То было время такое, когда нужны были чудеса. Теперь их нет, так как и без чудес возможно и легко быть верующим, а в то время, при страшных гонениях и муках христиан, вера Христова без особой помощи Божией могла погибнуть. Многим больным и немощным помог Пантелеимон силою своей науки, еще больше помог чудесами. Был он очень учен, но учение не отвратило, а напротив, приблизило его к Богу, и каждое дело, каждое врачевание больного совершал он с именем Божиим на устах, с молитвою в сердце. Пришло, наконец, время и пострадать Пантелеимону, потому что его жизнь и труды не могли укрыться от наблюдений языческого царя-гонителя. И предстал молодой ученый пред грозным властителем, бесстрашный и бестрепетный. «Ты кто, какой веры и каким колдовством исцеляешь больных?» — спросил его царь. «Я христианин, — ответил Пантелеимон, — и не колдовством, а молитвою, силою Божиею и именем Христа исцеляю болезни». — «Христос — не Бог! — сказал царь, — поклонись нашим богам, и получишь от меня все блага, ты будешь моим придворным врачом, а не поклонись — погибнешь лютою смертью». — «Я молод и силен, — ответил святой, — и стыдно мне убояться мучений, когда их переносят бестрепетно старцы». Тогда святого повесили на дереве и стали строгать его тело железными когтями, а ребра палить зажженными свечами. Пантелеимон переносил все молча и терпеливо. Тогда растопили в котле олово и бросили туда его, но олово чудесно застыло, и святой остался жив. Тогда навязали ему на шею камень и бросили в море, но святой благополучно вышел на берег. После этого его бросили к диким зверям, но звери подходили к нему и ласкались, как домашние. Приказано было приготовить колесо с железными остриями и терзать тело Пантелеимона, но он остался тверд в своей вере. Наконец, когда Господь достаточно показал мучителям силу

Свою и этим как бы и их самих призывал ко Христу, тогда пришло время умереть Пантелеимону. Ему отрубили голову, а тело его взяли его ученики и похоронили с честью. И теперь его мощи хранятся в русском Пантелеимоновом монастыре на Горе Афонской, часть мощей есть и у нас в России — в Ново-Афонском монастыре Святого Симона Канонитского, на Кавказе, около г. Сухума.

Так жил и страдал святой великомученик Пантелеимон. Судите теперь сами, правы ли те, которые говорят, будто бы святым легче жилось и легче можно было спастись, чем нам? Кого из нас так гонят, кого мучат? При святом Пантелеимоне имя христианина было позорным, назвать кого-либо христианином было все равно, что назвать преступником.

Теперь же совсем не то. Если кого мы хотим похвалить в высшей степени, то называем его истинным христианином. Пример святого Пантелеимона учит нас, что нужно любить веру Христову до того, что не жалеть за нее жизни, а любовь наша к вере Христовой должна выразиться не иначе, как исполнением Христовых заповедей. «Не любим словом и языком, — говорит святой апостол, — но делом и истиной» (см.: 1 Ин. 3, 18). «Если кто любит Меня, — говорит и Сам Спаситель, — тот заповеди Мои сохранит» (см.: Ин. 14, 15).

Чему еще учит нас святой Пантелеимон? Он был ученым — значит, можно быть ученым и в то же время веровать в Бога и быть Ему угодным, значит, ученье не удаляет человека от Бога, не делает его худшим. Неверами бывают только недоучки. Значит, нечего бояться науки, как некоторые делают, особенно из простых людей, напротив, нужно всячески стараться и о себе самом, и о своих детях, чтобы как можно лучше познать волю Божию и учение Иисуса Христа. Святой Пантелеимон был врач. Как же говорят некоторые, что обращаться к врачам — грех? Особенно это часто слышалось во время последней холеры. И само слово Божие говорит: «не презирай врача, но принимай его с честью, потому что Бог создал его». Только и врачам, и нам не следует возлагать все надежды на одну науку, а по примеру святого Пантелеимона нужно надеяться на милость Божию. Молитва, воздержание, богомыслие, посещение церкви, служение молебнов и особенно совершение великой жертвы — Христова

Тела и Крови, а также елеосвящение, т. е. соборование, — вот что должно сопровождать наше лечение у врачей. Обращаться должно и к молитвенной помощи святых угодников, особенно таких, которые во время своей земной жизни были врачами и целителями людских болезней. Вот и теперь, братие, в некоторых местах России опять появилась страшная болезнь холера. Будем же молиться Богу о спасении, помолимся сейчас святому Пантелеимону: он при жизни недуги исцелял, прокаженных очищал, больных избавлял от смерти. Пусть и теперь, предстоя Престолу Божию, просит он нас милостей Господа, пусть поможет и нашим врачам избавить нас от болезней, пусть испросит нам избавление от смерти.

Сейчас, во время молебного пения, будем молиться святому Пантелеимону, но постараемся подражать и его делам в своей жизни: будем такими же добрыми христианами, милостивыми, сострадательными, кроткими, смиренными, будем любить нашу святую веру и исполнять Христовы заповеди.

Святой великомучениче и целебниче Пантелеимоне, моли Бога о нас! Аминь.

ВЕРА И РЕВНОСТЬ

Слово по случаю торжества в честь местной иконы
святителя Николая Чудотворца¹³, 9 мая 1908 г.*

«Приспе день светлого торжества, град Барский радуется и с ним вселенная вся ликует»¹⁴. Приспел день светлого торжества и для вас, возлюбленные братие. Радостно видеть это великое множество народа, собравшегося здесь, пришедшего из селений за 200–300 верст, несмотря на небывалое разлитие вод, несмотря на эту бурю, бушующую на реке, несмотря на видимую опасность

* Сказано в деревне Каменке на р. Оби, Ордынского прихода Томской епархии.

путешествия и неудобства жизни в этой местности в течение времени богомоления. Велико, значит, усердие ваше к святыне, велико почитание святого угодника Божия.

Из песни церковной, сейчас нами приведенной, вы слышите и узнаете, что и по всей вселенной воздается похвала святителю Христову Николаю. Но по всей справедливости должен сказать, что особое и преимущественное почитание его мы видим среди русского православного народа. В трогательной простоте народ наш считает великого угодника Христова русским по происхождению, хотя на самом деле он жил далеко раньше того времени, как стало существовать само Русское царство: так много в угоднике Божиим Николае близкого и родного для русской народной души. В трогательной и умильной простоте русский народ изукрасил жизнь святителя такими сказаниями, которые изображают его особенно близким к простому русскому человеку, участливым к горю и радости крестьянина, входящим во все его нужды и заботы. Так велико и горячо почитание угодника Христова, так одушевлены рассказы о его жизни, полной веры и чудес, полной любви, дел милости и смирения, так много чудес явлено им в ответ на веру и молитвы среди русского народа, так ярко и ясно начертан всеми этими рассказами и событиями духовный образ особенно чтимого русским народом угодника Божия, что даже не ведущие Христа инородцы, соприкасаясь с русским народом, невольно проникаются благоговением к святителю Христову, чествуют его, возжигают свечи пред его образом, призывают его на помощь. Вам это, конечно, известно из жизни язычников недалекого от вас Алтая.

Правилом святой веры и ревностным ее исповедником и защитником, с одной стороны, а с другой — образом незлобия и кротости, образом любви и милосердия, скорым помощником в бедах, защитником невинных, страдающих, гибнущих, бедных и угнетенных, Николой-милостивцем — вот в каком свете представляет себе народ наш святителя Христова Николая, вот в каком свете изображает пред нами святителя его житие.

И здесь-то — глубокое и действительно нужное поучение нашему времени. Строгость и правда не одно и то же, что жестокость и злоба; милость и любовь далеко не одно и то же, что слабость

и попустительство на зло. И как в Самом Боге правда и милость сретостяся, истина и мир облобызастяся, так и в угодниках Его мы видим то же самое: и то же самое должны и для себя почитать образом жизни и поведения. Читайте житие святителя Николая, вслушивайтесь в слова акафиста в честь его, что ныне с той минуты, как забрезжило на небе светом, здесь беспрерывно читается священнослужителями по просьбе верующих: вы увидите, вы услышите, что святитель Николай, будучи образом незлобия и кротости, не только Арию, нечестивцу и хулителю православной веры, с силою противостал в слове, не только этого возбесившегося еретика пред всем Собором святых отцов он обличил и отгнал горячим словом, но в порыве неудержимой ревности, в самозабвении горящего и пламенеющего духа, подобно древнему пророку Илие, он ударил хулителя и врага Божия¹⁵... Собор отцов укорил за это святителя, но Сам Господь простил ему невольное увлечение духом ревности. Вы увидите далее, что милостивый к одним — к невинно страждущим, к верующим и смиренным, святитель является грозным обличителем других — нечестивцев, гордецов, неверов, лжецов, притеснителей угнетенных, злоупотребляющих силою и властью, торгующих честью и верою.

В наше время, когда лжеучители стараются спутать все понятия о добре и зле и, соблазняя на зло, прикрываются обычно именем правды и любви, повторяем — на эту особенность жизни святителя Николая надлежит обратить особое внимание. Ее-то именно и заметил русский человек своим простым и здравым сердцем, своим простым и здравым умом, которого не обманешь хитросплетенным и лукавым словом.

Не только речи возбесившегося Ария, худшие в тысячу раз речи ныне повторяются и распространяются окаянными совратителями нашего доброго и верующего народа. У Ария и его теперешних подражателей приемы и способы соблазна все одни и те же: Арий сочинял песенки и стишки, в которых складною речью излагал свое нечестивое учение о Христе с целью удобнее, легче и быстрее распространить его в народе. И то же самое делают теперь и современные лжеучители, сочиняя и распевая с народом и рабочими бунтовские и соблазнительные песни. И что же мы слышим в этих

песнях и речах? Говорят прямо против Господа и Христа Его; распространяют сектантство в тех старых здешних сибирских селениях, где издревле жили верные Церкви Православной ваши деды и прадеды; стараются научить особым сектантским стихам и песням, в которых нет здравого учения веры и которые составлены не апостолами и святыми мужами, не богомудрыми отцами и учителями, как это видим в Православной Церкви, а неизвестными и озлобленными отступниками от истины и веры. Другие идут еще дальше: отвергают совсем Бога, учат «отречься от старого мира» с его верою и святынями, учат безбожию молодых людей, разрушают здоровую и чистую семейную жизнь, сочиняют всякие небылицы и клеветы на царя и правительство, научают на бунты против властей, на убийства, грабежи и насилия, призывают к сопротивлению всякому закону, всякому порядку. Вы сами знаете, сколько таких сосланных, высланных, беглых преступников, порочных людей, которые не сумели жить среди своих близких, являются сюда учить вас, как надо жить...

И вот чтоб иметь доступ к душе народной, чтобы быть услышанными, чтобы достигнуть легче своих целей соблазна и смущения, эти сыны погибельные уверяют, что будто бы, по Христову учению, надобно всем предоставлять полную свободу — свободу слова и убеждения, никого не карать и не наказывать, что бы он ни говорил и как бы он ни мучил народ. Они уверяют, будто дух любви Христовой повелевает всех таких смутьянов и совратителей выслушивать охотно, приветливо и с любовью принимать их речи. А тех, кто из любви к народу и по долгу своего звания предостерегает народ от увлечения этими сатанинскими учениями, указывает на грядущую опасность и гибель от деятельности совратителей народных, разоблачает их злобу, обман и лукавство, — тех они объявляют гонителями мысли и свободы, гонителями просвещения. Сами вы хорошо можете сообразить, к чему ведут и чего хотят достичь такие их речи: пусть добро молчит, а зло действует во всю силу — вот чего они хотят добиться. Но всего отвратительнее здесь то, что нечестие лицемерно и лукаво ссылается на учение о любви Христа Спасителя, того нашего Спасителя и Господа, Которого они, нечестивцы и лжеучители, сами первые не признают

и оскорбляют. И вот идет постоянная путаница слов: любовь, милосердие — кричат проповедники нечестия и подразумевают под этими словами слабость, безразличие добра и зла и явное попустительство на все худое, тогда как между любовью и слабостью, между милостью и попустительством на зло лежит огромная, непроходимая пропасть. Это и видим на примере жизни и подвигов святителя Николая, горевшего ревностью по вере и правде, всегда с силою, до готовности вынести и пытки, и тюрьму, и самую смерть, восстававшего в защиту правой веры и указанной верою правды.

Что же? По духу ли Христову и по духу ли святых апостолов поступал святитель Николай? И как теперь нам относиться к нынешним подражателям и продолжателям Ариева безумия и беснования?

Вспомните, братие, как ревность по дому Божию снедала Сына Божия и как наш Спаситель, всегда кроткий и милующий, во святом гневе, вооружившись бичом, изгоняет нечестивых осквернителей святыни из дома Господня.

Пусть же изгнан будет из дома Божия и из среды верных всякий, кто осмелится осквернять и оскорблять наши святыни веры, наши алтари и храмы — будет ли он это совершать делом или словом, все равно. На то поставлена власть церковная, которой заповедано апостолом: *измите злаго от вас самех* (1 Кор. 5, 13). На то поставлена и власть гражданская, чтобы, по учению апостольскому о праве и обязанности власти, поощрять добро и карать зло (см.: 1 Петр. 2, 13–14), избавляя верных от присутствия осквернителей и оскорбителей святыни.

Вспомните далее, кто из апостолов был по преимуществу проповедником любви и сам был преисполнен любви. Это святой Иоанн, память которого мы вчера прославляли. Это он учит, что не любящий брата пребывает в смерти, что ненавидящий ближнего есть человекоубийца. Но послушайте, что апостол любви говорит нам о нечестивых соблазнителях: *Многие обольстители вошли в мир <...> Наблюдайте за собою, чтобы нам не потерять того, над чем мы трудились, но чтобы получить полную награду <...> Кто приходит к вам и не приносит сего [правого Христова] учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий*

его участвует в злых делах его (2 Ин. 1, 7–8, 10–11). Слышите, как строг суд к этим нечестивцам?

Апостол любви воспрещает даже молиться о таковых, согрешающих грехом к смерти (см.: 1 Ин. 5, 16). И понятно, ведь грех противления и упорной злобы против Божественной истины, и по слову Воплощенной Любви, Христа Спасителя, не простится людям ни в сей век, ни в будущий (см.: Мф. 12, 31), и даже слово вразумления в ответ на такую злобу является бесплодным, почему и заповедано: *Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас* (Мф. 7, 6).

И другой апостол учит: *Вскрались некоторые люди <...> нечестивые <...> которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти <...> ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям <...> уста их произносят надутые слова <...> отделяющие себя от единства веры. А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей <...> сохраняйте себя в любви Божией <...> И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте...* (Иуд. 1: 4, 8, 16, 19–23).

Мы уже сказали, что страхом спасать есть право и обязанность законной власти, посылаемой для наказания преступников и для поощрения делающих добро. А наша обязанность — делая добро, заграждать уста невежеству безумных людей (см.: 1 Пет. 2, 15). Пусть же горит и пламенеет в нас вера и ревность, пусть всегда, как сегодня, это множество верующих стекается к святыням, пусть каждому оскорбителю святыни ясно будет, что его вопли неверия и призыв к смуте — это клочкотание зловонной грязи, которое хочет перемочь силу звука и раскаты грома небесного... Пусть одним путем приходят к нам нечестивые соблазнители и, посрамленные, отвергнутые, проклятые, семью путями бегут от нас, как бегут ночные тени с горных высей, когда их озарит луч солнца. Пусть знают они, что на их попытку замутить нас, на каждое их гнилое слово готов ответ наш, ответ добрый, уверенный, вразумительный, сильный верою и усердием к вере, сильный любовью к Богу и ревностью о Его славе, о Его святыни, тою ревностью, которая всем пожертвует, все отдаст, на все пойдет, а веры и Бога не предаст.

Триста лет тому назад здесь лежала орда, от которой теперь осталось только имя здешней речки — Орда, название селения Ордынское. Здесь царила густая тьма язычества.

Плыли сюда, на новые места, предки ваши,плыли не одни: с ними был этот чудотворный образ святителя Христова, с ними была их святыня — вера в душе и ее внешнее обнаружение — почитаемая икона почитаемого угодника. И вот при ночлеге на этом берегу явлено знамение верующим, что именно здесь им нужно остановиться и поселиться. Здесь, рядом с опасным врагом, рядом с местом обитания зловерия и язычества. И раз, и два, и до сорока раз, как бы вопрошая Господа и желая ясно узнать волю Его, пытались они уйти отсюда и плыть дальше и выше: и всякий раз струт со святою иконою опять приставал к этому месту. Основалось поселение. Что же, посрамила ли вера верующих? Пожалели ли они, что послушались голоса веры? Или сдались они пред напором язычников? Уступили им в исповедании веры? Отказались от своей и переняли чужую?

Нет! И честно, и грозно хранили они веру в Бога, верность Его Церкви, хранили верность России и русским государям, хранили единство веры и святынь со всем русским народом. Истаяла орда, и сгинула тьма, и раздвинулась безбрежная страна для русского народа, и засияли кресты на храмах. И беспрепятственно из года в год эти тысячи верующих чрез все препоны пути, чрез все неудобства погоды приходят сюда к святителю и чудотворцу Николаю обновить веру, возжечь усердие, воспламенить ревность.

Смотрите, как пылают эти светильники, смотрите, как несется этот фимиам, смотрите, какой радостью и торжеством звучат молитвы и песнопения в устах хора из детей вашей церковной школы! Пусть все это будет образами и подобиями нашей огненной веры и нашей пламенеющей о вере ревности.

Не ослабевайте, братие, в этих святых чувствах! Не смущайтесь тем, что шатающиеся по селениям бездельные и праздные лжеучители, возглашая себя мудрыми и образованными, говорят и действуют в подрыв нашей вере. Сам Спаситель о том поведал, поведал, как утаил Господь от премудрых и разумных то, что открыл младенцам (см.: Лк. 10, 21). И апостол возвестил, что почитающие себя мудрыми обезумели пред мудростью веры и креста (см.: 1 Кор. 1, 18–19).

Не ослабевайте в вере и ревности, заграждайте уста безумию безумных, отстаивайте святую от всяких на нее посягательств, не позволяйте ни словом, ни взглядом ее оскорбить — и как дикая орда, как тьма перед светом, отступит от вас эта новая диавольская дружина, эта сатанинская орда соблазнительей.

Вечно слово Господне: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша. Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит. Обаче о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех!* (Лк. 10, 18–20). Аминь.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ В ЦЕРКВИ

Слово в день памяти трех вселенских святителей,
сказанное в Иоанновском монастыре¹⁶ в Санкт-Петербурге
30 января 1909 г.¹⁷

Празднуем сегодня память великих святителей и учителей вселенских — Василия Великого¹⁸, Григория Богослова¹⁹ и Иоанна Златоустого²⁰. Прославляем мы их труды и подвиги, благоговейно лобызаем их страдания, вспоминаем их наставления. Сейчас и молитвами одного из них мы молились в литургии Иоанна Златоустого. Тысяча и пятьсот лет, огромное пространство времени, отделяющее нашу жизнь от них, как бы обращается в ничто: мы слышим их, как живых, мы любим их, мы постоянно поминаем их в молитвах и богослужении. Кто не знает их имен? Кто не слышал об их славных подвигах?

В чем же их заслуга и в чем тайна столь широкой и долговечной славы их на земле? Скажут — это были люди великих и редких дарований духовных. Да, несомненно, все они были людьми в высокой степени одаренными — глубокий ум, блеск таланта, широкое и основательное по своему времени образование, огненное слово, пламенная ревность, глубина чувства, сила воли и решимости,

непреклонность убеждений, мужество в борьбе — все эти свойства были у каждого из прославляемых святителей. Мудрость и твердость правления церковного у Василия, глубина богословствования у Григория, проповеднический дар у Иоанна — все это только цветы и плоды, выросшие на почве общих у всех у них высоких дарований духа.

И однако много было и раньше, и после них людей, отличавшихся и умом, и образованием, и талантами, и красноречием, много было всемирных завоевателей, мудрых царей, мудрых правителей, блестящих писателей, художников, ораторов, мыслителей, но они не славны в среде такого множества людей, не славны столь долгое время, не славны и не столь глубоко влиятельны на души человеческие, как восхваляемые ныне святители. Найдите такого правителя, царя, такого ученого, которого тысячу пятьсот лет во всем христианском мире, каждый день, и притом в самые великие моменты просветления духа человеческого — за молитвой и богослужением, поминали бы миллионы людей!

В чем же, спрашиваем опять, в чем особенность жизни святителей, в чем их заслуга, где тайна, открывающая пред ними силу и влияние на века и тысячелетия?

Вот в чем тайна: все, что они имели, все дарования своего духа, всю жизнь и все свои силы без остатка они отдали Церкви. Они отдали свой труд, свой ум, талант, все сокровища духовные в самую верную сокровищницу, в самое надежное хранилище.

Куда обыкновенно расточают свои дарования мирские люди? Они служат временным интересам и потребностям людей: будет ли это нечто серьезное, будет ли это суетное и легкомысленное, все равно все это на время, для временной пользы и на время малое. Забудут писателей, забудут служителей искусства, забудут еще скорее тех, что услаждали слух или зрение людей в местах забав и увеселений. Но праведники вовеки живут, и мзда их у Господа; но вечны запросы веры; но не умирают и не умрут в людях стремления к нравственному совершенству; но неистребимы в нас алкание и жажда богообщения, правды в Боге, познания Его закона, восприятия Его воли, Его благодати, Его благоволения к людям и спасения. А эти все, все сокровища таковой премудрости открыты Христом и во

Христе, а Тело Христово — Церковь, а мы в ней — Его члены. А так как Церкви обетована вечность и неодоленность, то и служение ей есть служение вечному, и память в ней есть вечная память.

И было время, когда ум, слово, искусство, архитектура, музыка, пение, поэтический дар — все, все, что есть высокого у человека, все отдавалось Церкви Христовой. Повторялось в области духа то, что мы теперь наблюдаем во внешнем житейском устройстве верующего народа: в селе кругом деревянные и соломенные избышки, а над ними всех выше, всех лучше — прекрасный каменный изукрашенный храм Богу... И как согласно и цельно текла жизнь! И как, напоенная духом благочестия, давала она великие плоды и залогов будущих плодов духа!

Не на этой ли основе стоят и обители иноческие? Не этому ли началу вечному служите вы, честные сестры и этой святой обители? Не о том ли говорят нам и это прекрасное пение, и чтение, и искусство, и этот чудный храм, и вся эта красота вокруг нас, в которую и сегодня облеклось наше богослужение?

Не такой ли именно подвиг жизни явил пред нами и тот праведный муж, который своей любовью и усердием, и трудами, и средствами создал на месте пусте все это великолепие храма и обители, и который теперь почил здесь на веки своим утрудившимся от земных трудов телом? Отец Иоанн, подобно ныне поминаемым святителям, точно так же все, что имел, все сокровища, и внешние и внутренние, все отдал Церкви, для нее жил, о ней провещал вдохновенными речами и писаниями, к ней призывал всех людей, в эту лечебницу звал всех ищущих возрождения и спасения.

Недостало бы нам времени приводить здесь поучения батюшки об этом предмете, его восторженные хвалы Церкви Христовой. «Святая Церковь, — пишет он, — величайшее, благостнейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле, это истинная скиния Божия, юже водрузи Господь, а не человек. Только в Церкви заключается обновительная сила (для растлевающегося грехом естества нашего), вне Церкви ее нет и быть не может»*.

* Христианская философия. СПб., 1902. С. 97. (Репринт. М., 1992. С. 96).

Вот почему имеем и мы залог упований, что, подобно древним святым пастырям, имя и дух отца Иоанна не умрут, а пребудут вечной памятью в Церкви.

Думаете ли вы, что он только в церковном делании мог стяжать свою славу? О, нет! Если бы он уступил миру, если бы он пошел его путями и творил ему угодное, его теперешние хулители возгласили бы ему громовую славу. Своими редкими способностями, ревностью, настойчивостью в избранном подвиге решительно во всех областях жизни он был бы выдающимся человеком и имел бы успех. Но эта слава мира за угождение миру именно была бы тленной и недолговечной. Его мудрость, озаренная верой и молитвой, указала ему путь иной славы, нетленной и вечной — в Христовой Церкви. Он пошел за теми бесчисленными святителями и пастырями, которые все, что имели, посвятили на служение Богу и отдали в употребление Церкви. Таковы Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, коих покойный батюшка так чтит. Таковы и многочисленные святители Русской Церкви, и среди них первопрестольники наши, великие самоотверженные боголюбцы и народолюбцы, митрополиты Московские — Петр, Алексий, Иона и Филипп²¹. И сих с особой любовью он почитал и образ их велел написать у своей гробницы, в церкви-усыпальнице.

Русские боголюбцы и народолюбцы из первопрестольной Москвы, где сияли житием названные святители и где они почивают ныне телами своими в благоухании святыни, все патриотические союзы Москвы, членом коих состоял отец Иоанн, уполномочили меня к сороковому дню после его кончины доставить сюда и возложить на могилу батюшки эту икону святителей Московских. Сегодня мы по сему случаю и совершаем здесь нарочитую молитву.

Прими, дорогой наш боголюбец и народолюбец, эту святую икону сродных тебе по духу великих русских святителей, верных слуг Церкви Божией, верных сынов своего народа. И да будет тебе в Церкви Божией наряду со всеми, ей отдавшими безраздельно и без остатка всю жизнь и все дарования, все труды и подвиги, да будет тебе воистину вечная память!

РУСЬ СВЯТАЯ

Речь в Неделю Всех святых, 8 июня 1908 г.*

Прежде чем ответить на ваши горячие приветствия, дорогие братья и друзья, мы решили помолиться Богу: так подобает творить русским и православным людям. Прежде чем сказать вам слово как соразботникам и единомышленникам в нашем великом деле поддержания святой веры, святой верности царю и Родине и борьбы с нечестивым врагом, мы решили во время самой молитвы нашей побеседовать с вами пастырской беседой: так подобает творить истинным православным сынам Церкви и защитникам церковности.

И какой высокий предмет для слова и размышления, для назидания и взаимного соутешения дает нам воспоминание нынешнего воскресного дня! Неделя Всех святых! Вот кто — святые — являются живыми и вечными проповедниками того оживления мира и человечества, которое явилось плодом искупления Христова и ниспослания искупленным даров Духа Утешителя.

Святые указаны нам непосредственно после воспоминания о завершении искупительного и спасительного подвига Господа Иисуса как образцы для подражания в христианской жизни. *Святые будите, яко Аз Свят есмь*, — такова заповедь Господа; воля Божия о вас — святость ваша, — такова заповедь апостола верующим (1 Петр. 1, 16; ср. Лев. 11, 44; 1 Фес. 4, 3).

Трудно здесь и долго было бы входить нам в подробное и обстоятельное суждение о том, что есть святость в широком и всеобъемлющем значении этого слова. Скажем одно: святость обозначает полную отделенность от мира зла, выделение предмета или лица исключительно для служения Богу (см.: 1 Петр. 2, 9; Исх. 19, 6; Ис. 61, 6; Деян. 26, 18). В этом смысле свят Господь Бог наш как Существо надмирное и премирное; в этом смысле святая Церковь, все общество верующих свято (см.: Чис. 16, 3), свят храм, святые принадлежности богослужения, святые бывают наши достойные и Богу посвященные

* Сказано на молебствии в собрании патриотических союзов г. Москвы по случаю встречи и приветствий автору по возвращении его из Сибири.

мысли и молитвы; в этом смысле свят и должен быть свят всякий истинно верующий христианин, как это и видим в писаниях апостольских, где верующие постоянно именуются именем «святых» (см.: 2 Кор. 13, 12; Рим. 15, 26; 16, 16; 1 Тим. 5, 10; Тит. 2, 3; Деян. 26, 10 и др.). Отсюда и внутренняя чистота, высокая нравственная настроенность, отсюда добрые и «святые» дела у верующего истинного христианина: Богу отданный, от зла мирского выделенный, из мира обладания дьявольского изъятый не может иметь настроения, сродного миру зла, не может творить дел, обращающих его в рабство дьяволу и в его пособника.

Глубоко впитала в себя это воззрение русская народная душа, воспитанная Православной Христовой Церковью. И сказалось такое воззрение в метком и знаменательном слове. В то время, как немец говорит о себе: «честный немец»; в то время, как испанец называет себя «гордым и храбрым», в то время, как Англия — «предприимчивая», Франция — «веселая», Бельгия — «трудолюбивая», по сознанию и признанию сынов каждой из этих стран, то Россия, по сознанию и признанию ее сынов, есть «Святая Русь».

Да, Русь выделена из мира, избрана для особой великой цели хранения и распространения неповрежденной истины веры; она посвящена Богу и Его мироправящему Промыслу. И в своих исторических судьбах — преемствуя древней православной Византии и ее мировому призванию и значению; и в своем племенном составе — претворяя в себе и насыщая духом христианства многочисленные народности; и в своем географическом положении — на грани двух миров, двух частей света, двух цивилизаций — Русь Святая одна может быть орудием этого Промысла для мировых событий и мировых явлений. Сознает ли народ такое свое назначение? Он проявляет его не в ясно выраженных положениях, не в строго определенных словесных формулах; он носит его в глубине духа, проявляет во всем жизненном укладе, выражает иногда в трогательных и глубоких символах. Когда вы въезжаете в русское селение и видите высокий каменный храм, величественный собор, благолепный и богато украшенный внутри, когда вы слышите доброгласные колокола, видите парчу и золото — и это все посреди убогих хижин, посреди бедной жизни, то здесь явный знак и явное свидетельство того, как народ

смотрит на значение религиозного начала в своей жизни. Не поймет и не оценит этого гордый и чужой взгляд иноплеменный, но разумеет все это доброе русское сердце. Когда приходится наблюдать жизнь русских новоселов в Сибири, то еще яснее становится пред сознанием основная черта русской народной души. Откуда пришли новоселы? И с юга, и с запада России, и из ее центра, и с восточной окраины Приволжья собрались люди с различными племенными особенностями, а дух у них один. Наскоро выкопанные землянки, разбитые на время палатки, покрытые сверху войлоком или дырявым «рядном», приподнятые оглобли простой телеги, наскоро сбитый шалаш, вот жилье пришельцев с их женами и детьми. Но первая забота, первая мысль их после того, как намечено место и план для будущего селения, — это отвод площади для храма; первое поручение «от мира» избранному односельцу — собирать пожертвования на храм; первый разговор и первая серьезная совместная беседа — о том, как устроить приход, кому посвятить престол будущего храма, куда обратиться, чтобы хоть временно найти приходского пастыря, к какому селению ближайшему приписаться, чтобы войти в состав прихода. О, благослови, Господи, эти верующие и жаждущие Тебя Единого души, являющие Русь Святую в красе исконной святости и спасения! Пусть другие народы в своей исторической жизни и деятельности осуществляли и достигали успехов, каждый в сродной им области, обусловленной склонностями и способностями того или другого народа: одни развивали науку, другие создали право, иные преуспели в торговле, иные поставили высоко промышленность и внешние удобства жизни. Но если бы англичанина заставили переделаться во француза, а шведа — в итальянца, то разве не повторилось бы того же явления, как если бы мы заставили лошадь жить на дне моря или в речных струях, а рыбу пасти на луту?

Пусть же и русский народ останется верным своим прирожденным и тысячелетней жизнью в Церкви воспитанным свойствам, пусть он пребудет у ног Христовых, пусть не отпадет от взлелеянного веками и бесконечно дорогого ему образца жизни и того конечного ее стремления, которое он выразил в именовании своем: Русь Святая. Другие народы дали изобретателей, другие народы создали ту картину внешней жизни, которая теперь так привлекает и со-

блзняет многих: хорошие дома, племенной скот, разделанные пашни, довольство и сытость. Пусть русский народ и все это обретет, но пусть останется при своей уже приобретенной славе: он дал и воспитал святых, ведомых и прославленных во множестве, и еще в большем множестве незримых и миру неведомых, но оставивших и давших жизни русской и стремлениям русских людей особый самобытный и пропитанный религиозно-нравственными запросами и интересами отпечаток, строй и быт. И недóбро, бесполезно и невозможно русским переделываться в чужеземцев, да и нет к тому оснований и побуждений, ибо быть русским — почетно, быть русским — славно, быть русским — значит приобщиться к жизни истинно человеческой и достойной.

В вихре и суете современных политических страстей, в борьбе партий, в зное и соблазнах политических похотей, когда меняются знамена, когда одни подчеркивают желание свое дать нам право, другие — науку, иные — экономические успехи, одни стоят за тот или другой образ правления, другие подчеркивают стремления чисто и только национальные, интересы национальной силы и международного достойного положения, одно забывается чаще всего: стремление народа к святости и спасению. Так происходит смешение и перемещение цели и средств.

Блаженны вы, члены патриотических союзов, если сознаете и в главу вашего исповедания и ваших стремлений ставите заботу о том, чтобы Россия, наша великая, милая, бесконечно дорогая нам Россия, осталась и пребывала вовеки Русью Святой! Только в ее святости — посвященности Богу, только в ее Православии и слиянии с Церковью Христовой могут быть осмыслены, и возвышены, и укреплены вечным освящением и силой и образ ее государственного строения — самодержавие, и ее национальные, как особливой русской народности, задачи, интересы и стремления.

Воля Божия о нас — святость наша. Вот наше знамя. Но не слишком ли многого хотите? Не сверх ли сил берете бремя? Не действуете ли вне области жизни собственно государственной? Так возражают нам.

Но таковыми и с таковыми стремлениями Бог создал человека, вложив в него Свой образ и тяготение к Первообразу. Но такова

прямая заповедь Творца. Но таковы уроки апостолов. Хотите видеть возможность жизненного их исполнения и применения? Она представлена великим сонмом святых, в мире живших, плоть нашу носивших, питавшихся в ограде Церкви благостью Духа Святого и процветших святостью и чистотой. «Процвела есть пустыня, яко крин, Господи, языческая неплодящая церковь пришествием Твоим».

Посему, имея такое великое облегающее нас облако свидетелей — святых, ныне чтимых, гордость и грех отложивши, с терпением да течем на предлежащий нам подвиг: *взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса!* (Евр. 12, 1–2). Аминь.

ХРИСТИАНСТВО ЖИЗНЕННОЕ

Поучение в день памяти святого князя Владимира*

Задолго до нашего времени, более чем за 900 лет, в Русской земле царствовал князь Владимир, ныне воспоминаемый Церковью как святой просветитель русских людей, названный равноапостольным²². Князь Владимир долго не веровал во Единого истинного Бога, во Христа Спасителя, а признавал и почитал богов многих. Такая религия, признающая многих богов, называется язычеством. В то время, как вера Христова сообщена людям Богом Небесным, язычество выдуманно самими людьми, а так как человек может ошибаться, человек стремится только к тому, что ему нравится, что ему выгодно, то и языческая религия была ошибочна и всецело служила только телу: язычники много веселились, при служении богам допускались у них и пьянство, и обжорство, язычество допускало распутство и многоженство, не только не запрещало, но советовало дикие кровавые расправы, мстительность и жестокость. Хорошим и достойным похвалы, по мнению язычников, был тот, кто никому не давался в обиду, кто, напротив, всем другим показывал свою силу, кто умел

* Сказано казакам в церкви станицы Крымской Кубанской области.

весело, хорошо, всласть пожить, повеселиться. Вы видите, что заботы о душе, заботы о вечном спасении, заботы о чужом горе, о других людях у язычников не было. В язычестве хорошо жилось только знатым, сильным и богатым, а таких всегда немного. Наконец, в язычестве не было и мысли о том, а что же будет после смерти? Будет ли то же веселье, не будет ли, напротив, горя и мучения, и чем заслужить нужно вечное спасение, чем умиловать Бога, избавиться мук вечных? Многие язычники задавались этими вопросами, но кто может их решить, кто на них может ответить? Один Господь может разъяснить это, и действительно разъясняет во Святом Евангелии, в учении Христовом, но этого-то учения язычники и не знали.

Князь Владимир обладал светлым умом. Как язычник, жил и он разгульно, любил пьяные пиры и дикие забавы, имел множество жен, часто со своей дружиной нападал на соседей, убивал сотни и тысячи людей, уводил в плен отцов и матерей, избивал незащищенных младенцев. Но ничто не удовлетворяло души князя, не находил он в этом разгуле счастья, а время шло, приближало его к смерти, и все чаще и чаще задумывался князь над своею жизнью, над своею бедною душой, над своим будущим после смерти. Не раз, конечно, с тоскою и печалью он спрашивал своих богов, призывал идольских жрецов, но боги не давали ответа, потому что были ложны и немы, а идольские жрецы удивлялись, что князь, богатый и сильный, может быть печальным, и советовали князю заглушить тоску опять в вине, в плясках, в пирах и боевых набегах. Тогда князь стал искать ответа в других религиях, но ни одна его не успокаивала, ни одна ему не понравилась. Раз явился к нему священник-монах православный и познакомил князя с истинной верой, а после беседы показал ему картину Страшного Суда, где по правую сторону изображены были ликующие праведники, радостно идущие к вечному блаженству, а по левую сторону — плачущие грешники, идущие в муку вечную. Князь сказал с грустью: «Хорошо тем, кто по правую сторону». Священник ответил: «Веруй и крестись, и ты будешь с ними». С тех пор князь стал готовиться к крещению. Господь поразило его слепотою и исцелил после крещения, чтобы сильнее уверить в истине Христовой. И действительно, Владимир отдался вере Христовой всецело. Слово Божие, которое он теперь узнал, ясно

говорило ему, что князья должны быть отцами для своих подданных, и он, узнав счастье веры истинной, пожелал дать это счастье и своему царству. Так он крестил наших предков, крестил Русскую землю, и таким образом сделал то, что делали некогда апостолы, за что и назван просветителем России, равноапостольным. Святая Церковь прославляет его многими песнопениями. Она сравнивает его с апостолом Павлом и всех призывает величать его равноапостольным. По словам церковной песни, Господь отнял у него в купели крещения слепоту телесную, вместе и духовную.

Совершенно изменился князь Владимир после крещения: из буйного и гневного стал кротким и тихим, из жестокого и кровавого обратился в милостивого и смиренного. Кончились пиры, прекратилось пьянство и распутство, перестал он жить для себя и стал заботиться о других — о своих близких, о своих подданных, стал щедрым на милостыню нищим, на жертвы храмам, стал богомольным и трудолюбивым. Он сам говорил о себе: «Был я прежде, как скот, жил я хуже всякого зверя, пока не узнал Бога истинного». Так повлияла вера Христова на Владимира.

Князь просветил верой Христовой и землю Русскую. Наше Отечество этою верою росло и крепло, ею и строилась наша земля, соединилась воедино из множества отдельных княжеств, побеждала врагов и сделалась теперь могущественным в мире государством. И теперь русский человек, когда говорит с любовью о своем Отечестве, называет его Святой православной Русью, и теперь, когда мы хотим похвалить кого, то выше похвалы не находим, как сказать: «он истинный православный христианин».

Так погибло на Руси язычество и воцарилась вера Христова, вера православная.

Мы видели, каков был князь Владимир язычником и каким стал после принятия христианства. Теперь с тех пор прошло 900 лет. Русь стала православно-христианскою. Пало и уничтожилось язычество и сияет христианство. Что же, нет ли в нас до сих пор чего-либо языческого, совершенные ли мы христиане?

К сожалению, если рассмотреть наши дела, наши мысли, наши желания и чувства, то едва ли мы по чистой совести можем назвать себя вполне последователями Христовыми.

Язычник живет для тела, христианин должен жить для духа, язычник живет для земли и временной жизни, христианин живет для Неба и вечной жизни. Нам сказано: «дух есть, иже животворит, плоть же не пользуется ничто же»; нам заповедано: «вышних ищите, горняя мудрствуйте, а не земная»; нам каждую обедню твердят: «всякое ныне житейское отложим попечение», «горé имеем сердца», т. е. к Богу. Нам апостол говорит: во всем, братие моя, только то, что истинно, что честно, что пречисто, что достойно похвалы и что может быть названо добродетелью, — о сем помышляйте.

А мы? Мало ли у нас сквернословия, мало ли обжорства, пьянства, распутства, мало ли гордости, скупости, жадности, мало ли обмана для приобретения денег и других земных сокровищ? И неужели все это мы готовим для неба? Неужели все это свойственно христианину? И выходит поэтому, что по имени мы христиане, а на деле у нас много еще языческого. Дальше: язычник живет для себя, и только для себя. Христианин, напротив, помнит и о Боге, и о своих ближних. Нам сказано: возлюби ближнего, как самого себя, не своих только выгод ищите, но и о близких помышляйте. О родных апостолом заповедано: кто о близких, особенно же о родных, не заботится, тот веры отвергся и хуже язычника. И даже о врагах нам повелено: любите врагов своих, благотворите ненавидящим вас, если голоден враг твой — накорми его, если жаждет — напои его. А о старших, о начальниках, о пастырях духовных нам что заповедано? Заповедано повиноваться им, слушать их учение, заповедано не доверять собственному разуму, а веровать так, как учит Церковь Христова устами своих служителей. А о всех вообще сказано: воздадите всем должная...

А мы? Мало ли у нас ссор, вражды, зависти, ненависти, мало ли осуждения, упорства, неповиновения? Как же нам любить врагов, когда мы дома с близкими жить не умеем — муж с женой, дети с родителями, пасомые с пастырями?!

И опять мы приходим к печальному выводу, что мы по жизни язычники и только по имени христиане.

Братие возлюбленные! Что пользы от дерева, когда на нем нет ни плодов, ни даже листьев²³? Какое удобство от реки, когда в ней нет ни капли воды? Точно так же, что пользы от того, что мы крещены и называемся христианами, а дел и мыслей, чувств христианских не

имеем? Один из святых отцов говорит: если в источнике нет воды, то не должно и называть его источником. Так, если у христианина нет добрых дел, то напрасно и звать его христианином. Спаситель сказал, что всякое дерево, не приносящее плода, отсекают и бросают в огонь. Побоймся этого грозного определения. Постараемся быть христианами не по имени только, но и самим делом. Братие, говорит апостол, вы были некогда тьмою в язычестве, ныне же свет о Господе — в христианстве; ходите же, как дети света, а не тьмы, как служители добра, а не зла, как дети Бога, а не дьявола. Ныне же отложите все прежнее языческое: гордость, гнев, злобу, блуд, чревоугодие, срамное слово от уст ваших. Наши предки были язычниками и в язычестве имели много пороков, но они не знали закона Божия и в этом могли иметь оправдание. Мы же знаем, что добро, что зло, и если не творим добро, то потому только, что не хотим. Но поступая так, мы собираем себе гнев на день гнева, по слову апостола, ибо непреложно грозное прещение Спасителя: раб, не знавший воли господина и не сотворивший, будет бит мало, а раб, знавший волю господина и не сотворивший, будет бит много (см.: Лк. 12: 47–48). Аминь.

ЗАВЕТЫ ДРЕВНИХ СЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

5 октября 1908 г.*

Празднуем ныне память великих Московских святителей и всея России чудотворцев, митрополитов Петра, Алексия, Ионы; к ним впоследствии, по распоряжению высшей церковной власти, причислен по празднованию и памяти тоже святой — митрополит Московский Филипп²⁴.

Может быть, кто подумает: ведь они жили в Москве и там святительствоваали, зачем же нам праздновать с особым торжеством их

* Поучение простому народу в церкви Троицкого подворья в Санкт-Петербурге.

память? Но как Москва имела не местное только значение в древней России, а значение всероссийское, так и ее митрополиты-святители не напрасно и при жизни назывались всероссийскими, и по смерти почитаются всем русским народом; они совершили великие подвиги поистине для всего русского народа. А затем — святость человека сияет не только всем окружающим, не только целому народу, но всем людям на земле. И Спаситель говорил смиренным рыбакам-апостолам: *вы — свет миру* (Мф. 5, 14).

Пятьсот—шестьсот лет тому назад жили воспоминаемые сегодня угодники, двести с лишком лет один за другим они сияли житием и подвигами для Святой нашей Руси. То было время, безмерно тяжелое для русского народа. Уже народ наш в то время был просвещен верой Христовой в городе Киеве, уже распространял он эту веру среди народов диких и неведавших Бога, уже у нас было настоящее христианское просвещение, настоящее христианское царство, уже процвела тогда Русская земля великими святыми. Цвести бы и расти Русскому царству православному, совершать бы ему великое и всемирное апостольское дело — далеко кругом распространять святую веру среди народов Европы и Азии!

Но Господь судил иное. Судил Он испытать Русь крепким испытанием, закалить ее в невероятных страданиях. Из далеких азиатских стран нахлынули на нас дикие монгольские орды, пришли они на Русь в силе тяжкой. Разбиты были наши князья, разъединенные между собою, уничтожены наши воинские дружины, запылали села и города, разрушены храмы и монастыри, десятки тысяч людей отведены в тяжелую неволю, сотни тысяч избиты врагами, хлеб, достояние и богатства разграблены... Народ бежал в леса, селился в болотах, жил в нужде и наготе, в голоде и холоде, отвыкал от пения церковного, он звона колокольного... От Киева и юго-запада, от привольной и богатой земли, где впервые зародилось и основалось Русское княжество, русская жизнь стала отливать далеко к северу и северо-востоку, к Владимиру, Москве и Твери, чтобы подалее уйти от татарского разорения.

В такое-то время и совершили свой подвиг святители Московские — из них митрополит Петр жил во дни самых страшных ужасов татарщины, митрополит Алексей уже предчувствовал победу

над ними на поле Куликовом, митрополит Иона имел радость видеть, что иго татарское скоро-скоро окончится. Святитель Филипп не только видел полное и окончательное низвержение татарского засилья, но видел, как царь русский уже сам покорял прежде грозные царства татарские — Казань и Астрахань.

Прежде всего великие эти святители старались поддержать в русском народе ревность и чистоту веры православной. Она одна давала утешение в страданиях, она одна поддерживала народную бодрость и упования на лучшее будущее. Вера же православная хранила единство народа русского. От отсутствия такого единства погибал наш народ: если бы не разделялись князья и города, если бы не враждовали они между собою, если бы не отказывали друг другу в помощи, то и враг не одолел бы Русь. Но при множестве князей была на Руси одна православная вера, один митрополит, одна церковная власть, одно богослужение, один язык молитв, одни упования, одни святыни. Это все имело величайшее значение для народа русского. Но самое великое значение имело превосходство нашей веры, святой, православной, богооткровенной, пред верой пришельцев-монголов, которые сначала были язычниками, а потом, с XIV века, сделались магометанами. Трудно себе даже мысленно представить, что было бы с нашим русским народом, если бы он, под влиянием порабощения, принял бы и веру порабощителей. Он погиб бы для Царства Божьего и вечного спасения — это прежде всего. Но погибнув для неба, он умер бы и для земли: его поглотили бы дикие орды, и самого имени его теперь бы не существовало в мире. Будучи языческим или мусульманским, наш народ слился бы с монголами и разделил бы их судьбу, а судьба их у нас перед глазами.

Но безмерно превосходили русские татар своей верой. И великое дело случилось: татары покорили землю Русскую, взяли как бы тело России, а сами невольно покорились русской душе, т. е. вере нашего народа. Они не могли не уважать нашей веры, они во множестве крестились, они чувствовали наше духовное превосходство — порабощители преклонялись пред порабощенными, пред их духовными сокровищами. При таких условиях русские не могли затеряться в мире и погибнуть, напротив, постепенно они духовно

подчиняли себе своих победителей и тем сливали их с собою и вместе спасали их духовно, приобщая к Церкви Божией, к сокровищам христианства, к Царству Божию.

Всеми силами святой ревности и неустанный труд поддерживали святители Московские святое Православие в русском народе. Святитель Петр восстанавливает разрушенные храмы, учреждает новые обители, он переносит свою митрополию в Москву, строит Успенский храм и умоляет князя окончить его постройку, собрать сюда святыни народные, и предсказывает ему за это, что руки его вздыдут на плеча врагов его и что род его будет владеть и княжить в этом новом городе над всею Русью. Святитель Алексей все силы своего богато одаренного духа употребил на утверждение святого Православия. Он ездил по Русской земле, он также строил храмы и святыне обители, он сам переводит Святое Евангелие на славянский язык с греческого, он пишет послания и князьям, и простолудинам, утверждая их в вере и законе Господнем, призывая их к единению в Церкви Христовой: «Имейте в уме своем смерть, воскресение, суд и воздаяние по делам»; «не пропадет овца, на которой есть помета: ваша помета — Христос и Его Тело и Кровь Божественная»; «как одним дымом нельзя нагреть дома, так и одна домашняя молитва без общецерковной»; «что холоднее и бездушнее камня? Но и камень, если бить о камень, то явится тепло и посыплются искры: так и христиане в Церкви и в общецерковном пребывании и молитве»...

Во дни святителя Ионы опасность грозила Православию от замыслов папы Римского, хотевшего подчинить себе православные народности путем обольщения и богатых обещаний свободы и защиты от мусульман. Твердо стоял святитель на страже церковной, ни одна душа не погибла и не уловлена была в сети католичества...

Итак, не напрасно Святая Церковь в песнопениях нынешнего дня прославляет этих святителей как «первопрестольников российских и столпов Православия», как «хранителей апостольских преданий», непоколебимых защитников и веры проповедников. И в этом их первый завет векам и родам, сынам православного русского народа. На свете нет другого народа, у которого измена вере приносила бы такие пагубные последствия для государственной

жизни: так сросся и сжился народ русский со святым Православием. Пред ним, пред святым Православием, в лице святителя Алексия, склонился и сам хан татарский: он просил святителя Алексия приезжать в Орду, он видел чудо исцеления своей жены по молитвам святителя, он с честью его встречал и провожал, одаривал подарками, давал льготы и милости Церкви Божией... В эти времена святитель Алексий являлся митрополитом и пастырем не только для русского князя и русских людей, но и для хана татарского и его народа.

В Москве у московских князей впервые ясно и решительно была осознана и высказана мысль о том, что надо русскому народу собраться в единое государство, под рукой единого князя, чтобы свергнуть иго татарское. Нужно было победить всякое самолюбие и все разделения ради блага всей Руси, нужно было пламенно любить Родину, чтоб о себе забывать, нужно было повиновением князю постепенно из губительного многоначалия создавать единоедержавие и самодержавие на Руси, чтобы силой самодержавия царского вести Россию к силе и славе и к исполнению ее религиозного, выше указанного, мирового призвания.

И вот святитель Петр следует за князем в незначительный в то время городок Москву, чтоб утвердить там свое местопребывание и тем привлечь к князю уважение и преданность всей России. Святитель Алексий повиновался даже малолетнему великому князю, всячески ограждая его права; он входил не только в дела церковные, но и государственные, увещевал непокорных, предавал отлучению церковному тех русских князей и их приспешников, которые шли против законной власти великого князя, пользуясь его малолетством или затруднениями в государственной жизни, и соединялись даже с врагами русского народа (как князь Тверской с литовцами); он путешествовал в Орду к татарскому хану, чтобы смягчить его и предотвратить нападение на Русскую землю. Умирая глубоким старцем, он говорил великому князю: «Сын мой, я отхожу от жизни, оставляя тебе милость от Бога, мир и благословение, а также и сыну твоему и всему семени твоему до века». Так, видите, и доньше почитет на нас благословение святителя. Так же действовал и святитель Иона: и он писал послания к русскому воинству, ободряя его на подвиг брани против татар-поработителей и обещая именем Господним венец

славы мученикам, которые будут убиты в сей священной брани; и он властью духовной смирял бунтующих князей, бояр, раздорников, непокорных власти законного великого князя; и он всеми силами своими служил благу народа русского, подготавливая единодержавие и самодержавие его властителей и вместе с тем силу и крепость царства Русского, православного, мир и спокойствие Церкви Христовой, благоденствие и порядок народа, чтобы народ наш тихое и безмолвное житие проводил во всяком благочестии и чистоте, творя волю Божию, уготовляя себя к вечному спасению. Ради того же блага русского народа и святитель Филипп, на сто лет позже митрополита Ионы, уже во дни свободы Русского царства, когда царь Иоанн Грозный, попущением Божиим объятый болезнью, воспылал гневом на подданных и стал предавать многих неправедным и жестоким казням, — святитель Филипп мужественно и до пролития крови пастырски увещевал грозного царя, сохраняя уважение, преданность и повиновение ему как царю, но напоминая о равном для царя и подданных законе Царя Небесного.

Вот, братие, жизнь и подвиги Московских и всероссийских святителей на протяжении двух столетий скорби и страданий в жизни русского народа. Ныне, в день царский, когда мы молимся за царственного отрока и именинника, наследника престола, цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, не вспоминаются ли нам скорби и страдания, пережитые и переживаемые нами в последнее время? Враги внешние, японцы, родственные древним нашим насильникам-монголам, нанесли России жестокие раны. С ними соединились наши домашние раздорники и изменники и производили и производят разделения и смуту в царстве нашем, как во дни татарского нашествия.

Где же и в чем нам искать спасения?

Ответ мы слышим в жизни и подвигах святителей Московских. Их заветы через века и роды гласят нам: храните святую православную веру, храните единство в Церкви Православной, ищите паче всего вечного спасения и утождения Богу, любите родной русский народ, свое Отечество до полного забвения своих выгод, дорожите выстраданным и Церковью благословенным самодержавием наших царей, повинуйтесь власти их и поставленных ими правителей,

не смущайтесь и не соблазняйтесь ни речами, ни обещаниями раздорников и развратителей народных.

В этом было наше спасение в веках минувших, в этом спасение России и в настоящее трудное время, и на всю вечность! Аминь.

СВЯТЫЕ ЗАВЕТЫ ДЕТЯМ

Слово в день памяти святителя Алексия,
митрополита Московского, 12 февраля 1902 г.*

В жизни святых имеем мы неизживаемое духовное наследство, которое ежедневно в церковных воспоминаниях, в церковном богослужении раскрывается пред нами во всем его дивном богатстве. Бесчисленные сонмы этих святых украшают небо церковное и сияют на нем, как звезды небесные. Взирая на них, освещаем мы ими свой путь земной жизни, направляя его к небу и вечности, взирая на них, мы и сами заимствуемся от света их.

Такова же и жизнь святителя Алексия, митрополита Московского²⁵, память которого, ради небесного его покровительства архипастырю нашему, собрала нас сегодня во святом храме.

Воистину память праведного с похвалами²⁶. Имя святого Алексия известно во всей России. Можно сказать, оно воспоминается за всеми важнейшими богослужениями церковными в ряду тех великих имен великих деятелей: Михаила, Петра, Ионы, Филиппа и других, которым Церковь Русская и народ русский обязаны вечной благодарностью.

Благодетели и друзья оцениваются главным образом в тяжкие години жизни, во времена горестей и несчастий. В такое именно

* Сказано по случаю тезоименитства высокопреосвященного Алексия, экзарха Грузии. Сказано при священнослужении владыки экзарха в Крестовой экзаршеской церкви к учащимся духовных учебных заведений и церковно-приходских школ города Тифлиса.

время, в тяжкое для России время, жил и действовал святитель Алексей, оттого, конечно, он особенно и дорог русскому народу. Это было более 500 лет тому назад. Нашествия татар, разорявших и грабивших землю Русскую, разделения и распри в среде князей, церковное неустройство и раздоры и в довершение всего губительная зараза, известная под именем «черной смерти», от которой вымирали целые города, обращались в безлюдные пустыни целые области, — вот каковы были обстоятельства того далекого времени.

Неудивительно, что в такое тяжкое время даже детство, этот возраст жизни, обыкновенно беспечальный и радостный, омрачалось заботами и тревогами. Святой Алексей, называвшийся до принятия монашества Елевферием, был сын богатых и знатных родителей. Юные годы его могли протекать, как один сплошной непрерывный праздник. Но с детства он упреждал мысль будущий подвиг жизни, задумывался не о радостях и забавах настоящего, но о трудах будущего, пытливая душа его неотступно размышляла, какой избрать ему путь для служения Богу, ближним и Родине, страдающей от несчастий и бедствий. Над детской вдумчивой душой никогда не дремлет всесильная предваряющая благодать Божия... И вот однажды, когда отроком, на 12-м году жизни, Елевферий расставил сети для ловли птиц и, в ожидании добычи, задремал, вдруг он услышал невидимый таинственный голос, назвавший его новым именем. Голос говорил: «Алексий! Что напрасно трудишься? Тебе предстоит ловить человеков». Отрок проснулся, и в этих словах, которыми некогда Спаситель призвал апостолов к пастырскому служению в Церкви Христовой, он увидел призвание своей жизни, то призвание, над которым не раз останавливалось в тревожном размышлении его пылливое сердце. С тех пор произошла большая перемена в душе отрока — он сделался задумчивым, молчаливым, стал уединяться, предался молитве и чтению слова Божия, посещению церкви. На пятнадцатом году жизни он решил принять монашество, а чрез 5 лет уже был пострижен в одном из московских монастырей, получив ранее указанное ему в таинственном видении имя Алексей. Благочестием, умом и ревностью ко славе Божией и служению ближним он скоро обратил на себя внимание митрополита всея Руси святителя Феофноста²⁷, и был избран им себе в помощники по

управлению Церковью. Алексей не имел тогда и 40 лет жизни, но, несмотря на молодость, ни высокое положение, ни почести, ни власть, ни окружающие его шипящие злоба и зависть к нему не смутили и не озлобили его кроткой и боголюбивой души, не ослабили его трудов, которым он отдавался день и ночь. Когда же умер святитель Феогност, то, по завещанию усопшего архипастыря и по воле великого князя, Алексей был возведен в звание митрополита Московского и всея Руси. В этом высочайшем служении он показал все величие святой души своей, все богатство дарований естественных и благодатных: ради устройства дел Церкви два раза²⁸, с опасностью жизни в пути, ездил он в далекий Константинополь*, дважды путешествовал в Орду к диким татарам, испрашивая милостей у ханов для земли Русской. В личной своей жизни, по выражению песни церковной, он был «питателем вдов, отцом сирот, помощником скорбящих, утешителем плачущих, для всех — пастырем и наставником» (Седален 12 февраля). Во дворце князей он пользовался почетом, и слово его останавливало княжеские, гибельные для России, распри. В своей церковной и государственной деятельности поистине он был Ангелом Хранителем России²⁹. При всем том он находил время и строить церкви и монастыри³⁰, и уединяться для подвигов иноческих и молитвы, и исправлять священные книги, и рассылать поучения своей обширной пастве по всей России. Имя его было славно в родной земле, славно было далеко и за пределами ее, даже у татар, поработителей России.

У татарского хана заболела любимая жена Тайдула и потеряла зрение. Хан послал в Москву к князю и приказывал ему прислать в Орду святого митрополита русского³¹. «Мы слышали, — писал хан, — что есть у вас служитель Божий, который если о чем попросит Бога, Бог слушает его. Пришли его, пусть он исцелит жену мою. Если не пришлешь, пойду я опустошать землю вашу».

Смутился смиренный Алексей, когда ему князь передал волю хана. Но вера в Бога, любовь к Церкви и Отечеству превозмогли

* Оттуда во второй раз вернулся он, умиротворив Церковь, получив от Константинопольского патриарха, от которого тогда была в зависимости Русская Церковь, звание митрополита и экзарха Великой России. — *Авт.*

все, дали ему силу совершить чудо. В смущении духа, пред отправлением из Москвы к хану, пошел он молиться во храм ко гробу святого митрополита Московского Петра. Здесь во время молитвы, в знамение свыше, в руках святителя Алексия сама зажглась церковная свеча. Подкрепленный этим знамением, святитель отправился в далекое и опасное путешествие. Прибыв в Орду, он отслужил молебен над болящей Тайдулой, совершил водоосвящение и окропил святой водой потухшие очи царицы. И внял Господь его молитве: Тайдула прозрела и с тех пор неизменно покровительствовала земле Русской. Святитель возвратился со славой, с богатыми милостями хана к России* и отвратил от родины грозящую беду.

Святитель Алексий почил от тяжких трудов жизни в глубокой старости, имея около 80 лет от роду. Чрез 50 лет открылись нетленными святыне мощи его и источают доселе чудеса милости Божией всем притекающим к ним с верой и молитвой. Пред ними, отправляясь сюда экзархом Грузии, и наш архипастырь, высокопреосвященный Алексий, склонившись в молитве до праха земного, просил себе небесной помощи в делах своего служения³². Да поможет ему Господь утро и завтра.

От обстоятельств детства и юности святителя Алексия возьмите себе уроки вы, юноши и дети, питомцы школ церковных. Да будут радостны и беспечальны ваши детские годы, да будет светла и полна веселием ваша юность! Но в пору нежной весны вашей жизни помните, дорогие, что наступит лето — время труда и жатвы. Ленивый земледелец, не посеявший весной ничего на своей пашне, останется без жатвы летом и без хлеба зимой. Жалким и ничтожным тунеядцем, лишним и никому не нужным человеком, общей тяготой для всех останется он в жизни. Берегитесь, дети, этой печальной судьбы! Растите, трудитесь, богатейте верою, молитвою, познаниями и, как отрок Елевферий, вдумывайтесь в будущее призвание жизни. Жизнь — не беспечальный праздник. Не сплошное веселье: она есть путь приготовления неба, она есть время труда и подвига,

* «Как благодарить тебя, святитель Божий! Ты даришь нам мирную жизнь». Такими словами встретил свт. Алексия в Москве по возвращении от хана князь Димитрий Иоаннович, будущий герой Куликовской битвы. — Авт.

искупляющего страдания. Блажен, кто, по слову пророка, возьмет ярем свой от юности своей! Блажен, кто в годы молодые верой, молитвой и трудом привлек к себе благодать Божию. С ним будет то, что мы наблюдаем в знойных странах юга: хозяин весной, пользуясь обилием воды, старательно собирает и сберегает ее, чтобы летом, в знойные дни, в дни засухи и бездождия, оросить жаждущие нивы живительной влагой. Собирайте же теперь дары естественные и благодатные, собирайте во дни детства и юности: после не поднимете.

Вы — дети Церкви, вы, ею воспитываемые и обучаемые, имеете и теперь тех руководителей на этом пути, в число которых некогда таинственным голосом призван был отрок Елевферий. «Духовные ловцы человеков» — пастыри и учителя церковные остаются в Церкви и ныне, останутся в ней и до скончания века. Они своими трудами поддерживают школы, в которых вы учитесь, они являются хранителями вашего детства, да будут они хранителями и руководителями всей вашей жизни, чтобы уловить вас в сети Царства Божия! *И никто же сам по себе приемлет честь, токмо званный от Бога, якоже Аарон* (Евр. 5, 4). Святитель Алексей любил повторять слова святого Григория Богослова: «нелегко украсть овцу, на которой положен знак». Знаки же для овец стада Божия суть знаки церковности: святые Таинства, священные обряды, посты и молитвы, Тело и Кровь Христовы... Такая отмеченная овца не затеряется в мире, такую овцу не украдет враг спасения. А если эта овца не отходит и от пастыря, то она вдвойне безопасна. Храните же, дорогие, вашу связь с Церковью Христовой, храните на всю жизнь связь с пастырями и служителями Церкви. «Повинуйтесь наставнику вашему и покоряйтесь», — слышали вы сегодня в апостольском чтении. Над ними же, над пастырями и учителями, — архипастыри Церкви, к которым обвыкли православные люди относиться с благоговейной любовью, поминать их ежедневной молитвой. Сегодня — день нарочитой и особой молитвы о нашем архипастыре. Вы видели, как сегодня в молитве за вас изливалась в слезах умиления душа архипастыря в тот миг, когда он молил Господа призреть с небесе и посетить вас — виноград, который насадила десница Божия. Помолимся и мы о нем Пастыреначальнику Иисусу Христу, будем просить ему небес-

ной помощи святителя Алексия, его небесного покровителя. Так поступая, мы исполним завет святителя: в дни своей жизни он в поучениях своих придавал великое значение взаимным церковным молитвам. «Оставив все дела свои, — писал святитель Алексий, — без лености собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: помолимся дома. Как комната без огня от одного дыма не может нагреться, так и домашняя молитва без церковной. Если так будете делать, то и молитва церковная за вас дойдет к Богу».

Да вознесется же ныне наша молитва за архипастыря, да услышит ее Господь предстательством святителя Алексия и да видим мы нашего владыку архипастыря среди вас, дорогие дети, воистину *яко отца о чадах веселящаяся!* Аминь.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА ЗАВЕТЫ СЯТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ

Речь в день тезоименитства наследника цесаревича,
5 октября 1906 г.*

В совершенно необычной обстановке и в особо знаменательном собрании совершаем мы ныне это молитвословие о царе и сыне царевом³³. Среди людей, открыто, мужественно и самоотверженно, иногда с опасностью для чести и даже жизни своей, представляющих, как знамя жизни и деятельности, преданность Церкви Христовой, Родине и царю, мы встречаем нынешний церковно-гражданский праздник. Как отрадно совершителю богослужения вознести молитву о царе и царстве среди людей искренних, единомышленных, участвующих в богослужении не телом только, но и духом, не за страх, а за совесть, не по долгу внешнему и принудительному, а по внутреннему влечению сердца! Но вместе с тем

* Сказана на молебствии в присутствии членов третьего Всероссийского съезда русских людей в г. Киеве.

здесь-то и место указать отрадные утешения русским людям и глубоко назидательные уроки, которые на сердца боголюбивые и царелюбивые должны пасть, как роса на землю жаждущую.

Вы стойте за веру православную. Но вот пред вами живой образ религиозной ревности и преданности истине Православия в лице святителя Алексия, митрополита Московского, память которого сегодня празднует Святая Церковь; имя его носит и небесному покровительству его вверен нынешний наш царственный именинник. Сын боярина, из богатого дома, с заманчивым будущим в смысле житейских успехов, он оставляет с молодых лет мир и отдается всецело подвигам веры и служению Церкви. Перст Божий возвел его на митрополичий престол всея Руси. И в этом звании святитель не знал усталости в трудах. Дважды по делам Церкви он совершает тяжелое путешествие в Царьград, переписывает своею рукой и исправляет перевод богослужебных книг, устраивает митрополию, вводит порядок в церковном управлении, пишет послания, воздвигает храмы, созидает обители. Это он был другом великого игумена земли Русской — преподобного Сергия; он упорядочил наше монашество; это он своим влиянием на ханов татарских, поработителей России, в дни господства наших врагов добился того, что Церковь Православная осталась и объявлена была ханами неприкосновенною, первенствующею и господствующею, свободною в своей жизни и в распоряжении своими имуществами, добился того, чего теперь хотели лишить ее свои, русские, домашние воры и насильники, якобы от имени русского народа.

И он же, святитель Алексей, завещал нам, русским людям, в трогательно простых выражениях хранить единение и мир в общении церковном. «Други, — говорит он, — берегите молитву церковную. Как нельзя согреть дом одним дымом без огня, так нельзя остаться с одною молитвою домашнею без церковной. Что холоднее и бездушнее камня? Но если и камни ударять один о другой, то они согреваются и из них посыпятся искры. То же и в церковном общении». Вот нам урок единения, мира и любви взаимной — урок русским православным людям теперь столь необходимый. Все, что нас разделит и разъединит, все, кто нас разделит, — все раздорническое не благословенно.

Вы стоите за царя, вы благоговейно храните чувства и долг верноподданства. И в этом нам образ — святитель Алексей. Дорог царь для русского народа, и потому, конечно, дорог для него и первородный сын царев, живая надежда будущего, залог сохранения царского рода, залог того, что по смерти царствующего государя царство не омрачится кровавыми спорами и раздорами из-за престолонаследия. О, знает Россия эти тяжкие времена, эти раздоры из-за великого княжения, когда не было ясного закона наследования престола!

Святитель Алексей и благословил тот именно порядок наследования престола от отца к старшему сыну (а не старшему в роде), который с течением времени дал России прекращение междоусобиц после смерти каждого великого князя; его дорогую подпись мы видим на этом акте громадной государственной важности.

Князь Димитрий Иоаннович, будущий герой Донской, был ребенком³⁴. Но митрополит всея Руси Алексей хранил свято верность и ребенку — законному государю, он заботливо его пестовал, охранял его от злых влияний, воспитал в нем будущего спасителя Отечества. Новый порядок престолонаследования только что возник, князья удельные не хотели его признавать, при малолетнем великом князе они по-прежнему тянули врозь и грабили землю Русскую. И сам митрополит, который принимал самое близкое участие в делах государственных, который при множестве князей был один, как митрополит всея Руси, мог бы воспользоваться положением и сосредоточить власть в своих руках. Но святитель не только сам хранил верность ребенку-государю, но и пасомых приводил к тому же; словом архипастырского поучения, грозою отлучения от Церкви он смирял мятежных князей и сберег власть законного государя, положил семена единодержавия и самодержавия на Руси.

Вы стоите за русскую народность, вы отстаиваете Россию для русских, вы все — горячие патриоты.

Святой патриот перед вами — святитель Алексей. Для величия русского народа в годину его унижения под игом татар он работал всю жизнь, участвуя и в делах государственных, и в делах церковных. Он не дожил до радости поражения врагов на поле Куликовом, но он ее видел духовными очами, он подготовил эту радость и, можно сказать, руками и устами преподобного Сергия он благословлял

Димитрия Донского на брань. Ради русского народа три раза он ездил в Орду, отвратил гнев хана от Русской земли, отвратил усиленную дань и разорение ее и страшную войну; ради спасения Руси от разгрома инородцев он способствовал укреплению власти великого князя; ради русского народа он нес все труды и невзгоды жизни. По его завету ныне вместе с ним убажжаемый другой святитель все-российский, митрополит Иона, писал русским людям пред решительною борьбой с татарами: «Кому случится умереть на той брани, те, подобно древним мученикам, примут от Христа венец за подвиг мучения».

В деятельности святителя Алексия трудно различить, где чисто церковная его работа и где государственная. Но русский народ не осудил за это святителя, но Церковь Русская, не задумываясь, прославила его во святых. Так искони повелось на Руси: русские люди созидали Царство Божие прежде всего, и это считали целью, а на царство земное, на народ государственный они смотрели как на средство для достижения цели и старались, чтобы средство это было достойно и прилично для цели, было сильно и действенно. Кто хотел бы на Руси разделить Церковь от государства, тот уподобился бы человеку, который пожелал разделить в живом теле мясо и жилы от костей.

Духовный образ святителя Алексия и с ним вместе ныне убажжаемых святителей Московских Петра и Ионы — это великое назидание в наши дни, и прежде всего нам, пастырям Церкви. Совершенно верно то, что духовенству должно быть строжайше воспрещено всякое политиканство. Оно словом Божиим, присягою и долгом своего звания и ежедневною молитвою призвано приносить моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за вся, иже во власти суть. Посему для служителей Русской Церкви, волею царя ныне призванных к участию в Государственной думе и в Государственном совете, путь жизни, правило слова пастырского и образ поведения в жизни чисто государственной совершенно ясны: они призваны поддерживать православную веру, власть государя и жизненные интересы родного русского народа. Это не политика духовенства, это его религиозный и патриотический долг, это завет первоиерархов русских и угодников: святителей

Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, преподобного Сергия, это заветы великих патриотов-страдальцев: Иова, в век незабвенного Ермагена и Авраамия Палицына.

Память же лжепатриарха Игнатия проклята в народе... Посему все, что не религиозно, не народно, не патриотично, все, что хотя бы косвенно склонно поддерживать такие течения жизни, которые действуют в подрыв и ослабление силы и чести Православной Церкви, в умаление власти царя, утверждающего эту власть свою на религиозно-нравственном христианском начале, а не на языческом правовом, и в подрыв силы, значения и прав русского народа в его царстве, — все такое и все такие должны покинуть ряды служителей Церкви, уйти из ее священной дружины, не смущать боголюбивого и царелюбивого народа русского своим предательством, изменою долгу, лицемерием или хотя бы даже только попустительством злу. Нет в мире более народного духовенства, как в России. Таким его сделала история.

Нужно ли еще слово о том, что высказанное есть урок, назидание и долг для всякого русского человека? Но думается, что слово само собою вам и слышимо, и понятно. Ваше присутствие здесь — тому доказательство.

Пусть же ныне укрепятся и освятятся в нас молитвою наши религиозно-патриотические убеждения, и пусть они, распространяясь все шире и шире, в глубь сознания русского народа, принесут плод многих в жизни нашей Родины! Тогда исполнится недавно сказанное слово и желание нашего государя: в час, когда он, как смертный человек, по воле Божией отойдет смертным исходом в путь всея земли, он передаст своему первородному сыну-наследнику царство мирное, упорядоченное, могучее.

Боже! Суд Твой царице даждь и правду Твою сыну царице! Да возрастает царственный отрок от силы в силу, исполняясь премудрости, и да будет в любви у Бога и человеков! Аминь.

ЗАВЕТЫ ЖИЗНИ СЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

**Слово в день памяти святого Иоанна Златоустого,
13 ноября 1907 г.***

Кто из православных христиан не слышал имени святого Иоанна Златоустого? Едва ли есть другой из чтимых святых, кого бы Церковь Христова поминала так часто — почти каждый день во всех своих священных храмах. Ему мы обязаны составлением Божественной литургии, чаще всего совершаемой в нашей Церкви, ему мы обязаны многими чудными и доселе трогающими всякое сердце молитвами. Его жизнь навеки полна поучений, как пример твердой веры, бестрепетного служения долгу, невзирая ни на какие препятствия, безпредельной преданности Святой Церкви и сопряженной с великими трудами и подвигами любви к своим ближним. Его многочисленные сочинения — проповеди, наставления, толкования слова Божия, книги, письма и послания — все это на вечные времена остается непревзойденным образцом глубокомыслия, красноречия, горячности любящего сердца и неисчерпаемого назидания для верующих всех веков, стран и народов.

Такого-то великого из величайших святых прославляем мы сегодня нарочитым праздничным торжеством по случаю 1500-летия со дня его святой мученической кончины³⁵.

«Златозарного и златословесного почтим Златоустого Иоанна, вся позлатившего златовидными сиянии учения, и мир языком просветивша, злата светлейшим и света полнейшим, источающим благодать Божественную». Так прославляет великого святителя песнь церковная. Тысячу пятьсот лет пред его невиданными дарованиями ума и слова и пред подвигом его жизни преклоняется мир христианский, и сколько будет существовать Христова Церковь, она никогда не забудет об этом праведнике, вселенском учителе и светильнике. Из его творений всегда будут черпать мудрость и озарение благочестивые души, его примером будут всегда назидаться ищущие назидания.

* Сказано по случаю 1500-летия со дня его кончины.

И ныне, в день нарочитого праздника в честь угодника Божия, мы не только помянем его благодарною хвалою и усердною к нему молитвою, не только «в песнях возвеличим Златоуста», хотя и наперед знаем, что трудно выразить словами величие его дарований и святости, но постараемся найти в его жизни себе уроки и наставления, найти примеры для подражания.

Конечно, нельзя подражать его блистательным дарованиям ума, познаний и единственного, воистину неподражаемого красноречия, которое и дало на все века ему одному принадлежащее похвальное именование Златоустого. Это — Божий дар. Но некогда сам Златоуст, восхваляя апостола Павла и дивясь его величию, заметил в назидание слушателям: «Хотя он был и Павел, все же был он человек». Так точно и мы теперь скажем об Иоанне: хотя он был и Златоуст, все же он был человек, и многое человеческое в нем нам близко, доступно и для понимания, и для подражания.

Рожденный в семье богатой и знатной, получивший самое высокое образование по своему времени, с юных лет видевший признание своих блистательных талантов, проживая в столичном городе всего Востока, имея пред собою самую блестящую будущность в мирском служении, святой Иоанн, однако, все свои исключительные дарования, все способности, все силы, все сокровища души своей отдал Богу и посвятил на служение Церкви. Смирненно уклоняясь в молодости от почести епископства, он то состоит чтецом при церкви в родном городе Антиохии, то удаляется в горы и простым монахом-послушником служит пустынным отшельникам, то удаляется в затвор в пещеру, а потом, возвратившись в силе духовной обратно в мир, он долго служит в церкви диаконом, потом простым рядовым священником. Кругом его раздаются восторженные хвалы его мудрости, его неподражаемому красноречию, а он остается все тем же смиренным служителем Церкви Христовой: посещает больных, благотворит бедным, неустанно совершает богослужения, неустанно проповедует, изъясняет Священное Писание, поучает верных, он радуется радостями пасомых, он скорбит их скорбями. Не раз, слабый здоровьем, он не выдерживал такого неустанного и непрерывного труда и в изнеможении возлегал на одр болезни, но при первой возможности, еще больной и слабый,

он снова становится на дело своего пастырства и учительства. Глубоко верил святой Иоанн и нам завещал, что только служение Церкви несет спасение миру и человечеству, что только углублением и расширением христианских правил веры и благочестия можно благоустроить нашу земную жизнь.

Хочешь ли ты, христианин, пройти через жизнь и оставить по себе след благотворный? Хочешь ли, чтобы твое существование не было пустым и бесплодным? Хочешь ли ты принести благо людям, усилить добро, уменьшить зло? Нигде и ничем ты не можешь достигнуть этого, как в Церкви Божией и служением Церкви. И будешь ли ты рядовой мирянин или влиятельный член церковного общества, будешь ли ты беден или богат, одаренный способностями или самый заурядный человек — это решительно все равно: в меру сил, в меру возможности трудись для Церкви Христовой в рядах верных ее сынов, ей служи, ей помогай, ее учение и заповеди исполняй, блюди всячески ее интересы и нужды, и ты всегда будешь испытывать полное душевное удовлетворение, ты принесешь неприметно миру долю пользы и жизнь проживешь не напрасно. Пусть будут в Церкви «самые сильные волны, самая жесткая буря» — непорядки и нестроения, их было немало и при Златоусте... Но поэтому-то еще сильнее нужно любить ее, еще пламеннее заботиться о ее силе и действии. Пусть будет много пастырей недостойных — их было еще больше при святом Иоанне... Но поэтому-то еще больше мы должны заботиться о том, чтобы Церковь Христова, это сокровище мира, оставалась целою и неповрежденною. Христос, Кормчий корабля церковного, спасет и сохранит Свою Церковь.

Сие да мудрствуется и у нас, по завету жизни и слова святого Иоанна. Прекрасно изображает он силу и влияние всецерковного союза и молитвы. «Как пристань на море, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно и слушать слово Божие. Храм есть школа добродетели, училище любомудрия не только во время службы, но и раньше и после нее. Войди в преддверие, и как бы ветерок какой-то духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх

и учит любомудрию; возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, но переносит тебя с земли на небо. Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда пророки возглашают, когда апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее здесь, когда Дух Святой сообщает Свою радость?»

С великим старанием святой Златоуст прилагал все заботы к тому, чтобы слово Христова благовестия огласило все концы земли и все дальние и ближние народы. Армения и Финикия, Персия и Черноморские пределы, и, что особенно нам дорого, — наши предки на Днепре, в пределах нынешней нашей России, слышали слово Божие из уст проповедников, посланных святым Иоанном Златоустом, когда он из Антиохии возведен был на высоту кафедры патриаршего престола в Константинополе.

С величайшим мужеством отстаивал святой Златоуст истину Христову от покушений на нее со стороны еретиков и язычников. Самую власть императоров он считал призванною охранять Церковь силою государства, в то время, как пастыри церковные должны укреплять Церковь силою слова и христианского доброго жития своего собственного и своей паствы. Он настоял пред царем, чтобы были запрещены языческие блудные и нечистые игры и празднества, чтобы отменены были торжественные процессии и ходы по городу еретиков-ариан. Когда сильный и властный вельможа, арианин Гайна, требовал для ариан уступить храм в городе Константинополе и царь, страшась этого вельможи и опасаясь возмущения предводимых им войск, согласился на его требование, то святой Иоанн мужественно говорил государю о том, что интересы и нужды Церкви и Православия царь обязан поставить и блюсти выше своих государственных преимуществ; в доказательство своей правоты святой Иоанн показал царю указ его благочестивого отца, который запрещал арианам иметь молитвенные дома в столице. Сам Гайна склонился пред святителем и подчинился его увещаниям: будучи еретиком, он, однако, признал и увидел, что и благо Церкви, и польза самого государства требуют полной охраны всех прав Православия в православной империи. «И мы ведем

войну (с ересями), — говорил Златоуст, — но наша война не живых делает мертвыми, а мертвых живыми. Не еретика преследую, а ересь, не грешника, а грех».

Не то же ли должно быть и в нашем православном Русском царстве? И мы, служа Родине, прежде всего и больше всего должны полагать ее благо, ее честь и славу в том, чтобы святое Православие в нашем царстве и процветало, и господствовало, чтобы от России шло благовестие имени Христова во все страны и народы иноверные. Однако да не будет все это основано только на силе принуждения, на внешнем праве. Святой Иоанн Златоуст проповедь слова Божия и расширения пределов и обладания Церкви Христовой прежде всего подтверждал личным благочестием и святостью. Любовь его к людям была безмерная любовь к бедным и неимущим несказанная, ибо им он раздал в молодости все свое имение, а в годы патриаршества продавал даже украшения и сосуды церковные, чтобы на вырученные деньги кормить нищих и убогих. С мужеством и пастырскою твердостью он увещевал богатых, чтоб они помогали от своих имений бедным, хотя за это был многими ненавидим и терпел укоризны и преследования. «Многие, — говорил он, — осуждают меня за то, что я нападаю на богатей. Но зачем же они несправедливы к бедным? Ты богат? Не мешаю тебе. Но ты — грабитель? Осуждаю тебя. И бедняки и богачи — равно мои дети». «Не только присвоить себе чужое, но и не уделять части своего имущества бедному уже есть грабительство».

Больше всего на свете боялся Златоуст нечестия. Он поучал, что «есть одно только зло — грех, и нет другого блага, кроме добродетели».

Зависть к его дарованиям и высокому положению, ненависть к нему за обличения греха и нечестия сплели Златоусту терновый венец страданий. Сама жена царя и окружающие ее суетные женщины, обличаемые богачи, низлагаемые за беззаконие и нечестие епископы и клирики — все, соединившись вместе, достигли того, что Иоанна Златоуста судили судом неправедным, лишили кафедры и сослали в далекое изгнание. Он умер в ссылке на берегу Черного моря, в пределах нашего Отечества, в местечке Комане, в храме Святого Василиска, 14 сентября 407 года. Но во всех гоне-

ниях и преследованиях ни на один момент святой Иоанн не отступил от своего долга пастырского: до конца он служил, проповедовал, утешал, обличал, увещевал, делал распоряжения, клонящиеся ко благу Церкви. Он говорил: «Пусть станет против меня все: поношение, брань, насмешки, клевета, меч, огонь, голод, болезнь и все жестокое, что ни случается в этой жизни, — я пойду своим путем». Такова сила преданности своему долгу у святого Иоанна Златоуста. Велико было его незлобие и прощение врагов, велико было его терпение в ссылке, где выносил он грубое обращение стражей, зной и стужу, голод и жажду. Трогательна его святая кончина. Стражи влекли его на край империи, в дикие страны, в ссылку и изгнание. И вот от страшных мучений он стал изнемогать — видимо, близился его конец. В уединенной церкви Мученика Василиска, близ г. Команы, остановился он и спутники его. Ночью явился ему святой мученик и сказал: «Мужайся, Иоанн! Завтра мы будем вместе». На следующий день стражи снова повлекли святого Иоанна дальше, но, видя полное его изнеможение и близость его кончины, принуждены были возвратиться назад. Святой Иоанн просил у священника белые новые священные одежды; чистый и непорочный, в белых чистых ризах, воспел он последнюю земную песнь Господу словами тех чудных молитв, которые сам составил и оставил для Церкви; горячо молился умирающий праведник; с верою и надеждою жизни вечной причастился он в последний раз Святых Христовых Таин. Потом в изнеможении он возлег во храме на пол у алтаря Господня — он, весь век служивший Церкви, храму и алтарю, перекрестился и сказал последнее земное слово: «Слава Богу за все!» Тут он вытянулся, вздрогнул, и взор его угас, и душа отлетела к Богу. То был день Воздвижения Креста Господня, свой крест жизни святой Иоанн донес до самого порога вечности с любовью и самоотвержением. Так укрепился, а не ослабел его дух от борьбы и страданий. Сам Златоуст писал из ссылки своей, с места страдания: «В борьбе дух человеческий укрепляется самими испытаниями, которые он претерпевает. Такова природа скорбей: они возносят превыше всех страданий тех, кто испытывает их спокойно и великодушно. Деревья, вырастающие в тени, лишены крепости и становятся неспособны производить плоды, те же, которые

предоставлены всем переменам воздуха, порывам ветра, лучам солнца, полны силы, одеваются листьями, покрываются плодами».

Так и мы, подражатели жизни святого, в заботах о распространении славы имени Христова и Церкви Святой, о первенстве и господстве святого нашего Православия, по примеру и завету святого Златоуста, прежде всего жизненным христианством, в меру сил, нам данных, должны святить имя Божие и благовествовать Его славу.

Без конца мы могли бы сплетать венец похвал ныне прославляемому вселенскому учителю, но и сказанного довольно, чтобы горяча была ныне наша молитва к нему: «Уст твоих якоже светлость огня возсиявши благодать, вселенную всю просвети, не сребролюбия миру сокровища сниска, высоту нам смиренномудрия показа, но твоими словесы наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Христа Бога спастися душам нашим». Сказанного довольно, чтобы мы, преклоняясь пред дивною святостью Златоустого учителя, учились его добродетелям. Сказанного довольно, чтобы ныне разумно и сознательно, с любовью и усердием прославить праведника и прославить Бога, давшего крепость духа Златоусту и венчавшего его нетленным венцом праведности. «Есть ли, — спрашивает один святой учитель церковный (преподобный Исидор Пелусиот), — есть ли столь бесчувственный человек, который не возблагодарил бы Провидение, даровавшее миру столь блистательное светило?»

И уместно пред молитвою к святому сказать похвалу ему словами Святой Церкви: «Земной ангел и небесный человек, ластовице богоглаголивая, многогласная, добродетелей сокровище, равностоятель святых Ангел, апостолов единоправен, — в песнях да возвеличится Златоуст!» Аминь.

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ НЕБЕСНОГО ПОКРОВИТЕЛЯ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Слово в день памяти преподобного Сергия Радонежского³⁶,
5 июля 1906 г.

В тяжелые дни смуты умов и сердец и затемнения совести общественной, когда в учреждении, призванном явить голос всей Русской земли, раздается слово поругания на самое чувство патриотизма, отрадно вспомнить преподобного отца нашего Сергия Радонежского, всея России чудотворца. Отрадно увидеть в нем, и подкрепить, и осмыслить, и подтвердить святость и незыблемость горячей любви к Родине.

Святой, благословивший героя Донского на брань; святой, пославший в страшную сечу, имеющую решить судьбу Родины, двух иноков, уже укрывшихся было в обители от печалей века сего, но ради высокого чувства подвига любви к родному народу снова надевших военные доспехи под мантию монашескую; святой, освятивший своею подписью государственный закон о новом порядке престолонаследия, имеющий принести крепость царству и его правителям; святой, исходивший своими стопами соседнюю область с мятежно-крамольными князьями и затворивший церкви и алтари для непокорствующих законной власти законного князя, — вот кто преподобный Сергей при жизни.

Удивительно ли, что и в мире горнем он, по воле Господа, пребыл и пребывает защитником и молитвенником за землю Русскую, и явил к ней любовь и в смутную пору внутренних раздоров на Руси, когда Москва была полонена поляками и своими русскими воорами-изменниками, когда пресекался царский род, и позднее, через 200 лет, в страшную годину нашествия завоевателя Европы с дванадесятью языками?! Не перевелись враги России и теперь. Снова Божиим попущением за грехи наши катится смута по земле Русской, и мнится, торжествуют и радуются домашние воры-изменники, предвкушают близость гибели царства Русского и внешние враги.

Не страшен этот открытый натиск врагов. Страшнее в тысячу крат, гибельнее смута духовная — падение чувства любви

к Родине, к родной святыне, к родной Церкви, это опустошение душ и сердец.

В такие дни всею горячностью веры и любви вспоминаем и прославляем великого русского человека, великого и святого сына родной нашей Церкви, и в примере его жизни черпаем уроки, черпаем силы стоять на страже любви к Отечеству.

Для того ли Промысл Божий вызвал к бытию Россию, поставив ее на рубеже двух миров и положив пред ней великое мировое призвание, чтобы она, перестав быть сама собой, исчезла с лица земли и изменила богоданному призванию? Для того ли Господь приобщил ее к Церкви Своей и духовное небо ее украсил сонмом равноангельских подвижников, чтобы все это погибло пред разливом безбожия и иноверия?

Для того ли святые русские трудились над духовною нивой нашей, засевали ее пшеницею чистого благочестия, поливали потом, слезами и кровью, обвеяли молитвами, являлись по смерти из-за могил своих, оставили храмы, обители, свои мощи и свои чудеса, — чтобы поздние потомки, изжившие, обезумевшие, поддавшиеся соблазну лукавых слов или презренного золота, все это свели в ничто?

Жив Господь наш, и жива Церковь Его, и жива Русь Святая! Миллионы сынов ее не преклонили и не преклонят колен своих пред Ваалом, их не запугать, не закупить, не обмануть врагам России. Пред ними яркий светоч — преподобный Сергей, отец наш, чтимый святой общенародный.

Не померкнет никогда подвиг его святого патриотизма, и он откликнется миллионами миллионов отзвуков в душе народной. Не заглушить этих отзвуков никакими воплями хитросплетенных и обольстительных учений лжесловесников, издевающихся над святым словом «Родина»; не вытравить этих отзвуков никакими поветриями тлетворных газет и листов, призывающих народ «отрешиться от старого мира», того мира, который говорил о долге, о чести, о благородстве, о подвиге, о любви к родному краю и к родному народу!

Здоровый и жизнеспособный народ на это самопредательство и самоубийство не пойдет. Не пойдет на этот путь тот народ, который

дал миру и чтит таких, как преподобный Сергий! Ибо завет преподобного гласит народу своему на все века: «За веру православную, за Русь Святую нам подобает живот свой положить и кровь свою пролити!»

ВЕЧНОЕ ЧУДО ХРИСТИАНСТВА

Слово в Свято-Троицкой лавре в день памяти
преподобного Сергия, 25 сентября 1908 г.*

Воистину в жизни святых, в мировой судьбе и мировом значении их подвигов вечное чудо христианства. Корни и источник этого чуда — в Самом Христе Иисусе, Основателе нашей святой веры.

Выслушайте о чуде первом. На берегу Галилейского озера четыре рыбака занимаются своим мирным промыслом. К ним подходит Иисус из Назарета и говорит им: «Оставьте все, идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков!» В высшей степени странным, непонятным и совершенно неисполнимым должно было показаться такое приглашение. Кто был Приглашавший? Он не имел собственного дома, ни богатства, ни положения властительного, ни влияния общественного, ни славы покоряющего, учительного слова. Кто же были приглашаемые? А они хоть что-либо имели: имели лодки и сети, имели дома и пристанища в семьях, имели известность в местах обитания, имели средства и орудия пропитания и заработка. Спрашивается: как же им бросить все и идти за Тем, Кто и этого ничего не имеет? Правда, взамен оставляемого Он нечто обещает. Он обещает сделать призванных «ловцами человеков». Но прежде всего что значит такое обещание и чем оно привлекательно? А затем, кроме того: исполнимо ли было данное обещание? Уловлять людей в свою власть можно, для этого изобретены и употребляются

* В некоторых частях, как ниже показано, составлено по митрополиту Филарету и по службе преподобному. — *Ред.*

тысячи средств, но их — как мы уже видели — не имел Сам Иисус, призвавший последовать за Собою рыбаей-апостолов, и поэтому Он не мог дать тех средств и другим, ни власти, ни богатства, ни влияния на власть имущих, ни особого мирского искусства подчинить себе людские души для достижения своих целей, ни помогающих многочисленных и сильных сообщников и помощников...

Что же, однако, случилось? Они, говорит Евангелие о первоприванных апостолах, оставили корабль, и сети, и отца своего, и пошли за Ним. И чудо свершилось: смиренные рыбаи действительно сделались ловцами человек. Отрекшись от родства, от имений и земных привязанностей, сначала ходили они за Христом, не имевшим, где главы подклонити, слышали потом Его повеление идти в мир и проповедовать Евангелие всей твари, и пошли в уверенности, что Бог не оставляет тех, кто для Него все оставил, пошли по заповеди, без влагалищ и сребреников, без сапог и без хлеба, и своим самоотречением и полной нищетой преобразили весь мир. Чудо свершилось: блистательная образованность Греции и Рима, гордая успехами человеческой мысли и человеческого искусства, водимая духом земных стяжаний и земного могущества; всемирно-державная, казавшаяся несокрушимо-мощной, сила римской государственности — они склонили голову пред бессильными и ничего не имущими проповедниками Евангелия, наперед истощив все усилия потопить христианство в крови его первых последователей. Новая, явившаяся в мире могучая сила варварских полчищ, обрушившаяся потом на Римскую империю, также была уловлена в свободный плен веры, в вольное послушание Христу такими же смиренными провозвестниками Евангелия. Среди этих новых в истории мира народов всех свободнее, истинно по-детски, без крови и насилий, без борьбы за старое язычество, принял благое иго Христово наш род славяно-русский. Сия есть победа, победившая мир, вера наша, и сие есть первое, видимое миру, вечное ее чудо!

Узнайте чудо другое.

Раз во дни, когда Божественный Учитель неустанно поучал народ глаголам живота вечного, призванные Им апостолы, по ходу Его речи и наставлений, спросили Его: «вот мы оставили все и пошли за Тобою, что же нам будет?» — и в ответ слышали они иное

обетование, как бы в дополнение к обетованию первому о том, что они будут ловцами человеков: *Истинно говорю вам, что вы, следовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на Престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах — судить двенадцать колен Израилевых* (Мф. 19: 27–28).

Итак, вот еще величайшее чудо: мир, по свидетельству апостола Павла, почитал учеников Христовых, как сор, как прах, всеми попираемый; народ еврейский отрекся от них, как от извергов и безумцев, в ненависти призывая на них все кары, все мучения, даже до смерти, — и этот сор, этот прах, эти изверженные от рода своего будут судить свой народ, избранный народ Израиля! Смотрите, еще больше, и уже безгранично, расширяется область этого чуда; не весте ли, говорит апостол, разве не знаете — это, следовательно, по смыслу и тону слов апостола всем должно быть достоверно известно, — разве не знаете, что *святии судити мирови имут?* (1 Кор. 6, 2; ср. Апок. 20, 4; Прем. 3, 8).

С тех пор и до наших дней, и до скончания времен видим повторение истории и судьбы апостолов на верных слугах Божественного Основателя нашей святейшей веры, видим на них чудное исполнение чудных слов: «сотворю вы ловцы человеков». Во всей вселенной на пространстве веков, во всех христианских народах мы знаем и находим необходимое множество учеников Христовых, которые оставили все и вслед за Ним пошли, и чудо совершили: из одиночества пустынь, из уединения отдаленных гор, из мрака вертепов и пропастей земных яркими звездами просияли они и светом духовным озарили вселенную, и сделались ловцами человеков.

С тех пор и до наших дней, и до скончания времен стоит непоколебимо вечным чудом святая истина: кто хочет владеть миром, тот должен от него отречься. Скажем еще точнее: кто отказался от мира, тот незаметно для себя, само собой, не по хотению своему, а по чудной силе нравственного закона овладевает миром.

Таков и сей дивный муж и всяя России чудотворец, преподобный отец наш Сергей, которого ныне светло чтит основанная им лавра, которому празднует Российская Церковь.

От прекрасных берегов Галилейского моря, от лазурных небес Палестины перенеситесь теперь сюда, на этот дальний, сумрачный

и суровый север. Более 500 лет тому назад благочестивый отрок Варфоломей, впоследствии святой игумен этой лавры, услышал в душе своей голос зовущего Господа: «иди по Мне». Услышал, и не стал совещаться с плотью и кровью: раздал имение, оставил мир и пошел за Зовущим. Тяжело доставалась тогда русским людям жизнь в мире, особенно в этом, тогда только заселяемом, безлюдном Радонежском уделе, еще тяжелее было жить в пустыне, которую избрал преподобный местом своих подвигов. Вчера за всенощным бдением слышали мы о его житии в пустыне, слышали об измождении плоти, о борьбе со зверями и злыми людьми, о служении братии, о трудах невероятных, о нужде телесной, о тяжести духовной брани со страстями и помыслами, со страхами и унынием. Нелегко дается чистота сердца. «Кто исповесть труды твоя и болезни, или кий язык изречет жестокое твое житие, бдение же и сухоядение, и еже на земли легание, чистоту душевную и телесную, устнами и умом совершенное безмолвие, смирение же нелицемерное, молитвы непрестанные, и рассуждение доброрассудное, скудость ризную и память смертную?» «Иже добродетелей подвижник, яко истинный воин Христа Бога нашего, на страсти вельми подвизался еси в жизни временней». Так прославляется преподобный Сергей в церковных песнопениях.

Его отдаленный преемник по управлению лаврой, уже в то время, когда она блистала величественными храмами и стала богата дарами усердия набожного русского народа, митрополит Филарет прекрасно рисует нам обстановку «жестокости жития» преподобного Сергея и вместе с тем высоту его подвигов и добродетелей.

«Желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, унаследованное потом лаврою, кто мне покажет малый деревянный храм, на котором в первый раз начертано здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит пению и чтению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной кельи, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергея, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено

столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных! Дайте мне припасть и облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых и через который переступили однажды стопы Царицы Небесной. Укажите мне другие сени другой келии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергей и в награду за труд дня и за голод нескольких дней получил укрух согнивающего хлеба!» И все это при полной возможности пойти пространными путями мира и все необходимое иметь в изобилии.

И что же? Разве не видим чуда? Удаленный в пустыню, отрешившийся от мира делается ловцом человеков и покоряет себе мир. Еще при жизни преподобного все — от простолюдина до князя — были проникнуты великим к нему уважением, и слово его было властно над душами и сердцами. Десятки его учеников и подвижников, которых он учил более примером жизни, чем словом, причислены к лику святых. Около ста других учеников являются основателями новых обителей, рассадников христианской жизни и христианской русской государственности на диком севере, — той христианской государственности, которая сливается с Царством Божиим в Церкви Христовой, которая основана на религиозно-нравственном начале и Божьей правде, а не на мертвом и жестоком человеческом праве, которая воспитывает из людей земли граждан неба. К нему, к монаху, подвижнику, пустыннику, идет князь и за благословением на роковую битву с народом-поработителем, и для примирения с вероломным князем-родичем, и для укрепления нового порядка престолонаследия в царстве; к нему несет свое горе простолюдин, надеется на помощь в нужде, ждет исцеления болезни, просит рассудить его с соседом; патриарх из далекого Царьграда шлет ему привет и дары и поручает все церковное дело устройства иноческого чина; святой митрополит всея Руси считает его своим другом, ищет его совета... А теперь, через полтысячи лет! Кто не чтит святого подвижника, кто не приносит ему молитвы? Стомиллионная православная, русская, настоящая Россия считает его своим небесным заступником и покровителем, и видела его таковым не раз в тяжкие годы смуты и страданий Родины; все до единого из венценосцев России склонялись пред ракою его мощей и просили благословения на царство, семейного счастья, помощи пред началом брани, успеха

в делах царствования; к нему, к великому «игумену Русской земли», как бы бессознательно тем именуя и почитая Русское царство единым монастырем, и пастыри, и пасомые, и юные, и старые — люди всех званий и состояний во все двенадцать месяцев в году приходят молиться, просят благословения и совета о делах своих.

Что это? Разве не чудо свершилось! Разве не история апостолов повторилась? Сеявший скудостью и слезами пожал радостью и изобилием. Процвела есть пустыня, яко крин, Господи!

Да, «дикая пустыня превращается в цветущую вековую обитель; бесплодная пустыня дает приют многолюдному селению; пустынная обитель стоит непоколебимо против устремления врагов, уже низложивших столицу, становится щитом уже погибающего царства и источником его спасения, и все это от одного пустынножителя!» (митрополит Филарет.)

Отчего это так? Отчего святой совершает подвиги для личного, для своего собственного спасения, святой бежит в пустыню, святой совершенно чужд мира и общества, а между тем оказывает на жизнь его такое глубокое и широкое и такое долговременное влияние?

Оттого, что *святѣи судити мѣрови имут*. Вот где тайна! Суд их, конечно, во всей полноте откроется в пакибытии, на всеобщем Суде Божиим, но он предначинается гораздо раньше, и даже еще при жизни святых на земле. Многообразен этот суд. Пример святого вдохновляет тех, кто чает Бога, спасающего их от малодушия и от бури; его сродство с нами показывает, что между ним и нами нет различия в условиях и средствах спасения; грозным укором и обличением лукавства стоит образ святого пред теми, кто любит «непщевати вины о гресех», выдумывать извинения за грехи, — занятие столь ныне распространенное... Если, к сожалению, заразительно зло, то, к счастью, и добро имеет неотразимую и покоряющую силу духовной красоты, притягивает к себе сердца человеческие, находит людей, ищущих поклонения ему, поклонения вольного и любовного. Святость побеждает нас, обезоруживает диких людей и даже зверей, покоряет себе грубую силу. Вот откуда этот непрерывный ток поклонников у гроба преподобного Сергия. От пышных палат, от обольщения власти, от цепей корысти, от славы мира, от великолепия и роскоши, так же, как и от ни-

щеты, горя, бедствий и страданий, от ежедневных лишений и слез, от труда без отдыха и без просвета к духу, от ударов мира неудержимо тянет на поклонение тому, кто стал выше всего этого, кто указал путь жизни в полном отложении житейских нужд и удобств, в вечно радостной настроенности души, уповающей на Бога; неудержимо тянет на поклонение к тому, кто был и стал неуязвимым для мира, восторжествовал над ним, победив и его обольстительные соблазны, и его удручающие удары... Воистину блажен ты, Сергие, преподобный отче наш, наставниче монахов и собеседниче Ангелов!

О, Россия! О, родной наш и бесконечно дорогой сердцу народ русский! Блажен и ты, что породил и воспитал такого великого сына, великого во святых Сергия! Пока ты — Христово достояние, пока ты не отрекся от родства по плоти и духу преподобному Сергию, стань и стой вовеки пред вечным чудом твоей веры и пред судом святых. Тысячу лет ты, Россия, была бедна, не блистала золотом и лепотою риз, не почитала последней целью внешнее и земное благоустройство, не ставила устройство царства земного, человеческого выше Царства Божьего. Но ты верила, что сие все само собою тебе приложится, но ценила ты превыше всего только потаенного сердца человека в нетленной красе его непорочного духа. И видимо, было в жизни твоей великое чудо: и ты была и стала ловцом человеков и народов, и на тебя языцы уповали, и, верим, суд святых износил тебе приговор хвалы!

А теперь? Но разве не видим, как из-за морей проникло к нам поклонение богу чуждому, как постепенно принесенная с Запада языческая погоня за миром и измерение его мерою всей жизни народа и государства стало нашим всеобщим недугом? И разве не видим, далее, как мир нанес нам, в наказание, жестокие раны? *Боже, приидоша языцы в достояние Твое, оскверниша храм святыи Твой, положиша Иерусалим яко овощное хранилище, положиша трупия раб Твоих брашна птицам небесным, плоти преподобных Твоих зверем земным. Пролияша кровь их яко воду... Быхом поношение соседом нашим, подражание и поругание сущим окрест нас* (Пс. 78, 1–4). Так мстит мир за привязанность к нему, так жжет огонь за прикосновение к его пламени!..

Тысячу лет Россия была бедна и, благодатью Божией, была сильна и несокрушима. Не будем сокрушаться и скорбеть, что она была и есть, и, вероятно, долго еще будет бедна. Лишь бы богатела она в Бога богатством духа, красотой внутри, лишь бы богатела она подвигами христиан, доблестью граждан, лишь бы она не оскудевала людьми, подобающими преподобному Сергию, которые не продают даров духа, религиозно-нравственного устроения жизни за чечевичную похлебку мира и его одурачивающих утех, его бездушных культурно-государственных сокровищ по нечестивым языческим образцам.

Преподобный Сергие, «мира крашение»! Храни родной твой русский народ молитвами твоими и твоим небесным водительством, храни в твоей мудрости, в твоих Христовых заветах, «в преподобстве и праведности», как хранил и вел ты своих святых учеников и бесчисленных их, Богу угодивших, последователей!

О них один из славных иерархов Церкви Русской (Платон³⁷) здесь, в лавре преподобного, на памятнике, в честь их сооруженном, оставил нам навеки назидательное слово:

«Они на небесах, им слава не нужна:
К подобным нас делам должна вести она».

ЗАВЕТЫ ПАТРИАРХА ЕРМОГЕНА³⁸

Речь в Успенском соборе при открытии
IV Всероссийского съезда русских людей в Москве,
26 апреля 1907 г.

*Время сотворити Господеви: разориша
закон Твой.*

Пс. 118, 126

Христос воскрес! Православные русские люди! Вы собрались в историческом храме России, который много веков слышал молитвы и обеты наших князей, царей и императоров в самые знаменательные часы их жизни, когда они вступали в неразрывный духовный союз со своим народом, от Господа принимали силу и от Вы-

шнего державу. Вы собрались в священном Кремле, посреди величайших святынь народных, в осенении молитв почивающих здесь угодников. «Москва есть храм России, а Кремль — ее алтарь», — сказал один из венценосных вождей русского народа. В этом-то всероссийском храме, в этом алтаре священном вы собрались, и сколько потрясающих великих воспоминаний, радостных и скорбных, захватывающих душу, вдруг властно и неудержимо просятся в сознание, обступают нас со всех сторон! Если бы на каждом из них останавливаться, если бы о каждом из них подробно говорить, то, выражаясь словом апостола, недостало бы мне, повествующему, времени. Но каждый день имеет свою заботу, и занятые этой заботой мысли и чувства из множества воспоминаний и знамений прошлого избирают обычно сродное и в данное время особенно нужное.

На чем же остановить нам ныне нашу мысль и внимание в сей час молитвы соборной в этом славном, всенародном храме?

Посреди окружающих нас здесь священных гробниц я остановлю ваш взор на самой скромной. Еще не прославлена всенародно святость в ней почивающего мужа, хотя давно ждет и достойна прославления. Гробница не изукрашена щедрыми приношениями и драгоценностями. Она пока не собирает около себя, подобно другим гробницам, густые толпы богомольцев в нарочитые дни церковных чествований. Но она близка нашему сердцу всегда, близка нам особенно теперь, в эти тяжкие дни возродившейся после трехсотлетнего сна смуты народной³⁹.

В юго-западном углу этого собора, у шатра ризы Господней, у подножия Плащаницы, на которой видим мы Божественного Страдальца за весь род людской, почивает вечным сном покоя великий страдалец за землю Русскую, мученик-патриот, святейший всероссийский патриарх Ермоген. Его тело оказалось нетленным и в 1652 году, когда, через 40 лет после смерти, оно было перенесено сюда из Чудова монастыря; оказалось нетленным и через 200 лет, в 1812 году, когда французы, отыскивая сокровища, святотатственно выбросили его из гробницы.

Но если смерть и тление не коснулись самого тела нашего российского страдальца-патриота, то дух его, его заветы, подвиг его жизни и служения, его заслуги, его уроки русским людям всех

грядущих времен, пока волею Божьею будет стоять Святая Русь, бессмертны, нетленны, незабвенны в памяти русской. Пред нами его предсмертная заповедь, его слова, написанные в заточении мрачного подземелья, ввиду голодной смерти, после побоев и истязаний от врагов Родины и от своих домашних иуд-предателей, пред нами его последнее послание русскому народу, которое подняло потом славное нижегородское ополчение с Мининым и Пожарским во главе:

«Пишите в Рязань к Ефрему, да и в Вологду пишите, и к Рязанскому владыке, везде говорите моим именем, моим словом... Всем вам от меня благословение и разрешение в сем веле и в будущем. Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю».

И слышали слово великого пастыря-патриота — митрополит Ефрем в Казани, архиепископы: Феоктист в Твери, Галактион и Герасим в Суздале, Сергей в Смоленске, Геннадий во Пскове, Исидор в Новгороде, Иосиф в Коломне, Филарет в Ростове, игумен Иоиль в Нижнем, Матфей в Кирилло-Белозерске, игумены Дионисий и Авраамий, протопопы Владимирский, Зарайский и по всей России⁴⁰. И слышал его, чрез этих провозвестников слова патриаршего, весь народ русский. Ссылали, пытали и мучили этих пастырей-патриотов иноземные вороги, поляки и даже евреи (вроде Тушинского вора); бранили и свои домашние лихие люди, а Ермогену и прямо говорили: «Почто вмешиваешься в дела мирския, твое-де дело за Церковью смотрети». Но архипастыри знали хорошо, что скрывается и какой коварный умысел таится под этим фарисейским и мнимо справедливым рассуждением. Они знали, что оно подобно печалованию Иуды о нищих. Они знали, что с падением Православия порушится Русское царство, а с порушением Русского царства порушится и православная вера в русских людях. Они знали, что обещаемое польско-литовско-еврейское владычество, с приобщением европейским началам жизни, зачатое в измене и предательстве, питавшееся низкой корыстью и презрением к своему родному, русскому, опутанное кровавым туманом убийств, грабежей, разбоев, заревом пожаров и ужасом погромов, поддержанное и приветствуемое «лихими людьми» — чернью, голытьбою, грабителями и душегубами, уничтожившее на Руси порядок государст-

венный и обратившее пред сим русского царя в «полуцаря», — все это ничего не принесет России, кроме, конечно, гибели.

Все это справедливо называл Ермоген «христианоборством», непостижимым «бесовским омрачением», которое толкало русских людей от одного заведомого обманщика к другому. «Бывшим православным христианам, а теперь, как и называть вас — не ведаю», — вот как обращался патриарх к тогдашним русским изменникам. Он хорошо понимал, что основной характер жизни есть характер церковности и народности, и что поэтому нужно пробудить религиозное национальное чувство в русском народе, и он сбросит с себя «бесовское омрачение» и водительство тех, что «промышляли лихими делами»; он крепко верил, что Православие есть опора и основа, и жизненная сила русского национального самосознания, нравственный смысл и оправдание русского государства и государственования... И то он знал, что измена верхних слоев народа, отказ их от исторических преданий веры и народности еще не есть смерть народа.

Так было везде и всегда. Поляки ведь тоже думали, что если они взяли бояр, то взяли и Россию. Но не то вышло на деле. Сокрытые и таившиеся в глубине души народной инстинкты веры, патриотизма и самосохранения с великой силой проявили себя по всей России — все верное, честное, доброе, трезвое, оскорбленное в лучших чувствах своих поднялось, воодушевилось, сплотилось...

История оправдала подвиг патриарха Ермогена. Он погиб смертью мученика в мрачном подземелье Чудова монастыря, а через несколько месяцев нежданно, чудесно «нечаемое сбылось», как говорили тогда русские люди: Москва и Россия были тогда свободны, враги спешно покидали ее пределы, домашние воры и «перелеты» притихли и исчезли, и на место лжецаря Димитрия, на место «полуцаря» Шуйского, на место «царика» Тушинского здесь, в этом самом Успенском соборе, где мы сейчас стоим, по предречению и указанию Ермогена, короновался настоящий русский царь-самодержец Михаил Феодорович Романов.

Спасение России пришло от святой православной веры и Церкви. Вера святая явилась великою и несокрушимою твердыней, устоявшею среди смуты, нравственным оплотом посреди ужаса и разгрома государственного, опорой и знамением народного

и государственного бытия в тяжелую годину крушения и ослабления всех духовных начал, сил и основ нашей русской жизни; вера святая возбудила, осмыслила, осветила русский патриотизм и дала ему огонь воодушевления, силу подвига, готовность мученичества, знамение победы.

Ныне отродилась русская смута и вновь заволокла русское небо. Опять видим какое-то повальное безумие, опять чары обмана, опять «бесовское омрачение», опять «христианоборство». Нынешние революционные прокламации разве не те же облыжные грамоты Болотникова: «побивайте бояр, отнимайте их достояние, убивайте богатых, делите их имение...»?

Нынешние рассуждения о силе и объеме верховной власти разве не ищут исполнения слов слабого Шуйского: «Я никого не неволю: кто хочет — мне служи, а кто не хочет — уходи»? Нынешняя чернь разве не вошла во вкус безначалия и бунта? Нынешние верхи народа разве не увлеклись чужебесием и изменой всему церковному и русскому? Ныне разве не видим непонятной доверчивости ко всякому обману, явному, наглому и бесстыдному? Нынешние взгляды на верховную власть разве не ведут к тому, чтобы мы вместо царя имели полуцаря? Хочется повторить образное слово летописца Смутного времени: «Аки волны морския, едина погибает, а другая возстаает, тако и беды наши и напасти — та беда полегаше, а другая возставаше».

Изменились формы смуты, сущность же ее осталась та же, а опасность едва ли не страшнее. Но исцеления надо ждать от того же испытанного, историей оправданного и патриархом Ермогеном указанного пути. Верность Церкви, родному народу, царю самодержавному; религиозное и патриотическое одушевление; объединение и слияние всех честных русских людей, без различия званий и состояний, в одном патриотическом движении — великий союз взаимной любви всех классов и сословий народа; борьба с иноземщиной, жадно простирающей руки к русскому достоянию; послания, грамоты, кличи и призывы по всей Руси, разоблачающие гнусное лицемерие и пустоту душ нынешних «освободителей» России и нынешнего революционного движения, ознаменовавшего себя десятками тысяч убийств и грабежей, обманом и христиано-

борством, низкой клеветой, клеветой на все родное и русское, предательством России и ее интересов иноземцам и инородцам; расширение и увеличение числа внутренней мощи наших патриотических мирных союзов — вот путь, орудия и средства нашей борьбы, которая является, может быть, еще более тяжкою, чем борьба русских людей за веру и Отчизну 300 лет тому назад.

И ныне крутом — взаимный раздор, борьба партий, жадная корысть, интриги, братоненавидение. И ныне — падение веры, падение нравственности. И ныне лицемерие и коварство, низость и предательство, прикрываясь красивыми словами и мнимо благородными побуждениями, желают отвести и устранить от патриотического подвига и Церковь, и духовенство, и служилых людей, чтобы себе захватить власть, силу и значение в царстве и беспрепятственно поработить русский народ инородческому игу.

И слышится из дали веков мощный заповедный голос великого Ермагена: «Побороться за веру православную и Отечество русское»... «Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю».

Слышишь ли ты нас, адамант веры и патриотизма, несокрушимый столп русской веры и русского национального чувства? Соболезнуешь ли горю русскому? Готов ли в помощь страдающей земной твоей Отчизне? Молишь ли Бога о прощении грехов народа нашего, навлекшего на себя праведный гнев Его? Благослови и воодушеви нас с высот небесных селений, вымоли прощение и милость Господа твоему страдающему Отечеству, явись нам духовным вождем на пути к его спасению!

Русские православные люди! Время сотворити Господеви, яко разориша закон Его! Господь ополчается, Господь будет споборать нам в тяжелой борьбе с крамолой и смутой. Время сотворити Господеви. И как в оные дни смуты, так и ныне под знаменем креста, в воодушевлении религиозной веры и преданности родной Церкви, в подвиге всенародного покаяния, всенародной молитвы время нам объединиться, сплотиться крепким союзом любви в служении и защите веры, Церкви и русской народности.

«Пишите в Казань, пишите в Вологду, Рязань...» — так говорил Ермаген. Пишите, взывайте теперь и вы, при расширившейся державе Российской, и в Сибирь, и на Кавказ, и на дальний Север, и на

благодатный Юг, в Малую и Белую Россию, — пишите, взывайте ко всей Руси великой и зовите всех в союз объединенного русского народа.

Он растет, он ширится, он набирается сил, этот великий союз всероссийский, под знаменем религиозного и патриотического воодушевления. Да подаст ему Господь росу небесную свыше и от тука земного, да возложит Он руку Свою на хребет врагов Его, да воскреснет Бог и расточатся врази Его: яко тает воск от лица огня, яко исчезает дым, да исчезнут! Аминь.

**СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕРМОГЕНУ,
СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ВСЕРОССИЙСКОМУ**

17 февраля 1911 г.*

Наступают знаменательные юбилеи великих и славных воспоминаний русской истории... Спросят, может быть, какой истории — церковной или гражданской? Если это юбилей трехсотлетия со дня восшествия на русский престол национальной династии Романовых, то при чем здесь, например, осада лавры и церковное поминовение патриарха Ермогена? При чем заупокойная молитва о нем и даже вопрос о его прославлении во святых? При чем Церковь и вера, которые сами по себе, как известно, существуют и уживаются при всяком строе, во всех народах и местах вселенной?

Когда мы переносимся мыслью на триста лет назад, когда мы ясно представим себе весь строй тогдашней русской жизни, то для нас поставленные вопросы сразу становятся ненужными, праздными и излишними. То было время воистину церковно-общественной жизни русского народа, то было время, когда не только в живом быте, но даже в мысли нельзя было себе представить Рус-

* Сказано в 299-ю годовщину со дня кончины Святейшего Патриарха в Успенском соборе Московского Кремля перед всенародной панихидой.

ского государства отделенным от Церкви, и Церкви Русской, как местной, отделенной от жизни русского народа и созданной им государственности. Тогда не умирала и не затемнялась мысль о том, что русская государственность возникла одновременно с крещением народа в Христову веру и была пропитана началами веры, создавая христианское общество, христианское государство, христианскую жизнь.

Читайте летописи о времени жизни и деятельности патриарха Еρμοгена: вам сразу станет видно, что решительно никого не соблазняло тогда живое участие патриарха в делах, я сказал бы, не государственных собственно, а народных. Он заинтересован вопросом о покорности законному царю, он требует избрания царя русского и православного, он пророчески указывает на юного Михаила Феодоровича Романова как будущего и желанного русского венценосца, он восстает против порабощения русских поляками и предупреждает всех об опасности их замыслов, он благословляет ополчения, рассылает грамоты... И все кажется это естественным, и ни у кого не возбуждается и тени сомнения в том, правильно ли действует патриарх, не вторгается ли он в чуждое и не свойственное ему дело. Здравому уму и неповрежденному чувству совершенно было ясно: ведь, сделавшись патриархом, не перестал же Еρμοген быть русским, не перестал быть членом и сыном своего народа и царства, не вырвал же он из груди своего сердца! Он действовал по вечному и величайшему праву, самому дорогому для человека; его, это право, указал Богочеловек Христос, Который на вопрос, по какому полномочию и власти Он изгнал торгующих из храма, ответил: *Ревность по дому Божию снедает Меня* (Ин. 2, 17), а в другой раз, когда осуждали детей, взывавших к Нему «Осанна!», сказал: *Если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19, 40).

Да, священная ревность есть высшее оправдание деятельности человека, и если она обращена к Богу, к Его Церкви, если она водится духом любви к ближнему — а кто же более нам ближний, как не родной народ? — то эта ревность есть дар пророков, краса апостолов, удел всех великих, избранных и святых душ.

И ныне поминаем мы такого ревнителя веры и Отечества. Впервые совершается поминовение его в такой торжественности,

впервые делаются призывы к молитве о нем всенародной, впервые у этой могилы, у этого гроба почти чрез триста лет после смерти мученика-пастыря собираются в великом множестве, до неместимости в обширном храме, богомольцы и поклонники, а в душах наших уже живут неясные предчувствия и надежды: не есть ли здесь указание на грядущее, близкое, или хотя бы отдаленное, открытое и всецерковное прославление во святых замученного, некогда бестрепетного и крепкостоятельного защитника Православия и Родины? И что могло бы в самом деле препятствовать такому прославлению? От этой сени с Плащаницей, где изображен умученный Богочеловек, изрекший некогда Свое великое и Божественное: *Совершишися!* (Ин. 19, 30), трудно ли перейти мыслью к Его ученику и служителю, что возлег нетленным телом у ног Богочеловека после того, как изрек всею своею жизнью свое человеческое: «Совершишися!»

А от гробницы и нетленных мощей патриарха Ермогена трудно ли перейти мыслью к другой гробнице, здесь же, в этом историческом храме пребывающей, — к раке и нетленным мощам уже прославленного святителя Филиппа, а там, далее, пробегая поприще русской жизни еще на полстолетия, — посетить молитвою и вздохом любви и участия уединенное место покоя и святейшего патриарха Никона?

Разве прославление Филиппа не есть оправдание славы и почитания Ермогена? Разве не единый здесь дух ревности? Разве не единое желание любви, крепкой до смерти и даже крепчайшей самой смерти? Разве не станем мы лобызать с благодарною любовью эти страдания, эту преданность вере и эту святую ревность и готовность потерпеть за Бога и за Церковь даже до крови?

Не станем упреждать времен и сроков: их Отец Небесный положил в Своей власти. Не станем сетовать, что поздно заговорили о прославлении святителя-мученика Ермогена, которого называли святым и новым исповедником уже вскорости после смерти («Чинovníк Успенского собора» и книга, обдержажая «Собрание российских святых чудотворцев»).

Таков ли смиренный дух русского народа, такова ли особая о нем воля Божия, до времени сохраняющая глубины русского на-

родного сознания от приражения к нему себялюбивой гордости и самопревозношения, — не смеем решать. Скажем одно по поводу всех современных толков о прославлении патриарха Ермогена: не «политика» и не политические замыслы вызывают и создают теперь чествование святителя Ермогена, а совершенно наоборот — именно политика, в самом худшем смысле, политика слабодушной и ничтожной боязни пред политикой задерживала доселе прославление праведного...

Но течет своим вековым руслом жизнь души народной. И без стговора, без понуждения, в годину скорби и смуты народной, недавно нами пережитой, вдруг сам собою и неожиданно усилился прилив народной веры и почитания патриарха Ермогена, и его прежде одинокая могила стала посещаться все чаще и чаще. В тяжкие дни, среди скорбей и печали, среди тягостных тревог, забот и дум о судьбе Отечества, невольно тянуло русских людей к этой могиле, к святителю, столь ярко вдруг засиявшему в нашем сознании и сделавшемуся таким близким, родным и дорогим утешителем и наставником из-за гроба... Пять лет тому назад Господь привел меня, недостойного, с этого самого священного места воздать похвалу святителю Ермогену в самый разгар народного нашего бедствия, и вот теперь в короткое время мы видим, как совершенно независимо от чьего-либо призыва почитание святителя стало настолько заметным и явным, что о нем уже нельзя не говорить.

Однако не одна мученическая смерть за веру и Родину открыла путь благочестивой ревности и любви к мощам святителя Ермогена. И при жизни называли его «прямым пастырем», «душу полагающим за овцы»; именовали «мужем, зело премудростью украшенным, в книжном учении изящным, в чистоте жития известным»; прославляли его в умилении как «стоятеля противу врагов крепкого и непобедимого, твердого адаманта, непоколебимого столпа, крепкого поборника по православной вере», «обличителя на предателей и разорителей христианской веры».

И по смерти его знаем мы о нетлении его мощей в рассыпавшемся гробе, когда чрез 50 лет по кончине переносили умученное тело патриарха из Чудова монастыря, с места мученической смерти, в соборный сей храм всея России; знаем о нетлении мощей, когда

выбросили их из гроба святотатственные руки французов в годину Отечественной войны, чрез 200 лет после смерти святителя; знаем о нетлении мощей, когда сравнительно в недавнее время, всего 25 лет назад, случайно открылась его гробница. Знаем чудеса, совершенные им и здесь, в этом храме, и в видениях, по молитвам святителя. Знаем и видим эту лампаду над его гробницей, дар благодарности, любви и свидетельство полученного чудесного исцеления тяжелой болезни по молитвам святителя.

Стоял он перед смертью «един и уединен», по выражению летописи, удаленный от своей любимой и любящей паствы рукою иноземцев-насильников. Стоял он долго, как бы один и уединен, почти триста лет после смерти пред сознанием чад Русской Православной Церкви, но окруженный каким-то безмолвным благоговением...

И вот не приспело ли теперь время сотворити Господеви?. Не приспело ли время отверзти нам уста и восхвалить праведность праведного и подвиг мученика-патриота громогласным всецерковным исповеданием?

В годину слабости духа, потемнения сознания долга, падения ревности по вере и добру, когда сверкают уже в народе вспышки горького сознания греха и назревают попытки объединиться, как встарь, в религиозно-национальном, православно-народном чувстве, — как бы восстает из гроба чудотворец, святитель-народолюбец, ревнитель и мученик, бестрепетный исполнитель долга.

Не является ли он и укором и уроком нашему времени, ныне живущим поколениям русского народа? Ни о чем так не хочется теперь говорить, взывать, твердить, напоминать, проповедовать, как о долге, о строгости, о порядке, о патриотизме, о единении церковном, о готовности всеми силами отстоять великое дело и великое царство, завещанное нам тысячелетним подвигом наших предков.

Избранный чудотворче, страстотерпче и великий святителю Христов, душу свою положивший за други своя!

Восхваляем тя любовию, святителю отче Еρμοгене, и чтим честные страдания, болезни и труды твоя. Радуйся, ревнителю веры православныя! Радуйся, воеводо и воине Царя Небесного и Отечества земного!

Радуйся, во страдании подвигом добрым венчавшийся! Радуйся, пастырю, познавший овец своих и глашавший их по имени! Радуйся, гражданин земли отеческия, за Родину свою до смерти подвизавшийся! Радуйся, народолюбче, народу твоему в годину бедствия данный во спасение! Радуйся, в веках и родах на земле Российской прославляемый! Радуйся, сиянием праведности и святости украшенный! Радуйся, в вечной славе пред Престолом Божиим о нас предстательствующий!

Радуйся, Ермогене славный пастырю и новый исповедниче Христов! Аминь.

СЛУЖЕНИЕ ВЕЧНОМУ СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ЕРМОГЕНА

Слово в день 300-летия мученической кончины
Святейшего Патриарха, 19 февраля 1912 г.*

*В началех Ты, Господи, землю основал еси,
и дела руку Твою суть небеса. Та погибнут,
Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшуют,
и яко одежду сwieши я, и изменятся. Ты
же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют.*

Пс. 101, 26–28; Евр. 1, 10–12

Итак — вечность! — вот то величайшее и высочайшее свойство Божие, которое исторгает слово благоговейной хвалы у ветхозаветного псалмопевца, повторяемое и у святого апостола. Мы слышали его сегодня за литургией.

И сие-то слово о вечности берем мы и в похвалу священномученику, Святейшему Патриарху Ермогену, которого поминает сегодня Святая Церковь Русская на пространстве всей Русской земли.

За эти триста лет, что протекли со времени его мученической смерти, сколько произошло всяких перемен! Если бы те отдаленные

* Сказано в Неделю 2-ю Великого поста в церкви Московского епархиального дома.

предки наши, которые были современниками патриарха Ермогена, вдруг бы восстали из своих могил, то они с трудом узнали бы в нас своих потомков — так изменилась наша речь, наш внешний вид, наши нравы, обычаи, образ жизни, наши города и селения и весь внешний уклад нашего быта. Бывают, однако, времена, когда жизнь с ее переменами течет пред нами особенно быстро, когда буквально мелькают пред взором нашим люди, законы, преобразования, предприятия, меняются с необычайною легкостью мнения и воззрения, вкусы и наклонности людей. Кажется, такое именно время переживаем мы теперь. Что вчера было запретным, преступным — то сегодня не только дозволительно, но и похвально, и наоборот. Несчастно время, несчастны люди, если этой изменчивости нет противовеса в чем-то вечном и неизменном, если временное застилает от духовных очей вечное и земное подавляет небесное... Но, слава Богу, такое забвение о вечном чаще всего бывает у людей случайным и кратковременным. Проходите вы по этой мятущейся и постоянно меняющейся жизни, устаете от волнений, ожиданий, глубоких переживаний всего происходящего пред вашими глазами, убеждаетесь в пустоте и ничтожестве всего, что слышите и видите, — и вдруг в душе ощущаете неистребимую жажду успокоения около чего-то неизменяемого, нестареющего, вечного.

Блаженна та душа, которая возжаждет этого вечного. Она не останется без удовлетворения. Блажен человек, иже обрете такую премудрость, переживал и переживает такую жажду: он живет истинно человеческою и достойною жизнью.

И вот пред нами восстает из глубины веков образ величайшего страдальца и подвижника, славного в веках и родах патриота и мученика, который именно потому и стал велик и славен, что искал вечного, жил для вечного, и оттого — верим — достиг и вечного блаженства на небе. А между тем как сложна и необыкновенно многообразна была жизнь патриарха Ермогена и как сильна была она отвлечь его от устремления к вечному и приводить к временному. Молодость, как думают, — на Дону, участие в походе при покорении Казани. Сколько смертей в рядах родного воинства, с одной стороны, и с другой — какое крушение царства, некогда грозного и сильного, теперь сразу прекратившего свое существование... Какой урок для вдумчивой души

и напоминание об изменчивости и превратности всего земного! Ермоген впоследствии послужил и этой перемене в судьбе и жизни павшего царства, но опять-таки служил со стороны вечного, а не временного: распространение веры и Церкви, сооружение храмов и монастырей, доселе существующих, — вот что заполняет его жизнь и интересы. После взятия Казани — семейная жизнь, участие в торговле, потом избрание во священника — и здесь же скоро смерть жены, разрушение семьи. Опять напоминание о том, как непрочно все земное. Потом он — архимандрит, скоро и митрополит в Казани...

Жизнь Русской земли идет в это время быстро под уклон, быстро сменяются самые потрясающие события, одно за другим следуют самые неожиданные известия... Колеблется престол Русской державы: умирает Грозный; убит царевич Димитрий, умирает царь Феодор, прекращается царский род Рюриковичей, избирается Годунов, начинаются времена самозванцев, изменников; Ермоген — уже патриарх Всероссийский; временно на престоле царь Василий Шуйский; скоро он низвержен; опять безвластие; следует нашествие поляков, предложение в цари Владислава Сигизмунда, бесчестное взятие Москвы и Кремля поляками, бесчестное поведение русских изменников; Русская земля полонена, Москва взята, сожжена; войска нет, неприятель захватил все... По-видимому, конец России.

Тяжело было митрополиту Казанскому при таких обстоятельствах жить на окраине России, среди недавно покоренных инородцев, иноверцев, еще недавно столь грозных. Но еще тяжелее было все это переживать потом в самом сердце России, в Москве, еще тяжелее было стоять на высоте патриаршего Всероссийского престола, когда патриарх, ввиду отсутствия царя, должен был на все отзывать, во всей сложной государственной жизни принимать непосредственное и самое близкое участие.

Среди всеобщего шатания, падения, измены, предательства, растерянности и готовности идти на все уступки, включая веру и народность, ради сохранения временного земного благополучия, стоял непоколебимо патриарх Ермоген, как скала посреди бушующей морской стихии. Он знал, в чем можно было уступить под натиском врага, он помнил заветные слова преподобного Сергия, сказанные некогда князю Московскому⁴¹ во дни такого же нашествия

врагов-монголов: «Если требуют злата — отдай, если требуют чести — и это дай, но если требуют вере изменить, то за веру Христову нам подобает и жизнь свою скончати, и кровь пролити».

Так поступил и патриарх Еρμοген, когда неожиданно, за прекращением царей на Руси, в его руках оказалось кормило власти и церковной и государственной: последнюю мерою его уступчивости, ввиду полного прекращения рода Рюриковичей и ввиду низвержения Шуйского, было согласие признать царем сына польского короля — Владислава, однако — при одном непременно условии: Владислав был «сын православич» и клятвенно обещался сохранять и поддерживать Православие в России. (При вступлении на престол Владислав прежде всего должен был наказать тех русских изменников, которые перешли из Православия в католичество. — *Ред.*)

Он повторил то, что сделал за несколько лет пред этим: он восстал против того, чтобы выходящая замуж за обладателя русским престолом Димитрия (самозванца) была католичкою; он требовал ее крещения, миропомазания и полного перехода в православную веру. Это было еще в бытность его в Казани митрополитом, уже тогда он потерпел суровое наказание за свою твердость — лишен кафедры и заточен, уже тогда он предначал свой мученический подвиг.

Великий патриот, спаситель Отечества, он потому именно и явился действительным спасителем Родины, что умел отличать временное от вечного, неизменно исповедовал и самым делом осуществлял одно убеждение, что нельзя ничего уступать из вечного ради временного. Когда он увидел, что Владислав обманул русский народ, когда отец его Сигизмунд отверг все условия России и захотел престол царства Русского взять силою с нескрываемыми намерениями ввести католичество в России, патриарх, на девятом десятке лет жизни, восстал против этого с такою юною силою и с таким непреодолимым мужеством, на которое только способен человек.

Ничто потом не остановило его. Служа вечному, отстаивая вечное, угасала эта мужественная жизнь под мрачными сводами холодного и сырого подземелья, где не давали ему есть и пить: воистину, всяким мучениям и бедствиям, и настоящим и возмещаемым, яко чуждый тела и бестелесный, усердно он противостал. Чего ради? Да ниже словом предаст благочестие...

Ошибся ли он? Не предался ли вредной крайности? Не призвал ли он страданий и гибели на Родину свою суровою неуступчивостью? История оправдала его, и беспристрастная наука, чуждая партийных увлечений, конечно, должна засвидетельствовать, что ему по праву и достоинству надлежит усвоить именование спасителя Отечества, ибо в случае введения католичества в России и воцарения Сигизмунда, несомненно, теперь России и русского народа уже бы не существовало.

Сам он умер, замученный врагами. Но велика сила вечного. Когда во имя этого вечного заговорил патриарх, обращаясь к народу, когда загремели его грамоты и грамоты его сподвижников и учеников по всей России, вдруг среди всеобщего, казалось, растления и смерти, среди всеобщего уныния или измены стала загораться жизнь: собираются ополчения, «передаются» — сносятся между собою города, верные сыны Родины или раскаявшиеся бывшие изменники, бывшие «перелеты», слуги «вора» или поляков, спешно собираются и идут на освобождение Москвы, идут умирать «за Дом Пресвятыя Богородицы». Чували враги эту силу, заставляли патриарха умолкнуть, вынуждали у него проклятье освободителям Родины; патриарх писал, пока были силы и возможность, посылая благословение верным сынам Родины, разрешил народ от присяги, данной Владиславу, и проклинал изменников. От угроз и побоев, от поднятого против него ножа он ограждался только крестным знамением. Патриарх не дожил до радостного дня освобождения Москвы, но уже видел зарю его.

Прошло триста лет. Имя патриарха не умерло, могила его не одинока, а в последнее время и небесные знамения и чудотворения говорят о том, что близ есть время прославления его во святых.

Читаешь современные о нем отзывы и дивисься чуду: даже те органы печати, которые теперь всякого живого, действительного последователя Ермогена, всякого патриота, стоящего за веру и Родину против засилия иноверия и инородчества, предают проклятию и готовы растерзать, — и они воздают хвалу патриарху-патриоту, патриарху — государственному деятелю, патриарху-священномученику; робко и оглядываясь, в мягких и осторожных словах скрытого страха и лицемерия, говорят они только против

немедленной его канонизации, ничего не смея возразить против нее по существу*, — такова сила невольного уважения к нему и к тому вечному, во имя чего жил и действовал патриарх Ермоген. Да, история его оправдала, оправдала и его личность, и его дело.

Два урока, два завета слышатся теперь нам, стоящим у священной гробницы великого патриарха: один для русского народа и государства, другой — для каждого отдельного христианина, но в сущности завет — один. И этот урок дан в словах апостольского чтения, повторенного нами в начале слова: все погибнет, а Господь пребывает, и как одежда обветшает и изменится, только Бог — все Тот же Неизменный, и лета Его не оскудеют! Вечное не стареет. Вечное служит основой жизни, и в жизни народно-государственной. Есть два царства: Божие и человеческое, Небесное и земное, Церковь и государство. Одному обещана вечность, неодоленность — это Церкви (см.: Мф. 16, 18; 28, 20). Другое наследует то, что принадлежит земле и человеку: удел их изменяемость и умирание, ибо преходит образ мира сего (см.: 1 Кор. 7, 31). Что же нужно делать царству человеческому, чтобы приобщиться вечности и взять ее себе уделом? Ясно, что надо приобщиться Церкви Божией, в ней и с нею жить, ее задачам служить. Это вернейший путь прочности земного нашего царства. Путь сей указывал патриарх Ермоген.

И какая жалость снедает сердце, когда видишь, что часто мы идем по пути совершенно обратному. Не замечаем ли мы, как во всех внутренних замешательствах и нестроениях мы прежде всего стараемся уступить именно из вечного и небесного, из того именно, из чего никто не смеет ничего отдать и уступить, — объявляем веротерпимость, уступку из прав Святой Церкви? Думают этим путем уступок кому-то сделать приятное, у кого-то обрести благоволение... Напрасный труд, тщетные надежды. Сбывается слово пророка: говорят — мир, мир, а производят бедствия (см.: Иер. 6, 14); сбывается слово апостола о том, что когда говорят о мире и безопасности, внезапно постигает нас пагуба (см.: 1 Сол. 5, 3). Тут-то и нужно помнить народу и государству завет патриарха Ермогена о твердости и непо-

* См., например, статью «Канонизация патриарха Ермогена» («Русское слово» от 16 февраля 1912 г.). — *Ред.*

ступливости в вере и во всем том, что касается вечного и небесного. Братие, *будьте тверды, непоколебимы!* (1 Кор. 15, 58)

Не то же ли самое и в жизни личной, в жизни каждого отдельного человека-христианина? В жизни надобно измерять и оценивать все при свете вечности. Многое, что кажется великим и важным, на самом деле ничтожно и малоценно. Вечность открывает человеку неумирающую жизнь, блаженную или мучительную, которую человек сам себе prepares жизнью земною. Дела наши идут вслед за нами, и мы за них дадим отчет (см.: Рим. 14, 12). Иного пути достижения блаженства нет, кроме той лестницы восхождения от земли на небо, которую указал Спаситель в заповедях блаженства, — разве все это не оправдано сонмом бесчисленных святых?

Верим, что к сонму этому приобщился и дух Святейшего Патриарха-мученика. И из загробного бытия он говорит нам и ныне о том, о чем говорил в жизни земной: прокляты предатели и благословенны верные слуги Церкви и Отечества!

Но главное,помним одно: жизнь и смерть, благословение и проклятие, спасение и пагуба наследуются нами только в зависимости от того, служим ли мы вечному или забываем о нем. Аминь.

В ОЖИДАНИИ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ЕРМОГЕНА

16 февраля 1913 г.*

Слово Божие повелевает нам тайну цареву хранить, а дела Божии возвещать миру для прославления имени Господнего, для назидания и спасения людей.

Посему-то, возлюбленные братие, сошедшиеся ныне для заупокойного моления и вместе для прославления памяти Святейшего

* Слово сказано в Большом Успенском соборе Московского Кремля перед панихидою о Святейшем Патриархе.

Патриарха Ермогена, нынешнее наше поучительное слово позвольте выразить не человеческими рассуждениями, а событиями и фактами, которые сами говорят за себя.

Пред нами распоряжение Святейшего Синода, высшего нашего церковноначалия, сделанное и объявленное в ответ православным обитателям Москвы, тысячами подписавших свои имена в просьбах, направленных в Святейший Синод о прославлении Святейшего Патриарха Ермогена.

В определении Святейшего Синода, в поучение себе, мы читаем: «Православные люди московские всех званий и состояний являются, по великой милости Божией, изо дня в день очевидными свидетелями вразумительных знамений небесного промысления о нашем Отечестве. Вот уже несколько лет с самого начала недавней смуты, для вразумления мятущихся и укрепления колеблющихся, в Большом Успенском соборе, у гробницы святейшего Ермогена, патриарха всея России, обильно изливается на недужных и страждущих поток поразительных чудотворений, и народ не только со всей Москвы, но и из разных концов России ныне переполняет первопрестольный храм, ища себе помощи в молитвах издревле чтимого первосвятителя. Недавнее, по благословению Святейшего Синода, всероссийское торжественное чествование (17 февраля 1912 года) трехвековой памяти мученической кончины великого первосвятителя раскрыло пред очами русского народа все значение его подвигов как спасителя веры и Отечества в годину губительного лихолетья, всю святость его и жизни, и мученической смерти, и напомнило всем, что древняя Святая Русь глубоко чтит сего «несокрушимого столпа веры и Отечества как нового исповедника», вписывала его в церковные диптихи (помянники). Во всем этом нельзя не видеть знаменательного указания свыше, что настало лето благоприятное и приспело время светлого торжества для окончательного прославления церковною властью всенародно чтимого святого, для открытия его многоцелебных мощей, дабы не мы молились о нем, а он о нас».

Обсудив изложенное и убедившись из книги записей чудес у гроба патриарха Ермогена в действительности многих знамений силы Божией, совершающихся по его молитвенному предстатель-

ству, Святейший Синод с должным вниманием принял весть об утвердившейся в пастве московской общей уверенности в святости почивающего в Большом Успенском соборе Святейшего Патриарха Ермогена и ныне повелел приступить к правильному и точному исследованию всех случаев чудотворений, совершившихся у его гробницы и по его молитвам.

Итак, возлюбленные, не бесплодна осталась любовь наша к святителю, мученику за веру и православную Русь. На нее ответил сам Святейший Патриарх Ермоген свыше — явлениями и чудотворениями, по данной ему благодати от Бога, на нее, видите, отвечает и священноначалие Церкви земной, по данной ему власти и обязанности также от Бога.

Читаем книгу записей чудес. Она ведется со дней нашего последнего смутного времени, нами пережитого, — с конца 1904 года.

Удивительное дело! Воистину во благовремени Господь воздвигает и прославляет святостью великого святителя, который всю свою жизнь и деятельностью вразумляет чад Церкви и предостерегает от увлечения тем революционным движением в России, которое — теперь уже ясно для всех — имело и имеет своею основою ненависть к православной вере, к православному царю и к православному русскому народу. Бесцерковное и безнародное, движение это имеет грозного судью и обличителя в лице патриарха Ермогена.

Все записанные чудеса уже в общем проверены. Есть собственноручные записи исцеленных, засвидетельствованные служителями алтаря Успенского собора во главе с протопресвитером. Исцеленные точно указаны, с обозначением времени и места исцеления, свидетелей его, с указанием и места жительства. И кого здесь только нет! И младенцы, и старики, мужчины и женщины, люди высокого положения и самого скромного, от генерала до прислуги, — все объединились в молитве и благоговении, в получении милостей и чудотворений, свыше подаваемых. Здесь учейшие люди, лица с университетским образованием, здесь и люди простые, даже неграмотные. И каких только болезней мы не видим в записях: хромые, слепые, ревматики, страдающие сумасшествием, нервным расстройством, чахоткой, страдающие страшными

припадками болезней желудка, мучительными головными болями, лишённые движения рук и ног, страдающие болезнями сердца, печени, воспалениями, опухолями и так далее без конца — они проходят пред нами живыми свидетелями чудес великого святителя. Многие долго лечились, многие приговорены были к смерти, многие сами не верили в свое выздоровление, и все они — то видели во сне приходящего к ним патриарха Ермогена, то служили панихиды о нем, призывали его в молитвах — и по вере получали облегчение, исцеление и спасение. <...>

Думается, что вполне довольно ныне сказанного. Близится, очевидно, время прославления великого святителя и священномученика. Будем терпеливо ожидать его, в уповании на милость Божию. День тот придет и осияет верующую православную Россию.

Триста лет Москва не знала прославления святого. Ток чудес милости Божией как бы обходил ее, по грехам нашим. Чернигов, Саров, Кашин, Полоцк, Белгород — и вот, наконец, и первопрестольный град наш воспомянут в очах Божиих.

Да совершится о нас воля Господня! Мы же до уреченного дня во смирении веры, в благоговейном молчании, сдержанности и терпении, углубляясь в тайны судеб Божиих в ожидании проявления силы Господней, будем как бы приуготовляться и созреть к великому обновлению духа всенародного в грядущем прославлении святителя, будем молить Бога о упокоении со святыми приснопамятного страдальца за веру и Отечество: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего!» — и сквозь это обычное заупокойное моление ожидать, и предчувствовать, и уже слышать духовным слухом веры и упования звучащее другое моление: «Святителю отче Ермогене! Моли Бога о нас!» Аминь.

ДУХОВНЫЙ ВОЖДЬ РУССКОГО НАРОДА

Слово на освящении подземного храма
во имя святителя Ермогена в Чудовом монастыре⁴²,
13 мая 1913 г.*

*Время сотворити Господеви: разори-
ша закон Твой.*

Пс. 118, 126

Этими скорбно-гнетущими словами псалмопевца еще недавно, но как теперь кажется — давно, мы предначали святое дело прославления святителя Ермогена. Всего 6 лет тому назад русские люди, верные законам своего Отечества и любви к нему, собрались в Москве в дни бушевавшей и еще не улегшейся последней нашей смуты, в городе первопрестольном, где так свежи были воспоминания о пролитой крови невинно убиенных крамольниками верных слуг царя, где во многих местах и домах видны были следы только что подавленного вооруженного восстания. И невольно припоминалась тогда нам старая смута, бывшая триста лет назад, великая разруха царства; и невольно мы обращали взоры к силе святой православной веры — к той единственной силе, которая тогда объединила, сплотила, сохранила и спасла Русь; и невольно восставал тогда пред нами во всей духовной красе мученического подвига за Родину тот, кто представлял в себе тогда силу Православия, — Святейший Патриарх Ермоген.

Он справедливо являлся тогда для нас воплощением тех заветных начал, которым служили собравшиеся на совет русские люди, — начал и заветов верности православной вере, царю-самодержцу и русскому родному народу.

И конечно, не раз в душе каждого из нас, стоящих около гробницы патриарха Ермогена, вставали с трудом подавляемые недоуменные вопросы: «Господи, если уж он не угодил Тебе, если он не во святых, то кто же тогда достоин святости? Неужели заповедь Твоя прошла мимо, что прославляющие Тебя будут прославлены, что нет любви большей, как если кто душу свою положит за други

* Храм был сооружен московскими монархистами на месте блаженной кончины патриарха.

своя? Неужели время не пришло прославить святителя Ермогена? О, пришло, пришло время! Время сотворити Господеви, яко закон Твой разориша!

Так думалось всем нам, и робкая надежда закрадывалась тогда в сердце, что близятся дни прославления во святых того, кто своим житием, подвигом, всем своим духовным образом подкрепляет, освящает, оправдывает думы и чувства, убеждения и деятельность истинно русского человека.

Но власть церковная, высшее священноначалие в таком великом деле и в таком ответственном решении, как прославление святого, не может идти только за человеческими хотениями, как бы они ни казались ценными и достойными. Нужен глас Божий, нужен суд Господень, нужна воля Божия для такого дела.

И воля Божия нашла, что время пришло, что время теперь для нас сотворити Господеви, время показать свыше, что закон Господень разорился, что подобает нам встать на высоту защиты его и исполнения, имея такого духовного вождя, как прославленный всецерковно святитель Ермоген. Ток многочисленных чудес у гробницы его в короткое время совершился воочию для всех. Глас Господень слышен стал на всю Россию, и, внемля ему, церковная власть ныне с благоговением и благодарностью к Богу прославляет святителя Ермогена.

Не думая ничего о его прославлении, мы, православно-русские москвичи, сплотившиеся в Союз* для защиты духовных устоев жизни России, созидали этот храм, созидали его только в память мученической кончины Святейшего Патриарха — в том самом месте заточения, где триста лет назад, не в этом благолепии и удобствах, а в сыром, холодном подвале несколько месяцев подряд томился патриарх Ермоген, где слышались его молитвы за Русь, где воздух трепетал от гласа его воздыханий и слез за гибнущее Отечество, где писались его пламенные послания, где слышались его грозные и обличительные речи вора и изменникам...

Господь судил нам престол и храм посвятить уже прославленному во святых патриарху Ермогену: это первый в России храм его имени.

* Имеется в виду Русский монархический союз.

Итак, пред нами теперь святой и прославленный вождь духовный — оправдание всего нашего исповедания, оправдание всей нашей деятельности, оправдание нашего православно-русского дела. Никто не посмеет сказать, что мы напрасно его чтим с особым благоговением как своего небесного покровителя, как то и значится в уставе нашего Русского монархического союза.

Любил ли он Православие, которое мы чтим, исповедуем и отстаиваем? Но для этого нужно взглянуть на эту древнюю Казанскую икону Богоматери в иконостасе сего храма, написанную во дни святого Еρμοгена: он первый ее извлек из земли и описал ее обретение и чудотворения. Для этого надо вспомнить его безусловное требование, чтобы и жена Лжедмитрия, и королевич Владислав были непременно чадами Православия. Для этого надобно вспомнить все его послания, в которых он звал русских людей защищать Православную Церковь, указывал на опасность для Православия от польского короля. Для этого надобно помнить его слова, почти предсмертные: «Латины в Кремле костел поставили — не могу терпеть латинского пения».

Любил ли он самодержавие русских царей? Но он верен был Грозному Иоанну, кроткому Феодору, верен был и царю Борису, и Лжедмитрию, пока они были законно признаны народом, и пока Лжедмитрий не обнаружил стремления заменить Православие латинством; верен он был и избранному царю Василию Шуйскому, которого как личность, независимо от царского достоинства, — за слабость, двоедушие он и не мог уважать. Отсюда, из Чудова монастыря, бунтовщики против Василия Шуйского насильно взяли и повели патриарха Еρμοгена на Лобное место, требуя, чтобы он отказался от царя и разрешил народ от присяги ему; упорствовавшего патриарха оскорбляли, наконец избили — и все же он остался тверд в своей преданности законному царю. Он знать не хотел и не хотел слышать о какой-то «записи», которую бояре взяли с Шуйского, обратив его из царя в полуцаря, и, пока Шуйский был на престоле, патриарх служил ему как верноподданный, верою и правдою.

Любил он народ русский? Но в молодости он подвергал жизнь свою опасности, будучи воином и участвуя во взятии Казани. Будучи митрополитом Казанским, он прославил на все века воинов,

павших при взятии этого города, как мучеников, положивших души за Отечество. Там же он создал и сплотил около себя обширный круг деятелей-патриотов, которые потом, в годину смуты, стали во главе освобождения России от поляков. Будучи патриархом, он за Русь положил свою душу, он воспламенил к смерти за Родину тысячи героев, он не дал очам своим сна и веждам дремания, вынес все унижения, все скорби и страдания, весь позор заточения и голодную мучительную смерть, оставаясь адамантом веры и любви к Отечеству до последнего издыхания.

Кто он родом? Духовный? Боярин? Дворянин? Казак? Торговый человек? Посадский? Крестьянин? Об этом спорят. Остается неизвестным его происхождение — и какой здесь для нас символ! Он был просто русский православный человек, верный царю и Родине, примерный русский человек, вождь духовный всех русских людей — без различия званий и состояний. Он отстаивал Православие не так, как многие из современных нам политических его защитников, которые сами в храм не ходят, Таинствами не освящаются, иерархии не чтут, пред Церковью не смиряются, а Православие почитают полезною «уздою для народа».

Он веровал в истину Православия, он видел в нем путь душевного спасения всякого человека, следовательно и своего родного народа, родного Русского царства. Он оставался верен Православию, хотя, может быть, не всегда видел от представителей Православия твердость и мужество: не забудьте, что его, под насилием и давлением сначала Лжедмитрия, а потом поляков-завоевателей, два раза лишали сана, на его место избран был патриарх-предатель и потаковщик латинству, а сам святой Ермоген брошен был сюда, в это подземелье, как простой монах, как простой монах был и похоронен.

Он служил царям и верен был им именно как власти от Бога: не отвращался от них, когда видел их недостатки, не судил Грозного за жестокость, Феодора за излишнюю мягкость, не судил Годунова, Шуйского... хотя и того, и другого было за что судить; он не отвращался от царя Шуйского, хотя видел его неблаговоление к себе. Это был монархист не за страх, не за корысть, а за любовь и совесть. Он не основывал своей преданности к царю на каких-либо сословных выгодах и соображениях: он, повторяем, был тот истин-

но русский человек, который верен царю по долгу данной присяги, без всякой мысли о выгодах этой верности.

И народ причинил патриарху немало огорчений. Смутное время открыло в русском народе много недостатков: пьянство, изменчивость, легкость в следовании за всяким смутьяном, частые измены и переходы от одного самозванца к другому, грубость бунтовщиков, проявленную к самому патриарху. Но любящим сердцем он прозревал глубину души народной, видел хранящиеся под спудом величайшие ее сокровища, не говорил, подобно нынешним — мнящим себя высокообразованными реформаторами русской жизни, — что нельзя любить Отечество неблагоустроенное и лишенное благ культуры и правопорядка... Нет, страждущее и расстроенное Отечество, заблуждающийся родной народ он любил еще большею любовью и горел желанием отдать за него свою жизнь.

Таков нам подобаше архиерей, таков нам подобаше вождь духовный — всем православным русским людям вообще, а русским людям, верным этому имени, по преимуществу и в особенности. Увенчанный славой святости, приявши дар чудотворений, приявши силу и власть внимать нашим молитвам, — он есть наше утешение, наша отрада, наша радость, наша слава, наш ходатай пред Божиим милосердием и Божией правдою. Он не оставит своим небесным покровительством тех, кои ревнуют его вере, любви и его подвигу.

И посему ныне — наш нареченный и святой день, радость велия, торжество духовное в освящении этого храма во имя святителя Еρμοгена! Сюда мы будем приходить и искать ободряющих уроков, вечных наставлений святителя и небесной его помощи и поддержки. Сюда мы будем приходить в дни печали и радости, в дни, когда готово унывать сердце наше, и будем искать обновления духа, оживления усталого сердца. Сюда мы будем приходить, чтобы вспоминать давно минувшие, но властные и потрясающие, и навеки поучительные картины:

Спустилася ночь над великой Москвою,
Пируют враги за кремлевской стеною...
В сыром подземелье, терзаем тоскою,
Томится защитник Отчизны родной.

Не страшны ему больше страдания
И могилы немой темнота,
Но горит еще светом сознания,
И молитва колеблет уста:

«О Господь, пока жизни я внемлю,
Об одном пред Тобою молюсь:
Пожалей нашу страдную землю,
Пощади нашу скорбную Русь!»

Но здесь же, братие, в этом святом храме, нам слышны и грозные предостережения. *Не весте ли*, — говорит апостол, — *яко святии мирови имут судити?* (1 Кор. 6, 2). И будет нас судить святой Ермоген, будет судить за недостаток ревности и любви к святому Православию, за недостаток любви и верности к царю и Родине, будет судить за все нечистое и недостойное, что мы внесем в высокое и святое служение нашей Церкви и Отечеству, за всякое проявление в этой области себялюбия и своекорысти, саможаления и лукавства. Его грозные речи, некогда оглашавшие своды этого подземелья, будут вечным укором и всем изменникам Отечества, и всем половинчатым людям, которые колеблются и разделяются между долгом и себялюбием, между верностью и выгодой, между правдой и неправдой, между добром и злом.

Итак, сюда мы будем приходить и для того, чтобы проверять себя пред духовным образом святителя Ермогена, чтобы искать у него, через голос нашей совести, суда над нашею жизнью и деятельностью: не разорили ли мы закон Господень, не время ли восстать от лени и уныния, не время ли сотворить Господеви?

Великий муж, бестрепетный страдалец — отныне святой отче Ермогене! В твоей темнице теперь Божий храм. В твоей темнице Божия служба, православная, святоотеческая, тобою любимая. В твоей темнице, где ты пал жертвою людской злобы, приносится теперь жертва бескровная во спасение мира! Да возрадуется дух твой в селениях горних, да возвеселится душа твоя в обители праведных!

Молим тебя, святителю Божий: сохрани молитвами твоими благоверного императора, благоверную Русь, благоверных людей Божиих в мире, в радости и в неизменной верности тому, чему ты

служил и за что в подвиге страдания и мученичества ты положил свою душу! Твоя слава в Церкви пришла к нам во благовремении, время сотворити Господеви, яко закон Твой разориша... Да воссияет сей закон Господень на земле нашей во веки веков! Аминь.

ПРАВДА ВЕРЫ И ЖИЗНИ

Слово в Неделю Православия*, 23 февраля 1903 г.,
перед чтением Деяния Святейшего Синода
о прославлении старца Серафима Саровского⁴³

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...

Символ веры

Достойно и праведно ныне, в день Православия, с особым чувством радостного умиления вспомнать и исповедать эту истину нашего священного Символа веры. Достойно и праведно в этот день, когда мы празднуем победу и торжество Православия над неверием и лжеверием, возблагодарить Бога за то, что мы принадлежим к той единой и спасающей Церкви, которая удержала и сохранила ныне в чистоте и сохранности истину святой веры в том виде, как принес ее на землю Христос Спаситель, как возвестили ее миру святые апостолы, истолковали и сохранили на все века богомудрые отцы и учителя Церкви на Святых Соборах: сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вселенную утверди.

Правда Церкви нашей есть прежде всего правда веры и исповедания. На нее-то искони и устремлены были козни врагов истины: и гордыня лжеименного разума, и самочинное мудрование в учении Божественного откровения, и нравственная распущенность, как печальное наследие издохшего язычества, и продажные, мирские, недостойные веры расчеты в жизни частной или государственной, — все эти враги силились поколебать чистоту веры нашей и поставить

* Сказано в Сионском соборе при священнослужении экзарха Грузии.

в ней на место Божественного начало человеческое. Сонмы мучеников, сонмы отцов и учителей Церкви с величайшими трудами, жертвами и усилиями, своими страданиями, терпением, кровью и смертью отстояли для нас сокровище веры: да будет им вечная память пред очами Бога и людей, в Церкви земной и небесной!

Велико и неоцененно сокровище этой правды веры и исповедания! Ныне принято умалять его, ныне раздаётся проповедь новоявленных и самозванных учителей о том, что в христианстве чистота веры и догмата будто бы не важна, и что не только главное, но и единственное его сокровище — это правда жизни. Не верьте, братие, этому обольстительному учению. Как нельзя жить, не родившись, как нельзя читать и писать, не зная азбуки, так нельзя иметь правды и жизни, не имея правды веры. Апостолы завещали нам твердо знать наше упование и давать о нем ответ вопрошающим (см.: 1 Петр. 2, 15); они завещали нам хранить оставленный ими образ здравых словес (см.: 2 Тим. 1, 13), чтобы по нему устроить и располагать свою жизнь: иначе здание нашей нравственной жизни будет построено на песке или, еще хуже, уподобится писанию по воде...

Этим не унижает Церковь правды жизни. Напротив, твердо и неизменно проповедует она учение апостолов, что *вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), что нужно *любить не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18). И смотрите, поучаясь, как оправдывает ее история веков минувших. История эта гласит нам ясно и вразумительно, что с правдою веры всегда неразрывно связана и правда жизни, с возрастанием или падением одной непременно возрастает или падает другая. Все общества христианские, уклонявшиеся от единства и чистоты веры, оскудевали духом и скоро являли печальное зрелище нравственного разложения. Где сонм святых в Церкви армянской после отделения ее от Православия? Она чтит только тех святых, которые жили до разделения Церквей, будучи не в силах после потери чистоты веры воспитать сынов своих для святости. Не оскудела ли святыми подвижниками и угодниками и их святыми мощами отколовшаяся от единства веры Церковь гордого Рима? Но вот на Западе действиями темной силы явилось новое и великое отступление, нашумевшее на весь мир, гордо объявившее себя реформацией, отвергшее и поправшее по началам лже-

именитого разума всю древнюю святыню веры. Что же вышло? Нашлись ли там деятели, напоминающие хоть сколько-нибудь величавых святителей христианской древности? Явились ли смиренные подвижники веры и молитвы, осиянные Божией благодатью? Просияли ли святые, Богом умудренные учителя веры, властители дум, целители больной совести, те, к которым стекались бы люди Божии, ища назидания, облегчения измученному сердцу, прощения грехов, обновления жизни? Все застыло там в одной напряженной работе холодного разума в делах веры, которая главным образом живет в области сердца, и жизнь видна-то только в одном головокружительно-быстром и страшном развитии крайнего отрицания, в этом бесконечном дроблении сект, которые уже выродились из лютеранства в числе более 800, которые плодятся и донине, являясь наглядным и страшным нарушением предсмертной и заветной молитвы Богочеловека: *да вси едино будут...* (Ин. 17, 21).

Не ради гордыни и похвальбы, а во славу Бога и Христа Его, в благодарное исповедание Божьей благости и благодати, свидетельствуем мы о великом сонме святых Божиих в нашей Православной Церкви. Не оскудевает сонм этот, растет из века в век, украшая новыми и яркими звездами духовное небо славного христианства. Милостию Божией не оскудела носителями святости и наша родимая Российская Церковь. И на престолах благоверных князей, и в среде всех сословий верноподданного народа, среди воинов и мирных граждан, на превознесенных престолах святителей Церкви и в рядах простых мирян и иноков, в тиши обителей, в глубине лесов, в неведомых пустынях, среди льдов далекого северного моря — везде просияли на земле русские святые угодники, и стала земля наша воистину землею святорусскою.

Истекло XIX столетие христианства на наших глазах. В этот век разлива в мире неверия и нечестия Господь в Русской Церкви четыре раза, как бы четырем поколениям, сознательно жизнью пережившим столетие, воздвиг в назидание новых угодников Божиих: святителей Иннокентия Иркутского, Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феодосия Черниговского. Наступил XX век, и с самого порога его мы видим новое знамение милости Божией к Русской Церкви, новое свидетельство ее истины, ее Православия

и целости ее духовной жизни, новый призыв к нам хранить святыню веры и сыновнее послушание Церкви: близится время прославления боголюбивого старца Серафима, Саровского подвижника, нареченного в святых Божиих общим гласом верующего православного народа; ныне запечатлен глас этот решением высшего церковного священноначалия радостно-умиленным словом возлюбленного нашего монарха.

Радуйся, Церковь Святая Православная! Радуйтесь духом, православные люди Божии! Радуйся, старче Серафиме, смиренный подвижник и новый к Богу молитвенник за землю Русскую!

В этот день Православия усугубим торжество его, братие, радостью о новоявленном угоднике Божиим, свидетеле Православия и святости нашей Церкви.

УРОКИ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТЫХ

Слово в день прославления
преподобного Серафима Саровского⁴⁴,
19 июля 1903 г.*

Праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов.

Притч. 14, 34

Отрадно нам исповедовать эту истину в день прославления праведного. Кроткий и смиренный, назвавший себя при жизни не иначе, как «убогий», благоговейный старец Серафим, 70 лет тому назад на крыльях молитвы от земли переселившийся к небу и вечности, ныне всенародно признается и прославляется в лике святых, нареченный уже давно угодником Божиим общим гласом верующего народа, засвидетельствованный чудесами и знамениями.

Праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов, — так говорит слово Божие. Много мы знаем и видим дока-

* Сказано в Тифлисском Сионском соборе.

зательств этой истины в священных событиях истории Ветхого и Нового Завета.

Вот к Лавану приходит гонимый и преследуемый родным братом праведный Иаков, и здесь находит себе гостеприимный кров. Не укрылось от Лавана, что с пришествием праведника видимо благословение Божие почило над всем домом его — в достатке, в благополучии и счастии, и он прямо заявляет Иакову: *Усмотрех, яко благослови мя Бог пришествием твоим* (Быт. 30, 27).

Вот кроткий и верующий Иосиф, безжалостно проданный братьями, попадает в Египет рабом в дом вельможи; сам господин его, неверующий язычник, видит и убеждается, *яко Господь Бог с Иосифом, и елика творит, Господь благоустраивает в руку его; и бысть благословение Господне Иосифа ради на всем имении его, в дому его, в селех его* (Быт. 39: 3, 5).

Возьмем еще пример. Долго Господь хранил избранный народ Свой, долго призывал его к покаянию величайшими чудесами милости, голосом пророков и проповедников, долго и много раз грозил народу Своим гневом, обещая разрушить Иерусалим, отнять царство, лишить родины, наказать пленом. Упорным и нераскаянным оставался Израиль, как бы смеялся он над долготерпением Господа, и имя святое Его отдавал на позор язычникам. И приблизились дни гнева Божия, приспел час падения святого города. Но и тогда мы слышим великое слово Господне о праведниках: *объидите, и воззрите, и познайте и поищите на улицах Иерусалима; и если найдете мужа творящего суд и ищущего веры, Я милосерд буду к Иерусалиму!* (Иер. 5, 1–2; ср. гл. 7). Так велико в очах Божиих значение одного праведника для целого народа.

И в истории Нового Завета мы видим, как ради одного праведника, святого апостола Павла, во время морского путешествия его на корабле спасены были от неминуемой гибели все плывшие с ним спутники; Ангел при этом сказал апостолу: *Бог даровал тебе всех плывущих с тобою* (Деян. 27, 24).

Почему же так важно пребывание праведных среди народа? Прежде всего потому, что они являются показателями и свидетелями духовной жизни и духовного роста народа, они своим существованием показывают, что народ не умер для Бога, для святости

и для духовной жизни, что среди него есть люди, достойные благоволения Господа, и что таких людей немало. Прославленные праведники, угодники, чудотворцы — это как бы высочайшие горные вершины. Здесь, в области духовно-благодатной, наблюдается то же, что и в области видимой природы на земле. Горные высочайшие вершины никогда не стоят совершенно одиноки и особняком на равнине, около них всегда поднимаются меньшие, но все же возвышенные горы, целые цепи гор, целые горные пространства.

В области духовно-благодатной видим то же: около великих святых есть меньшие, но добрые и высокие души: их почитатели, ученики, подражатели, люди, напоенные единым с ними духом, единой верой, единым благочестием. Праведники не бывают совершенно одиноки, вот почему прославление праведного есть признак, что в обществе, где он жил, воцарилось не одно зло, что, напротив, в обществе этом есть живые духовные силы, вот почему прославление праведного есть радость Церкви, которая видит, что она не бесплодно молилась о сынах своих, не бесплодно учила их вере и благочестию, и действительно ведет их к небу и блаженной вечности. Так, у святого Серафима была высокого благочестия мать, щедродательный брат, были же добрые люди, от которых в детстве и отрочестве он получил расположение к вере и благочестию и святым подвигам, были и в обители Саровской не один, а много-много таких людей, которые сочувствовали святому Серафиму: многие из иноков обители, и в их числе ее начальники, имена которых сохранились в житии святого старца, многие послушники, монахини соседнего женского монастыря, посетители и почитатели старца, которых также было великое множество. И то обстоятельство, что память святого старца не умерла в народе и свято хранилась, что не заросла дорога к его могиле, что имя его из скромной обители, из лесной глуши пронеслось и призывается с верою на протяжении всего великого царства Русского, — это все приносит сердцу отрадную уверенность, что родная Церковь наша, Церковь Русская Православная, спасает своих чад, что не оскудела она духом и святынею, что не мертва она, а жива и действенна и что уходящие от нее уходят от источника жизни и спасения. Пусть подумают об этом наши не-

счастливые заблуждающиеся братья, сектанты и отступники, которых, к прискорбию, так много в нашем крае и в нашем городе и которые так упорно закрывают очи и не хотят видеть истины Православия нашей Святой Церкви.

Почему еще так важно пребывание праведных среди народа? Потому что мы в них имеем предстателей и ходатаев пред Богом. Святой апостол Павел, постигший глубины таин Божиих и таин духовной жизни человека, говорит нам, что из всех духовных дарований вековечное и неумирающее есть любовь: *Любовь, — говорит он, — никогда не престаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8).

Но святые Божии в земной своей жизни и водились и жили именно любовью к Богу и ближним. До какой высоты самоотречения доходила их любовь к людям — видно из молитвы Моисея о согрешившем родном народе: *О, Господи, народ сей сделал великий грех, сделал себе золотого бога; прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32, 31).

Вся жизнь святого Серафима также была исполнена деятельной самоотверженной любви к людям, она светила в его взоре, она изливалась в словах его приветов ко всем посетителям: «Радость моя», она проявлялась в его частых поклонах до земли своим ближним и лобзаниях, она давала ему изумительное терпение при беседах с тысячами посетителей — выслушивать их печали, сомнения, исповедь грехов, ободрять словом утешения, вразумления и прощения грехов, она одушевляла святою мудростью его наставления тем простым и верующим душам, что тысячами ежедневно приходили ко святому старцу, она пламенела в его молитвах за людей, она, наконец, мощно и благодатно действовала в том дивном даре чудесных исцелений больных, который ниспослал ему Господь в конце жизни.

Неужели эта любовь должна прекратиться после смерти старца? Неужели святые, сильные в молитве о ближних при жизни, немые и глухие по смерти? Неужели душа их после смерти тела уже не объята любовью, и к скорбям земных братий они вдруг станут равнодушны, они, которые, живя на земле, готовы были все свое и себя самих принести в жертву ради блага ближних? Так именно

рассуждают и наши сектанты, удаляющие себя от почитания святых и от молитв к ним.

Но ведь против этого вопиет и разум и сердце, против этого говорит и слово Божие, уверяющее нас, что *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Вот почему апостол Петр обещал христианам заботиться о них и после смерти (см.: 2 Петр. 1, 14–15), вот почему это же обещали все святые, обещал и ныне прославляемый преподобный отец наш Серафим Саровский. «Когда меня не станет, — говорил преподобный, — ходите ко мне на гробик, ходите, как вам время есть, и чем чаще — тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все придите да мне на гробик, припав к земле, как живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым, со мною говорите, и всегда я для вас жив буду».

Да, жив ты у Бога, святой, любвеобильный и благоговейный старец, жив ты в Церкви Божией, жив и славен, как праведник, в родном тебе многоплеменном православном Русском царстве!

Хотите ли, братие, причаститься к этой его жизни? Хотите ли быть сродными его духу, его вере, его любви и благочестию? Хотите ли явить доказательство, что и вы духовно слились с той Церковью, в которой обрел спасение и святость новоявленный угодник Божий? Тогда войдем ныне все в радость и молитвы Святой Церкви, приблизимся духом к святому Серафиму, перенесемся мыслью и воображением к тем десяткам тысяч богомольцев, которые сегодня в отдаленном Сарове стоят вокруг мощей преподобного, горят к нему любовью, прославляют его, и с ними, и с Церковью Божией воскликнем от всей души: «Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!»

Но будем помнить, братие, что бывает страшное душевное состояние и отдельных лиц и целых народов, такое состояние греха и нераскаянности, что отвращает совершенно от людей лице Господа и делает бездейственными о них даже молитвы святых: тогда молитва их, по слову пророка, в недра их возвращается (см.: Пс. 34, 13). Так было с нераскаянными иудеями, о которых молил пророк Иеремия; и сказал ему Господь: *Не молися ко Мне о людех сих во благо <...> Хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему; отгони их от лица Моего, пусть они*

отойдут (Иер. 14, 11; 15, 1). Так случилось, наконец, и с Иерусалимом: сам Господь плакал о нем и жалел его, но все же осудил его за конечное ожесточение и упорство его сынов.

Это для нас — устрашающие образы и примеры. Будем не устами только почитать святого угодника Божия Серафима, но и делом и всею жизнью являть с ним духовное единение: будем иметь его святую веру; будем всей душой преданы Святой Церкви, к которой он принадлежал; освящаться ее Таинствами, которыми он освящался; исполнять в точности и с любовью все ее уставы; будем искренно почитать его совершенства и добродетели и отображать их в своей жизни, отдав ее труду и молитве, по мудрому и меткому наставлению старца: «дело в руках, а молитва на устах»; будем служить, чем можем, с любовью нашим ближним, — одним словом, будем подражать житию угодника Божия, чтобы явиться братьями его не только по плоти, но и по духу! Ибо и апостол, заповедуя почитать праведных, поучает нас: *ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их* (Евр. 13, 7). Иначе и почитание их будет бесполезно и лицемерно. В день прославления праведного вспомним крепко и поставим у сознания и сердца слово Божие: *праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов*. Аминь.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА*

Сорок лет тому назад, 19 ноября 1867 года, тихо и мирно, смертью праведника скончался в Москве знаменитый в истории Русской Церкви митрополит Филарет⁴⁵. Умер он и погребен у преподобного Сергия в Троицкой лавре. Много лет прошло со дня его смерти, мало уже в живых его современников, помнящих, как

* К сорокалетию со дня его кончины.

блистал и горел этот светильник на свещнице Церкви Христовой, но не умерла и не умрет память об этом замечательном человеке, в котором великий ум и твердая воля сочетались с глубоким смирением сердца, высокие познания сочетались с пламенной верою, этою верою освящались и осмысливались. В оставленных им ученых трудах, в его сочинениях, проповедях, письмах, отзывах, распоряжениях все ревнители и деятели Русской Православной Церкви и все добрые христиане, ищущие совета и руководства во всех областях жизни, находят и всегда будут находить неиссякаемый источник руководственных безошибочных указаний. И теперь, в пережитые и переживаемые нами тяжелые дни всяких нестроев церковных, государственных и общественных, мы можем всегда найти ответ на все тревожащие нас вопросы в наставлениях почившего Московского святителя. Нет области жизни, которой не коснулось бы его мудрое слово. Мы не говорим здесь о чисто религиозных его поучениях: они столь обильны и глубоки у этого архипастыря, которого сравнивали и с Григорием Богословом, и с Иоанном Златоустым, что целый ряд поколений уже воспитал и долго будет на них воспитывать в себе религиозное чувство и преданность Церкви. Но и в других областях жизни он дает всегда безошибочные советы и указания. Говорит ли он о царской власти, о начальниках, о подчиненных, об обществе, о государстве, о старине и новизне, о реформах жизни, о науке, о школе, искусстве, о взаимных отношениях отдельных людей, семейств, сословий и целых народов — всюду его слово, по апостолу, солию растворено, всюду он — муж разума и совета. Ко всему этому он вмещал и носил в себе как бы все заветы благочестивой древности и святоотеческих учений: так всегда строго церковно и строго православно каждое его наставление!

Не одним умом и мудростию славен почивший святитель. В нем видим не только правило веры — эту добродетель истинного наставника церковного, но и «образ кротости, воздержания учителя», как поется в песни церковной, прославляющей святителей. Это был безупречный инок, ревностный священнослужитель и проповедник, по апостолу — тщанием не ленивый, духом горящий, Господеви работающий, не высоко мудрствующий, но смире-

нием ведущийся; это был неустанный труженик, непрестанный молитвенник, великий милостивец, любивший сохранять в тайне дела благотворения. Строгий чрезвычайно к себе, он был строг и к другим. Строгость, требовательность и взыскательность в исполнении долга подчиненными ставили и ставят ему в вину; но и в этом он следовал голосу своего собственного архипастырского долга; чувство христианской любви присуще было ему всегда, и всегда он наставлял с кротостию, карал с благожеланием. Святость жизни его была ведома и видима пасомым и современникам, и мы знаем не один случай, когда верующие и при жизни митрополита Филарета, и по смерти его получали чудеса милости Господней по его молитве или по призыванию его молитвенной помощи. И доньше есть немало православных христиан, верующих в святость почившего митрополита Филарета и тайно в молитвах призывающих его в помощь и заступление. Такова вкратце жизнь митрополита Филарета, таковы его дарования, заслуги, труды, его жизнь и праведность.

Имя митрополита Филарета прежде всего говорит о выдающемся его уме, необыкновенных познаниях, искусном и сильном слове. Не так редко встречаются среди людей умы сильные, одаренные великими способностями и талантами. Но не все они оставляют одинаковый след среди людей, не все одинаково исполняют то назначение, с которым человек живет в мире и которое указывает ему Бог. Нередко люди обращают свои дарования на зло. Умное, увлекательное свое слово они отдают делам пустым и ничтожным, увлекают своих слушателей на грех; мысль свою, сильную и способную подчинять себе других, они отдают на изобретение учений гибельных, безбожных, противоцерковных и противогосударственных; сильный свой характер, твердость, настойчивость, умение добиться цели они отдают на желания преступные и часто гибнут в увлечении делом преступным, обрекая себя, таким образом, на прямое безумие. Такие примеры мы теперь, к сожалению, часто, очень часто видим кругом себя, и кто их не знает? Эти юноши, девушки, которые свой ум, свое слово, свою жизнь обрекают на служение разрушению, восстанию, на призывы к крови и убийствам, сами совершают преступления и убийства, попадают в тюрьмы, получают заслуженную

казнь, сами убивают себя, — все эти люди часто одарены большим умом и большими знаниями; их ум не избавляет их самих от безумия, их ум служит на погибель и другим людям, соблазняя многих неопытных, неведущих и толкая их на путь преступлений и забвения Божьего закона. Ибо сильному уму и воле, в какую бы сторону ни направлялась их деятельность, естественно подчиняются окружающие — большею частью люди средние, ищущие вне себя опоры и руководства. Есть другие сильные и одаренные умы — умы вечно колеблющиеся. Вера, неверие, истина, ложь — все это у них меняется, как погода. Сегодня с увлечением они проповедуют одно, завтра с таким же увлечением — другое, совершенно противоположное. Такие люди не оставят по себе доброго следа на земле, не произведут сильного влияния на ближних. Неуверенный, колеблющийся, сомневающийся не может сделать другого крепким и стойким. Нельзя сказать, однако, чтобы и такие люди не производили никакого влияния на других людей. Сильный и способный ум всегда в данную минуту подчиняет себе других, это естественно и неизбежно. Поэтому и колеблющиеся, сомневающиеся умы, чем они способнее и сильнее, тем больше вреда приносят людям, разрушая в них веру, лишая спокойствия, отнимая уверенность в словах и поступках. Мы видели, каков был великий ум митрополита Филарета, этого приснопамятного архипастыря, учителя, молитвенника и праведника. Ум его был в полном смысле созидательный, а не разрушительный, положительный, а не отрицательный, всегда одинаковый, всегда себе верный и равный, всегда полный назидания. О нем можно было сказать словами святого апостола Иакова, которые так часто любил повторять сам почивший митрополит Филарет: *Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна* (Иак. 3, 17–18).

Естественно спросить и в наше время для нашего спасения и руководства жизни особенно полезно и необходимо знать: откуда же приснопамятный святитель получал это доброе направление своего великого ума? Что делало этот ум и дарования его такими благоплодными для мира и людей? Где он находил для себя опору и руководство? Где он черпал это постоянство, твердость, ясность

и определенность мысли и слова, желаний и действий? И где нам, по его примеру, найти эти великие духовные сокровища?

Разгадка указанной тайны совершенно ясна и всем доступна. Митрополит Филарет при всем своем огромном уме не кланялся ему, как идолу. Он знал и верил, что ум у человека ограничен, что он сам собою не дает света, что такой вечный, чистый и святой свет он может получить только от Того, Кто, по слову апостола, *свет есть, и тьмы в Нем несть ни единыя* (1 Ин. 1, 5). Есть *Свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1, 9), и Свет сей есть Бог. Он не оставил людей во тьме одинокими, сирыми, оставленными. Он дал им Свое слово. К слову Божию и приник митрополит Филарет от дней детства и юности, на нем воспитал свой великий ум, им направил и изощрял свои богатые духовные дарования. Но и в усвоении, понимании и принятии слова Божия ум человеческий может кичиться и в слепом самопоклонении не себя проверять словом Божиим, а, наоборот, самое слово Божие проверять своими рассуждениями и понятиями. Чтобы этого не случилось, Господь слово Свое доверил и вверил Церкви, которая и хранит, и распространяет, и безошибочно истолковывает слово Божие, руководимая Духом Святым, ей обещанным и ниспосланным. К Церкви Христовой, к ее правилам, учению, заповедям, к ее святым отцам и учителям и их писаниям, к ее богослужению, представляющему великую школу поучения и мудрости, — к Церкви Христовой приник митрополит Филарет, как ее сын и верный послушник, у нее искал и от нее смиренно принимал руководство и поучение.

Опираясь на слово Божие и руководство Церкви, приснопамятный святитель и получил ту свободу, уверенность и полноту жизни духа, которыми он поражает нас при чтении его произведений. Все было для него ясно: небо и земля, тайна жизни и смерти, тайна земного и загробного бытия, еже zde пребывание и еже тамо пришествие, все вопросы жизни земной, семейной, общественной, государственной.

Какой радостный и желанный этот удел! Как хочется нам в годину смуты, шатаний, сомнений также построить дом души не на песке, а на камне, чтобы не повалили его ни ветры, ни дожди,

ни разлившиеся бурные потоки! Как отрадно было бы нам иметь это постоянное спокойствие и душевное равновесие, ясный взгляд и ясную оценку всего, нас окружающего!

И это благо от нас не за горами. Поминаемый ныне святитель Филарет его ясно нам указывает: оно в слове Божиим и в руководстве Святой Церкви. Прильни, христианин, к этим источникам, и пустыня духа твоего расцветет прекрасным садом, и оживится все в нем умирающее и унылое, исчезнет всякое колебание и сомнение — ты почувствуешь прилив сил несказанных, ты станешь сильный и мощный, превыше всякой самой сильной и одаренной мысли человеческой, не зажженной еще словом Божиим и потому мертвой и бесплодной. Тогда ты обрешь твердые устои под ногами. Всякие вопросы веры, жизни, мысли для тебя станут ясны в главном и основном: в вопросе твоего нравственного достоинства, богообщения, богоугодия и вечного спасения. Тогда ты не будешь колебаться, меняться, не будешь страшиться всякого нападения и натиска иной мысли, неправой и нехристианской. Ответ будет у тебя готов на всякое возражение.

Таковыми людьми строится жизнь и стоят царства.

В годину расшатанности жизни, мысли и слова нам особенно дорог становится митрополит Филарет с его неумирающими заветами. Но дорогой для всей Церкви Русской, он по преимуществу близок Москве и Московской епархии, где он родился, где прожил он большую часть жизни, где навеки он оставил свое имя и свой след мудрости архипастырского правления и учительства. Он — слава и честь Москвы и Московской епархии, он, по уверенности многих и многих верующих, — и молитвенник за свое земное Отечество, за народ русский и Церковь Русскую.

Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, и ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

КРОНШТАДТСКИЙ СВЕТОЧ И ГАЗЕТНЫЕ ГИЕНЫ

6 декабря 1907 г.*

Повествуется в одном древнем житийном сказании, что к некоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всех сторон слушатели и почитатели, прося молитв, совета, благословения. Многие и о многом спрашивали его, и всем и каждому он отвечал в меру Духа, ему данного. Только один юноша, всегда посещая старца, сидел у ног его молча и ни о чем не спрашивал. Однажды старец, заметив это, наконец обратился к юноше с вопросом: почему он молчит и ни о чем его не спрашивает? Юноша ответил: «Отец мой! Для меня довольно только слушать и смотреть на тебя!»

Старец Кронштадтский⁴⁶ — вы знаете, о ком я говорю, — разве не напоминает нам и не повторяет ли на наших глазах в течение десятков лет этого древнего старца? Неистребимо живет в душе человека потребность найти и облобызать святыню, поклониться ей, побыть в ее освящающем и поднимающем дух общении. У русского православного народа потребность эта является особенно повышенной, она заполняет и потрясает всю душу народную, господствуя над всеми другими ее интересами и запросами. И вот сюда, к чудному старцу, столько лет обращает свои взоры святая и святолюбивая Русь. Одни к нему являлись лично, с ним молились и молятся, получали совет и благословение, получали нередко и дар чудодейственной помощи. Как их ни много, они, сравнительно со всей Русью, — едва приметная часть народа. Все прочие, как юноша пред древним старцем, только созерцали это дивное видение нашего времени и радовались Божьей благодати, в нем почивающей, и возгревали веру и упование, и насыщались его обильной духовной трапезой слова, молитвы, непрестанного поучения — поучения его жизни, подвига, любви, щедродательности, горящей веры и горящего слова, исходящего из уст его. От страны глубокой полунощи, где в борьбе с суровой природой, спасаясь от врагов, нашел себе русский человек пристанище свободы и училище крепости духа и характера,

* Слово сказано в Кронштадтском Андреевском соборе.

воссиял наш светильник. Там некогда возросли великие духом преподобные Трифон и Феодорит, Зосима и Савватий, Герман и Кирилл и многие другие. Их духом напоенный, стоит здесь более полувека великий в простоте веры и смирении пастырь-молитвенник — на грани Русского царства, у полунощной столицы, на конце земли Русской, у самого моря, светя, как маяк, разбиваемым житейским кораблям среди мирских бурь и тревог житейских.

Здесь, в этом святом храме, полвека трепетал самый воздух его от гласа молитв и воздыханий всероссийского пастыря и молитвенника; здесь пролились его первые слезы священнической молитвы; здесь возносились к Богу его пастырские скорби и радости; здесь около него было столько духовных восторгов веры, упований, столько событий и случаев возрождения, покаяния, спасения, отрад и утешения, столько чудес Божественной благодати, что поистине должно сказать словами Господа к Моисею у купины неопалимой: *«Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»* (Исх. 3, 5). Столько лет неизменно и непрестанно днем и глубокой ночью, и утру глубоко, еще сущей тьме, он стоял здесь и учил, и молился, и дал ему Бог радость видеть, как город, известный в прежнее время только блудом и пороком, обратился во всероссийское чтимое место, в место паломничества, как действие его служения сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его светильник, пока не засиял на всю Россию и далеко за ее пределами правилом веры, образом кротости и воздержания учителем, пока не стяжал наш пастырь всероссийский смирением высокая и нищетою — богатая. Вздыхались гордо волны неверия в 1860-х годах, были жестокие бури в Церкви, поднимались ереси, возрос и пал Толстой... Отец Иоанн бестрепетно и непрестанно увещевал, наставлял, бичевал, обличал порок и гордыню, неверия и ереси, он стоял несокрушимым столпом православной церковности, на себе самом, в живом примере показывая и доказывая силу, живость и действенность Святой Церкви, которая способна возрастить в своих недрах такого благодатного пастыря. Он зажег священный огонь в тысячах душ, он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец, он возвратил Богу

и в ограду Церкви тысячи гибнущих чад, он увлек на служение пастырское столько выдающихся людей, которые именно в личности отца Иоанна успели увидеть, оценить и полюбить до самозабвения красоту священства. Теперь они, нередко уже стоящие на высоких степенях иерархии, приезжают к старцу Божию и пред ним, смиренным, склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были тому свидетелями.

И вот в последние годы, когда назревала и прорвалась гноем и смрадом наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубийственная революция, мы увидели страшное зрелище. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни веры, ни святынь народных. И старец великий, светило нашей Церкви, «отец — отцов славная красота», честь нашего пастырства, человек, которым гордились бы каждая страна и каждый народ, — этот старец на глазах у всех возносится на крест страданий, предается поруганию и поношениям; его честь, его славу, его влияние расклеивают черные вóроны. Поползла гнусная сплетня, газетные гады, разбойники печати, словесные гиены и шакалы, могильщики чужой чести вылезли из грязных нор. Еврействующая печать обрушилась грязью на отца Иоанна. Нужно им разрушить народную веру, нужно опустошить совесть народа, нужно толкать народ на путь преступления, нужно отомстить человеку, который так долго и успешно укреплял веру, воспитывал любовь к царю и Родине, бичевал всех предателей, наших иуд и разрушителей Родины, начиная от Толстого и кончая исчадиями революции. Его первого стала травить и бесславить разнузданная печать. Помню я, два года назад, возвращаясь из Сибири к северной столице, видел по всей линии железной дороги эти листки, рисунки, стихи и издательства над Иоанном Кронштадтским... Потом на краткое время травля ослабела, но теперь вся эта грязь опять соединяется в один общий поток. Черные вóроны тучами собираются над Россией, и первое, что они силятся расклевать хищными клювами, — это святыни и святых, подорвать авторитет уважаемых лиц, подорвать благоговение религиозное, на котором построен всякий долг, всякий порядок, всякая жизнь, истинно достойная и истинно человеческая. Нам нет дела до того, что собственно хотел выразить автор бездарной

сценической стряпни*, рассчитанной на обирание простодушных людей — обирание, которое он бичует, однако, не в себе и себе подобных, как бы следовало, а в других. Может быть, он, как уверяет, и в самом деле хотел изобразить в отталкивающем виде изуверское сектантство и религиозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именем отца Иоанна: ведь зло может прикрыться не только именем чтимого пастыря, но даже именем Иеговы (иеговисты) или Иисуса (иезуиты); ведь и в других областях мысли и жизни вообще сатана нередко преобразуется в образ Ангела, и разве мы не видели, как разбойники, насильники и предатели народные, служащие за еврейские деньги разрушению России, выступают под знаменем братства, равенства и особенно «народной свободы», или блага общества (социализм). Итак, мы не говорим здесь о пьесе и ее содержании: мы говорим о том, что сделали из нее на сцене гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающиеся прислужники низменных инстинктов толпы и дьявольской революции. На сцене вместо бичевания сектантского зверства или обмана, к ужасу православных, изображается быт и обстановка наших православных обитателей и храмов и недвусмысленно выводится в шутовском виде наш доблестный пастырь, всенародно чтимый, о котором народная вера давно сказала свой приговор, что житие его славно и успение будет со святыми. И это в то время, когда он, на склоне дней обессиленный мучительным недугом, ослабевший телесными силами, едва двигаясь, совершает среди верующих по-прежнему свои, может быть, последние на земле подвиги молитв и благочестия, когда он не в силах защитить себя, когда мы трепещем за каждый день и час его жизни, когда еле теплится и вот-вот погаснет эта святая лампада, догорит эта чистая Божья свеча! Неужели нет ему защиты? Неужели мы оставим его одиноким посреди нашего многолюдства? Неужели он отдан на растерзание духовных псов, на пытки и издевательства этих разбойников?

Но зачем ты говоришь об этом нам? — может быть, спросите вы в тоске и горести и в недоумении. Зачем? Но тогда спросите, зачем

* Речь идет о кошунственной пьесе «Черные вóроны», где высмеивались о. Иоанн Кронштадтский и его последователи. — *Ред.*

плачет любящий сын около растерзанного отца или матери? Зачем в большом горе, остановив плач и, по-видимому, успокоившись, мы, увидя близких, любимых, нам сочувствующих, молчаливые среди чужих, здесь, среди своих, не можем сдерживать горести и слез, и воплей? Так и ныне, в этом храме, при виде этого множества молящихся, детей и почитателей отца Иоанна, дайте нам излить свое горе, выплакать свои слезы!

А затем, в этот день церковно-гражданского праздника, хочется чрез вас, через все это великое множество народа, из этого храма на всю Россию сказать: о, храните святыню и святых! Берегите ваши духовные сокровища! Защищайте, отстаивайте их от всех тех свиней, что топчут их ногами! Или не знаете, что уста праведных капают премудрость, язык же нечестивых погибнет? Или не верите, что идеже внидет досаждение, тамо и бесчестие — и это мы видели на всех этих усилиях свободы и «освободительного движения», полного одной злобы и досаждения? Или забываете, что в благословении правых возвысится град, а устами нечестивых раскопается? Или перестало быть непреложной истиной, что праведниками держатся царства человеческие, что семя свято — стояние их, что правда возвышает народ, а умалют племена грехи?

Или думаете, что если вы избиваете пророков, подобно богоубийственным евреям, то не останется дом ваш пуст? Или каждый год у вас будет новый Иоанн Кронштадтский, что вы не дорожите им?

Не унижите вы Бога и святыни, не заплюете неба — плевки возвратятся на головы плевавших, но сами вы, сами вы какой ответ дадите? Что скажут о нас потомки? Как справедливо они осудят нас за то, что мы не умели и не хотели уберечь святого, не защитили, не оградили его оградой и стеной любви, и это в то время, когда живы и среди нас тысячи им исцеленных чудесно, тысячи им возрожденных? Тогда как ответим мы и Богу, и не свершится ли над нами Его правый и страшный приговор, что если мы Моисея и пророков не слушаем, то если кто из мертвых воскреснет, не поверим? Тогда не дошли ли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной Любви, объявившей прощение всякой хулы и всякому греху, нет прощения ни в сей жизни, ни в будущей?

Тогда и на земле не устоять нашему царству и не жить нашему народу. Любовью к нашему старцу, молитвой за него, проявлением всенародного и общественного негодования к исчадьям «черных вóронов» и всякой театральной нечисти мы должны ополчиться в защиту наших попираемых святынь.

А вам, гнусные хулители, готово пророческое слово того самого праведника, которого вы теперь обливаете грязью. Как бы в предзрении скорби, всего три года назад, отец Иоанн писал в своем дневнике: «Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты призвал меня в общение Божественной трапезы Твоей, сделал меня сотрапезником и собеседником Твоим, чтобы возлежать как бы на персях Твоих, или, точнее, иметь Тебя внутри в персях и в сердце моем. Какой Ты сподобил меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общения! Что я Тебе за это принесу и что воздам, великодаровитый, бессмертный Царь?! Но какое прискорбие, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной трапезы ныне в пренебрежении и поношении у людей века сего; как они поносят священников Твоих, и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрек Дух Святый! И доколе Ты терпишь их, доколе не уничтожишь их, уничививших Тебя, Бога нашего, и не изгладишь имени их из числа живых! Да погибнет память их с шумом. Буди!» Аминь.

В КРОНШТАДТЕ У ОТЦА ИОАННА

Недавно в газетах появилось известие, что здоровье отца Иоанна так ухудшилось, что за службой с ним сделался глубокий обморок. И это известие, и желание повидать батюшку заставило поехать к нему в Кронштадт. Осторожно пришлось осведомляться, можно ли его увидеть и не причинит ли ему беспокойства и усталости наше посещение.

К счастью нашему, мы нашли батюшку здоровым и бодрым. Почти год назад, когда его посетили владыка митрополит Влади-

мир, епископ Ермоген и епископ Серафим, казалось, что дни его сочтены⁴⁷. Посещение это и та нравственная поддержка, которая ему была оказана, по словам самого отца Иоанна, сильно повлияли на восстановление его сил. Теперь по-прежнему светятся его чудные глаза, небольшой румянец играет на щеках, на устах появляется прежняя добрая, чарующая улыбка. По-прежнему батюшка ежедневно совершает богослужение — раннюю литургию и часто произносит свои краткие поучения, эти слова мудрости духовной, изливающейся из души, пропитанной благоуханием молитвы, богомыслия, благоговения и постоянного чтения слова Божия. Жаль, что никто не записывает его поучений, живых, смелых по мысли и сопоставлениям, близко касающихся жизни.

Сведения газет о болезни и даже обмороке отца Иоанна оказались ложными. Батюшка за всем следит, много читает. Болезнь не дает ему возможности выезжать в Святейший Синод для присутствования, о чем он и написал обер-прокурору Святейшего Синода, благодаря за новое его назначение и в текущую синодальную сессию. Но отец Иоанн исправно перечитывает обширную корреспонденцию, по-прежнему широко благотворит: до 7000 р. он дал в минувшее лето на обновление Андреевского собора, до 10 000 р. — женскому монастырю на дальнем Севере, не говорим о мелких раздаваемых им суммах. Кабинет отца Иоанна — это молénная, это как бы алтарь. Все уставлено иконами, на столе раскрытые богослужебные книги, у кресла на шкафу епитрахиль, пред сидящим — святой крест и Евангелие. Здесь, оставаясь по необходимости в одиночестве, он вынашивает и затем изливает на бумагу возвышенные благоговейные мысли «Дневника», здесь же льется и его молитва.

Незримы миру плоды молитв, но иногда милость Божия и Божья мудрость являют их нам в назидание. Вот опубликованное в газете «Котлин» (издается в Кронштадте), № 221 от 28 сентября сего года, письмо об одном исцелении, совершенном милостью Господа, по молитвам отца Иоанна. Приводим его целиком:

«Я, пишущая эти строки, Серафима Малиновская, три года тому назад лишилась мужа и после смерти его приехала сюда, в Кронштадт, где и живу по благословению отца Иоанна, в Доме трудолюбия, третий этаж, комната № 19. Сначала мы с мужем жили

в Саратове, где он служил на железной дороге, но потом, вследствие тяжелой болезни, пришлось ему оставить службу, и мы переехали в Москву, это было в феврале 1905 года.

В Москве муж мой находился под наблюдением профессора Таланова, специалиста по нервным болезням, и пользовался его советами. Посещая моего мужа, профессор обратил внимание и на меня — тоже как на больную, нашел у меня массу болезней и удивился, как я только еще живу.

Он сказал, что у меня страдание всей нервной системы (невралгия), расширение сердца, вследствие чего отек ног (водянка), сильное малокровие, упадок сил, и посоветовал мне питать себя хорошо, причем прописал лекарства. Я, никогда не любившая лечиться, не воспользовалась его советами, но чтобы успокоить своего мужа, купила я лекарства, но не употребляла их.

Муж мой скончался 16 июля того же 1905 года. После его смерти я приехала в Кронштадт, где и теперь живу. Вначале, по приезде, я могла посещать храм Божий почти каждую службу, несмотря на мою болезнь сердца и нервные припадки удушья вследствие страданий сердца. Но спустя год я была лишена возможности быть в храме, так как страдания мои увеличились и стали отниматься постепенно ноги. Дорогой мой батюшка, посещая Дом трудолюбия, не оставлял и меня, грешную, и приобщал всегда Святых Таин. После Причастия, милостью щедрого Бога, я всегда чувствовала облегчение и благодарила Господа, как только умела и могла. Два года тому назад приезжал поговорить и приобщиться у дорогого батюшки брат мой родной, Владимир Михеев, который служит земским доктором в городе Острогожске Воронежской губернии; он остановился также в Доме трудолюбия, рядом со мной. Не выдалось мы с ним более 15 лет, радостно было наше свидание, но поскорбел он, видя мои страдания. Он нашел у меня страдание оболочек спинного мозга, страдание всей нервной системы, и на мои слова, можно ли мне помочь, отвечал: «Нет, нельзя тебя вылечить и ничем нельзя помочь, так как ты уже стара и организм твой слишком истощен». Страдания мои все увеличивались, стала появляться сильная боль в спине, в особенности позвоночной кости, ноги и руки точно притянуло к спинной кости, и я едва могла передвигать ноги, но все-таки ходила каждое утро в дом

к отцу Иоанну для принятия Святых Таин. Приобщая меня, батюшка утешал и говорил: «Благодари Господа, что Он нашел тебя, благодари Господа, что ты жива до сих пор, благодари сильно, горячо, ведь ты только и живешь Святыми Таинами, а без них ты давно бы уже умерла!» Так утешал меня добрый отец, и после принятия Святых Таин мне было легко, радостно и я забывала свои болезни. Страдания мои все увеличивались, и год тому назад отнялись ноги, я не могла уже сама ходить в дом к отцу Иоанну, меня носили на руках каждое утро для Святого Причастия к нему в дом.

Господи! Как я страдала, ноги и руки мои как бы притянуло к позвоночной кости, все жилы моего тела при малейшем движении точно тянули, вытягивали и били будто по ним чем-то острым; я кричала от невыносимой боли при всяком движении, и притом, как меня брали на руки и опускали с рук, я должна была не шевелиться, чтобы не испытывать эти ужасные боли! Я молилась, как умела и могла, и мысленно всегда призывала отца Иоанна, прося его святой молитвы и помощи. Я глубоко верила, что Милосердный Господь исцелит меня святыми молитвами батюшки, Господь ведь слышит его и силой его молитвы творит чудеса. Вот, уезжая 23 мая сего года, батюшка приобщил меня (меня принесли также на руках в дом к нему) и, благословляя меня сказал: «Живи, живи!» Эти слова как бы влили в меня жизнь и дали мне надежду, что я еще буду жить.

После отъезда батюшки июнь и июль месяц мне было очень плохо, трудно и тяжело: ужасные боли спины и всех жил моего тела заставляли меня лежать и не шевелиться, и притом только и могла я лежать на спине, и то недолго, так как боли усиливались в позвоночной кости, и я должна была подниматься, испытывая боли уже повсюду. Господи! Как я страдала, но, помня слово Спасителя: *Просите, и дастся вам, стучите и отворят вам* (Лк. 11, 9), я молилась и просила, и верила, что получу просимое.

Приблизилось время приезда батюшки. В одно утро, после тяжело проведенной ночи, я чувствую, что могу легко поднять руки без боли, могу шевелиться без боли, не верю даже себе от радости, сажусь в постели: о, чудо! Могу согнуть ноги, шевелить ими, боли нет ни в спине, нигде в жилах; встаю, могу двигаться, иду по комнате своей, слегка придерживаясь за мебель.

Господи! Сколько радости, сколько радости после таких долгих, тяжких моих страданий! Я жива! Я живу! Я, как Лазарь, воскресла из мертвых! Вот дождались мы 9 августа, приехал в Кронштадт дорогой наш батюшка. Десятого утром я сама пошла в дом к нему, слегка придерживаясь за руку того, кто носил меня на руках в продолжение года к батюшке. На лестницу взошла уже одна и радовалась, что иду сама. Домашние батюшки удивились и радовались моему исцелению! Вот приехал дорогой батюшка от литургии, приобщи́л меня, а потом и говорит мне: «Мне говорили, что ты уже ходить начала?»

«Да», — ответила я радостно и без всякой помощи одна прошла по комнате, показала батюшке, как я хожу!

«Батюшка! Спасибо вам, — говорила я радостно, — спасибо вам за ваши молитвы и мое исцеление». А батюшка на это: «Слава Богу! Слава Богу, благодари Господа!»

И вот теперь я сама хожу к отцу Иоанну для Святого Причащения каждое утро, я чувствую, что силы мои прибывают, и всем и каждому говорю, рассказываю о своем дивном исцелении святыми молитвами батюшки! Свидетели этого чуда — все живущие в Доме трудолюбия, все, кто знает меня в Кронштадте и кто видел, как меня носили на руках в дом к батюшке для Святого Причастия едва живую, чуть не умирающую. Много приезжих из Петрограда и других мест, все крестятся от радости при виде меня радостной, что я сама стала ходить и получила исцеление от своих тяжких страданий, по молитвам дорогого батюшки! Да продлит Милосердный Господь жизнь дорогого пастыря, нашего молитвенника, еще на долгие, многие годы. Глубоко благодарная духовная дочь отца Иоанна Серафима Малиновская».

Вот проявление силы Господней, одно из многих чудес, совершающихся около дивного верою, кротостью и благодатью всероссийского пастыря. Напечатали ли о нем газеты? Отметили ли письмо г-жи Малиновской? Что можно сказать для заподозревания истины сообщаемого ею факта? Поистине, неверие упрямо и жестоковыно. Поистине, если Моисея и пророков не слушают, то если бы и кто от мертвых восстал, не имут веры... Просим все правые газеты перепечатать это известие. О делах Божиих умалчивать грешно, славу Господню подобает возвещать языкам. Может быть, узнав об этом чуде,

не одна колеблющаяся душа укрепится в вере. Может быть, не один холодный сердцем сын Православия утвердится в преданности Православной Церкви, в ограде которой есть дивные пастыри, в которой жива и действует благодать Божия. Может быть, не один отпавший, не один пребывающий в иноверии, зловерии или неверии, прочитав об этом чуде, почувствует в душе уважение к Святой нашей Церкви, ныне столь жестоко обуреваемой скорбями и напастьми. А верным? Разве это не радость, разве не ободрение в подвиге любви и защиты родной нашей святыни, которая не вся в прошлом, как нас в том хотя́т уверить, но и в настоящем, и в будущих веках всегда жизненна и действенна, и открыта всем ищущим ее?!

ЗНАМЕНΙΑ ВРЕМЕНИ

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И ГРАФ Л. Н. ТОЛСТОЙ

Речь 19 октября 1908 г., по случаю дня Ангела
отца Иоанна Кронштадтского

Не будет странным и не покажется необычным, если среди лиц, составляющих одну единомысленную семью, сегодня, в день Ангела чтимого в этом доме батюшки Иоанна Кронштадтского и в этой домово́й церкви будет речь о нем. Не для его хвалы будем говорить, а для нашего назидания. И знаем — отрадна будет его духу наша молитва о нем, о пастыре, почти восемьдесят лет горящем целожизненным горением пред Богом и людьми. Он не станет, лицемерно и наперед навязываясь на честь и боясь, как бы о нем не забыли или, вспомнив, недостаточно громко почтили, — не станет просить письмами во всех газетах, чтобы его дня Ангела или 80-летия жизни не праздновали и его самого тем «не беспокоили». Он не станет и после празднества печатать снова лицемерные письма в газетах, явно похваляясь между строк, что вот я и просил меня не вспоминать, а меня вспомнили, и такие-то и такие-то лица, вспомнили, почтили, растрогали...

Сын веры и Церкви, сын смирения и любви, отец Иоанн в день памяти своего святого всегда принимал с любовью единение молитвы к Богу благодетелю и к угоднику, свыше охраняющему свою молитвою и покровом многотрудную жизнь смиренного пастыря.

Вам ведомо, конечно, о каком недавнем соблазнительном юбилее я говорю, и кого подразумеваю. Так невольно напрашивается сравнение отца Иоанна Кронштадтского и графа Толстого, одного — сына и смиренного служителя Церкви, другого — ее озлобленного и прегордого врага и хулителя, по суду чистой правды отлученного и изверженного из Божьей ограды. И воистину: будущий историк русской жизни отметит и не может не отметить, как «знамения времен», два крупных лица в последние 40–50 лет, прожитые русским обществом, двух пророков: одного — Господнего, другого — ваалова, одного — слугу Христова, другого — антихристова, одного — как служителя духовного созидания, другого — как мрачного гения отрицания и разрушения: отца Иоанна Кронштадтского и графа Толстого.

Провести между ними сравнение, хотя бы в кратких чертах, — это одно уже составляет поучение. Люди одного времени, почти одного возраста, действовавшие в последнее время и в одной области, являясь и «учителями жизни», как далеко отстоят они один от другого — как небо от земли, как свет от тьмы, как истина от лжи, как правда от лицемерия!

Отдаленное их детство... Далекое от нас время!

Дикий Север, суровая страна, глухое село, тяжелая бедность, родители — бедные дьячок и дьячиха на заброшенном погосте, долгие зимы, постоянный домашний труд, суровое учение дома, продолжительное учение затем в Архангельске — в училище и семинарии, путешествия туда и оттуда пешком, усталость и изнеможение: по меткому выражению отца Иоанна, «идешь бывало, и на ходу сны видишь»...

Далее, основательное старинное учение, строгая дисциплина школы, воспитание в любви и страхе Божиим, сознание долга, приготовление к служению Церкви, наконец, высшая духовная школа столицы, окончание ее, скромный брак, посвящение молодых непочатых сил на всю жизнь служению алтарю Господню в бедном тогда Кронштадте⁴⁸. Это у одного.

У другого — привольное богатство с детства, кругом к услугам все удобства жизни, помещичий дом, подчиненные крестьяне, их лесть и низкопоклонство, увеселительные путешествия, обучение чему-нибудь и как-нибудь, отсюда неизбежные неудачи на экзаменах⁴⁹, поверхностное знакомство с науками, увлечение то одной, то другой областью знаний — по капризу и случайным прихотям молодого, богатого и избалованного барина, увлечение светом, кутежами, ухаживанье за женщинами, угар страстей, дуэли, ссоры, столкновения, опять кутежи, игры, скитания по свету, легкомысленное отношение ко всему в мире, труд не ради долга, а ради каприза, забавы, тщеславия и обогащения — писательство.

Зрелые годы.

Священство, приход, раскрывающийся великий духовный дар молитвы и благодатного учительства, покорение сердец, успокоение совести, дар чудотворения. Труд, труд без конца, уроки детям и юношам в гимназии; кругом — тысячи бедняков, кругом — преступный элемент Кронштадта: пьяницы, блудницы, порочная жизнь портового города, — и среди всех этих тяжких условий жизни и пастырской работы — непрестанная молитва, ежедневное богослужение, поучение, благотворительность, жизнь в бедности и лишениях, труд с двух часов ночи до глубокого вечера, отсутствие времени для еды, сна и отдыха, рост славы, прилив денег и средств, и еще большая и большая благотворительность, в редкие минуты свободы — чтение слова Божия, писание благоговейного «Дневника», слов и поучений⁵⁰ — все в общее пользование, все для славы Божией, для пользы Церкви, без тени мысли о наживе⁵¹. Отсутствие личной и даже семейной жизни: при жене нет ни собственной семьи, ни своих собственных детей.

Это у одного.

У другого: зной страстей, охота, вино, женщины, опять дуэли, жажда литературной славы, мучительная мысль о своей некрасивой внешности, расстроенное от пороков тело, лечение, поездки «на кумыс», деньги, брошенные на восстановление расшатанного здоровья, женитьба, помещичье хозяйство, посевы, скотный двор, удачный свиной завод, мечты о приобретении то там, то здесь земли и имений, собирание денег, обогащение, растущий и несомненно

великий дар художественного творчества, огромный труд, издание книг и собственных сочинений, составление азбук, торговля ими, соображения, как и кому выгоднее их продать и устроить, договоры с различными редакциями, зависть к чужой литературной славе, столкновения с литературными соперниками, ненависть к Достоевскому и Тургеневу, ревнивое отслеживание отзывов печати о своих произведениях, увеличение славы, барская жизнь в усадьбе, приобретение и закрепление денег, земли и прав литературной собственности, наконец, достижение цели: слава, имя, капитал. Сотни тысяч годового дохода.

Последняя четверть века жизни: старость, всемирная известность, слава и всеобщее почитание, широта влияния на окружающую жизнь и у одного и у другого. Но какая разница жизни и деятельности!

У одного: дивные проявления чудотворения, слава святого. Он — «учитель жизни». Откуда же его учение? Ответом могут служить слова апостола Павла, сегодня нами слышанные в литургийном апостольском чтении: *Скажу вам, братие, благовествование, благовещенное от мене, яко несть по человеку; ни бо аз от человека приях е, ниже научихся, но явлением Иисус Христовым* (Гал. 1, 11–12). Итак, его собственного учения нет, а есть учение Христово, как хранит его и проповедует Церковь Христова. Пред нами все тот же пастырь Церкви. И по-прежнему ни минуты покоя, тот же старый дом, что и прежде, та же тесная квартира, признание возможности собственности и богатства и вольная нищета, постоянная раздача всего получаемого, частые случаи прямой нужды у себя дома вследствие того, что все приносимое в изобилии — сотни, тысячи, десятки тысяч рублей, подарки, вещи, платье, — все раздается бедным, постоянное наставление в мирских делах возложить всю надежду на Господа, та же тяжелая жизнь: утро с 2 часов ночи, поездки, службы, проповеди, молитва, десятки тысяч богомольцев, исповедники, причастники, тысячи собеседников, ищущих утешений и уроков жизни, тысячи бедняков, ищущих помощи, постоянные огорчения при виде обмана со стороны пьяных, преступных и злонамеренных людей, при виде злоупотреблений именем чтимого пастыря, неустанный труд, постоянное писание глубоко назидательного «Дневника», «Поучений»,

говение у всех на виду, постоянная забота о созданных благотворительных учреждениях, тысячи писем и телеграмм, постоянное пребывание на народе, отзывчивость ко всем и смирение, смирение без конца, непрестанное напоминание о том, что он — простой священник, что он — грешник, что только Бог творит дивное и чудесное чрез его недостойнство в Церкви Христовой, ни тени рисовки, ни тени желания показать, что он есть что-то особенное⁵².

У другого — застывшее самообожание и дьявольская гордыня. Он — «великий писатель земли Русской»; он — выше и умнее всех на свете; он — «учитель жизни»⁵³. И все «учение» Толстого — около его собственной личности, и каждая причуда его — это уж «заповедь». Если апостол Павел в сегодняшнем апостольском чтении говорит о себе и себе подобных, что в проповеди Евангелия он «не приложился плоти и крови», и научился истине «не от человека», а явлением Иисуса Христа, то граф Толстой, наоборот, именно от своей плоти и крови составил свое учение, а частью взял его и «от человек», понадегавши мыслей от древних и новых язычников. Когда его здоровье потребовало растительной пищи, он, после безумных лет роскоши и объедения, теперь проповедует воздержание и безубойное питание. Когда старость указывает ему на прекращение брачного сожития — он, по собственному признанию, прошедший жизнь в блуде, теперь пишет о целомудрии и даже ненужности брака. Когда кругом все деньги, имения, права литературной собственности — все, ему принадлежащее, закреплено и переведено на имя жены, он, всю жизнь приобретающий стяжания, отрицает собственность. Когда его здоровье требует физических упражнений, он, после целожизненного умственного труда, которым он торговал, теперь проповедует о смысле одного только труда — мускульного, и даже о «неделании». Он в барских причудах шьет сапоги, косит траву, кроет крыши, ломается, кривляется и юродствует по своим прихотям, тратит десятки тысяч рублей в год на удовлетворение этих своих прихотей: зимой, под видом воздержания от мяса, он ест свежую землянику, свежую спаржу и огурцы, что стоит огромных денег; для удовольствия и укрепления здоровья он катается на лошади, на коньках, на велосипедах, к его услугам парки и пруды, т. е. собственно роскошь и удобства жизни: все, что он так горячо и красиво отрицает. Но все это —

«заповеди», и все это повеление его «религиозной философии», его учения «о простоте жизни и приближении ее к природе»! А отрицает он все. Он отрицает типографии и литературный труд — и без конца пишет и печатает. Он отрицает теперь богатство, и живет во дворце, в сказочной роскоши, ни в чем не зная отказа. Он отвергает деньги — и получает их и тратит сотни тысяч. Он отрицает науку — и напускает на себя вид учености, изучая, сравнивая тексты Евангелия, рассуждая «о науке и нравственности», «об искусстве» и проч.; он отрицает медицину — и держит вокруг докторов, щупающих ему ежечасно пульс, разрешающих или запрещающих ему выйти на воздух, тщательно бережет каждый день и каждый час своей жизни, отправляется в Крым, укрепляет себя ваннами и купаньями, прогулками, воздухом, всем, что дают природа и искусство, к чему открывает доступ огромное богатство.

«Учитель жизни» и людей, а добиться его лицемерия гораздо труднее, чем видеть главу государства, подавленного множеством государственных дел, он не любит, чтоб его «беспокоили» ищущие наставлений и утешений.

Он отрицает государство — и пользуется всеми его благами, его защитой, его порядками, его строем. Он отрицает суд — и налагает вечные запреты на печатание тех именно своих сочинений, которые являются наиболее доступными и единственно воспитательными для общества. Он живет во дворце, он сокрыт от докучливого мира, он окружен заботой и поклонением, ухаживанием, какое может доставить только изысканная роскошь, — но он теперь все твердит о самоотречении и аскетизме.

Он проповедует о любви, о любви и любви — и пишет слова, полные ненависти к Церкви, к России, к власти, изображает в своих произведениях и царей, и архиереев, и начальствующих лиц в таком виде, что возбуждает к ним только чувства одной злобы; он твердит о любви — и никому из своих богатств не дает и не давал ни гроша. Оправдание этой жестокости полно несказанного и отталкивающего лицемерия: имения, права литературной собственности и проч. принадлежат-де не ему, а жене. И во всех «новых заповедях» его то же лицемерие: после своего призыва ко всем прекратить брачное общение, он, имея за 60 лет от роду, и сам имел

сына... и после горячих слов о безубойном питании, скрываясь, как мальчик, по ночам, он поглощал мясные питательные блюда, как о том поведала миру одна из его гувернанток, которых немало он держал за большие деньги... Когда к нему обращаются за помощью, он пишет лицемерные письма, уверяющие в том, что у него нет ничего. Когда наступает народный голод, он от других собирает пожертвования, чтоб ими распорядиться и себе стяжать славу. Он «не может молчать» при виде казни преступников-революционеров, и укоряет правителей за то, что они не следуют учению его, Толстого, хотя они открыто не признают его учителем, но он молчит, когда революционеры и убийцы — все, почитающие его своим учителем, казнят самовольно сотни и тысячи невинных людей и заливают кровью лицо земли Русской. Всеми мерами он ищет славы и славы у тех, в чьих руках газеты и уличные листки, влияние на общественное мнение, — и в то же время горделиво заявляет, что ничего, написанного в опровержение его лжеучений, он намеренно не читает.

Он говорит о «воле Божией» — и проповедует бога безличного и бессознательного, у которого поэтому и воли быть не может. Он все твердит об Евангелии — и, переделав Евангелие по-своему, он не оставил в нем ничего евангельского, а вставил все свое, толстовское.

Он в своих выходках против Церкви, против Таинств, против власти дошел до того, что ему самому нужно бы давно открыто и честно заявить о том, что он не православный христианин. И однако, когда отлучение его от Церкви было объявлено, он злобно отвечал Святейшему Синоду⁵⁴; он доказывал, что его отлучили неправо, придираясь к тому, что к нему никого не присылали для увещаний; он нескрывая и искал сочувствия толпы, и тут же в своих ответных писаниях показывал, что он не признает ни Христа, ни искупления, ни Таинств, ни Церкви, и давно для Православия окончательно умер.

Конец жизни⁵⁵.

Один — утасаживающий, как лампада пред Богом, старец, друг бедных и больных, друг скорбящих и обремененных. Крутом него слезы, и слезы радости, и скорби и молитвы, чудеса исцелений. Все,

что тяготится злом, все, что ищет любви к Богу и ближнему, все, что ищет общения с Божеством и духовным миром, — все это и теперь стремится к нему сердцем. А он по-прежнему, изнемогая телом, все-таки ежедневно в храме, ежедневно на службе и служении слову, сам в богообщении, в тайне причастия Божеству, горé имея сердце, ясный, благостный, горящий, весь богоносен, — это воистину дитя Божие, то дитя, о коем Христос говорил, что надо уподобиться такому дитяти, чтобы войти в Царствие Небесное, то дитя, которое разумел апостол, когда учил: «не дети бывайте умом, но злобою младенствуйте»... Злоба и ненависть к Богу и к тому, что Бог любить повелевает: к Церкви, Родине и царю, сплели ему под конец жизни терновый венец мученика гонимого — насмешки, издевательства, клеветы, хулы злобных и бесчестных хищников печати и сцены, смутившие и смущающие слабых сердцем и разумом. Но тих и покорен Богу старец Божий, и нет у него ни жалоб, ни желания возратить к себе некогда прославлявших его или вновь и сильнее прославиться среди людей. Вся слава — Богу Единому. И в самой наружности старца отражается его любящий и смиренный дух: эти чудные, ясные, кроткие очи, этот приветливый, привлекательный, радостный вид.

Другой — враг Церкви — объединил и сплотил около себя все злобное, хотя вечно твердил о любви, и в этом, исключительно в одном этом тайна его успеха среди служителей зла и разрушения, часто враждебных между собою по своим воззрениям, но объединяющихся в Толстом. Посмотрите — люди, по-видимому, не имеющие между собою ничего общего: неверы, фанатики, сектанты, изуверы, ненавистники Церкви; иноверцы, инославные, студенты-революционеры, изменники Родины, враги царя и власти, погромщики и политические убийцы, главари политических партий, приветствовавших весть об убийстве царских слуг; евреи-писатели, враги Христа; писатели-нигилисты; писатели, подстрекавшие к бунтам и убийствам; «обновленцы» из якобы православных священников — и сущие в сани, и расстриженные, вроде нашумевшего П-ва, — все, что дышит злобою, завистью и ненавистью ко всему, что выше их, умнее, нравственнее или только сильнее и богаче; все, что ненавидит Россию, русский народ, Святую Церковь и святую веру; все, что жизнью

отрицает христианскую нравственность и, исповедуя толстовщину, живет в разврате, нечистоте и нечестии, пьянствует, ворует, блудит, судится, убивает; все, что пропитано самомнением, гордыней, самопоклонением, лицемерием, — все это соединяется около Толстого, все это считает его своим вождем, все это трубит о его юбилее, раздувает его славу, беснуется при отлучении Толстого от Церкви, не веруя вместе с Толстым в Церковь, и, однако, по непостижимой причине, отзываясь болезненно и чувствительно на всякое слово Церкви, осуждающее Толстого, как это мы и видели во дни его недавнего юбилея. И лицемерие «учителя» прежнее: зная, что его никто не тронет, он заявляет, что одного счастья ему недостает — ему хочется сидеть в тюрьме... для вящей славы мученика. Увы, этой славы ему не дают. Но вокруг беснующиеся поклонники раздувают его славу, сочиняют юбилеи, стараются издать его сочинения последних 25 лет, т. е. самые анархические и безбожные, бесплодно силятся обратить его в кумира всего народа, силятся затенить его нечистым образом светлый и вечный лик вечного Учителя — Христа. На самой наружности отобразился злобный и гордый дух Толстого: эти умные, но упрямые, жестокие глаза, этот отгалкивающий вид злобного, хилого старика, цепляющегося за каждый миг жизни, за каждый проблеск славы!

О, блюдите, верные, знамения времен! Блюдите, како опасно ходите! Вечно слово Христово: *Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете...* (Ин. 5, 43).

Возлюбленные, — увещевает апостол любви, и слово его трубным гласом звучит векам и родам даже до дня Пришествия Христова, — не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. <...> Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога, а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет... <...> и теперь появилось много антихристов (1 Ин. 4, 1–4; 2, 18).

Как ясно при свете этих слов открывается пред нами смысл всего, что видели и видят очи наши! Как ясны «знамения времен» — эта

борьба Христовой истины с началами антихристовыми, борьба веры в Бога с идолопоклонством разуму, брань смирения и гордыни, богослужения и богоборчества, Христа и диавола! Как радостно, что с любовью и молитвою мы ныне чтим день Ангела смиренного служителя Христа — Христа, во плоти пришедшего, а не горделивый юбилей лицемерного и прегордого одного из антихристов — Толстого, пришедшего и глаголющего *во имя свое*, отрицающего Христа, Сына Божия, и действующего в мире действием сатаны!

И как грозно и вместе ободряюще для верующего и сына Церкви звучит слово апостола: *Бодρствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь!* (1 Кор. 16, 13). *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят, маран-афа!* (1 Кор. 16, 22).

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом нашим, братья! Аминь.

БОЖИЕ ДИТЯ ПАМЯТИ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

22 декабря 1908 г.*

*И умер он, и похоронен в гробницах
отцов своих. И вся Иудея и Иерусалим
оплакали Иосию⁶.*

2 Пар. 35, 24

Умер батюшка Иоанн Кронштадтский⁵⁷. Свершилось над ним таинство смерти, смежил он земные утрудившиеся очи, он, всю жизнь устремлявший взоры очей своих и взоры других к Свету Вечному, и ныне предстоит Ему, скончав течение.

Ждали все, и уже давно ждали его смерти — о ней напоминала его уже перешедшая за псаломский предел старость, о ней говорила его тяжелая и мучительная болезнь.

* Сказано в Москве, в церкви епархиального дома на панихиде, совершенной митрополитом Владимиром в сослужении пяти епископов.

Но Промысл Божий, в судьбах и намерениях неисповедимых, сохранил его жизнь до урочного времени. Не умер он во время Русско-японской войны, а ведь был тогда болен к смерти и тогда уже указал себе могилу. Не умер он в годину разгара русской смрадной смуты, устами прогрессивных писателей и их пером обливавшей грязью почившего праведника. Не умер он и во дни самого ожесточенного похода на его честь и самых отвратительных попыток унижить и опозорить его имя и на сцене, и в печати, и в мерзких картинах, хотя разболелся и в это время опять смертельно. Бог Свое творит! Умер отец Иоанн в переживаемые нами дни, для чего — Господь это потом укажет!

И хотя, повторяем, все были в ожидании его смерти, однако, когда год назад, в последний раз принявши Святые Тайны Христовы, возлег он на одр свой и тихо отошел к отцам своим в мире, препитан в старости добрей; когда догорела эта лампада, когда погасла эта свеча Божия, — общее чувство несказанной горести охватило все сердца. Точно каждый потерял близкого, родного человека, точно каждый понес личное невознаградимое лишение! Не было уголка и ни одного самого малого поселения на Русской земле, где весть о смерти всероссийского пастыря и молитвенника не встречена была слезами горести и молитвы.

Плачь, Россия! Болезнуй, осиротелая! К кому придут за молитвой и словом утешения бесчисленные страдальцы? К кому будут писать и посылать умоляющие письма и телеграммы? У кого будут искать чудодейственной молитвы? Плачь, Россия! Скорби словами плача Давидова: *Краса твоя, о Израиль, пала на высотах твоих... <...> не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери филистимлян, чтобы не торжествовали дочери неверных!* (2 Цар. 1, 19–20).

И вспоминается давно минувшая скорбь народа израильского, уже и в то время греховного, но еще окончательно не отверженного Богом, — скорбь о благочестивом царе Иосии. В годину полного забвения народом веры отцов, в годину наглого торжества иноверия и язычества, когда забыт был храм и оставлен закон Бога, явился этот кроткий и благочестивый царь среди своего народа. Неустанно старался он восстановить истинное богочитание,

и дожил до радости, что народ, забывший о Пасхе, праздновал ее весь, во всем своем составе, во всех городах и селениях с торжеством он праздновал Пасху Господню, и по всей земле слушал забытые слова закона Господня. «И умер он, — говорит о нем Библия, — и похоронен в гробницах отцов своих. И вся Иудея и Иерусалим оплакали Иосию. Оплакал его и Иеремия в песни плачевной, и говорили все певцы и певицы об Иосии в плачевных песнях своих и передали их в употребление у Израиля»...

О, достойно и праведно всем певцам России и всем служителям слова возгласить скорбные речи и всенародный плач принести ко гробу усопшего пастыря! «Он сошел, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие сухую землю. И кланялись ему цари, и все народы знали о нем. Был он милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасал. И будет жить, и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его. Будет имя его благословенно, доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его». Плоды его посева будут волноваться, как тучные колосья в поле, как лес на Ливане, и в городах размножатся люди веры, как трава на земле! (см.: Пс. 71, 6 и далее).

Буди, буди пророчество это на Русской земле! Да, он сошел, как дождь на скошенный луг... Ко времени было явление его. Он пережил в долгую жизнь свою два страшные натиска, два вражьи нападения на все святыни веры и Отечества: одно — во дни молодости и полноты сил, в шестидесятых и семидесятых годах минувшего столетия, другое — во дни своей угасающей старости, гораздо более яростное и кипящее срамотами ада и дьявола, в памятные всем нам последние пережитые годы. Падала вера, хулы возводились на Церковь, не только народ — пастыри и представители Церкви изменяли под влиянием страха перед злобой врага или в каком-то больном увлечении заветам и уставам Церкви Православной; колебались все устои жизни; дрожал престол царский; совершались кровавые преступления, до попыток царевубийства включительно; никакие спешные реформы жизни, следовавшие одна за другою, не приносили успокоения; лилась кровь верных слуг царя, хранивших долг любви, чести и присяги; гремели выстрелы и бомбы кровожадных и осатанелых слуг рево-

люции при одобрении и руководительстве все заполнившей наглой «прогрессивной» печати и представителей господствующих политических «прогрессивных» партий; множество людей потеряло всякое уважение и к вере, и к самым обычным, доступным и святым даже для дикарей правилам нравственности... Но стоял и светил, все разгораясь бóльшим и бóльшим светом, как маяк, в Кронштадте, спасительный для обуреваемых, дорогой и незабвенный отец Иоанн. Его живая вера, дар его чудес, его несказанная благотворительность, его неопиcуемый труд целодневный и целонощный, его неутомимые поездки, дивные службы, его поучения словом живым и печатным, его обаятельные нравственные качества простоты, красоты, незлобия, глубокого смиренномудрия, нестяжательности, милосердия — все это влекло к нему сердца, и нет возможности исчислить всех тех, которые избегли коварных сетей дьявола только потому, что через отца Иоанна уловлены были во всемирно-церковные мрежи Христовы для вечного спасения! Горделивые успехи знания, поднимающегося на разум Божий; политические дерзкие заговоры и замыслы, покоящиеся на началах внехристианских и внецерковных; общественные движения, не освященные Духом Христовым, — все эти волны, пенящиеся нечистотами своими, не могли сдвинуть с места ярко горящего светильника. Знал его русский народ, знал, по словам царя своего, «кто он и что он»; знали его и цари русские; умирая, незабвенный и истинно народный царь-праведник Александр III ему, отцу Иоанну, поведал предсмертные помышления, с ним молился и при нем отдал последний вздох свой... И далеко по России, и далеко за пределами ее известно стало имя красоты нашего священства, и являлся он живым примером, живым показателем и свидетелем духовной силы и жизни и действительности Православной Церкви, которая воспитала в недрах своих под кровом благодатной помощи свыше такого великого пастыря. Знаем мы — в природе физической не может быть такого явления, чтобы посредине огромной тысячеверстой низины и болота, без всякой связи с горными хребтами, стояла высочайшая в мире гора: высочайшие горы окружены горами меньшими, но все же горами, высочайшие горы выступают обыкновенно в целом сонме гор...

Закон этот имеет силу и в духовном мире. И мы посему видели наглядно всю лживость тех обвинений на Русскую Церковь, которые находили в ней и в ее служителях одну низину и болото с грязью: если есть такой пастырь, как отец Иоанн Кронштадтский, такой подвижник, такой муж, о коем народная вера давно изрекла свой приговор, что житие его славно и успение будет со святыми, то, значит, около него были и есть подобающиеся ему мужи, значит, не пустынна и не бесплодна, не мертва и не безжизненна Русская Православная Церковь! И праздновали русские православные люди, говоря образно, свою Пасху, и читали они невозбранно слово Божественного закона, как Израиль во дни Иосии.

Русские «симеи»⁵⁸, ругатели, отзывались хулами в печати* на смерть отца Иоанна и заявили, что они знали двух отцов Иоаннов, одного — прежнего, скромного «благодетеля», другого — позднейшего, «политика и политикана», обличителя, грозного проповедника, который будто бы неясно и сам разумел те вопросы, о которых говорил**. Да, ему не хотят простить того, что он бичевал Льва Толстого в пору, когда граф, убаюкивая власть словами мира и непротивления злу, подготовлял русскую кровавую революцию и воспитывал своими писаниями будущих убийц и бомбометателей; ему не хотят простить того, что он открыто высказался против последнего «освободительного движения», стал за Православие, попираемое врагами, за царскую и за всякую другую власть, уже приговоренную к упразднению, за русский народ, отдаваемый в жертву и на растерзание отвратительнейшего по лицемерию и жалобам на «угнетенность» инородческого заговора. Ему не хотят забыть и простить того, что он мужественно отказался от сочувствия кишиневским евреям, когда узнал о настоящей подкладке и иудиных целях на весь мир кричавших иудеев; не хотят простить и забыть того, что он открыто заявлял о своем

* Один из них начал свою литературную «деятельность» тем, что описал, с преувеличениями и прикрасами, нескромные похождения своей родной матери, еще находившейся тогда в живых... Могут ли такие писатели уважать хоть что-либо чистое и святое?

** «Русское слово» от 22 декабря 1908 года. Статья Дорошевича.

сочувствии к неожиданно для врагов России и ее изменников возникшему и организовавшемуся патриотическому русскому движению, что он призывал Божие благословение на патриотические союзы и содружества и сам состоял даже, как и у нас в любимой им и любящей его Москве, их членом... Ему не хотят простить громкого и сильного слова осуждения всей грязи, преступности, лицемерия, безверия и кровожадности русской революции, метавшей бомбы, проливавшей кровь, убивавшей тысячи жертв и все время вопившей об отмене смертной казни... для убийц и палачей, называемых слугами «освободительного движения». Бог судил отцу Иоанну принять венец исповедничества и мученичества, брани и поношения, клеветы и гонений от деятелей и представителей этого нерусского революционно-освободительного движения, чтобы ни для кого и навсегда не оставалось и тени сомнения в том, что между отцом Иоанном и лицемерными пособниками и творцами русской революции, готовыми ссылаться в свое оправдание и для достижения преступных целей на все авторитеты мира, поднявшими даже иконы и церковные хоругви под водительством переодетого в священные ризы крамольника, — не было и нет ничего общего. Нет, и в борьбе с революцией последнего времени это был все тот же, а не другой, не подмененный отец Иоанн Кронштадтский. Ту же он возвещал веру, ту же внушал он любовь к царю, как и во дни былые, так же он осуждал пороки, как и прежде, только голос его стал еще громче, только дерзновение его стало еще сильнее, только власть неземная, власть духа и слова у него возросла, созрела и окрепла, только подвиг его стал еще виднее. Так и подобало ему сотворить во дни старости! И если бы наша революция имела за собой только одно это преступление, запятнала себя одною только этой низостью, т. е. только гонением на отца Иоанна, желанием уничтожить и загрязнить его честь, опорочить и унижить его имя, его дело, его служение, молитву, благодать, поучение, — то и этого одного довольно, чтобы верующий и честный человек осудил ее решительно и бесповоротно и отвратился от нее навсегда! Здесь — свидетельство того, что она объединила все низкое и недостойное и собрала в свои ряды людей, для которых ненавистно на земле

и в людях все чистое и святое, собрала одних «семеев» государственной жизни, для которых составляет своеобразную радость бранить то, пред чем все поклоняются, и торжествовать при одной мысли о том, что вот, наконец, и у святого человека указывают недостатки, бранят его и имя его волочат по грязи. Людям без чести, без имени, без заслуг, без добра и труда такая разнузданность ругательства служит некоторым внутренним самоуспокоением совести и самооправданием собственного ничтожества.

Благословен и преблагословен Господь наш, что все мы, здесь присутствующие, ни разу и ни на йоту не усомнились в праведности праведного, и теперь предстоим в молитве о нем без укора совести! Для всех нас почивший старец всегда был, как светильник, горя и светя!

В чем же тайна его обаяния, в чем залог того, что не было и не могло быть в нем никогда двух отцов Иоаннов, что всю жизнь свою он был учителем и провозвестником единой и неизменной истины? В том, что он был воистину «Божие дитя». Трудно встретить такую простую и детскую веру, ясность мысли, чистоту сердца, трудно найти такую непоколебимую убежденность в истине, трудно обрести такую преданность Церкви и всему церковному. Ясно, в чем тайна его влияния. Искренность и чистота сердца — вот что влияло, вот что покоряло, вот что было неисчерпаемым источником неизреченных откровений и утешений, которые лились от него широкой и многоводной рекой. Немногим, быть может, ведомо, что в последние годы он, по свойству своей болезни, мог принять и Тела Христова лишь кроху, а причащался Христовою Кровию, как причащаются младенцы. И здесь не символ ли чистоты и святости его детской веры и младенческого незлобия? Аще не обратитесь и не будете, якоже дети, не увидите, не войдете в Царство Божие!..

Злоупотребляли его детской доверчивостью. Это правда. И это смущало многих, а больше тех, которым в глубине души все-таки хочется видеть в человеке больше худого, чем доброго, кого в тайниках души бессознательно влечет и в святом найти что-либо, достойное укора.

Теперь и это минуло. Теперь злоупотреблять уже не будут! Теперь за гробом всем к нему одинаковый доступ. Теперь ничто не

будет омрачать в глазах людей светлый лик его. И пойдет народ церковный к его дорогой могиле, и прильнет к нему народная всецерковная вера. И польются о нем, а скоро, может быть, и к нему... тихие молитвы, зримые и незримые слезы!

Верим мы, блажен путь, в который вступил ты, наш дорогой батюшка! Память твоя в род и род! К твоему гробу, к твоей могиле приносим мы нашу скорбь, наши молитвы и воздыхания, и наше упование приносим, что небо духовное Православной Церкви загорелось еще одной звездой, что в сонме угодников, в земле и в народе нашем просиявших, предстал пред Богом еще один о нас молитвенник. Плачем и болезнуем, но в этом одном и слышим Христово утешение.

Молись за Русь, молись за народ наш, дорогой наш батюшка, молись о нас Вечному Свету! Аминь.

В ИОАННОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Дорогие братья и сестры, плачущие и болезнующие над этой дорогой могилой! Некогда, в Ветхом Завете, Исаия пророк видел Господа, сидящего на Престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы, у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его. И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями». И сказал пророк, объятый ужасом: «Горе мне, погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (см.: Ис. 6, 1–5).

Через много столетий, во дни Завета Нового, тайнозритель Иоанн также видел в откровении и Господа на Престоле, и жертвенник, видел и Ангела с золотой кадильницей. И дано было

ему множество фимиама, чтоб он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред Престолом, и вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога... (см.: Апок. 8, 3–5).

Представьте теперь себе вдохновенным верой воображением и благочестивым сердцем: вот, в 40-й день кончины, когда, по верованию Церкви, определяется судьба души человека умершего, когда она поклоняется Престолу Божию, — вот предстал пред Господом наш батюшка, отец Иоанн. Как Исаия, в духе глубочайшего смиренномудрия и благоговения, конечно, и он воскликнет: «О горе мне! Ибо я человек с нечистыми устами, и жил среди народа также с нечистыми устами, и глаза мои видят Царя моего, Господа Саваофа!» И скажет ему Господь: «Что это вокруг тебя такое великое облако, и исполнено оно благоуханием несказанным?»

Ангел молитвы ответствует Господу: «Господи, это молитвы о нем несутся с земли!.. Давно не было такого их обилия: молятся иерархи и миряне, молятся о нем царь и народ, молятся дети, воины, богатые и бедные...»

И спросит Господь: «Что это шум как бы волнующегося моря, и волны его доходят до Моего превознесенного Престола?»

И ответствует Ангел-предстатель печали: «Господи, это слезы о почившем в Тебе, Господе неба и земли, смиренном пастыре Твоей Церкви. Дети церковные, осиротелые, плачут о нем...»

И воззрит Господь на землю, и воззрит на этот храм и на эту могилу, у которой мы сейчас стоим. И слышит ухо Его, и зрят Его очи: вот плач и рыдание, вот каменный пол весь пропитан слезами, и на этом белоснежном мраморе гробницы, и на этом металле кануна осели слезы бесчисленных богомольцев; крупными и мелкими каплями и мельчайшими росинками блистают и горят они здесь при свете негасимых огней молитвы; и просочили они твердый камень, и пропитали непроницаемый мрамор, и канули и наполнили дорогой гроб, сияясь волнами своими вознести его до превознесенного Престола Божия.

И скажет Сидящий на Престоле, Ветхий деньми, Судия святой и вечный: «Добрый раб Мой! Молитвы и слезы о тебе дошли до слуха Моего. Часть твоя с теми, что *пришли сюда от скорби многой*.

Они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на Престоле обитает в них. Они не будут уже ни алкать, ни жажжать, и не будет налить их солнце и никакой зной. Ибо Агнец, Который среди Престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу от очей их (Апок. 7, 14–17)».

И отвечает смиренный пастырь: *Амины! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь, и сила, и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь (Апок. 7, 12).*

ГОВОРИ, НЕ УМОЛКАЙ!

Статья в газете «Колокол»⁵⁹ за 1909 г., № 872

Тактика левых газет по отношению к памяти праведного отца Иоанна Кронштадтского резко изменилась. Брань, клевета, злоба, которыми наполнены были скорпионовские страницы «Русского слова»⁶⁰, «Речи»⁶¹ и прочих литературных клоак, видимо, не воздействовали на благочестивое чувство народа. Потому принята другая мера, давно испытанная русскими либералами: замалчивание. Замолчана скорбь народная об отце Иоанне; замолчан факт ежедневного паломничества к его гробнице буквально десятков тысяч людей, приезжающих со всех концов России; замолчано о том, что священники по четыре-пять раз каждый день, по доброй воле, совершают заупокойные служения и литургии, ранние и поздние, в Иоанновском монастыре, во главе с нарочито для сего приезжающими архиереями; замолчаны отклики восточных патриархов по поводу смерти отца Иоанна.

Ясно, для чего это делается: нужно поставить светильник под спуд, нужно заставить забыть о праведнике, столь опасном для безбожия, нечестия, революции и крамолы. И воистину он им опасен: хвалить его — значит признать свое осуждение этим боголюбивым,

царю преданным и народолюбивым пастырем, бранить его — значит терять все в глазах верующего народа, который по одной этой брани верно узнает и отметит детей сатаны. Лучше — молчать. Это хульников спасет, а свое дело, хоть пассивным путем сопротивления славе святого, все-таки сделает.

Хочется поэтому в день нынешнего поминаения усопшего пастыря сказать каждому верному сыну Церкви, почитающему отца Иоанна: «Говори, не умолкай!» Этот призыв Божий апостолу Павлу, посылаемому в страны языческие и проповедующему Христа озлобленным иудеям, гремит в уши и нынешним верным слугам Божиим, действующим в оживленном и обаявшемся современном русском обществе.

Собирайте тщательно и любовно все, что касается личности и деятельности отца Иоанна: его чудеса, случаи благодатной молитвы, записки, письма, наставления, пребывания в тех или других местах нашей Родины, случаи из его жизни и прочее. Мы знаем, есть счастливы, имеющие переплетенные большие тома писем батюшки, описания его путешествий, записи его бесед, даже им самим лично прочитанные и исправленные. Есть счастливые обладатели вещей, от него полученных. Со временем все будет дорого — все, что касается этого великого и праведного человека, все, что имело к нему какое-либо отношение.

Думается, почин, руководство и центральное действовање в этом деле принадлежит Иоанновскому монастырю в Петрограде. Здесь — его гробница, его комнаты, вещи, облачения, портреты; здесь же надобно создать общую библиотеку, в которую надлежит собрать все книги, брошюры, советы, речи, заметки об отце Иоанне на всех языках, надобно собрать копии и подлинники его писем, заметок, записок, воспоминания о нем и т. п. Необходимо создать для сего особенный и постоянный комитет со специальным поручением устроить, так сказать, музей имени отца Иоанна. Можно быть вполне уверенным, что уж во всяком случае тяжелый труд по этому делу будет в полном смысле слова благодарным. Газета «Колокол», пока единственная церковная газета, принесет великую пользу церковному делу и самосознанию, если откроет особый отдел для тех многочисленных верующих, которые в простоте сердца

и без литературных прикрас или обработки могут поведать о чудесах отца Иоанна — или лично виденных, или на себе испытанных, о различных обстоятельствах его жизни, которые им известны как достоверным и личным свидетелям.

Вера и слово Божие повелевают дела Господни возвещать. *Говори, не умолкай!* (Деян. 18, 9)⁶²

ПРАВОСЛАВИЕ В ЯПОНИИ⁶³

26 февраля 1904 г.*

Есть ли в Японии русская православная миссия? Много ли православных японцев? Что сделано для них? И каково теперь живет и чувствуется нашим единоверным братьям в Японии?..

Берем последние, опубликованные в печати данные о православной духовной миссии в Токио. К 1 января 1901 года в Японской Церкви состояло: церковных общин 257; христиан в них было 25 994; священнослужителей — 36, в том числе епископ — 1, игумен — 1, священников — 28, диаконов — 6; из них русские: епископ, игумен, один священник и один диакон, все прочие — японцы; причетников-учителей церковного пения было 15; проповедников — 150. Крещено в продолжение года 1099 человек. В учебных заведениях православной миссии в Токио состояло: в училище для катехизаторов 9 учеников; в семинарии — 62, в женском училище — 77 учениц. Учащих в этих заведениях было 33, из них 4 наставника с академическим образованием (см. отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1900 г., с. 256). О школе в Хакодате сведений не доставлено, равно и о других школах, содержимых миссией. При миссии состояло особое Общество переводчиков религиозных книг;

* Чтение, предложенное в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

здесь было 8 переводчиков и 2 редактора периодических изданий, из которых одно носит название «Сейкёо-Симпо», т. е. «Православный вестник», выходящий два раза в месяц, а другое ежемесячное издание называется «Уранисики», т. е. «Скромность», — журнал, издаваемый при женском училище. Переводов богослужебных и духовно-нравственных книг издано в течение 1900 года 10, оригинальных книг и брошюр на японском языке 25. Издан также нотный сборник четырехголосного пения праздников. Деятельность миссии сосредоточена в Токио, в Хакодате, Нагасаки, в последнее время устроен храм в Киото; общины православные разбросаны по всей стране. В дополнение к сказанному относительно переводческой деятельности Православной миссии необходимо упомянуть, что в течение последнего десятилетия на японский язык членами миссии нашей переведены с русского такие капитальные и весьма важные сочинения, как «Толковое Евангелие» епископа Михаила, «Очерки догматического православного учения» протоиерея Фаворова, «Христианская апологетика» Рождественского, «Инославные исповедания» протоиерея Иванцова-Платонова, «Жития святых» и другие книги, не говоря уже, конечно, о книгах Священного Писания и богослужебных.

Все это сделано исключительно инициативой и при главном сотрудничестве русского епископа Николая, подвизающегося в Японии с 1860 года⁶⁴.

Христианство в Японию занесено давно, с XVI века, католическими миссионерами. Замечателен и знаменателен рассказ о первых христианах в Японии. Какой-то иностранный корабль прибыл к берегам Японии и, негостеприимно встреченный, уходил в море. Вероятно, кто-то из пассажиров случайно уронил с палубы в воду гавани книгу. Книга плавала около берега и возбудила любопытство двух гулявших здесь знатных японцев. Они приказали слуге достать книгу из воды, но читать ее не могли: она была написана на одном из европейских языков, им неизвестном. Кто-то сказал, что книга эта переведена на китайский язык, и перевод можно достать в каком-либо китайском порту. Достали перевод, и так как оба японца знали китайский язык, то они могли удовлетворить своему любопытству. Книга оказалась Евангелием и глубоко заинтересова-

ла читателей; скоро к ним присоединился третий, потом четвертый участник; образовался затем целый кружок... Когда прибыли миссионеры христианские и стали проповедовать учение Христово, почва для восприятия семени была уже готова в этом именно кружке первых читателей Евангелия, которые и сделались первыми христианами. Христианство действовало в Японии с переменным успехом: не раз возбуждались гонения на христиан, как на вероотступников, и они, как, например, в 1638 г., гибли тысячами, бросаемые в море и в жерло вулкана Унцена, вблизи Нагасаки. Через два года после этого японцы убили прибывших в их страну четырех португальских послов и их многочисленную свиту только за то, что они были христианами; оставив из всех прибывших живыми только немногих, они отослали их назад на родину с таким наказом: «Пока солнце освещает землю, ни один христианин пусть не является в Японию».

Русских миссионеров не было в Японии до самого XIX века. Это и понятно: Сибирь была слишком редко населена, да и работы в ней среди языческих племен для русских миссионеров было слишком много; к тому же и сношения России с Японией начались не более 100 лет назад. Известно, что и 100 лет назад иностранцы в Японии встречали неизменно враждебный прием, отношения эти изменились только с 50-х годов XIX столетия, когда Япония открыла все свои порты для европейцев и быстро стала усваивать европейскую цивилизацию, конечно, как и всегда бывает в таких случаях, главным образом, с внешней стороны. Благодаря такой перемене Япония стала с этого времени открытой и для христианской проповеди. Тотчас же является здесь и русский миссионер — отец Николай, отправившийся в Японию в 1850 году. Он уехал из России в дальнюю и неизвестную Японию совсем молодым иеромонахом, не окончив даже курса Петроградской духовной академии. Его отъезд явился историческим моментом. Среди нас есть живой свидетель этого — высокопреосвященный Алексий, экзарх Грузии, провожавший в числе других студентов Петроградской духовной академии молодого отца Николая в далекий и неизвестный путь. В то время, когда не было еще ни одного православного японца, можно ли было ожидать живущим и поныне участникам

знаменательных проводов молодого монаха, можно ли было им ожидать и надеяться, что они еще услышат при жизни о Японской Православной Церкви, восходящей от силы в силу?! Можно ли и теперь предвидеть, что готовит Господь этой Церкви чрез новые 40 лет?

Отец Николай ехал в Японию долгим и тяжким путем через всю Сибирь. В Николаевске он зимовал и здесь встретился с престарелым славным миссионером Сибири и Камчатки архиепископом Иннокентием, который благословил молодого миссионера на подвиг и молитвами, и советами, и указаниями своего широкого опыта в апостольском делании. Отец Николай вступил на японскую почву преисполненный самых светлых надежд. «Когда я ехал туда, — говорит он со свойственной его языку оригинальностью и образностью, — я много мечтал о своей Японии, она рисовалась в моем воображении, как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится! Приехал, смотрю — а моя невеста спит себе самым прозаическим образом, и даже не думает обо мне».

Отец Николай прибыл в г. Хакодате и в течение первых десяти лет состоял собственно в распоряжении нашей русской дипломатической миссии и ее консульства. С первых же дней своего пребывания в Японии он ревностно принялся за изучение японского языка, и ныне считается одним из основательнейших знатоков его в среде самих японцев. Он приглашал к себе учителей, ходил слушать проповеди жрецов — все для того, чтобы лучше овладеть языком. Особенно много помогли ему в этом отношении так называемые «рассказчики»: это особая профессия в Японии. Рассказчиков можно сравнить с нашими писателями-беллетристами. Во многих городах есть так называемые «говорильни», где подобные рассказчики публично произносят пред слушателями, в несколько вечеров, свое произведение, которое уже потом записывается и печатается. Посещение таких публичных литературных собраний дало отцу Николаю не только знакомство с языком страны, но, самое главное, знакомство с мировоззрением и с душой народа, с его думами и идеалами, с историей, религией и проч. По мере ознакомления с японским языком отец Николай

переводил на этот язык самые нужные священные и богослужебные книги, и таким образом готовился серьезно к миссионерскому подвигу, по завету первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, которые говорили, что проповедовать без книг — все равно, что писать на воде.

В высшей степени интересны и поучительны первые успехи отца Николая на поприще миссионерства. Русский консул в Хакодате⁶⁵ искал учителя фехтования для своего сына. Ему порекомендовали некоего японца Савабе⁶⁶ как человека, весьма опытного в этом искусстве. Савабе собственно служил жрецом синтоистским, он отличался самомнением и пропитан был нескрываемой ненавистью к иностранцам. Что-то угрюмое и злобное лежало в его душевном складе. Встречаясь с отцом Николаем у консула, он всегда высказывал по отношению к нему особую злобу, съёживая и без того всю маленькую фигурку свою, он проходил всегда мимо отца Николая как-нибудь боком, чуть не скрежеща зубами и бормоча про себя ругательства. Раз отец Николай решил спросить его: «За что ты на меня так сердит?» Савабе отвечал: «Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Пришли вы сюда выглядывать землю нашу. А ты, — злобно прибавил Савабе, — ты со своей проповедью больше всего повредишь Японии». Отец Николай, встречаясь при консульстве с Савабе, вступал все чаще и чаще в разговоры с угрюмым жрецом. «Да знаешь ли ты, какое христианское учение, если осуждаешь его?» — спрашивал миссионер. Савабе должен был признаться, что ничего не знает о христианстве и ненавидит его только за то, что оно — религия иностранная. «А разве справедливо судить и ненавидеть то, чего не знаешь? — говорил отец Николай. — Ты сначала выслушай да узнай, а потом, если увидишь, что хуже, и осуждай нас, прогоняй из Японии христиан. Тогда ты будешь по крайней мере справедлив».

«Ну, говори», — коротко и злобно сказал Савабе. Миссионер рад и тому, что его захотели хоть слушать. Речь полилась о Боге, о душе, о грехе, о бессмертии. Начались вопросы и споры со стороны Савабе; языческий жрец, видимо, заинтересовался христианским учением сначала как совопросник, потом как любознательный, затем как испытующий истину, наконец, и как плененный

красотой и внутренней силой этой истины. Не знаешь, где найдешь: это часто приходится испытывать и в деле миссии, как и вообще в жизни. Савабе стал увлекаться христианством и с захватывающим интересом читал Евангелие. Сам он рассказывал потом о себе: «Открыто читать эту книгу я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать в то время, когда совершал службы в своем «миа», т. е. в синтоистском языческом храме. «Положишь пред собою Евангелие вместо богослужебной языческой книги, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думает, что я читаю иностранную ересь». Благодать Божия все более и более пленяла сердце Савабе. Но как креститься? А семья? А доходы жреца — единственное пропитание его самого и жены, и детей? А публичная измена народной вере, и притом со стороны ближайшего служителя? Долго и много пришлось бороться Савабе, пока, наконец, совершилось над ним великое Таинство крещения, и он вошел в жизнь духовную и новую, в Царство Божие. Пророчески знаменательно отец Николай дает ему в крещении имя Павел, в честь великого апостола, который некогда из гонителя христианства Савла сделался самым ревностным его служителем и пронес благовестие о Христе по всему миру. Из языческого жреца Савабе также стал ревностным проповедником христианства, а потом и священником. До самого последнего времени он — уже престарелый иерей при храме Воскресения в Токио — управлял на правах как бы помощника епископа Николая несколькими христианскими общинами. Если он жив, то нелегко теперь, во время войны, у него на душе...

Проповедь христианства Павел-Савабе начал с одного своего друга, врача. Долго он мучился. Не раз, поставленный в тупик возражениями друга, он в отчаянии прибегал к отцу Николаю с просьбой разъяснить ему сомнения и недоумения. Повеселев, с новым запасом сведений, он бежал к своему собеседнику, и чрез несколько дней снова являлся пред своим духовным отцом разбитый, унылый, подавленный; опять бежал Савабе к приятелю, и вот, наконец, пришли к отцу Николаю оба: Савабе и его друг врач Сакаи⁶⁷. Этот тоже крестился и получил в крещении имя Иоанн, он также сделался светочем христианства в Японии. Евангельская истина произве-

ла в нем переворот глубочайший и решительный: он сразу оставил все свои слабости, все привычки язычника и после крещения стал подвижником.

Это были первые успехи отца Николая в Японии. Горько, больно и обидно знать, что его делу мешали, главным образом, не язычники-туземцы, а те свои, родные, представители православной России в языческой Японии, от которых в служебном отношении зависел отец Николай и от которых он мог и должен был ожидать только сочувствия и поддержки. Как ни горько, а нужно сознаться, что православные миссионеры и в Китае, и в Палестине, и в Америке — везде встречали со стороны дипломатических представителей наших одни препоны. Всего три года назад я и сам видел это собственными очами в одном из соседних с Россией государств... Довольно сказать, что отца Николая какой-нибудь русский консул часами держал в передней, отдавая его на унижение пред язычниками, и немедленно выбегал с распростертыми объятьями, когда ему докладывали, что консула русского удостоил посещением языческий бонза... Впрочем, опустим завесу пред этим нашим позорищем: что было, прошло; будем надеяться, что, по крайней мере, не повторится.

В 1870 году отец Николай выходит из состава нашего дипломатического посольства в Японии и с разрешения Святейшего Синода открывает особую самостоятельную Японскую православную миссию. С этого-то времени успех Православия в этой стране начинает сказываться особенно заметно и быстро. Миссия скоро разделяется: отец Николай переносит свою деятельность в Токио, а в Хакодате он оставляет иеромонаха Анатолия из русских, присланного к нему помощником⁶⁸. Отец Анатолий, впоследствии архимандрит, ныне покойный (ум. в 1893 г.), приобрел глубокую любовь японской паствы и особенно заботился о воспитании детей в христианстве. В Хакодате он открыл для этого прекрасную школу. В ней он, главным образом, действовал и воспитывал детей своей необыкновенной искренностью и любовью. Раз он зашел в школу и вдруг горько заплакал. Оказалось, что на стене дети изобразили неприличные рисунки. Эта картина плачущего учителя-священника глубоко потрясла детей и произвела на

них благодатное влияние. Православные японцы выразили желание воздвигнуть памятник отцу Анатолию в Токио, в ограде русского храма.

Отец Николай, перенесший проповедь в Токио, также не остался одиноким, он сразу же нашел здесь до 70 слушателей и последователей. Мало-помалу стадо православных сынов Японии сплотилось около этих самоотверженных проповедников, терпя нужду, притеснения и лишения, но горя верою и высоким воодушевлением. Правительство недружелюбно относилось к православным: Павел-Савабе, уже возведенный в сан священника, был брошен в тюрьму за проповедь Православия. Освободившись оттуда, он все-таки поддерживал сношения с заключенными в тюрьме христианами и вместе с тем продолжал и свою проповедническую деятельность, избрав для этого одну старую и темную кладовую близ кумирни. Не в лучших условиях приходилось трудиться и отцу Николаю. Долго терпел он всякие лишения. «Представьте себе, — писал он, — комнату на чердаке, по точнейшему измерению, в 11 кв. футов, и в этой-то комнате, высотой немного более двух аршин, происходило обучение 20 человек Закону Божию. Сидеть — уже не спрашивайте, как сидеть. К счастью, есть еще два окна, одно наискось другого; если благотворная природа посылает ветерок, то и ничего, а нет течения воздуха — духота нестерпимая. Внимание с трудом связывает мысли, самое горло отказывается служить... И слушателям плохо... Что делать? Увы, и летом и зимою, круглый год будет то же неудобство для проповеди». Однако и при таких условиях дело проповеди продолжалось весьма успешно.

Постепенно увеличивалась паства, явилась и помощь денежная из России от Святейшего Синода, от Всероссийского Миссионерского общества и от московских благотворителей. Открылась возможность приобрести все нужное для богослужения, строить небольшие храмы, издавать нужные книги. Остальное сделала святая и горячая ревность отца Николая. Мы уже видели, что теперь православных японцев насчитывается уже до 26 000 (это три года назад), и они имеют уже приходы, храмы, учебные заведения, организованную переводческую и литературную деятельность. Все это —

плоды трудов отца Николая в течение 44 лет его пребывания в Японии; с 1880 года он возведен в сан епископа и управляет в зависимости от Российского Святейшего Синода японской православной паствой как бы на правах епархиального епископа. Носит он титул епископа Ревельского и Японского.

Внутреннее устройство Японской Православной Церкви имеет некоторые особенности сравнительно с русской церковной жизнью. Эти особенности вызываются, конечно, миссионерскими нуждами Японии. Проповедью христианства занимаются особые катехизаторы, лица не священного сана; они служат помощниками священников и обыкновенно разъезжают от одной общины к другой. Почти все они — люди семейные. Содержание они получают частью от миссии, частью же от приходов. Проповеднические беседы бывают весьма оживленными. Язычники возражают проповедникам, завязываются горячие споры. Иногда знатные японцы призывают к себе на дом проповедников для беседы.

Внутренняя сила христианства несомненна, и споры с язычниками не опасны для проповедников. Опасны — озлобление и преследования язычников. Правда, с 1889 года указом микадо объявлена в Японии веротерпимость, но объявить веротерпимость, как и европейскую цивилизацию, гораздо легче, чем в действительности ей следовать. Известия последнего времени, из которых видно, что православный храм в Токио теперь охраняется полицией от ярости народной, говорят далеко не в пользу японской веротерпимости. Кстати, о храме в Токио: этот величественный собор во имя Воскресения Христова выстроен на добровольные даяния московских благотворителей Миссионерского общества и составляет истинную славу Православия в Японии. Все прочие православные храмы в Японии, числом до 25, малы и неблаголепны. Храм же токийский вмещает до 1500 человек и снабжен весьма богатой и художественной утварью. Когда он строился, то подозрительные японцы делали тысячи предположений относительно тайных целей постройки, тем более, что он расположен на возвышенном месте и отсюда недалеко до дворца микадо. Японцам казалось, что это — «русская крепость», что здесь грозит опасность Японии, что отсюда будут делать наблюдения за

дворцом и прочее. Предполагалось даже купить этот храм за миллион иен и подарить императору; другие предлагали воздвигнуть высокую стену или насыпать гору между храмом и дворцом. Храм благополучно освящен 24 февраля 1891 года; японцы успокоились, видя, что в нем не совершается ничего, кроме молитв и богослужения, и притом священниками, из которых большинство состоит из природных японцев.

Возвратимся к внутренней жизни Церкви в Японии. Над катехизаторами-проповедниками стоят священники, которые, главным образом, служат для обращенных и крещеных; участие их во внешней миссии ограничивается только тем, что они дают советы проповедникам и руководят их деятельностью.

Все деятели юной Японской Православной Церкви ежегодно созываются на собор. Для удобства место заседаний собора меняется: один год, для северной части Японии, собирается он в Токио, другой год, для южной половины, — в Осаке. Время созыва собора приурочивается обыкновенно к лету, к концу Петровского поста. Заседания происходят просто и оживленно. В церкви у солеи ставится стол, за которым садятся епископ и старшие священники; на полу, по местному обычаю, садятся прочие священники, диаконы, причетники, катехизаторы. Епископ открывает заседание молитвою и пастырским поучительным словом, затем читаются отчеты о состоянии приходов, разрешаются текущие вопросы, например, об открытии новых церквей, приходов, благотворительных учреждений, рассуждают о приемах проповеди, о расширении миссионерской деятельности и проч. Занятия обыкновенно начинаются с утра, прерываются в полдень на час—два, затем продолжаются до вечера. Соборы вносят большое оживление в церковную жизнь и способствуют сплоченности Церкви между собою.

Прихожане имеют «симбокуквай», т. е. постоянные братские собрания, — род наших церковно-приходских попечительств. Созываются они раз или два в месяц. Здесь разрешаются различные дела, касающиеся церкви или прихода, произносятся чтения и речи, обсуждаются вопросы общественного характера, собираются взносы прихожан на дела общины, на содержание духовенства.

В последнее время стали возникать при многих церквях особые кружки и из женщин-христианок. Собрания их происходят по праздничным дням. Женщины, насколько возможно, заботятся об успехе проповеди, но главное их занятие — благотворительность, которая особенно усиливается пред Рождеством Христовым и Пасхой. Члены «фу-зин-квай-я» — так называются эти кружки — в благотворительности не различают крещеных от некрещеных своих соотечественников.

Жизнь внутренняя у японских христиан, конечно, прежде всего обуславливается тем обстоятельством, что среди 38 миллионов язычников они представляют собой едва заметную величину. К тому же они находятся всегда под подозрением у язычников, в ненависти у жрецов и представителей власти. Все это способствует сближению и сплоченности между собой христиан, которые представляют собой как бы одну большую семью. Общественное богослужение и храмы в этом отношении, как и везде, делают свое дело. Нужно заметить, что в Токио, например, богослужение совершается весьма благолепно: имеется хороший хор из православных японцев, изданы и церковные ноты, как мы уже выше заметили. При училищах в Токио имеется и иконописная мастерская, где работают две мастерицы, изучившие иконопись в России. Такой же точно строй жизни, чисто семейный, замечается и в учебных заведениях, содержимых миссией. Сознание единства сильно у христиан, сильно и сознание их Православия. В 1888 году, когда в Киеве 15 июля праздновалось торжество 900-летия крещения Руси, японские христиане откликнулись на русское торжество адресом. Мы не имеем его под руками, но хорошо помним, как просто и метко охарактеризовали Православие японские наши единоверцы. «В нашей стране, — писали они, — есть немало называющих себя христианами. Мы и наши отцы хорошо наблюдали за ними: одни из них и сами не знают, что они к своему учению завтра прибавят (католики), другие не знают, что они в своем учении завтра убавят (протестанты). Только то христианство, которое принесли к нам русские, сами взявшие его у греков, всегда одинаково, без прибавления и без убавления. И мы уверовали, что оно от Христа, и полюбили его».

Так приблизительно говорили японские христиане, наши единоверцы. Нам оставалось только радоваться Царству Божию, пришедшему в силе там, на дальнем океане, на островах Японии.

И вот ныне грянул гром Божьего испытания. Выдержит ли его юная Православная Церковь в Японии? Что должны теперь испытывать и чувствовать ее сыны? Где теперь преосвященный владыка Николай, этот старец, отдавший Церкви Японской всю молодость, все силы и всю жизнь? И что у него теперь на душе?

Громы пушечных орудий сильнее ли хотя бы и тихого голоса благовестия евангельского? Злоба человеческая сильнее ли благодати Господней? Велиару ли победить Христа?

Неисповедимы судьбы Божии. Что уж тяжелее и бедственнее войны? А нередко ведь случалось, что страны расцветали даже после войн неудачных. По-видимому, что может более противодействовать и христианству, как не война, что гибельнее может быть и для Православия в Японии, как не эта вражда ее к России?

Но опять повторим: неисповедимы судьбы Божии, и велика внутренняя сила истины. Не раз случалось, что за мечом христианских народов, после их побед над язычниками, неожиданно быстро среди побежденных распространялось Евангелие. Язычникам часто нужно было прежде опытно познать силу креста, чтобы потом уверовать и в правду его. Так крестилась восточная Римская империя, когда представитель ее — язычник Лициний⁶⁹ пал в борьбе с равноапостольным Константином под Адрианополем в 323 году. Не случайность в том, что тогда же, в 323 году, крестилась и Грузия, входившая в сферу влияния Римской империи, и быстро стала христианской. Так и при Карле Великом⁷⁰, после успехов его оружия, крестилась Саксония. Не случилось ли того же и с нашими отдаленными язычниками-предками: пленяя православных греков, прибывая щит ко вратам Царьграда, они и сами пленялись красотой небесной истины и приготавливали Русь к христианству⁷¹. Может быть, и Японии незримо готовится теперь та же судьба. Православие уже началось в ней, уже блистательно показало свою внутреннюю силу и жизнеспособность. Оно явилось и действует, совершенно чуждое всякой политики — этого не могут отвергать даже самые злобные его враги. Здесь

и залог его успеха и будущего расцвета. Скоро ли увидим мы этот расцвет? Судьбы Божии неисповедимы!

Более 500 лет назад Россия, объединенная и державная, пред лицом Бога и мира приняв наследие и мировое призвание Византии, внесла в свой государственный герб изображение святого Георгия Победоносца, копием, крестом венчанном, поражающего дракона. Может быть, теперь именно пришло время сознательно исполнить русским людям то, что некогда уразумели их предки смутным чувством и закрепили вековым преданием?! Может быть, теперь уже сочтены дни дракона, который знаменует языческий Восток; может быть, в настоящей войне увидит Япония новый Адрианополь, и скоро крест засияет в ней, и Страна восходящего солнца будет скоро служить и «кланяться Солнцу правды» — Христу Богу нашему и «Его ведети с высоты Востока»?! И русскому царю не суждено ль быть новым Константином? Русскому воинству, с венчанными крестом знаменами, не суждено ли быть новым Победоносцем?

И не говорит ли теперь Господь России в ее священной брани, не говорит ли, показуя на крест: «Сим победиши»?! Ей, гряди скоро! Ей, гряди, Господи Иисусе! Аминь.

Когда статья моя «Православие в Японии» была напечатана, появилась в Тифлисе февральская книга журнала «Православный благовестник», в которой помещено извлечение из отчета преосвященного Николая, епископа Японского, о состоянии православной миссии в Японии за 1903 год. Приводим из этого отчета некоторые сведения, в дополнение к данным, сообщенным в нашей статье и относящимся к 1900 году.

В количественном росте христианских общин, храмов, христиан, членов причта и катехизаторов не произошло за год особо резкого увеличения. По-прежнему и число новых крещений в год превысило тысячу. Церковь в Киото (древняя столица) окончена и освящена в апреле месяце. Из учебных заведений прибавилась женская школа в Киото с 24 учащимися. Возник новый журнал — специально для печатания оригинальных проповедей и катехизических баз, называемый «Сейкео-Еова», т. е. «Православная беседа». Обычный собор священнослужителей состоялся в июле 1903 года.

В числе предметов обсуждения на соборе главное внимание занял вопрос об учреждении в Японии должности миссионера из русских для общего руководства проповедниками и для помощи, а затем и преемствования епископу Николаю. Миссионер должен быть из молодых иеромонахов академического образования. Об этом давно помышлял епископ Николай и ныне возбудил пред Святейшим Синодом по сему делу соответствующее ходатайство. «Я, 68-летний старик, — пишет преосвященный, — доживаю последнее время моей жизни, посвящая его, кроме общего заведования церковными делами, переводу богослужения, и давно пора подумать о заместителе меня здесь. Для юной Японской Церкви будет весьма бесполезно, если, после моей смерти или в случае тяжелой болезни, станет заведовать ею здесь не человек, достаточно воспитавшийся здесь для того, а внезапно присланный, не знающий ни языка ее, ни истории, ни характера людей, ни обычаев страны. Это делает тем настоятельнее нужду не медлить назначением сюда миссионера».

Преосвященный Николай много занят переводами богослужения и спешит с этим делом; в 1903 году переведена капитальная книга Пентикостарион (служба от Пасхи, кончая праздником Троицы) и издан Обиход пения первой и Страстной седмиц Великого поста. Из других переводов следует отметить: Бахметьевой — «Рассказы из истории Христовой Церкви», Е. Смирнова — «История Христовой Церкви», ч. 2, отца И. Сергиева — «Моя жизнь во Христе», свт. Иоанна Златоустого — «Беседы», извлечение из «Книги Правил». Появились в печати и оригинальные произведения, принадлежащие христианам-японцам. Замечательно, что о святом Серафиме Саровском появились на японском языке сразу два таких сочинения. Видно, что православные японцы внимательно следят за русской церковной жизнью. Из других работ упомянем: «Сборник религиозно-философских статей» П. Ямада, «Религия и красота природы» В. Ямада, «Неведомый Бог», «Краткое объяснение Символа веры», «Сборник проповедей и бесед» на японском языке и другие.

Отчет преосвященного Николая помечен 20 января 1904 г. (по нашему стилю), на конверте же стоят два японских штампа: «Токио, 5 февраля» (наш стиль — 23 января) и «Нагасаки, 7 февраля» (по нашему стилю 25 января). Ясно, что отчет писан пред самым

началом военных действий Японии против России, во время сильнейших антирусских демонстраций, когда уже войска японские скрытно отправлялись в Корею, а адмирал Того отправился с секретными полномочиями бомбардировать и взять Порт-Артур.

Как отразились все эти события на жизни православных сынов Японской Церкви? Вот что пишет преосвященный Николай:

«Проповедь в стране беспрепятственно продолжалась, и Господь благословлял ее успехом. Нынешняя тревога в политических отношениях России и Японии почти нисколько не мешает проповеди, так как народ пребывает спокойным, а проповедники, в случае нужды, умеют объяснить независимость религии от политических вопросов». Отрадные известия!

СПАСЕНИЕ ЦАРЕВО

**Речь на благодарственном молебствии по получении известия
о спасении жизни государя императора и царской семьи,
29 августа 1907 г.***

Бог Господь, и осиял нас; вяжите вервями жертву, ведите к рогам жертвенника! (см.: Пс. 117, 27). Таково первое проявление чувства благодарной к Богу и торжествующей радости по случаю спасения царя и царской семьи от грозившей им опасности на море⁷².

Древний царь-псалмопевец указал такой радости путь ко храму и жертве. И наше чувство ныне разрешается в молитве. Спасенный царь словами древлеспасенного святого и богодухновенного царя Давида может сказать о себе: *Господь за меня — не утрашусь: что сделает мне человек? Господь — сила моя и песнь; Он соделался моим спасением. Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу* (Пс. 117, 6, 14–15).

* Слово сказано 31 августа в церкви епархиального дома в собрании патристических содружеств г. Москвы.

И вот, русские люди, сердцем живущие с царем, болеющие его печальми и радующиеся его радостью, ныне во храме, в молитве радости и благодарения. Пусть в селениях нечестивцев теперь уныние или злорадство, смятение или черные замыслы и низкие, злобные намерения: если их ничто не образумит, ничто не смягчит, ничто не обратит к истине, даже сила свыше, то это значит, что они пришли в состояние сатанинское. Но в селениях праведных — глас радости ныне и глас спасения!

Пройдет, однако, час этой безотчетной, невольной, захватывающей радости, и наступить должно время раздумья, время испытания судеб Божиих и даваемых нам свыше уроков. Какие это судьбы, какие уроки?

Не будем омрачать этих святых минут сомнениями и недоумениями, что произошло: небрежность ли здесь, преступная и позорная, которой нет имени, или здесь новый злодейский замысел? Как могло случиться, что царя с семьей отправили по неисследованному морскому пути? Как оказался незнающим пути лоцман? Что это значит, что даже царя, это драгоценнейшее и единственное сокровище России, не могут окружить в пути покоем и безопасностью? Все это вопросы, которые просятся в сознание, но на которые теперь, пока нет точных известий, мы не можем ответить. И не будем ими омрачать переживаемых радостных мгновений. Лучше для себя мы услышим ныне уроки. Они все истекают из того чувства единения царя с народом, которое так живо и неистребимо в сердце каждого верного подданного.

Опять и опять спасен наш царь!.. Итак, жив Господь наш, и жива и действенна Его десница, жив Его недремлющий Промысл! Значит, не унывать должно русскому человеку и при виде страданий России. Господь близ, Господь не попустит России погибнуть или пострадать без надежды восполнить страдания радостными успехами и крепостью царства, без надежды страданиями совершить свое мировое призвание. Промысл Божий, что хранит и хранил не раз царей наших, сохранит, укрепит и Россию!

Спасенный еще раз от смертной опасности, царь наш становится для нас бесконечно дорогим, бесконечно возлюбленным. Он — живое напоминание Промысла, бодрствующего о России,

он — живое воплощение милости Господней к нам, он — носитель судеб России, он — орудие Божьего о нас смотрения.

Окружим его любовью и преданностью еще большими, чем прежде! Спросите: разве теперь у нас нет этой любви и преданности? О, нет, мы любим его, мы преданы ему, но в жизни и делах людей нет ничего хорошего и доброго, что не могло бы быть еще лучше, еще выше. Окружим царя, спасенного и Божьею милостию знаменованного, благоговейным почитанием! И будем самоотверженно до конца наших сил, до конца наших дней служить России и монарху, исполнять царские предначертания, вместе с царем работать над созиданием и укреплением блага русского народа!

Отрадно и радостно такое служение под святым знаменем силы высшей — силы Божественной милости и Божественного всемогущества. Ибо Бог Господь осиял нас, Он дал глас радости и спасения в селениях праведников... Слыши, земля Русская, и внимлите, народы: десница Господня творит силу! Аминь.

НА ЦАРСКОЙ СТРАЖЕ

По поводу пятидесятилетия царствования
государя императора Николая II⁷³

В Святой Библии, в книгах пророческих есть указание на то, что некоторые служения человеческие являются по преимуществу служениями благу народному; о человеке, который себя отдает такому служению, так и говорит Божественное слово от Лица Господа: «Я дал тебе стража народу Моему»⁷⁴. Таково по существу служение царское. Но есть цари, которым по обстоятельствам времени приходится нести особый, чрезвычайный подвиг труда — подвиг неусыпной заботливости, постоянных тревог, забот, страданий за свой народ. Сказанное в полной мере приложимо к нашему кроткому и любвеобильному царю-самодержцу государю императору

Николаю II Александровичу. Он сам недавно в случайно вырвавшемся слове сказал о себе: «Я работаю за троих»... В настоящем, 1909 году, исполняется пятнадцать лет его царствования⁷⁵. И если бы нужно было дать меткое наименование всему этому времени пятнадцати лет жизни и царственной работы нашего царя, то иного не придумаешь: это действительно стояние на царской страже.

Трудно вообще говорить о царе. Он так превознесен пред Богом и людьми, он так могуч и славен, что каждое слово в похвалу ему может показаться лестью или угодливостью. Но на Руси вещий поэт, наш знаменитый А. С. Пушкин, оставил нам чудные строки своего стихотворения, в котором выразилась и любовь верноподданного, и достоинство общечеловеческое, и правдивость честного человека:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю...⁷⁶

Так говорит поэт. И наша хвала царю есть свободная хвала, свободное слово, изливающееся от любви к нему как к человеку. Да, царь тоже человек. Да, и его можно любить не только как царя, помазанника Божия, представителя народа, как символ и олицетворение государственности, славу и честь России, — но его можно любить, ценить, восхвалять как человека, как христианина, как близкого всем нам труженика, который горит в подвиге на глазах у всей России. И разве можно воспретить сердцу биться к царю такою именно любовью? Разве можно положить молчание на уста? Но от избытка сердца уста сами глаголят!

Да, пятнадцать лет царствования — это стояние нашего царя на его царской страже! Ни удовольствий, ни развлечений, ни отдыха, ни личной жизни у него не было и нет! Все для дела, все для народа! За все эти годы царствования каждый день — занятия делами государства, приемы, беседы, выезды, смотры войск, посещения различных учреждений и лиц, поездки в отдаленные страны ради блага Русского государства! Заботы об огромнейшей в мире империи, заботы и тревоги по выдвинувшимся нуждам, по самым важным вопросам мировой жизни — о великом океане, о Дальнем Востоке, об отношениях к Китаю, к Японии, к Германии, к Франции, к Англии и Италии; тяжкая война, тяжкая революционная сму-

та в народе, злодейства врагов России, покушения на жизнь царя и его слуг. А рядом, и в это же время, ни на минуту не прекращающиеся обычные, текущие государственные дела, ежедневные и ежечасные: обдумывания то торгового договора, то какого-либо закона, то внутреннего устройства крестьянства, то нового преобразования, то доклада министра, то обучения войска, то улучшения флота. И за всем надо поспеть, и везде нужно быть, и всем надо указать, ответить! Как выдерживает сердце все эти тревоги, заботы, неизбежные огорчения и волнения?! Как хватает времени на все эти труды?! А между тем наш царь-батюшка всегда ласков, прост, доступен, всегда готов откликнуться на всякое дело. За троих ли только ты работаешь, наш дорогой печальник? Нет, и десятерым невмочь поднять все это бремя трудов! Каждый день слышим и читаем: государь на отчете губернатора написал такие-то слова, на телеграмму или просьбу дал такой-то ответ; то он выехал, то многих у себя принимал по делам, то сам изволил обратить на то или другое дело свое внимание. Откуда же берутся силы, откуда берется внимание?

Сила Божия поддерживает тебя, царь-батюшка! Любовь да молитва народная охраняют тебя, так что ты не знаешь в труде усталости! Любовь твоя к народу, сердце твое, что бьется за царство твое, дают тебе силы на царственный труд! Без любви к Богу, к народу, к своему делу царскому не трудился бы так наш государь: не выдержать одному человеку такого напряжения. Так мать около ребенка любимого дни и ночи не знает покоя, и бодрствует над ним, и голубит, и хранит его покой и жизнь, и не ведает усталости. Но на это дает силы только великая и чудесная, святая материнская любовь.

Такая же святая и чудесная любовь, такой же труд и подвиг и у царя нашего на его царской страже, охраняющей покой и жизнь русского народа.

Рассказывают люди, недалеко живущие от царского дворца: поздно-поздно гаснет огонь в царской рабочей комнате, и он переходит в опочивальню. Но темные окна не раз еще освещаются на короткое время во тьме ночной: то государю приносят ночью срочные вести, срочные и важные телеграммы, и он следит за

всем, что делается в его царстве, и в часы глубокой ночи... Меняются часовые в его дворце уставною чередою: они так и называются часовые, потому что стоят на страже известное число часов. А царь — бессменный страж на посту своем, и дневной, и ночной печальник!..

Храни тебя, наш родимый, наш желанный, храни тебя сила Господня в здравии и благополучии! И дай, Боже, русскому народу на многие-многие лета, до глубокой и маститой старости нашего любимого государя, до последних пределов человеческой жизни его, под его царской стражей благоденствовать и благословлять имя своего царя-отца, Божьего помазанника!

В ЖЕРТВУ ВСЕГДА ИЗБИРАЕТСЯ ЛУЧШЕЕ*

Я совершенно неожиданно для себя получил приглашение выступить сегодня с речью, посвященную памяти почившего митрополита Владимира⁷. При кратком времени, данном мне, думаю, достопочтенное собрание снисходительно отнесется к некоторым — я подчеркиваю это — несколько несвязным наброскам моих мыслей и воспоминаний, относящихся к почившему иерарху, новому священномученику Российской Церкви. Мне трудно говорить сейчас много и связно еще и потому, что ведь ни для кого не тайна, что я давно знал владыку митрополита и состоял в числе сотрудников его и на Кавказе, и в Москве, не прерывая самого близкого общения с ним до самых последних дней его жизни. Я любил его, слишком многим ему был обязан, и поэтому, естественно, слишком потрясен его смертью.

Нравственный облик его уже достаточно очерчен предшествующими мне докладчиками. Его православно-церковные воззрения, строгие и неизменные, известны всем. К этой, уже дан-

* Речь в бытность настоятелем Покровского собора в Москве.

ной ему характеристике, я и прибавлю несколько фактов, сообщений и наблюдений, которые могут иллюстрировать то, что и сегодня, и ранее на Соборе уже доложено было достопочтенному собранию.

Я в первый раз узнал высокопреосвященного Владимира в Тифлисе, двадцать пять лет тому назад, когда он был там экзархом Грузии. Я прибыл из соседнего, мирного тогда, Северного Кавказа молодым еще священником и был назначен законоучителем гимназии в захолустный город Елисаветполь⁷⁸, и, только очутившись в Закавказье, я увидел и узнал, в какой напряженной атмосфере приходилось жить и работать экзарху Грузии. Когда я представился ему в Тифлисе на пути следования к месту службы и был им принят, то я с первого же раза был прямо поражен необычайной простотой и скромностью святителя, который занимал в иерархии столь высокое место и считался, по установившемуся обычаю, уже кандидатом на митрополию. Глубокий провинциал, доселе не выезжавший никуда из небольшого города, где я служил на Северном Кавказе, я был изумлен этой доступностью владыки и его всесторонней участливостью — к моей службе, к моим планам и т. д.⁷⁹ От него первого я и получил точные и ценные сведения о новом месте моего служения, получил и советы, в которых у него и тогда, как и всегда, доминировал чисто пастырский дух и тон. Помню, в тот раз он мне показался человеком очень слабого здоровья, и никогда не думалось, что он так физически окрепнет на родном севере, по переводу в Москву, и будет таким бодрым и молодежавым в свои семьдесят лет, до самых последних дней жизни.

Через три года я переведен был на службу в Тифлис. По своему положению, как законоучитель двух огромных гимназий, я стоял совершенно в стороне от всяких административных дел, и только из газет да из отзывов и сообщений сослуживцев и представителей русского общества в Тифлисе я знал о том, какая ненависть окружала экзарха, какая царила клевета, направленная против него, и как тяжело было его положение среди грузинского клира. Впоследствии я убедился собственным горьким опытом, что российское предраснодушие здесь, внутри России, всегда было склонно обвинять в обострении отношений к экзархам и вообще к представителям

русского клира в Грузии — только самих русских. Нас всегда обвиняли в том, что мы сгушаем краски в изображении настроения грузинского клира, что подавленные грузины ищут только справедливого к ним отношения и уважения к их национальным особенностям, что мы отталкиваем их своей грубостью и тупым чванством, что ни о какой автономии и автокефалии грузины не только не помышляют, но и не знают... Здесь уже сказалось тогда, какой жизненный крест Бог судил нести почившему иерарху: полное одиночество. Одинок он был и без поддержки от высшего церковного управления, особенно от держащих власть высших чиновников церковного управления, которые всегда склонны были придавать значение всякой жалобе и сплетне, завезенной на берега Невы каким-либо приезжим грузинским генералом, или самой пустой газетной заметке, вопившей о горделивости и мнимой жестокости русской церковной бюрократии в Закавказье. Сколько я потом видел написанных в этом духе писем К. П. Победоносцева и Саблера⁸⁰, сколько было их запросов с требованиями объяснений и с непременным и неизменным уклоном в одну сторону — в сторону доверия жалобщикам, которые сообщали иногда факты столь несообразные, нелепые и невозможные, что, казалось бы, сразу нужно было видеть, что здесь работает одна злоба и преувеличенное кавказское воображение. Нестыжательность, простота, всем известное трудолюбие, исправность во всем, даже, и по преимуществу, иноческое целомудрие — все в экзархе подвергалось подозрению и всевозможным клеветническим доносам. И на все надо было отвечать в тяжелом сознании, что там, наверху, как будто склонны допустить возможность хоть некоторой доли правды во всех этих бесчисленных доносах и наветах.

Сам К. П. Победоносцев совершенно верно выразился в одном таком письме к покойному митрополиту по поводу дела урмийских⁸¹: «Русского человека на Востоке всегда прежде всего встречает море клеветы». И все-таки, когда это море воздымало свои волны, когда клевета возводилась на представителя русской церковной власти на Кавказе, покойный государственный деятель, вообще не склонный к оптимизму, всегда начинал колебаться. Бывало так, что если пять человек просятся на одно место, а опреде-

лить можно, конечно, только одного, то прочие четверо считали долгом писать на экзарха доносы в Синод, и большею частью совершенно без связи со своим делом.

Помнится, один такой туземец принес жалобу в Синод, в которой, указывая место и точную дату времени, сообщал, что экзарх на приеме сначала ругал жалобщика, потом долго бил его руками, свалил на пол и бил ногами, и затем, «запыхавшись, сам упал на диван»... А несчастный кроткий жалобщик мог только сказать: «Что с вами, владыко?» Экзарх, в объяснение на эту жалобу, ответил, что в то самое время, какое указано в жалобе, он вовсе не был в Тифлисе и в Закавказье, а как раз был в Петрограде, вызванный в Святейший Синод, и притом уже несколько месяцев. Победоносцев на объяснении написал: «Ну это даже и для Кавказа слишком». И все-таки все подобные истории с жалобами и доносами тянулись без конца. Замечу, кстати, многие из таких именно жалобщиков, беззастенчиво лживых в слове, теперь — видные деятели автокефалии. Только теперь, к сожалению, очень поздно, русское церковное общество слишком убедительными фактами поверило и в автокефалию Грузии и в грубость, дерзость и недобросовестность приемов борьбы грузинских автокефалистов.

Укажу еще факты. Помню 1895-й год, июнь месяц. Митрополит сидел в Синодальной конторе, рядом с ним за столом — архимандрит Николай (Симонов). Пришел в приемную десять лет назад лишенный сана за воровство и за доказанное гражданским судом участие в разбое бывший священник Колмахелидзе, по делу которого в свое время был следователем архимандрит Николай, тогда еще бывший священником. Десять лет таил Колмахелидзе злобу, теперь он услышал, что архимандрит Николай является кандидатом в епископы. И вот — он избрал день мести. Он вызвал архимандрита из заседания Синодальной конторы и тут же всадил ему нож в сердце. Владыка Владимир успел принять только последний вздох и благословить несчастного, а когда возвращался в свой дом, рядом с конторою, то как раз пред его приходом во дворе, в кустах, пойман был псаломщик-грузин с кинжалом, готовившийся расправиться и с экзархом. Я видел владыку Владимира непосредственно после всего происшедшего:

это было прямо чудесное спокойствие духа, которое дается только глубокою верою и спокойствием чистой и праведной совести.

И при таких переживаниях владыка Владимир, как будто никаких неприятностей у него не было, никогда на них не жалуясь, неустанно трудился для паствы. В его трудах красной нитью проходила особая забота о духовном просвещении. Службы, проповедничество, братства, миссионерские вечера, внебогослужебные собеседования, издательство, расширение церковной печати — вот что, главным образом, привлекало внимание и заботы экзарха. В этой-то области мне и пришлось стать к нему впервые близко, потому что, действительно, местных сил в распоряжении экзарха было мало, и ему пришлось призвать к сотрудничеству законоучителей гимназии. Впоследствии в Москве, в Петрограде богослужение и проповедничество в широком смысле этого слова, просвещение и миссия всегда и неизменно ставились почившим на первый план в его святительском служении и в руководстве клиром. Памятник его просветительских забот — этот Владимирский епархиальный дом⁸², куда он в 1902 году и приглашал меня на службу из Тифлиса, ставя в обязанность ежедневную службу и непременно ежедневную проповедь. Перевод мой тогда задержался, но в 1906 году, прибыв в Москву, я видел на месте исполнение плана владыки. Здесь, в этом храме, тогда действительно ежедневно все духовенство Москвы по очереди выступало с проповедями за богослужениями. Из Тифлиса в 1898 г. почивший переведен был на митрополичью кафедру в Москву. Его провожали все необычайно тепло и сердечно: при проводах сказалось, что этот на вид как будто бы замкнутый человек, как многим казалось, сухой и черствый, был на самом деле человеком нежного, любящего сердца и, главное, способен был внушить и к себе горячую любовь.

Через два года после его отъезда из Тифлиса я случайно в июле месяце был в Сергиевом Посаде, где в это время жил митрополит Владимир. Он увидел меня за богослужением и с чрезвычайным радушием пригласил к себе. Вообще надо сказать, он отличался всегда самым радушным, чисто русским гостеприимством. Тут-то, при свидании, сказала для меня новая черта в его

нравственном облике. Я как бы не узнал в нем даже прежнего простого и доступного экзарха — так он сделался еще проще, еще скромнее и смиреннее. Потом я наблюдал в нем это растущее смирение и растущую скромность по мере возвышения его по ступеням иерархической лестницы. По мере того, как он возвышался в глазах людей, он смирял себя пред Богом, и это было плодом его сознательной нравственной работы над собою. На такое заключение, говоря по священнической совести, я имею много данных и наблюдений. Вторично меня поразила та же черта в митрополите Владимире, когда я был у него в Петрограде после переезда его туда и назначения первенствующим членом Святейшего Синода⁸³.

Покойный хорошо знал, что перевод его в Петроград, от которого он всеми силами уклонялся и на который согласился только после письма к нему бывшего государя императора, был, по его собственному выражению, «началом его конца». С того времени начались его скорби. Они всем известны. Жизнь церковная совсем выбита была из руслу, и доселе еще находится в таком же состоянии. При виде развала церковной жизни, особенно после мартовского переворота, владыка еще больше ушел в себя и готовился в лучшем случае к уходу на покой, для чего и вел не раз переговоры с наместником Троицкой лавры, но не раз говорил и о близости смерти. Однажды в связи с таким предчувствием он рассказал мне следующее: «Когда я, — говорил владыка, — был посвящен во епископа, то, по обычаю тогдашнего времени, по этому поводу была устроена мною трапеза в Александро-Невской лавре. Был гостем митрополит Исидор⁸⁴ и незадолго пред тем познакомившийся со мною генерал Киреев⁸⁵, — известный славянофил и человек, глубоко интересовавшийся церковными делами и вопросами. После обеда мы вышли вместе с генералом. «Сколько вам лет, владыко?» — спросил он. Я ответил: «Сорок лет». Генерал вздохнул, задумался и сказал: «Ах, много ужасного увидите вы в жизни Церкви, если проживете еще хоть двадцать пять лет». Покойный митрополит видел в этих словах своего рода пророчество.

Чтобы показать, как тяжело переживал владыка скорби Церкви, я вынужден опять возвратиться к тому, что раньше говорил о его

сердце. Многим казалось вследствие его молчаливости и природной застенчивости в слове, что митрополит Владимир — человек сухой и черствый. Это глубокая неправда: он обладал в высокой степени нежным и любящим, впечатлительным сердцем. В 1907 году он посетил больного отца Иоанна Кронштадтского. Здесь в дружеской беседе с отцом Иоанном и с редким по душе генералом Н. И. Ивановым⁸⁶, тогдашним комендантом Кронштадта, одновременно с митрополитом, принявшим мученическую смерть в Киеве, покойный владыка, открываясь в своей любви к отцу Иоанну, как-то невзначай высказался и сетовал, что для него всегда составляет истинное мучение сознавать свое неумение выражать и проявлять в словах чувства уважения, любви, привязанности к людям. Только школьные его товарищи, особенно семинарские, с которыми до конца дней покойный сохранял самые дружеские и простые отношения, невзирая на разницу общественного положения, знали в покойном эту черту застенчивости и некоторой робости, знали и ценили его сердце. Вообще это был человек необычайно участливый к чужому страданию. Когда впервые тяжело заболел покойный митрополит Антоний Петроградский⁸⁷, которому при полном сознании совершенно воспрещены были всякие занятия и всякое напряжение ума, даже беседы с людьми, я сам был свидетелем, как часто владыка Владимир даже на загородной прогулке все был около одра больного и часто приговаривал: «Ах, бедненький, бедненький. Что он теперь передумает, перечувствует! Ведь он знает, что смерть идет. Разве это не напряжение мысли?!»

Мало кому ведомо, что покойный был поэт в душе, чрезвычайно любил природу, ценил красоту, любил стихи и до старости сам составлял стихотворения. Помню, раз утром, в вагоне, при переезде из Петрограда в Москву, куда он возвращался на пасхальные дни, в бытность еще митрополитом Московским, он признался, что так любит Москву, так рад приезду своему, что всю ночь спал тревожно, и чувство радости и любви к Москве выразил в составленном длинном стихотворении, которое тут же и прочитал нам.

При таком нежном и впечатлительном сердце, естественно, он болезненно переживал события в церковной жизни последнего времени, начиная со дня своего вынужденного перевода в Ки-

ев. Эксперименты в церковной жизни митрополита Питирима⁸⁸ и Раева⁸⁹, удаление из Синода путем интриги⁹⁰, правление безумного Львова⁹¹, и все, что за сим последовало, кончая событиями на Украине, — все это глубоко потрясало владыку. Но не будучи по природе человеком активной борьбы, он все более и более уходил, замыкался в себе, молчал и только близким людям жаловался, что остается совершенно одиноким. Тихо и молчаливо он страдал. Думается, не так уж он был и одинок, как ему казалось, что были сочувствующие его строго церковному мировоззрению, но эти-то сочувствующие сами ждали, что именно митрополит Владимир даст клич, соберет их около себя, выступит с ярким протестом. Но он не мог дать того, чего в нем не было... И все же он ушел, справедливо чувствуя себя уже лишним среди новых приспособительных течений жизни, которым он не сочувствовал, и образ его есть не только образ мученика, но и немой воплощенный укор многому и многим⁹²... Впрочем, не будем уж говорить об этом.

За что он убит? Что и кому сделал? Какою борьбою и кого раздражил? Где тайна его страдальческой жизни — жизни русского архиерея, о которой так часто говорят с завистью, как о покойной и приятной, где тайна и его мученической смерти?

Народ наш совершил грех, а грех требует искупления и покаяния. А для искупления прегрешений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва. А в жертву всегда избирается лучшее, а не худшее. Вот где тайна мученичества старца-митрополита. Чистый и честный, церковно-настроенный, праведный, смиренный митрополит Владимир в мученическом подвиге сразу вырос в глазах верующих. Мученичество его станет ведомо теперь всему нашему народу.

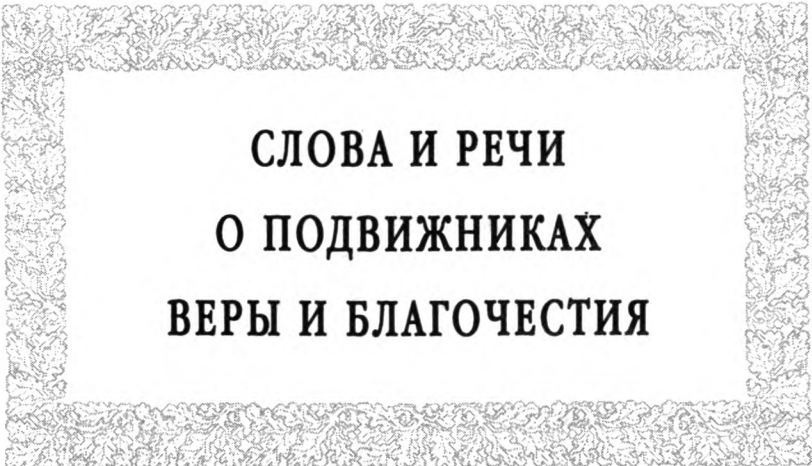
И смерть его, такая, как вся его жизнь, без позы и фразы, в том одиночестве, в каком он себя чувствовал всю жизнь, не может пройти бесследно. Она будет искупляющим страданием, призывом и возбудителем к покаянию, о котором теперь так много-много говорят и которого, к сожалению, еще не видно в русском обществе... Смерть человека, менее всего причастного к прегрешениям этого образованного общества, столь много и тяжело, и долго грешившего против

народа, развязывающего в нем зверя и подавляющего человека и христианина — эта смерть есть воистину жертва за грех. Бог творит Свое дело. Он не карает, а спасает, призывая к покаянию. Если бы только карал, то погибли бы убийцы, а не убитый митрополит. И мученическая смерть старца-митрополита, человека чистого и цельного — ими же Бог весть судьбами, верим, — внесет много в то начинающееся движение покаяния, отрезвления, которое мы все предчувствуем сердцем, которое мы призываем и которое одно принесет спасение нашему гибнущему в кровавой и безверной смуте народу.

**В ПАМЯТЬ
ВЕЧНУЮ БУДЕТ
ПРАВЕДНИК**

СЛОВА И РЕЧИ О ПОДВИЖНИКАХ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

ТАЙНА ОБАЯНИЯ ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА
Речь в день столетнего юбилея со дня смерти
великого полководца А. В. Суворова,
6 мая 1900 г.*

Восхвалим славных мужей и отцов нашего рода!.. Есть между ними такие, которые оставили по себе имя для возвещения хвалы их, <...> мужи, <...> которых праведные дела не забываются; <...> тела их погребены в мире, и имена их живут в роды, народы будут рассказывать об их мудрости, а Церковь будет возвещать их хвалу (см.: Сир. 44, 1, 8–9, 13–14). Это слова древнего библейского мудреца. С того времени, как они были произнесены и записаны, прошли века и тысячелетия, но седой опыт минувших веков не уменьшил, а только подтвердил великое и поучительное значение воспоминаний исторического прошлого.

И сегодня пред нами одно из таких воспоминаний нашей русской истории — столетний юбилей со дня смерти великого Суворова⁹³. Уместно ли это воспоминание в день радости о царе нашем и в день молитвы о нем? Но чтить память героя, беззаветно

* Сказана в Тифлисском Александро-Невском военном соборе при служении высокопреосвященного Флавиана, экзарха Грузии.

любившего Родину, служившего ей верой и правдой, отдавшего ей все труды своей жизни и свои гениальные дарования, не знавшего ничего выше долга по отношению к Отечеству; чтить память героя, беззаветно преданного верховной власти, — это, несомненно, лучшее поучение в день церковно-гражданского праздника. Уместно ли, далее, с церковной кафедры говорить о человеке мирском, о герое, который стяжал себе славу главным образом подвигами брани? Но отмечать добро, где бы оно ни было, указывать его в живых носителях, воплотивших добро в бессмертных подвигах, это непременная обязанность проповедника истины. А если в воспоминаемом деятеле вместе с тем проявляются черты истинной и искренней религиозности; если он, будучи верным и преданным сыном Родины, был в то же время любящим и смиренным сыном Церкви Божией, то служителю Церкви естественно остановиться на нем с чувством отрады и естественно обратиться к своим слушателям с горячим призывом: «Братья-сограждане, братья-христиане! Берегите святое наследство!»

Наш Суворов — это великий русский герой, во всем самобытный, всегда неизменно и глубоко народный; имя его — непререкаемое имя; слава его — бесспорная слава, и нравственный образ его представляется удивительно ясным и целостным. На него может указать с честью и гордостью каждый сын нашей великой Родины. И смотря на него с чувством народной гордости, мы можем действительно и должны говорить себе и другим: «Берегите его духовное наследство!» И если в день царского праздника нужно вспоминать нам и говорить о гражданских обязанностях, о служении Родине, то мы с полным правом можем указать на него как на достойный пример для подражания. Он был воин, но в нем совместились достоинства, которые нужны не одному воину, но и всякому служителю Родины. Он герой народный в полном смысле слова. Всем известно, как любил он свой народ, — любил русское меткое слово, русские песни и пословицы, русские обычаи, даже кушанья, но это более касается внешнего. Главное в нем то, что он был как бы повит народным нашим духом во внутреннем мире своем. И прежде всего наш герой — сын и питомец народной религиозной веры. Он учился ей и в родном доме от дней раннего детства; он учился ей

и потом, проживая в близком и непосредственном общении с солдатами в их казармах и исполняя вместе с ними, в первые годы своей службы, обязанности низшего воинского звания. Его простая, спокойная, глубокая и прочная религиозность как бы перелилась в него из недр духа нашего боголюбивого народа. Всегда она в нем одинакова и неизменна: и на поле битвы, и в упоении славы, и в домашней жизни, и на клиросе или на колокольне деревенской церкви, в которой он пел и читал, подавал кадило и правил должность пономаря, будучи в звании генералиссимуса. Он не богословствует, не философствует в деле веры, не стремится поправлять так или иначе Церковь: он любит ее простою, сердечною любовью, смиренно, по-детски, бесхитростно, как хороший, благочестивый христианин, в ней он видит опору и руководство жизни. «Солдат — христианин, а не разбойник» — вот его воззрение на воина. «В дома не забегать, безоружных не убивать, с женщинами не воевать, просящего пощады миловать, малолетних не трогать», — вот и вывод из его религиозного воззрения. «Умирай за Церковь и за царя; останешься — честь и слава, умрешь — Церковь Бога молит» — вот и истинно народное поучение его солдатам. Сам он построил прежде всего церковь в Новой Ладогге, когда там командовал войсками, — черта опять чисто народная; здесь же устроил он школу, в которой сам учил детей солдатских Закону Божию, и вообще за религиозным развитием солдат следил с большим вниманием. И набожность его была чисто народная. Утром ежедневно, надев один из орденов своих, молился он с пением; входя в комнату, крестился на образа; пред обедом всегда творил молитву; даже зевая, крестился; мимо церкви не проезжал, не помолясь; при богослужении сам пел на клиросе и читал Апостол и отлично знал церковный наш обиход. В то же время он с уважением относился ко всем религиям и требовал этого и от подчиненных; и в этом, несомненно, сказалась в нем наша русская черта широкой веротерпимости. Не нужно забывать, что такую глубокую и простую религиозность Суворов сохранял в век разлива неверия и повального увлечения легкомысленною и вольнодумною философией энциклопедистов; вера у него, как у всех великих людей, уживалась с огромным умом, с высоким и основательным по тому времени образованием,

над которым он трудился целую жизнь. И не деланой, не искусственной была в нем эта религиозность: чтобы убедиться в этом, довольно знать его детские годы, в которые он проявлял особую набожность, начитанность в Священном Писании и любовь к богослужению; довольно знать его зрелые годы деятельности, в которые религия везде служила ему опорой и руководством и определяла его мировоззрение; довольно знать о его предсмертных минутах, которые провел он как благочестивый христианин, причастившись Таин Христовых и трогательно простившись со всеми окружающими. С другой стороны, никогда деланая религиозность не привлекла бы к нему сердца солдат, которые чувствовали в нем близкого, родного по духу человека, понимали его с полуслова. Несомненно, великий полководец говорил с нашим народом языком его веры, не взятым напрокат, а от души и сердца. Здесь и тайна его влияния, тайна его всероссийской славы, его народности. Даже в знаменитых шутках и странностях его сказывается что-то, напоминающее старых русских юродивых, этих доселе не разгаданных и засмеянных учителей и воспитателей народного нашего духа.

Но когда нужно было, Суворов умел показать, что религия в нем — не один обряд, а глубочайший и основной фонд его жизни. Тогда он возвышался до вдохновенного красноречия и до понимания самых тонких проявлений нравственного идеала, самых тонких оттенков нравственного чувства. «Герой, — говорит он, — смел без запальчивости, быстр без торопливости, деятелен без опрометчивости, подчинен без изгибчивости, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, благороден без гордости, доступен без лукавства, скромнен без притворства, приятен без легкомыслия, обязателен без корысти, проникателен без коварства, искренен без оплошности и резкости, благосклонен без изворотов, услужлив без своекорыстия; враг зависти, ненависти и мщения, он низлагает соперников добротой, управляет друзьями верностью. Он властитель стыдливости и воздержания. Нравственность — его религия; он исполнен откровенности и презирает ложь; правый по характеру, он отвергает лживость; в делах своих он взвешивает предметы, уравнивает меры и предается Божественному Провидению».

Такое представление о нравственно уравновешенном человеке создал себе Суворов в то время, когда под влиянием развращающей, модной, чувственной философии его века царили всюду распущенность нравов и нравственное безразличие; такое представление он сумел и осуществить в труднейшее время господства интриг, внезапных повышений и падений. В среде, нередко пропитанной ложью и фальшью отношений, иногда в условиях подчинения какому-либо завистливому и капризному временщику, особенно на первых порах своей деятельности, Суворов везде сохранял свою прямоту, правдивость и преданность долгу, и история знает, что он не запятнал себя ничем бесчестным. В такой преданности долгу, служебному и нравственному, тайна и его посмертного обаяния. Удивительно глубоко было в нем это сознание долга. Известно, что еще в ранней молодости, в бытность простым солдатом, изумил он государыню исполнением закона, когда, стоя на часах, отказался принять он нее подарок.

Сознание долга потом проходит самую замечательную чертою чрез всю его жизнь: на войне, в мирной гражданской деятельности, в начальствовании и подчинении, в славе и в тяжких обстоятельствах опалы и гонения, в шумной столице среди придворных и в одиночестве деревни, куда заточила его зависть врагов и где он жил безропотно, без жалоб и сетований, покорный власти и долгу повиновения во всех обстоятельствах жизни. «Научись повиноваться прежде, будешь повелевать другими; будь добрым солдатом, если хочешь быть хорошим фельдмаршалом», — это слова самого Суворова. Но долг и повиновение у него — это не простая исправность, не обычная точность: эти свойства найдутся и у добросовестного наемника. Долг и повиновение перестают быть неразрешенною загадкою и вырастают в огромную нравственную силу, когда проникнуты любовью и осмыслены религией. «Какие обильные сияния расточает это средоточие, чтобы освещать и преобразить нашу жизнь! Все проистекает из этой мысли: долг требует исполнительной деятельности, и эта деятельность есть выражение высшей воли, план Создателя для сотворенного Им мира. Сколько есть обязанностей малозначащих, тягостных, утомительных! Сколько есть существований однообразных, бесцельных, преисполненных

большими и малыми трудностями! Это и остается таковым, пока вы будете взирать только на себя и вокруг себя. Но поднимите взор: вы не понимаете, почему возложено на вас исполнение того или другого долга; вам загадочно, почему вам назначено такое, а не другое место в общей экономии (Божественном домостроительстве. — *Ред.*) вселенной? Это тайна Владыки мира. Но каков бы ни был долг, он предназначен Богом. При этой мысли все изменяется в глазах наших: что казалось ничтожным, становится многозначимым, что представлялось достойным презрения, оказывается возвышенным; что было тяжело и отвратительно, является святою ношей, переносимой с любовью. Исполнять волю Божию, довершать отчасти творения Господа и Создателя — какая великая обязанность, какое дивное преимущество! Лучи предвечного величия все в мире освещают. Посмотрите, что подчас происходит, когда в природе все туманно, когда небо помрачено густыми парами; но темная завеса разрывается, появляется солнце, и вдруг все блещет и сияет! Лист древесный, ветвь, только что омраченная тенью, водяная капля, самая пыль, попираемая и воздымаемая ногами, — все позлащено. Воля Божия, отражающаяся во всех человеческих обязанностях, преобразует и возвышает все предметы. Множество человеческих существ обрели наслаждение и умиротворение в исполнении наитруднейших обязанностей, и со спокойным, радостным лицом, со взорами, блестящими упованием, шли на плаху и на костер. Множество людей умели с мыслью о Боге мужественно переносить жизненные бедствия и самые унижительные обязанности общественного положения. Они обрели в себе терпение, сознавая свое бессмертие; они радовались, зная, что при каждом исполнении долга они повинуются воле Того, Кто всемогущ и всеблаг*.

Так говорит один современный христианский мыслитель.

При свете такого понимания долга наш Суворов поистине велик. Таких подвижников сознательного и любимого долга, как патриарх Ермоген и Авраамий Палицын, как Минин⁹⁴ или Долгорукий, как Суворов или Нахимов⁹⁵, — таких людей не даст простая точность и исправность, не даст самое добросовестное наемниче-

* Э. Навиль: «Долг», с. 33–34.

ство, таких людей ни нанять, ни купить невозможно! Для этого нужна воспитанная на почве народности, освященная религией любовь к Родине — тот истинный и благородный патриотизм, который, не обращаясь в узкий и нетерпимый зоологический национализм и народное себялюбивое задорное самомнение, любит Родину беззаветною любовью, в простоте, ясности и горячности души, так же просто, ясно и горячо, как любит ребенок свою мать, так же вольно и естественно, как естественно и вольно течет ровная, спокойная и многоводная река нашего севера, как естественно сияет и греет солнце, как естественно грудь наша дышит воздухом... И наш Суворов дышал такую любовью к Родине и ею осмысливал свой долг, и одухотворял его. Нужно ли прибавлять, что такими именно людьми жива и крепка, и вековечна всякая общественная организация? «Всякое дело начинать с благословения Божия, до издыхания быть верным государю и Отечеству» — вот его слова, которые можно назвать заветом грядущим поколениям. Какой бы величественный памятник ни воздвигли ему теперь из гранита или металла, лучшим и надежнейшим памятником ему будет вечная память о нем в благодарных сердцах и следование его заветам.

Поминая его ныне — в день молитв о царе нашем и об Отечестве, пожелаем от всей души и пред Царем царей молитвенно просить будем, чтобы дорогая наша Родина не оскудевала такими носителями духа, чтобы образ Суворова — этого великого воина и достойного гражданина — был у нас не только славным историческим воспоминанием, но и повторялся, и осуществлялся, и таким образом продолжал жизнь в окружающей нас живой действительности. Аминь.

ПАМЯТИ ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА

Речь пред панихидой в церкви Елисаветпольской гимназии,
20 октября 1896 г.

Когда два года назад, по воле Божией, в мире почил от царственных трудов благочестивейший государь император Александр III, ныне поминаемый*, его первенец-сын, принимая царскую власть, так говорил о смерти отца в своем первом манифесте к подданным: «Горя нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и мы верим, что не будет места в обширном государстве нашем, где бы не пролились горячие слезы по государю, безвременно отошедшему в вечность... И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память царя, олицетворявшего в себе непоколебимую правду и мир...»

В эти протекшие два года мы могли убедиться, как до конца исполнилась уверенность нашего молодого государя. Мир явился свидетелем невиданного зрелища: умер государь обширного царства, им возвеличенного и благоустроенного, но такого царства, к которому многие питали и питают чувство зависти, а между тем не было на земле образованного народа, который не выразил бы искренней и трогательной скорби о почившем. О нем и доселе говорят и пишут, обращаются к его жизни и деятельности, рассматривают черты его нравственного образа и все больше и больше проникаются к нему чувствами благоговейной почтительности и справедливого удивления. Как в картине великого художника, чем более всматриваешься в нее, тем более открываешь в ней новые стороны красоты и чарующей прелести: так в дивно прекрасном образе нашего незабвенного государя много лет и много умов и сердец будут открывать все новые и новые поучения. Вот почему и мы говорили о нем здесь с вами вчера*, говорили не раз с этого священного места и прежде во дни

* 19 октября на обычной в гимназии еженедельной религиозно-нравственной беседе ученикам рассказано было о жизни, деятельности и кончине государя императора Александра III.

поминовения покойного государя: и все же его образ стоит пред нами в неувядаемой красе и открывает по-прежнему неиссякаемый источник назидания.

В чем же, братие и дети, в чем разгадка этой всеобщей любви и почтения к покойному царю? Указывают на его государственные заслуги: на возвеличение внешней силы России, и притом без войны и кровопролития, путем мудрой, но прямодушной и правдивой политики; указывают на необыкновенный рост внутреннего благоустройства России и после страшных событий царевубийства, когда царство наше стояло как будто бы на краю гибели и накануне разложения. Все это так, и эти незабвенные для России заслуги покойного царя блестяще обнаружили и подтвердились в эти два года нашей славы, нашей силы, наших успехов на Востоке и Западе, в эти два года, когда Русь широко пользовалась плодами трудов и мудрой дальновидности усопшего царя. Но если бы в этом одном заключалась причина необыкновенной славы Александра III, то нам непонятны были бы чувства всеобщего и благоговейного почтения к нему даже со стороны врагов России. Почивший государь был велик в другом отношении: он представляется всем как человек редкой нравственной чистоты, царь-праведник, что в наш век, так неудержимо преданный себялюбию и чувственности, да к тому же на высоте престола, является для многих каким-то чудом. И это чудо совершилось у нас на Руси.

Но здесь-то, при частном рассмотрении нравственного образа почившего царя, каждый в меру восприимлемости и личных наклонностей находит и отмечает в нем различные и разнородные стороны: указывают на его прямоту, указывают на его мягкость; указывают на его бережливость и щедрость; на его миролюбие и готовность самоотверженно защищать Отечество; на его любовь и строгую справедливость; на доброту и твердость воли; на его снисходительность и строгое требование от каждого исполнения долга, на его добродушие и серьезность и т. д. Очевидно, была какая-то основная нравственная почва, на которой твердо стоял покойный государь, и эта почва сообщила ему удивительное чувство меры и уравновешенность духа, вследствие чего он, находясь по своему званию в самых разнообразных положениях, по отношению к себе

и ближним ни в чем не переходил границ в худую сторону и вырос пред лицом мира в высоконравственный и удивительно цельный образ царя-праведника.

Нам отрадно в настоящие минуты пред молитвою о почившем царе указать, что этой основой всех деяний и нравственной высоты почившего была его глубокая религиозность, что не осталось неприметным и для взора иностранцев, из которых один, близко знавший государя⁹⁷, так говорил о нем: «Религиозность — это основной фонд души императора»*. Да, он был христианин, и истинный, искренний христианин, и в этом одном слове разгадка величавого и обаятельного образа незабвенного нашего царя-миротворца, царя-праведника.

Как христианин, в чувстве веры и преданности Промыслу, не пал он духом в годину цареубийства, посреди всеобщего шатания умов, смятения сердец, посреди ужаса народного; как христианин, верил он в свое призвание царя-самодержца, верил в Россию, в ее силы и назначение, в свое, Богом врученное ему дело; как христианин, покорно взял он на себя бремя царственного долга и понес его безропотно и твердо до могилы, и трудился до изнеможения, отказывая себе в необходимом отдыхе и днем и ночью. Здесь же, в его христианских чувствах, объяснение того, что его прямота, правдивость и искренность не переходили в резкость, грубость и жестокость; его бережливость не была скупостью, что доказал он щедрыми пособиями народу во время голода и холеры; его миролюбие не было постыдною трусливою уступчивостью; кротость и смирение его не переходили в боязливую приниженность, в любви его не было слащавости, безразличной к добру и злу, и в снисходительности не было попустительства на зло; с другой стороны, твердость и настойчивость его не были неразумным и себялюбивым упорством, строгость не была жестокостью, требовательность не была проявлением личного каприза, в патриотизме его не было фанатичной ненависти к другим народам и в самой религиозности не было ханжества — и так во всем. И болезнь свою, и смерть принял он как христианин:

* Стэд в книге «Правда о России», выдержка в «Московских ведомостях» за 1894 г., № 305.

с умилением и слезами читали мы, что он, уже сломленный тяжелым недугом, прикованный к одру болезни, среди мучительных бессонных ночей, среди тягостных дней не оставлял царственных трудов, и Россия, одна Россия составляла предмет его предсмертных забот и мыслей; после трудов он молился, после молитвы снова трудился, и никто не слышал от него ни жалобы, ни ропота.

Как удивительна, как величава, прекрасна и торжественна его кончина! Пришел последний день жизни, изможденное трудом и болезнью тело уже оказалось неспособно к труду, неспособно быть орудием светлого духа... «Сегодня умру», — говорит государь своей супруге... Еще несколько часов, и действительно жизнь погасла в теле, и верующая душа среди молитв в надежде жизни вечной почил в Боге. Так умирают только люди, крепкие своею чистою совестью и горячею верой в Бога и в бессмертие души. Так умирают только христиане. Не потому ли и любовь к почившему царю и при жизни его, и по смерти все выражали не иначе, как молитвою: молились в России и вне ее, молились христиане без различия исповеданий, молились евреи, мусульмане... Все чувствовали, что иной образ чествования царя как-то не соответствует его нравственным свойствам.

О достойном христианине, о преданном сыне Церкви отрадно молиться тому, кто сам имеет трогательное упование на жизнь бесконечную, трогательную веру в общение живых и умерших. К такой молитве призываемся сейчас мы с вами, братие и дети.

Верим, что ты, наш многолюбимый царь, живешь с нами духом; верим, что сбудется над тобою все обещанное христианам: ты был кроток. А сказано: блаженны кроткие; ты милостив был — а таким обещано, что они помилованы будут; общий голос всего света нарек тебя миротворцем — а сказано: блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими назовутся. Да будет же благословен твой покой, боголюбивая душа! У Престола призвавшего тебя Бога вместе с прежде почившими святыми властителями земли Русской стань и ты в дерзновении молитвы за Русь, за нас, за твоего царственного сына!

Братие и дети! Да будет в сердцах наших вечная память усопшему царю и в молитвах за него, и в подражании его высоким достоинствам человека-христианина, оставившего нам пример глубокой веры, благословение мира и завет доброй жизни. Аминь.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА

Речь в торжественном собрании Тифлисского отдела
Общества ревнителей русского исторического просвещения
в память императора Александра III,
26 февраля 1901 г.

Некогда царственный пророк древнего Израиля в порыве священного вдохновения, созерцая будущие судьбы своего народа, рисовал для него образ желанного царя в одном из псалмов своих. *Он сойдет, — говорил он, — как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю... и будет жить... и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его... и будет имя его благословенно вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его* (Пс. 71: 6, 15, 17).

Не находите ли, достопочтенное собрание, в этих чертах царя древнего Израиля поразительное сходство с царем Израиля нового — народа святорусского, с царем, которого сейчас, в день его земного рождения, мы помянули зауспокойною молитвою? Отошли теперь от нас на расстояние дни жгучей скорби, охватившей всю Русь и весь мир при вести о смерти царя-миротворца, смягчилась и самая жгучесть скорби, но на расстоянии же и самый образ государя Александра III становится еще целостнее, величавее, прекраснее и обаятельнее, и чувствуется при воспоминании о нем та же тихая, бодрящая радость, радость за то, что жил в наши дни такой человек на земле, и человек этот был нам родной, был наш, был царь на Руси...

И теперь в собрании членов общества, которое существует в его память и имя его выставляет своим знаменем, естественно, чувствуется потребность воскресить в душе его образ, остановиться на нем мыслью, отдохнуть сердцем, оживиться нравственно от духовного прикосновения к этому дивному царю и человеку нашего времени. Нравственный образ поминаемого царя не напрасно называют удивительно целостным, потому что он действительно сливается со всеми проявлениями его жизни и деятельности. Не в искусной политике и дипломатии, не во внешних условиях и пособиях объясне-

ние его успехов и его мирового значения, не здесь первоисточник всего, что так или иначе привлекает нас в деятельности почившего царя: великое дело его, дело умиротворения Европы, подъема русского самосознания, расцвета внутренней мощи России — это всецело есть плод высокохристианской личности государя и прекрасных качеств его русской души. Поэтому и неудивительно, если и наше общество, по существу назначенное к тому, чтобы содействовать изучению и уяснению отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование покойного государя, не может отнестись к этим началам только отвлеченно и теоретически, но неразрывно хранит связь с самой личностью покойного государя, и изучение его жизни, его характера, его верований и взглядов, его дум и надежд ставит одной из первых задач своих.

Покойный государь жил, как умер, и умер так же, как жил. И здесь сказалась та же целостность его духовного склада. Помнится, когда впервые огласились несложные, но глубоко трогательные подробности его кончины, когда в час смерти, как от последнего удара резца гениального мастера-художника, окончательно вырос пред нами во всей духовной красоте его величавый образ, тогда-то под живыми впечатлениями сказано было меткое слово о нем в правительственном извещении для народа: «Кончина государя Александра Александровича была праведная, как праведна была жизнь его, исполненная веры, любви и смирения». Этими словами действительно кратко и ярко охарактеризована вся жизнь покойного государя.

Воистину глубока и трогательна была его религиозная вера, чистая, ясная, цельная, как у ребенка. Нашему обществу мы обязаны тем, что в его изданиях недавно напечатаны выдержки из переписки покойного государя с его супругой во время прошлой войны с Турцией. Письма писаны к самому близкому лицу и не были назначены для оглашения: тем более они дороги для характеристики государя. Вот что мы читаем в одном из писем: «Во всем, что делается на земле, есть воля Божия, а Господь, без сомнения, ведет судьбы народов к лучшему, а не к худшему, если они, конечно, не заслужили полного Его гнева. Поэтому да будет воля Господня над Россией, и что ей следует исполнить и что ей делать — будет указано Самим

Господом. Аминь». Вот с этим-то несокрушимым и мощным «аминь» во святилище своего сердца он и провел всю свою жизнь и как человек, и как царь. Глубоко он был проникнут сознанием иного, высшего, незримого мира, который нас окружает. Можно сказать, он жил в предощущении этого мира и всегда был к нему готов*. И действительно, в последний раз сказала эта вера в час его кончины, величавой и торжественной, в предсмертных словах этого царя — богатыря по духу — к его супруге: «Чувствую конец. Будь спокойна, Я же совершенно спокоен». Как государь, верил он в Россию, в свое Богом врученное ему дело — в свою царскую власть, как в религиозный долг, в самодержавие, как Божье посланничество. И так глубоко, так искренна, так проникновенна и всепокоряющая была его вера, что в годину тяжелой смуты, когда, казалось, заколебался царский престол, когда будущее России представлялось безнадежно беспросветным, когда все металось в отчаянии, он не поник главою, но перелил эту свою могучую веру и в нас, своих подданных, и — дивное дело — в короткое время упрочил древний царский престол в самом сердце, в твердых самой души своего народа, умиротворил Россию и, подняв ее высоко-высоко в глазах всего света, поднял ее и в ее собственных глазах, в ее собственном самоуважении...

В том царская его заслуга пред Россией,
Что — царь — он верил сам в устои вековые,
На коих зиждется Российская земля;
Их громко высказал, — и как с высот Кремля
Иванов колокол ударит, и во мгновенье
Все сорок сороков в Христово Воскресенье
О светлом празднике по Руси возвестят,
Так слово царское, летя из града в град,
Откликнулось везде народных сил подъемом,
И как живительным, весенним первым громом

* После одного неудавшегося покушения на его жизнь, только что избавившись от смертельной опасности, он остался совершенно спокойным и в первые же минуты просто заметил своей пораженной супруге: «Я готов. Свой долг я исполню, а там будь, что Богу угодно!» В другой раз он сказал: «Господь лучше знает, как устраивать мир; что касается меня, то если Богу угодно завтра положить конец моей жизни, я готов». — *Авт.*

Вдруг к жизни призваны, очнута дол и лес,
Воскресла Русь, сомнений мрак исчез,
И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,
Как кованой броней, закреплено сознанием.

*А. Майков*⁹⁸

Такая живая и мощная вера всегда бывает, по апостолу, любовью споспешествуема... Только в этом святом чувстве веры и любви мог царь почерпнуть силы для своего колоссального, непрерывного труда, который свел его в раннюю могилу, надломив, наконец, его богатырскую натуру. Сломленный уже тяжелым недугом, прикованный к одру болезни, среди тягостных дней не оставлял он своих державных трудов, и Россия, одна его возлюбленная Россия была предметом его предсмертных забот и мыслей. А в годы правления не было решительно ни одной области государственного хозяйства, куда бы не взглянул он любящим и заботливым оком. И везде он хочет облегчить жизнь, утешить, отереть слезы. Самодержец всесильный, вступивший на престол среди таких тяжелых обстоятельств, ни разу не проявился он в гневе или мстительности, но всегда являлся народу своему в ласке, милости и привет: прокормил миллионы голодных, облегчил бедствия холеры, каждому сословию даровал какие-либо облегчения, льготы, милости. Говорить ли о любвеобильной, чистой и безупречной его семейной жизни, в которой явил он идеальный образ любящего отца и мужа? Говорить ли о том, как много раз мелкие и крупные интриги, кровные обиды и от врагов и от благодетельствованных лиц и народов как бы искушали и силились поколебать это величие и долготерпение любви, взывали о мщении, готовом разразиться кровавыми войнами, — и как любовь же побеждала в нем естественное самолюбие, подавляла личные чувства, торжествовала над ними во имя христианского долга и общего блага?

Здесь любовь граничит со смирением. Смирение на троне самодержца, повелителя величайшей в мире империи, — это ли не диво нравственного мужества и самообладания?! Не любил он проявлять свое царское величие внешним великолепием и повелительностью, удалялся пышных выходов и парадов, зато много провел он часов в уединении своего рабочего кабинета. В век всеобщего стремления

к роскоши и излишеству поражал он всех своей простотой и довольством малым. Он не выдавался речами, не рисовался подвигами, не бряцал оружием, не шумел вызывающими горделиво-витиеватыми речами, грозя миру всего мира, как это видим мы и слышим иногда на недалеком Западе... В нем не было ничего приподнятого, ничего кричащего, не было того картинного, показного героизма, который всецело занят и любит себя, занят мыслью о произведенном им впечатлении, о том, что подумают и скажут о нем другие. Его жизнь была исполнена другого героизма: русского, народного, смиренного и неблестящего, но бесценного нравственно, героизма труда и подвига от дня мученической смерти его благороднейшего отца, когда он взошел на окровавленный престол посреди смуты умов, уныния сердец и ужаса народного и взял тяжкое бремя правления, воспрянув оживить надежды народа, — и до дня смерти, когда он оставил сыну своему царство в таком порядке, в каком не оставлял его своему преемнику ни один из венценосцев русских. Но это был особый героизм, близкий и понятный сердцу народа, как родственный его духовному складу и христианским идеалам, молча и твердо исполняющий свой долг и не подозревающий даже своего величия.

В наших народно-мистических представлениях Святая Русь рисуется как край великого долготерпения. По народным верованиям, всю родимую землю нашу «с крестной ношей Царь Небесный исходил, благословляя»... По народному воззрению, в жизни христианина непременно должна проходить черта аскетизма. И жизнь народного царя нашего, в котором отразились лучшие свойства русской души, была жизнью крестоносца, жизнью подвижнической, путем трудовым и тернистым. По своему положению, как никто другой, мог он избрать себе путь жизни широкий и пространный, себялюбиво-беспечальный, ведущий, по слову Евангелия, в пагубу; но вольной волей, хотением верующего и любящего сердца избрал он себе путь узкий и прискорбный: подъяв крест царственного долга, он нес его до могилы в смирении и самоотречении. В торжественную минуту смерти, когда созерцал он оба мира, на рубеже которых находился, вдруг оживился потухающий взор, забилося ослабевшее сердце... Что увидел он тогда пред собою?

Велико и неизъяснимо священное таинство смерти, но верим с дерзновением и отрадой, что не мимо его прошло слово Божественного призыва в молитве церковной: «В путь узкий ходшии прискорбный, все в житии крест свой, яко ярем взявшии и Мне последовавше верою, приидите, насладитесь ихже уготовах вам почестей и венцев небесных!»⁹⁹ Да будет же благословен покой твой, боголюбивая, чистая душа! Наш родимый, наш незабвенный, милый сердцу народному русский царь! Ты сошел, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю! Пока будут биться наши сердца, доколе будет стоять твоя Святая Русь, за которую ты в труде и подвиге любви положил свою душу, и доколе будет сиять на земле Святая Божия Церковь, которой ты служил, как добрый сын, в смирении на высоте царства, — дотоле будешь ты жить в благодарных сердцах, дотоле имя твое будет в благословениях и дотоле будет возглашаться тебе и о тебе вечная, вечная память!

ЦЕРКОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

20 октября 1904 г.*

В настоящем собрании нашего общества, посвященном памяти незабвенного государя императора Александра III, я решаюсь представить просвещенному вниманию вашему обзор церковной деятельности на Кавказе в царствование почившего государя. Общеизвестен факт, что минувшее царствование было временем необыкновенного подъема религиозных интересов в русском обществе и всестороннего оживления церковной жизни в России. После шатаний и отрицаний 1860–70-х гг., возникших на почве увлечений

* Речь в торжественном собрании Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III к десятилетию со дня кончины незабвенного царя-праведника. Публикуется с сокращениями.

идеями материализма, после широкого господства в русской литературе и жизни теорий утилитаризма, опустошивших нравственное миропонимание нашего общества, русская философская мысль созрела и окрепла; она развивалась настолько, что ее уже не могло удовлетворить узкое и убогое материалистическое мировоззрение, и она заметно стала склоняться к широким горизонтам идеализма.

Кто не мог теоретически уразуметь вред и несостоятельность господствовавших в литературе и обществе понятий, взятых на прокат с Запада, тех убедительно и властно заставило призадуматься 1 марта 1881 года.

И все-таки при всех этих обстоятельствах, способствовавших отрезвлению передового русского общества и повороту его внимания в сторону религиозных интересов, все-таки личный почин, личный пример государя Александра Александровича имел здесь огромное значение. <...> Это был воистину «ктитор»¹⁰⁰ Всероссийской Церкви, как любили называть себя старые русские цари, это был «епископ внешних дел Церкви», как называл себя равноапостольный Константин. Сам государь смиренно называл себя сыном Церкви... Так повелел он сказать от его имени на киевском празднике девятисотлетия крещения Руси... В одном из своих манифестов он засвидетельствовал, что любил и почитал родную Церковь «свято, из глубины сердца». Поэтому-то постоянное внимание и заботы государя о церковных делах вытекали у него не из государственных или каких-либо иных посторонних соображений и потребностей, не составляли только как бы члена его политического символа, они истекали из глубины верующей души государя, который в религии и Церкви видел прежде всего путь личного своего спасения. Это был прежде всего и больше всего верующий, покорный Церкви сын. Эта черта сказалась в нем и при посещении нашего города Тифлиса. В одном учебном заведении назначено было в присутствии государя литературно-музыкальное утро. В зале при входе государя встретил его священник-законоучитель в облачении и со святым крестом. После встречи попечитель округа почтительно попросил государя занять приготовленное ему место. Государь, однако, не сел. Недоумение скоро разъяснилось: государь терпеливо ожидал, пока священник, несколько замедливший,

разоблачится. Он не хотел сесть и слушать участников торжества, пока служитель Божий оставался здесь же в священных одеждах своего сана и со святыней в руках. Вот почему, повторяем, при такой искренней религиозности и преданности Церкви личное влияние государя в смысле укрепления религиозных начал жизни в русском обществе сказалось так заметно и сильно.

Все в области церковной жизни привлекало к себе внимание государя: устройство новых епархий, учреждение новых монастырей и приходов, церковное пение, церковное зодчество, уставы духовно-учебных заведений, поднятие миссионерского дела, учреждение церковно-приходских школ, обеспечение духовенства, повышение приходской жизни, пастырской просветительской деятельности и т. п. В некоторых вопросах — например в церковном зодчестве и живописи, государь был тонким знатоком*. Чтобы охватить всю эту сложную деятельность, осветить и иллюстрировать ее фактами, потребовались бы целые тома книг.

Мы остановимся, и притом кратко, на том, что сделано было в минувшее царствование в церковной области собственно на Кавказе.

Окраины вообще заботили государя, а наша окраина с ее древнеправославным местным населением, близким и родным России по духу, с ее прославленными святынями, с ее захватывающей и полной религиозного интереса историей тем более привлекала к себе сердце благочестивого государя. В глазах русского человека Грузия всегда была и всегда будет овеяна священными воспоминаниями... Посещение государем нашего края действительно показало, как он сам преисполнен был здесь чувств веры и молитвы: верим, они и сохранили его драгоценную жизнь в Борках на обратном путешествии с Кавказа. Батум, Новый Афон и Баку,

* Государь, весьма любивший древние церковные памятники, много потрудился для возобновления некоторых из них, а для собрания этих памятников именно в его царствование изданы определенные правила относительно охранения имеющихся в церквах и монастырях предметов древностей и относительно сношений с Археологической комиссией и с Академией художеств в случаях реставрации памятников древности (указы Святейшего Синода 10 октября—16 ноября 1890 года и 21 сентября—16 ноября 1894 года). — *Авт.*

на окраинах Кавказа в присутствии благочестивейшего царя праздновали закладку своих величественных соборов, и здесь щедрой рукой были отпущены крупные суммы на устройство создаваемых храмов; святыни Грузии в Новом Афоне, Кутаиси, Гелатах, Мцхете и Тифлисе почтены царем, который потом, сверх того, предпринял нелегкое экипажное путешествие и в Сигнах, чтобы в Бодби поклониться гробнице равноапостольной девы, святой просветительницы нашего края. Здесь державной волей царственного поклонника указано быть женскому монастырю, который быстро на наших глазах вырос и расцвел в благоустроенную и многополезную для края обитель. При таком почтении царя к святыням Кавказа, естественно, что он не был забыт в царственных заботах о его церковной жизни. В этом отношении прежде всего следует сказать об учреждении и преобразовании епархий на Кавказе.

В 1885 году образована была особая Владикавказская епархия, с подчинением ее Грузинскому экзарху, а в 1894 году эта епархия выделена была в совершенно самостоятельную, с подчинением ей и Дагестанской области. Это мероприятие дало устойчивость церковной жизни обширному краю и в целях миссионерских имеет огромное значение, богатое будущими плодами. Уже и теперь развитие церковного строительства, усиление школьной деятельности, учреждение во Владикавказе женского епархиального училища, в Ардоне — духовной семинарии, расширение христианского влияния и просвещения в Северной Осетии достаточно оправдывают траты правительства на самостоятельную Владикавказскую епархию.

В том же 1885 году последовало новое, более удобное сравнительно с прежним распределение епархий Грузинского экзархата, которое в существенных чертах остается и доныне <...>.

В пределах же экзархата образованы были новые попечительства о бедных духовного звания: по высочайшим повелениям они открыты в Гурийско-Мингрельской (2 июня 1890 года), во Владикавказской и Сухумской епархиях (9 февраля 1891 года); учреждения эти действуют на общих основаниях (согласно положению 12 августа 1823 года).

Изменения в управлении Владикавказской епархии вследствие перечисления в эту епархию приходов Терской области, доселе

подчинявшихся епископу Кавказскому, проживавшему в г. Ставрополе, повлекло за собой изменения и для обширной Кавказской епархии. Кроме отчисленных от нее приходов Терской области, от нее же перешли в новообразованную Сухумскую (прежнюю Абхазскую) епархию приходы нынешней Черноморской губернии и даже часть Кубанской области (около г. Анапа). Вследствие этого прежняя Кавказская епархия переименована в Ставропольскую губернию и Кубанскую область <...>.

Открытие новых приходов в Грузинском экзархате на казенный счет в рассматриваемый период времени шло небыстро. Это объясняется отчасти затруднительным финансовым положением России, которая в год восшествия покойного государя на престол в этом отношении переживала самое тягостное время. Но самой главной причиной было то, что правительство направило свои заботы об увеличении приходов на другие места, несравненно более нуждающиеся в этом отношении, чем экзархат, в котором по местам наблюдается даже излишек приходов по сравнению с коренным русским населением.

Так, на Северном Кавказе, при количестве русского православного населения втрое больше, чем в Закавказье, насчитывается втрое меньше епископов и вдвое меньше приходов.

Приходы, кроме того, нужно было открывать в Сибири, в Западном крае, в Остзейском крае и в Финляндии, и сюда главным образом направлялись заботы правительства. Впрочем, как сейчас замечено, Закавказье все-таки и в этом отношении не было забыто.

Открытие новых приходов в Закавказье на казенные средства вызывалось исключительно присоединением к Православию абхазцев, айсоров и армян и отчасти естественным приростом русского населения и притоком его из внутренней России. Так, в 1882 году открыты приходы, обеспеченные казенными отпусками, в селах Адлер и Вуланском Черноморского округа, в г. Батум и в селе Игдырь Эриванской губернии; в 1885 г. увеличен состав причта в г. Батуме; в 1886 году открыт приход в г. Новобаязете, Эриванской губернии, ввиду присоединения армян к Православию, и в селе Урмии той же губернии, ввиду присоединения к Православию айсоров; в том же году учреждены приходы с казенным отпуском денег в г. Тифлисе

для присоединившихся айсоров и в г. Казахе Елисаветпольской губернии; в 1893 году открыты приходы в Сухумской епархии в селе Саберно и в деревне Береговой. Таким образом, всех открытых приходов насчитывается в Грузинском экзархате до 13, и все они обеспечены казенным отпуском. Приходов, как видим, открыто немного; в новых приходах в общем и не было нужды, зато существующие приходы экзархата были щедро наделены казенными средствами. Что касается русского населения на Северном Кавказе, то здесь открыто было до 100 новых приходов, но казенных отпусков им не было назначено. Причты и приходы существовали и существуют там на местные средства.

Вместе с открытием приходов шли заботы о благоустройении монастырей. В рассматриваемый период времени учреждены на Кавказе следующие монастыри: Драндский мужской в Абхазии (1883 г.), Михаило-Афонский в Кубанской области (1883 г.), Воскресенский Мамай-Маджарский в Ставропольской губернии (1884 г.), Мартвильский в Гурийско-Мингрельской епархии (1887 г.), женский Георгиевский в Терской области (1885 г.), Бодбийский женский монастырь в Сигнахском уезде Тифлисской губернии (1888—1889). Кроме того, Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю разрешено устроить особые подворья в Петрограде (в 1886 г.). Вновь учреждены женские общины: Теклатская Имеретинской епархии (1884 г.), возникшая вместо существовавших в этой епархии Цатисского и Теклатского мужских монастырей, упраздненных за неимением братии; Джихетская в Гурийско-Мингрельской епархии (1892—1893) и Покровская в городе Владикавказе (1894 г.). В 1887 году Шио-Мгвимская пустынь Тифлисской губернии отчислена от Тифлисского Спасо-Преображенского мужского монастыря со всеми принадлежащими ей угодьями и имуществом и возведена в самостоятельный монастырь.

Из монастырей Грузинского экзархата просветительской деятельностью для края выделилась Бодбийская женская обитель. В скором времени после ее основания там учреждена была небольшая элементарная школа, выросшая потом во второклассное женское училище. Это особый тип школы с шестилетним, а теперь — с семилетним курсом, причем последний год учащиеся практичес-

ки готовятся к должности учительниц. При школе пансион; в нем обучаются девочки, принадлежащие почти ко всем народностям Кавказа. Из школы вышло уже немало учительниц, которые с успехом трудятся на педагогическом поприще.

Для миссионерской деятельности на Кавказе представляется широкое поле, особенно если иметь в виду, что значительная часть горцев Кавказа издавна просвещена верой Христовой, но впоследствии охвачена была мусульманством. Абхазы, сванеты, осетины, южные лезгины, кистины, кабардинцы, чеченцы и другие племена, равно омусульманившиеся грузины в некоторых местностях Закавказья — вот поприще для миссионерской деятельности <...>.

На Кавказе и в Закавказье, как известно, проживают во множестве сектанты и раскольники. Особенно трудно бороться с сектантами в Закавказье, так как здесь они живут в глухих и недоступных местах, вдали от православного духовенства. Борьба с расколом и сектантством в рассматриваемый период выразилась присоединением 2000 раскольников в станице Червленной Терской области в 1894 году, открытием в городе Тифлисе публичных бесед с сектантами и устройением особых миссионерских церквей.

Все это послужило подготовительной деятельностью к открытию впоследствии в Грузинской епархии правильной противосектантской миссии с назначением двух специально противосектантских миссионеров с высшим богословским образованием.

Но несомненно, главными миссионерами везде и всегда должны быть местные священники. Духовенство Грузинского экзархата, в целях приготовления его к плодотворной миссионерской деятельности, вызывало серьезные заботы правительства. Прежде всего справедливость требует сказать, что духовенство это, при малочисленности населения в приходах, а также вследствие падения религиозности в народе, что обуславливает сокращение местных средств содержания причтов, находилось и находится в крайне тяжелом материальном положении. Естественно, что окончившие курс духовной семинарии с гораздо большей охотой устремлялись и устремляются на всякие другие поприща службы, только не в духовное ведомство. Ряды служителей Церкви пополнялись нередко лицами, совершенно неподготовленными научно к своему

высокому призванию, особенно на миссионерском поприще. Даже в Грузинской епархии, которая стоит по образованию духовенства гораздо выше других епархий экзархата, в 1894 году 2/3 духовенства состояло из лиц, не получивших надлежащего образования, а в Гурийско-Мингрельской епархии, например, только 1/20 часть священников состояла из лиц, получивших образование.

Ввиду таких условий особенное значение приобретают заботы о материальном обеспечении духовенства и о преобразовании учебно-воспитательной части в духовно-учебных заведениях, которые должны давать истинно церковное направление своим питомцам, развивая в них склонность к служению Церкви. То и другое, как известно, составляло предмет дум и особенных забот почившего государя. Кроме отпусков на новооткрытые приходы в Закавказье, о чем уже выше сказано, духовенству Черноморского округа отпущено было пособие за понесенные им во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. труды и убытки (в 1883 г.).

Затем в 1884–85 гг. отпущены постепенными отпусками крупные суммы на содержание духовенства Имеретинской и Гурийско-Мингрельской епархий, так что с 1 января 1887 года на этот предмет вместо прежних 55 000 руб. повелено было из государственного казначейства отпускать по 111 000 рублей в год. <...> Справедливость требует сказать, что о таких отпусках и в таком количестве совершенно не слыхано во внутренней России, где духовенство живет исключительно на местные средства.

В 1887 году состоялось общее по империи, весьма важное распоряжение о принятии пенсии священнослужителям и их семьям на счет общего пенсионного кредита <...>.

1893 год был особенно счастлив для духовенства в смысле его обеспечения. В этом году решено правительством окончательно обеспечивать все причты империи и приступлено к ежегодным отпускам крупных сумм в распоряжение Святейшего Синода на этот предмет <...>.

Что касается постановки учебно-воспитательной части в духовно-учебных заведениях, то в этом отношении заслуживают внимания следующие мероприятия: введение нового устава в духовных академиях и семинариях (1884 г.), увеличение числа кафедр при

академии, введение новых наук в семинариях, возвышение денежных отпусков на содержание духовно-учебных заведений, возвышение окладов служащих по духовно-учебному ведомству (1893–94 гг.) и пенсии их (1894 г.). Все эти общие для империи мероприятия коснулись и Кавказа. В частности, в Закавказье открыта была новая духовная семинария в Кутаиси (1894 г.), на Северном Кавказе преобразовано открытое в 1887 году Ардонское духовное училище в семинарию (в 1894 году); Мингрельское духовное училище перенесено было из м. Новогалеви в г. Новосенаки, Моздокское — во Владикавказ.

В организации учебной части в духовных училищах и семинариях Грузинского экзархата, по местным условиям, в 1883 году введены некоторые особенности: 1) сокращено число уроков по древним языкам; 2) введен в число обязательных предметов грузинский язык, причем указано было главным образом обращать внимание на изучение церковной письменности; 3) введено преподавание церковно-грузинского пения; 4) уроки, остающиеся свободными от сокращения занятий по древним языкам, предписано употреблять на усиление занятий по русскому языку. Греческий язык в 1888 году был исключен из предметов преподавания в духовных училищах экзархата, а число уроков русского языка вместо нормальных 19 возвышено до 26 в неделю во всех классах духовных училищ; из 8 уроков пения предписано половину употребить на славянское пение, другую половину — на грузинское. Особыми распоряжениями в 1894 году введены были некоторые особенности в постановке учебной части в Тифлисской и Кутаисской духовных семинариях; разновременными распоряжениями определен учебный план в Ардонском духовном училище и Ардонской духовной семинарии.

Но самой главной заботой императора Александра III в области церковной жизни было воссоздание церковно-приходской школы. В этом отношении заслуга его неизмерима. В его царствование осуществлена была мысль царя-освободителя, высказанная им настойчиво в 1878 году, о привлечении духовенства к делу школьного просвещения народа. Дело церковно-школьное двинулось быстро. Несомненно, на первых порах оно более преследовало количественную сторону дела, а не качественную, страдало многими

недостатками, чем и вызывало справедливые укоризны в печати и обществе. Но это — обычный спутник каждого нового дела. С течением времени церковно-школьное дело постепенно крепнет, оказывая для Церкви и общества неоценимую пользу.

Ход церковно-школьного дела в царствование почившего государя был таков. В январе 1882 года повелено было обер-прокурору Святейшего Синода, по соглашению с подлежащими ведомствами, дать движение вопросу об участии духовенства в деле народного образования; вопрос этот, повторяем, был настойчиво поставлен на обсуждение Государственного совета еще царем-освободителем. В ноябре того же года перечислены были из министерства народного просвещения в ведение Святейшего Синода суммы, назначенные на помощь церковным школам. Дело в том, что до 1882 года существовали по епархиям в ограниченном количестве церковные школы, подчиненные ведению министерства народного просвещения, которое для пособий этим школам имело особо отпускаемую из казны сумму — 80 000 руб. В 1882 году из этой суммы 55 000 руб. перечислены были в ведение Святейшего Синода, так как и самые церковно-приходские школы подчинены духовному ведомству.

13 июня 1884 года были утверждены «Правила о церковно-приходских школах», причем на докладе обер-прокурора Святейшего Синода государь император соизволил собственноручно начертать знаменательные исторические слова: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». В декабре 1884 года церковные школы сравнены в правах с министерскими относительно права получения леса из казенных дач. В январе 1885 года учрежден Училищный при Святейшем Синоде совет; в следующем году дана ему инструкция в заведовании церковными школами империи. В том же 1886 году утверждены правила для образцовых начальных школ при духовных семинариях, и воспитанникам семинарии вменено в обязанность в последние два года обучения, кроме теоретического изучения педагогики и дидактики, практически вести занятия в этих школах.

В 1887 году на церковные школы отпущено еще по 120 000 р. в год и высочайше повелено обсудить в Государственном совете

вопрос — не представится ли более удобным сосредоточить дело развития народного образования в одном каком-либо ведомстве.

В 1888 году утверждены правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов, в том же году преподаны указания о содействии земства церковно-приходским школам, определены права представителей земств, отпускающих пособия на церковные школы, и обязанности епархиальных училищных советов и уездных отделений по отношению к земствам.

В том же 1888 году состоялось определение Святейшего Синода о содействии монастырей материальными средствами устройству церковно-приходских школ. В этом же году изданы правила испытаний на звание учителей и учительниц церковно-приходских школ и предоставлено право ученикам школы грамоты держать экзамен для получения льготы по воинской повинности наравне с учениками одноклассных школ.

В 1889 году последовало высочайшее соизволение отпускать пособия на преподавание сельского хозяйства в церковных школах и даны указания относительно постановки этого предмета.

В 1890 году устроены и открыты для всеобщего пользования библиотека и школьно-статистический отдел в здании Училищного при Святейшем Синоде совета.

4 мая 1891 года утверждены правила для начальных школ грамоты, которые, где бы они ни были и кем бы ни открывались, переданы исключительно в ведение Святейшего Синода.

В том же году преподаны указания относительно числа учителей в церковных школах, и законоучителя из светских лиц освобождены были от отбывания воинской повинности; кроме того, разъяснено, что воспитанники учительских семинарий министерства народного просвещения, обязанные за казенное содержание прослужить в начальных школах положенное число лет, могут этот срок прослужить и в церковно-приходских школах.

В 1892 году определен порядок приобретения земли для церковно-приходских школ.

В 1894 году, в год смерти незабвенного царственного попечителя церковно-приходских школ, последовало высочайшее повеление об отпуске на церковные школы из государственного казначейства

350 000 руб. В состав епархиальных училищных советов назначены в этом году и представители от земства.

Всеми вышеуказанными распоряжениями дело церковно-школьное поставлено было на прочных началах. Число церковных школ в царствование императора Александра III с 4064 увеличилось до 31 835 (почти в 8 раз); число учащихся в них увеличилось с 105 317 до 981 076, т. е. почти в 10 раз. <...> Еще поразительнее цифры по церковно-школьной статистике на Кавказе и Закавказье. В 1881 году всех церковных школ на всем Кавказе, включая сюда и Северный Кавказ, было всего 29; в 1894 году этих школ уже было 882, из них 263 школы имели свои собственные помещения. Число школ, таким образом, увеличилось в 30 раз! <...> Приведенные цифры так красноречивы, так много говорят сами за себя, что избавляют нас от необходимости делать какие-либо выводы.

Вечная память государю императору Александру Александровичу в Церкви Божией — в Церкви Всероссийской! Вечная благодарная память!

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ

20 октября 1904 г., по случаю десятилетия
со дня кончины государя*

Священной памяти государя императора Александра III посвящаем мы настоящее чтение в этом собрании общества, носящего его имя и призванного к тому, чтобы хранить и утверждать его заветы. И само время, в которое мы живем, события и обстоятельства, которые теперь занимают наше внимание, — все это делает

* Публичное чтение в торжественном собрании Тифлисского отделения Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

для нас еще более близким и дорогим образ почившего царя, еще более трогательными и поучительными те начала, которые он начертал на знамени своего царствования и оправдал их в свое время пред целым миром, на благо и счастье России.

Тяжкая война, усиление крамолы, попытки замутить общественную жизнь, политические убийства последнего времени — вот что тревожит теперь лучших сынов России. И хочется, поминая почившего царя, повторить слова поэта, сказанные от имени нашего же общества в день, подобный настоящему, и в таком же точно собрании почитателей покойного государя:

Мы собрались средь шума и волненья
Воскресших смут, вражды и темных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший царь нас верными узрел¹⁰¹.

Но где же, спросят, верность заветам царя-миротворца во дни войны? Чтоб ответить на этот вопрос, надо помнить, что мир, к которому стремился покойный государь, не был миром во что бы то ни стало. Такой мир есть душевная слабость и отказ от существования народа и государства. При возрождении Черноморского флота покойный государь сказал знаменательные в этом отношении слова: «Воля и мысли мои направлены к мирному развитию народного благоденствия, но обстоятельства могут затруднить исполнение моих желаний и вынудить меня на вооруженную защиту государственного достоинства». И вот теперь нашему времени пришлось исполнить то, чего ожидал с тревогой покойный государь. Мир нарушен не Россией: миролюбие ныне царствующего государя известно было всему свету; не дальше как несколько месяцев тому назад, в день Нового года, в Порт-Артуре, приковавшем теперь к себе взоры всего света подвигами брани, была прочитана русским войскам телеграмма государя, призывавшего на Россию благословение мира, ввиду уже громкого и нескрываемого бряцания оружием со стороны нашего коварного соседа. Слишком заметно было для врагов наших, что каждый год мира необыкновенно усиливает Россию, которая все более и более становится мировой державой; слишком ясно было, что путь царя-миротворца есть путь возвеличения России,

для многих нежелательного. И вот нашему времени суждено жертвами крови, страданий и тягчайшей брани искупить мир и открыть для России по-прежнему тот именно путь жизни, который завещан покойным царем. Таким образом, в этой вынужденной брани нет измены покойному царю; мы и воюем для того, чтобы получить мир, но мир полный, цельный, достойный, мир творческий, оживотворяющий, а не убивающий жизнь великого государства.

Но как война должна нас возвратить к завещанному покойным царем миру, так равно и отродившиеся смуты общественные должны вызвать животворную работу всех государственных и общественных сил и направить ее к укреплению положительных начал жизни нашего народа, как они указаны историей и оправданы покойным государем.

Незабвенный государь император Александр III тем и заслужил в русском народе глубокую любовь и почитание, тем и вызвал редкую истинно всенародную скорбь на своей могиле, тем и дорог и мил сердцу народному, что он явился верным выразителем и носителем заветных русских начал, дум и стремлений, выработанных веками истории; это был царь, с необыкновенной полнотой осуществивший и в своей личности, и в своей деятельности русский идеал православного, народного, самодержавного царя-батюшки.

Самодержавие, народность и Православие — это священное триединство нашего государственного бытия. Пусть в известных кругах слова эти вызывают иронические улыбки и неопределенные пожимания плечами: для людей, оторванных от действительности, от народа и родимой русской почвы, воспитанных в чуждых идеалах, а, главное — в атмосфере бесконечных умствований и теорий, когда нечего сказать серьезного против этого триединства, то, конечно, остается только отвечать ничего не говорящими улыбками и неопределенными жестами; но пока будут существовать моря и земли, горы и низменности, различия стран света и климатических условий и, наконец, в связи с географическими условиями, различие в исторических судьбах народов, в их расовых особенностях и природном духовном складе, дотоле и каждый народ будет вырабатывать свое собственное государственное устройство, дотоле неосуществим будет космополитический идеал, вредны будут

пересадки с чужой почвы чужого государственного строя: истории не повернешь, не уничтожишь, народного духа и склада не переделаешь. В произведении князя Д. П. Голицына-Муравлина¹⁰² «Сон улады» есть в этом отношении чудное наставление каждому «русскому европейцу»:

Ты нас учи успехам зарубежным,
Чужого ж строя к нам не приноси
Хулителем бессмысленно мятежным
Того, что Бог посеял на Руси.
Себя в обычай мертвый не зароем,
Но продавать не станем старины...
Русь создалась своим домашним строем,
Им дорожить, что кладом, мы должны.

Самодержавие, народность и Православие — эти три начала русской исторической жизни, слиянием которых, как сложением трех основных цветов спектра, образуется светлое, чистое сияние царской власти, сияющей народу, нашли себе воплощение в истинно русском царе-отце, царе-батюшке Александре III.

Не станем осуждать формы государственного устройства за пределами России: эти формы, конечно, сами по себе, с религиозно-нравственной точки зрения, безразличны; они создаются историей и географией народов, и спрашивать — какая из них лучше, пожалуй, похоже на вопрос: какая одежда лучше — зимняя или летняя?.. Ответ один: каждая хороша в свое время и на своем месте. Однако нелишне сказать, что для многих привлекательный и возводимый чуть ли не в первый признак культуры так называемый правовой порядок, даже естественно и исторически выросший в Европе на почве феодализма и рыцарства — явлений неизвестных для русской истории, не составляет панацеи от всех зол. Этому примеры и подтверждения мы найдем и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Австрии; в последней, например, парламент не спасает галичан и славян австрийских от таких угнетений и бесправия, пред которыми бледнеют ужасы былых турецких зверств. Франция пережила Панаму, в Австрии и Италии в заседаниях парламента нашли себе место сцены столь дикие и возмутительные, что пред ними покраснел бы и действительный дикарь; здесь же

тратились и тратятся официально и открыто миллионы гульденов на подкуп народных избирателей, чтобы набрать правительственную партию; государственная жизнь нередко потрясается борьбой партий, неразборчивой на средства, продажа государственных тайн то и дело поднимает бурю негодования. Это в странах, где правовой порядок вырос исторически из прошлого, так сказать, из недр народного духа. Искусственно же привитый и насильно навязанный парламентаризм в Греции, Болгарии и Сербии сделал эти государства ареной борьбы самых низменных инстинктов, мелочных интересов и партий и, так сказать, обесплодил их государственную жизнь. Говорят, что только в Англии парламент, выросший естественно, хотя и не без кровавой борьбы, продиктованный и испытанный историей, существующий, однако, не для огромных колоний, а только для коренной Англии, дал порядок государственной жизни. Впрочем, и здесь он не спас Ирландию от бесправия и угнетения и не удержал нацию от разбойнической войны с бурами. Тот знаменательный факт, что Англия за последние 50 лет вела 36 военных экспедиций и прославилась самыми бесцеремонными и несправедливыми захватами во всем мире, ясно говорит, сделал ли правовой порядок англичан нацией справедливой и дал ли ей существование истинно достойное.

Для России история указала самодержавие как русский образ правления. Народ инстинктивно тянулся к нему, отбиваясь от княжеских споров, от семибоярщины и от всяких попыток ограничить царскую власть. В стране обширной и малонаселенной, с холодным климатом, при отсутствии путей сообщения одной части страны с другой, с незаконченными естественными границами; в стране, окруженной множеством инородцев, живущих не в заморских колониях, а в непосредственном соседстве или даже внутри государственной территории, могло ли быть иначе? И понятно, что даже после ужасов Иоанна Грозного народ, оправившись от Смутного времени, избирая царем совсем юного Романова, все-таки пожелал передать ему власть самодержавную, отказавшись от навязываемой мысли чем-нибудь ее ограничить, как того желали бояре, соблазняясь примером Польши. И в самую тяжкую годину нашей истории, в середине XVIII столетия, когда народ как бы не сущест-

вовал, когда, по библейскому выражению, на хребте его творили суд и орали разные проходимцы Европы¹⁰³, презирая все наше родное и русское, — чувство преданности самодержавию не позволило ограничить императрицу Анну Иоанновну¹⁰⁴, как того желали вельможи, увлекаясь примером Западной Европы. Так инстинктивно тянулась Русь к самодержавию, как к спасительной силе.

Государь император Александр III своей личностью и деятельностью сделал неизмеримо больше для идеи самодержавия: он ее осмыслил, он привел нас к тому, что мы стали сознательно ценить самодержавие. В лице и царственной деятельности Александра III, как выразился кто-то, «самодержавие опознало себя».

Время, в которое пришлось покойному государю взойти на престол, вновь предъявило самодержавию требование исчезнуть из русского государственного уклада; попытки подобного рода, не замолкнувшие и доныне, были несравненно сильнее и опаснее, чем аристократические вождения бояр и вельмож времени Михаила Феодоровича¹⁰⁵ или Анны Иоанновны: здесь пущено было в ход муссированное «общественное мнение» и «общественное движение», здесь воздействовала на умы легальная и особенно нелегальная литература. В довершение всего наверху, у самого царского трона, в конце 1870-х гг. собралась группа царских советников, расположенных в пользу конституции, а знаменитая «диктатура сердца» для вящего воздействия в этом же смысле не побрезгала воспользоваться неоднократным покушением на жизнь государя и преступно допустила злодеяние 1 марта, которое, как оказалось, даже и не усиленными мерами предосторожности можно было бы предотвратить. О совокупности действий в этом же направлении со стороны земства, городов и проч. слишком долго было бы говорить; картина очень вразумительная и яркая получается при чтении брошюры, написанной лицом, слишком близко знающим трактуемый вопрос, к которой мы и отсылаем интересующихся. Разумею брошюру Л. Тихомирова¹⁰⁶ «Наши конституционалисты в эпоху 1881 года».

Во всем этом «народном деле» — так всегда называли его наши сторонники введения в России правового порядка и ограничения самодержавия — безмолвствовал всегда именно только народ, во имя которого и велась борьба против идеи самодержавия,

и несомненно, безусловно несомненно, что если бы цель эта в 1881 г. была достигнута, то народ наш долго-долго пребывал бы в недоумении при этом крушении всех его понятий о царе, и пришлось бы его, как в оные дни в Болгарии, палками полицейских и страхом штрафов «принуждать к поданию избирательных записок». Но народ был только ширмой для наших фанатизированных теоретиков правового порядка, и голоса его никто не спрашивал. Однако государю императору Александру II под гром выстрелов и бомб, направленных в него, под постоянным страхом покушений, естественно, мог, в конце концов, показаться убедительным голос его ближайших советников; естественно, могло показаться, что этот голос совпадает с общенародным желанием. И вот, как говорят, он склонен был в конце жизни приступить к подготовке дела введения и в России чего-то вроде парламентаризма, написана была будто бы какая-то бумага в этом смысле, приготовлен проект, осуществление цели было уже близко. В это время и разразилось 1 марта 1881 года. Так рисует положение дел г. Тихомиров в вышеупомянутой своей брошюре.

В такое-то смутное время всеобщего шатания умов и дикой крамолы государю императору Александру III суждено было Провидением вступить на всероссийский престол, утвердить, оправдать и возвысить самодержавие. Задача была тяжелая. Ввиду вышеизложенных фактов, к тому или другому разрешению вопроса нужно было приступить сразу, немедленно. Нелегко было прийти в себя после ужаса 1 марта, но император Александр III обладал поистине великой душой: во имя высшего царского долга он сумел подавить в себе личные чувства скорби. Еще тело убитого царя-мученика не было предано погребению — уже во дворце был собран чрезвычайный совет, в состав его вошли министры, были призваны и представители печати, и заслуженные государственные деятели. Это было 8 марта 1881 года. Государь попросил всех высказаться совершенно откровенно. Говорили «за» и «против». Государь, как всегда, молчаливый и непроницаемый, все внимательно слушал, все принял к сведению. Собрание разошлось, никто не мог предугадать решения. Государь долго и горячо после этого молился в своей дворцовой церкви. Ночь прошла в тяжких думах. Утром он отдал приказ написать манифест

о том, что, по праву и примеру царственных предков, он самодержавно будет править Богом вверенным ему царством. Прежние советники после этого один за другим стали уходить, государь их щедро награждал, но не удерживал. Но тот, кому поручено было написать манифест, и не уходил, и медлил исполнить царскую волю. Государь терпеливо ожидал, прошло полтора месяца. В один вечер призвано было другое лицо — испытанный царский слуга, убежденный защитник монархии и самодержавия. Ему было поручено составить манифест, и на другой же день, 29 апреля 1881 года, манифест неожиданно напечатан был во всеобщее сведение. Государь возвестил народу своему: «Глас Божий повелевает нам бодро стать на дело правления с верою в силу и истину самодержавной власти и охранять ее для блага народного от всяких на нее поползновений».

Для всех истинно народных классов — для крестьян, духовенства, купечества, поместного дворянства — это было воистину отрадным благовестом. Государственная власть оказывалась твердой, жизнь государства не подверглась никакой ломке, правительство не пошло на уступки крикливой кучке лиц, не имевших никакой связи с истинно народной почвой, не могших и придумать для себя иного имени, как «интеллигенты». Чувство спокойствия и уверенности во всех классах общества — вот что дало это царское слово. Началась напряженная работа государя, не видная, не кричащая, не показная, но воистину геройская, и чувствовалось всем на государственном корабле, что кормчему нашему можно всецело довериться: он молчалив, но бодрствует, во все вникает, все предусмотрит, твердой и умелой рукой он проведет свой корабль среди волн и подводных скрытых скал и мелей. Коротко было его царствование, но как все привыкли к этому чувству доверия к нему и полного спокойствия за Россию, так привыкли, что когда он умер, с трудом верилось в самую возможность смерти этого богатыря, и чувство сиротливости, растерянности и беспомощности было общим чувством всех сынов России.

Задачу укрепления самодержавия, поставленную ему в истории Провидением, государь Александр III осуществил как нельзя лучше. Он оправдал его прежде всего делами рук своих. Трудно перечислить в краткой речи все деяния царя-самодержца на благо России. Внутреннее умиротворение России; упорядочение государственного

кредита, несмотря на голод, холеру и экономическую борьбу с Германией; создание фабричной инспекции, облегчение и рассрочка государственных платежей; пересмотр закона о переселениях; увеличение окладов содержания по всем ведомствам, кроме дворцового, где, напротив, были сделаны крупные сокращения; отмена подушной подати; положение о крестьянских наделах; развитие сельского медицинского и ветеринарного дела; изменения в железнодорожном тарифе; заботы о дворянском и крестьянском землевладении; устройство армии, увеличенной без шума ровно вдвое; перевооружение ее; постройка и перестройка 9 крепостей перво-классного значения (Карс, Ковно, Осовец, Зегрж, Варшава, Ровно, Дубно, Иван-город, Ново-Георгиевск); усиление Балтийского флота; возрождение Черноморского; присоединение Мерва, Серокса, Памира; вассальное подчинение Бухары; создание могучего франко-русского союза; постройка дорог такой чрезвычайной важности, как Сибирская, ныне сослужившая России такую великую службу, и Ташкентская, которая еще ее сослужит; упорядочение наших европейских окраин; заботы о просвещении народа — преобразование Дерптского университета, открытие Томского, восстановление церковно-приходской школы, давшее России ни много ни мало, как 45 000 новых училищ... Вот главные и видные деяния государя, так сказать, подвернувшиеся под перо. И все это за 13 лет царствования. Сколько бы потребовалось бесконечных разглагольствований при парламентарном режиме, сколько энергии и времени ушло бы на неизбежную борьбу партий, на интриги и суету, особенно в нашем Отечестве, растянувшемся на десятки тысяч верст, при нашем народном складе, всего менее способном к какому бы то ни было виду конституции. Покойный государь воочию показал, как тихо, спокойно и быстро им упорядочена государственная жизнь. Не надо забывать, что в год восшествия его на престол Россия стояла накануне финансового краха, имела слабую армию, была раздражаема внутренней крамолой; все это делало ее добычей первого неприятеля и до того унизило ее в глазах иностранцев, что не только сильные соседи, но даже миниатюрная Болгария, забыв благоразумие, благодарность и порядочность и отложив всякий страх, наносила дерзости России. А в год смерти императора Алек-

сандра III Россия заняла почетнейшее положение в мире, и к голо-су ее прислушивался весь свет.

Но не одними делами рук своих оправдал государь самодержавие. Непреложен нравственный закон, выраженный словами библейского мудреца: *Правдою утверждается престол*¹⁰⁷.

Самый заклятый враг не найдет пятен в светлом нравственном образе покойного царя. Чувство глубокого нравственного удовлетворения и справедливой гордости за Россию охватывает нас при мысли, что был такой человек на земле, и человек этот — русский царь. Пройдет время, и будут спрашивать: образ его не есть ли идеализация, не есть ли прикраса действительности? Что это случится, видно из повышенно восторженных отзывов о нем со стороны иностранцев, для которых образ этого русского праведника, естественно, представляется новым и чем-то необычайным. Приведем некоторые из этих отзывов именно иностранцев для беспристрастной характеристики покойного государя. «Когда царь был еще жив, — говорил в 1894 году Дюпюи¹⁰⁸, — вся Европа занималась оценкой его деятельности и как человека, и как государя, и не нашлось ничего, что не делало бы чести его прямоте, здравомыслию, честности и высоте духа». Солсбери¹⁰⁹ и Розбери¹¹⁰, государственные люди Англии, в слух всего мира высказались по поводу смерти Государя: «Все было колоссально в жизни этого человека», «в Европе уже нет таких людей: они невозможны».

Большинству из здесь присутствующих выпало на долю счастье жить сознательной жизнью во дни благословенного царствования нашего государя-праведника, знать и видеть, что все сказанное о нем было самой настоящей, а не прикрашенной действительностью.

Приведем другие отзывы о нем иностранцев: «Ни одной мрачной тени в венце его», — говорит один. Другой дополняет: «Не любить его невозможно: он дорог для всякой человеческой души, любящей добро»*. А между тем — стыдно сказать — долго он шел

* Отзывы иностранцев о покойном государе и некоторые мысли и выражения заимствованы автором из слова прот. П. Я. Светлова в 40-й день по кончине государя, напечатано в «Душеполезном чтении» за 1894 год.

одинок тернистым путем самоотверженного труда, молчаливого подвига, мало кем понятый и оцененный. В молчании шел один он с мыслью великой, и достиг того, что силой обаяния своей нравственной личности он и с этой стороны оправдал русское самодержавие не теоретическими рассуждениями, а в живом и наглядном образе, показав миру, как высок русский идеал царя-самодержца, ограниченного Божиим нравственным законом лучше всех писанных условий, отвечающего пред Богом за свой народ, подвижника на престоле, правителя истинно народного, пред величием которого равны самый последний крестьянин и самый первый вельможа в царстве. Да, самодержавие выросло и окрепло и мыслимо только в сфере религиозно-нравственной, и мы смело скажем, что оно есть образ правления истинно и единственно демократический. Покойный государь и показал, как далеко отстоит самодержавие, как сила религиозно-нравственная, от деспотии или абсолютизма, с которыми обычно его смешивают намеренно или ненамеренно в России и за границей. Рядом с нашим кротким и молчаливым царем-самодержцем, которого никто не видел гневным или властительным, который удалялся от всех проявлений внешнего великолепия и величия, перед глазами мира стояли и конституционные государи, из которых один все потрясал мечом и писал крикливо: *Summa lex — regis voluntas**, а другие, как князья и короли Балканских новых государств, которым навязали сомнительные блага правого порядка, невзирая на него, расхищали народное достояние и привели свои царства к полному истощению и беспорядку... и было ясно видно, где правда и преимущество. Так государь император Александр III, повторяем, оправдал самодержавие и упрочил непоколебимо древний царский престол в самом сердце подданных, в твердых души русского народа.

Чем же руководствовался государь, избирая этот путь и образ царствования? Трудно допустить, что здесь действовал только проницательный и глубокий ум государя, чуждый увлечений и мечтательности, трезвый и спокойный. Государю близка была и понятна самая душа народная с ее заветными думами, чаяниями, идеалами,

* Воля монарха — высший закон (*лат.*).

и мы не ошибемся, если скажем, что именно чувство народности служило ему верным путеводителем царствования.

Народная идея, национальное самосознание, национально-государственная работа... О, как истосковалось по ним наше сердце, как ждем мы расцвета этой зари нашей жизни, сколько обид нами пережито в нашем национальном чувстве! Ах, взойди, взойди, разгорись ярким полымем, развернись, наше русское национальное чувство! Долго мы ждали светлого дня, когда к тебе обратится царское слово, когда прекратится сплошное заимствование с Запада, да торжество иностранцев, да льготы им и привилегии не за ум и достоинства, а как премия за иностранное происхождение. Ведь до того дошло, что в образованных классах национализм стал пугалом, патриотизм — дурной кличкой. Ведь до того дошло, что даже доселе нам приходится читать статьи (как «Мысли кстати»), защищающие патриотизм и национальное самосознание, убеждающие русское общество в том, что оно должно быть русским. Ведь до того доходило, что казалось — не объявляла ли распродажа России разным иностранным и инородническим аппетитам, покушавшимся прежде всего на духовную ценность нашего народа, а затем в не меньшей степени и на власть над ним, и на его достояние.

И вот при императоре Александре III дано сладкое утешение русским сердцам. Сам государь, по счастью, имел смолоду таких наставников, которые открыли пред ним несказанную красоту русского духа. И он любил все русское: изучал нашу историю, увлекался русской музыкой, зодчеством, русской стариной. На престоле он был цельным живым воплощением типа русского царя, будучи русским человеком и по качествам своей души — таким, как великодушные, прямота, незлобивость, и по своим симпатиям и образу жизни и даже по своей наружности. Но главное всего — он был русским в своих деяниях и мероприятиях, всегда и во всем согласных с основными воззрениями и историческими преданиями народа, его заветными стремлениями и чаяниями и коренными жизненными интересами. Выше мы перечислили главнейшие из его деяний; общей их основой было стремление царя к тому, чтобы Россия была «для русских». В этом отношении особенно легко вздохнулось на

окраинах, где разумные и дальновидные инородцы должны понимать, что в их собственные интересы входит укрепление и упрочение русской власти и русского влияния, и где для самих же инородцев прежде всего опасен и пагубен, к сожалению, столь часто исповедуемый девиз: «как можно больше русских денег и как можно меньше русских людей, русского влияния и русских интересов». И вот на окраинах стал постепенно вводиться русский язык, стали устроиться православные храмы, русские интересы стали входить в силу и значение в Финляндии и в западных губерниях; онемеченный издревле природный наш край Прибалтийский стал преобразаться; отжившие свое время преимущества прибалтийцев были отменены; учреждены и основаны русские театры, русские газеты; увеличившееся иностранное землевладение на юге России ограничено. К сожалению, в кратковременное царствование государь не успел пересмотреть жизнь Кавказа в этом отношении, но и здесь многое все-таки сделано в смысле усиления русского влияния в области школьной, литературной, в церковном и административном управлении краем.

Сильно подвинул государь, и опять в том же духе русских интересов, нашу отечественную издельную промышленность. Не так давно Россия отправляла от себя одно сырье, которое после переделки в Европе возвращалось к нам же за удесятеренную плату. Кроме того, массу продуктов мы покупали за границей, тогда как у нас же дома все эти предметы находились в земле в неисчерпаемых залежах: нефть, каменный уголь, железо, минералы и проч. Не было предпринимателей для разработки наших почвенных богатств, не было внутренних покровительственных распоряжений для поощрения и помощи им, недоставало фабрик, заводов, русских техников, механиков, машинистов.

В минувшее царствование появились профессиональные институты и школы для мастеров, инженеров; правительственные субсидии помогли организации обществ русских капиталистов для обработки наших внутренних богатств; явились новые фабрики и заводы во множестве; поощрена русская промышленность ограничением ввоза заграничных изделий в Россию. Довольно сказать, что железные дороги стали получать паровозы и вагоны русского

производства; поезда двигаются по рельсам, сделанным в России; на наших верфях построено большинство наших судов.

О росте нашей промышленности можно судить по тому, что в год восшествия государя на престол наша заводская фабричная и горная промышленность давала России годовую сумму в 1220 миллионов рублей, а в 1894 году эта цифра достигала 2000 миллионов, по приблизительному расчету; исключив отсюда стоимость сырых продуктов, мы получаем до 500 миллионов лишних только за обработку нашего же добра. Прежде эти деньги шли за границу, теперь они остаются в России.

Но не в деньгах главное. Главное в том, что всеми почувствовалась забота государя и правительства о русских, и именно русских, интересах. Государственное единство и главенство русского народа в составе Российской империи и областей ее было поставлено ясно, твердо и неуклонно. И по справедливости: русский коренной край должен дать и войско для защиты окраин, и деньги для их содержания, а это содержание окраин пожирает чуть не половину всего нашего бюджета, но и этого мало: он же должен дать и людей — работников, воспитать министров, полководцев... Русский душой, государь ответил биению и запросам русского сердца, хорошо понял русскую душу и вышел навстречу глубокому народному повороту в общественном настроении и самосознании, которого уже не подавит ничто, и который, не умаляясь, но назревая тайно в силе, наблюдается доселе и рвется наружу.

В России, по особенностям исторической жизни народа и его духовному складу, никакая деятельность не будет истинно-народной, совпадающей с идеей национальной, если она не будет глубоко затрагивать религиозных чувств народа и не будет совпадать с идеей Православия. Да и не в одной это России: в явлениях истории — крупных, решающих, знаменующих поворотные пункты жизни народной и соприкасающихся с его мировоззрением, религия всегда выступает как сила первенствующая. Это признает даже такой вольномыслящий историк, как Гиббон¹¹¹; у нас же с этим совершенно согласны все крупные историки, независимо от времени, в какое они жили: Карамзин, Погодин, Соловьев, Бестужев-Рюмин, Ключевский¹¹².

Для нас важны именно эти имена истинно научных деятелей, а не публицисты-историки вроде Милюкова¹¹³, который в вопросах церковных в своей «Истории русской культуры» пробавляется учебниками и для которого история — только материал для предвзятых и заранее поставленных либеральных выводов. Впрочем, довольно сказать о значении католичества для романских народов, о лютеранстве для германских и англиканстве для Англии; довольно только представить себе в истории Турцию без мусульманства, чтобы понять, какой цены и значения фактор истории мы имеем в религии именно народной, и в какой степени она сливается со всей совокупностью жизненных явлений в данном народе и их собой определяет.

Повторяем, в силу особых исторических условий в русском народе указанное явление по преимуществу заметно и действенно. Православие — главная святыня русского народа, по самой природе особенно религиозного; религия — душа его души, сущность нашей народности, и нельзя быть русским, не будучи православным. До Петра Великого русская государственная и церковная история неотделимы; митрополиты Петр и Алексий, патриархи Иов, Ермоген и Филарет разве могут быть пропущены в истории государства Российского? Князья Владимир Великий, Александр Невский, Владимир Мономах, Иван Калита, цари Феодор Иоаннович и Алексей Михайлович разве могут быть опущены в истории церковной? Но и с Петра Великого не мог же указом Сената или распоряжением полиции измениться дух народный и народное мировоззрение. Жизнь церковная и государственная крепко связаны в России и поныне; Православие и до днесь есть зиждительная сила нашего народа и государства. Этого не мог отрицать даже XVIII век нашей истории, век глумления над всем народным и торжества иностранных проходимцев. Уж в одном торжестве коронования царей, сохранявшемся неизменно, мы видим, что власть государственная ясно понимала значение народа и Православия. И могло ли быть иначе? Ведь только слепой не видит, что Русское государство родилось и развилось в недрах Православия, Православной Церкви, в ней черпает свою силу, жизнь, мудрость, и разъединение с ней было бы смертью народа и государства, разделением одного живо-

го тела на две части... В Православии — его прошлое, настоящее и будущее. Никто не сознает этой истины лучше иностранцев, и особенно — лучше наших врагов; им видна наша сила и значение нашей Церкви и Православия.

Почивший государь и как личность, и как правитель вполне ответил народному идеалу царя в этом отношении. Его глубочайшая религиозность не подлежит никакому сомнению. Он это засвидетельствовал и жизнью, и своей высокохристианской, дивной и редкой кончиной. Такой смертью у нас на Руси умирают только крепко-русские православные крестьяне: покойно, помолившись, простившись со всеми, покончив дела, отдавшись молитве, доверившись Святой Церкви. Не будем повторять об этих трогательных минутах: они всем известны. Но заметим по этому поводу одно: для искренно верующей православной души Церковь является больше, чем союзницей государства, служебной силой или средством для него. Такой оскорбительно-безнравственный взгляд, свойственный идеалам полицейского государства Западной Европы, вторгшимся и к нам во дни Петра Великого, никогда не может привиться к русскому народу: для него религия — сущность жизни, путь правды и спасение, Церковь — душа русской народной жизни, воплощенная совесть народа и государства. Жизнь личная и христианская кончина государя воочию показали, что таково именно и было его отношение к Православной Церкви; все прочее в его деятельности, его заботы о Церкви, о храмах, о духовенстве, о религиозном просвещении и т. д. — все это уж, естественно, истекало из основных воззрений государя, вырастало, как растение из семени.

Мы не будем говорить подробно о жизни Церкви Русской в царствование покойного государя: здесь нужно особое исследование, к тому же об этом предмете, по крайней мере по отношению к Кавказу, нами два года назад в таком же собрании было предложено небольшое чтение. Теперь же упомянем только о главном. Почивший государь засвидетельствовал свою глубокую религиозность, высокую государственную мудрость и любовь к русскому народу признанием души его, уважением к Церкви, трогательным доверием и вниманием к духовенству, заботами о народном образовании в духе и началах национальных, т. е. в духе Православия. Его будут

поминать в храмах, многочисленных храмах, им и при нем устроенных, — а их устроено в его царствование до 4000! Ему будут вечно благодарны десятки тысяч нашего духовенства, этого истинно национального сословия, великого в смиренной доле своего многовекового самоотверженного и истинно геройского служения Родине, с которой оно в многострадальной истории делило радость и горе, а больше — горе. Оно было искони бедно: государь положил прочное начало его материального обеспечения; оно под какими-то темными влияниями было удалено от народной жизни, от своего исконного прямого дела — просвещения народа; оно, это самое русское из всех сословий России, царелюбивое и верноподданнейшее, было в каком-то подозрении и отчуждении, под влиянием созданного русскими иностранцами ложного пугала клерикализма, невиданного и невозможного в России. Государь привлек его к деятельному и прямому участию в жизни народа, облек его высоким доверием, возвратил его к школе и народному просвещению. Государь вспомнил и скромное служение тружеников богословской науки и пришел к ним на помощь обеспечением их материального положения.

Ни в одно царствование со времени первых царей Романовых Русская Церковь не испытывала такого оживления и напряженной работы всех своих сил, как в благословенные дни благословенного царствования покойного государя. Русский народ навсегда сохранит в своем благодарном сердце трогательную память об этом авторитетном, полном и широком признании основной его святыни, главной исторической твердыни его бытия.

Глубокая благодарность царственному сыну и преемнику царя-праведника за твердое решение вести Россию по «лучезарному и светлому пути», указанному его родителем, и следовать во всем его примеру. Все эти десять лет он доказывал верность своему слову. Глубокая благодарность ему за то, что он принял все меры, чтоб особенно отметить и закрепить в памяти великое царствование своего родителя, учредив немедленно же после его смерти даже особую медаль в его честь. С гордостью смотрим на эту медаль мы, которым пришлось пережить царствование покойного государя и так или иначе быть свидетелями и участниками того глубокого духовного поворота, которым оно ознаменовано.

И благоговей, и поучаясь, мы даем себе обеты быть верными заветным началам самодержавия, русской национальной и православно-церковной идеи.

ЖЕРТВЫ И ГЕРОИ ДОЛГА

Слово при закладке храма в г. Москве в память убиенного великого князя Сергея Александровича и всех павших при исполнении долга от руки злодеев-революционеров, 29 апреля 1907 г.¹¹⁴

Это Божественное слово нашего Спасителя сказано Им пред крещением Иоанну Предтече в ответ на недоумение Крестителя: *Мне подобает у Тебя креститься, и Ты ли грядеши ко мне?* в ответ на готовый отказ Предтечи крестить Того, пред Кем он считал себя недостойным развязать ремень обуви Его¹¹⁵. *Подобает нам исполнить всякую правду.* Это значит: исполни твой долг, как это нужно — в этом высшая правда, и пусть пред долгом и вышею волей умолкнет и склонится всякое сомнение, всякое колебание.

Жизнь людей и руководящие их поведением взгляды всегда вращались около трех основных положений: приятное, полезное, должное; иначе говоря, люди делают то или другое либо потому, что это доставляет им удовольствие, либо потому, что обещает и приносит им желанную пользу, либо, наконец, потому, что этого требует от них долг. На таких основах, или, как говорят, нравственно-практических принципах, строится личная жизнь; на них же строится общественная и государственная.

Нет особой нужды показывать и доказывать, к чему приводит последование первым двум началам. В глубине их лежит чистый и откровенный эгоизм, а это такой смертоносный яд для всякого начинания, который грозит гибелью всему, к чему он прикоснется. Можно на почве эгоизма возбудить массы, временно сплотить их и убедить приманкой достижения цели, обещанием удовольствий и выгод.

Но утверждая и оправдывая, таким образом, эгоизм для одних людей, мы по тому самому не смеем говорить против его прав в других, а это порождает борьбу и злобу сначала одной организованной и сплоченной борющейся стороны против другой, а затем и внутри самих борющихся сторон. Такой исход неизбежен еще и потому, что приятное и полезное, удовольствие и выгода — начала слишком неясные, неопределенные и изменчивые; в них нет единства и устойчивости, постоянства содержания и внутренней обязательности. Все, построенное на таких началах в жизни личной и общественной, неизбежно обречено на внутреннее разложение и конечную гибель, все это развращает и растлевает жизнь человеческую. Горе людям, обществам и учреждениям, ставшим на такой путь! Горе эпохам, в которые возобладают подобные принципы жизни! Лучше бы им и не являться в мир.

В саду Эдемском, в роковом грехопадении первого Адама¹¹⁶, в первом и столь гибельном появлении зла мы видим именно такое торжество начал приятного и эгоистически полезного над сознанием и велениями долга; по указанию и учению слова Божия, здесь источник всех несчастий человечества. Второй Адам, Господь с небес, чтобы искупить людей и открыть им путь спасения, столь дерзко и решительно отринутый грехом первого человека, на Себе показал, в вечный пример людям, совершенно противоположный и единственно правильный закон нравственной жизни.

Величественно изображает Его пророческое слово: Он оставляет небо и нисходит в унижении на землю во имя добровольно воспринятого на Себя *долга* спасения людей. *Тогда рех: во главизне книжней писано есть о Мне, еже сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39, 8–9; Евр. 10, 7). Ясно и твердо говорит Он в начале Своего служения людям о Своем долге в ответ на недоумение Крестителя: *Подобает бо нам исполнити всяку правду*. Властно и решительно Он отгоняет в пустыне искушителя-сатану, который звал Его пойти в мир на дело служения, вопреки долгу, не путем унижения и страданий, а путем славы и властительства (см.: Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 1–13). Открыто Он заявляет ученикам Своим, что Он пришел творить волю не Свою, а волю Пославшего Его Отца (см.: Ин. 6, 38). В ужасающих нравственных муках в Гефсимании Он остается верным той чаше,

которую дал Ему пить Отец. Его волю исповедует, пред нею склоняется, во имя ее восходит на Крест и Божественным: *Совершишася!* (Ин. 19, 30) заключает Свой величайший и единственный в истории мира подвиг долга (см.: Мф. 26, 36–42; Лк. 22, 39–44). Что Он обещает и заповедует ученикам и последователям? Указует Он и заповедует долг, долг прежде всего, превыше всего: *Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10).

Христианство как религия жизни и свободы не воспрещает ни приятного, ни полезного, но именно ради истинной жизни и истинной свободы христианина оно повелевает ему ни пред чем не склоняться, ничему не служить до рабства, до забвения и нарушения долга. «Все мне позволительно, — говорит апостол, — но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает; все мне позволено, но пусть мною ничто не обладает» (см.: 1 Кор. 6, 12; 10, 23). Высшая же степень нравственного совершенства в том состоит, чтобы в долге и в его исполнении для христианина заключалось все и высочайше приятное, и высочайше полезное: «Благ мне закон Твой, — восклицает он словами псалма, — благ мне закон Твой, возжеленнее тысяч злата и серебра, слаще меда и сота; раб Твой возлюбил его» (см.: Пс. 118: 72, 103, 140).

Творим ныне молитвенную память и чествуем благоговейною любовью тех многих убитых, растерзанных, погубленных, которые пострадали даже до крови и смерти во имя долга, вспоминаем с молитвою о тех верных рабах, которые закон, Господом данный, и долг, Им возложенный, возлюбили паче серебра и злата, паче меда и сота. В годину помутившейся общественной совести, в годину сатанинского издевательства над долгом и присягою, когда нарушение их объявляется уже не позором и низкою изменой, а признаком свободы и высшего развития; в годину, когда страшная сила зла захотела отринуть богооткровенный закон и построить жизнь личную, общественную и государственную исключительно на началах эгоизма, личных прихотей и похотей, на началах удовольствия и пользы, — во всех слоях русского общества нашлись люди, оказавшиеся верными идеальным заветам христианства, пострадавшие за них, нашлись мученики долга.

В великом множестве проходят они пред нашим духовным взором, в великом множестве: их десятки тысяч только в эти последние два-три года. Здесь великий князь приснопамятный Сергей Александрович и здесь же убитые солдаты, казаки, городовые; здесь министры, губернаторы, высшие начальники и здесь же зарезанные, застреленные артельщики, сторожа, всякие служащие лица, виновные лишь в том, что они охраняли чужую жизнь, несли чужое имущество или оберегали его от воровства и грабительства, именуемых ныне «экспроприациями»; здесь убитые священники, не умолкнувшие пред злом и его изобличавшие; учителя и воспитатели, пробовавшие образумить молодежь; здесь писатели, общественные деятели, что будили в других сознание долга; здесь члены патриотических союзов, во всех концах России избиваемые; здесь случайно подвернувшиеся под бомбы и выстрелы современных варваров прохожие, старики, женщины и малолетние дети.

Многие из этих жертв долга наперед ясно знали, что их ожидает. Когда служили панихиду по разорванном на части бомбою министре Плеве, покойный великий князь Сергей Александрович, склонившись в молитве и весь отдавшись Богу и Его воле, уже знал твердо, что его участь решена, и его смерть будет такою же, как смерть оплакиваемого покойника. Слепцов, Игнатъев, Лауниц, Павлов и другие, на смерть обреченные; солдаты, казаки, городовые, выходившие на пост после вчерашних расстрелов из-за угла их товарищей, — все они знали, на что идут, что их ждет. Когда и теперь городской утром станет на свое опасное место, крестится на все стороны и смотрит пред собою с молитвой на крест ближайшего храма, он обрекает себя на смерть, а семью на сиротство, бедность и лишения... Кто войдет в душу этих мучеников, кто измерит глубину их молчаливого страдания, кто постигнет всю тяжесть угнетавшего их чувства осужденных на смерть за верность долгу, осужденных каким-то незаконным кровожадным судилищем, не знающим ни правды, ни жалости, упивающимся в веселии кровью, решающим жизнь и смерть без суда, без допроса, по одному безудержному размаху злобы, фанатизма и кровавого помешательства?! Да, тяжело им было, но тем выше, тем дороже, тем славнее их подвиги.

Революционная волна идет на убыль, но слишком медленно, почти неприметно. Убийства продолжаются. Знаем, что многим из нас грозит смерть, знаем, что многие из нас обречены на кровавую расправу за смелость борьбы с революцией даже словом; остановка только за благоприятным и подходящим случаем... Но пока еще свет очей с нами, и жизнь не отнята — над нами родное небо, ласкающее солнце, кругом родная природа, расцветающая теперь весеннею красой, с нами родные и близкие люди, родные храмы...

Но что сказать вам, безвременно погибшие, убиенные и растерзанные мученики долга? Кто вас утешит и восхвалит за понесенные страдания, за отданную Родине в молчаливом подвиге жизнь, за кровавые, горящие раны? Где теперь ваше родное, ваше небо, ваше солнце? Где ваш храм и где вы служите Богу, Которого вы возлюбили?

Отвечает святой тайнозритель Иоанн: *Взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть... стояло пред Престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих... И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды, кто и откуда пришли?.. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровью Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на Престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждасть, и не будет палить их солнце и никакой зной... и отрет Господь всякую слезу от очей их, и смерти уже не будет, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. Для них уготован на небе новый и великий город, святой Иерусалим... Господь Бог Вседержитель — Храм Его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец... Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов (Апок. 7: 9, 13–17; 21: 4, 10, 22–26). Вот где покой ваш, мученики долга, **вот ваше небо**, вот новый город, ваша вечная Родина!*

В царство вечного вашего покоя пусть проникнет к вам молитва любви с вашей Родины земной. И скорби, и **стоны, и слезы** —

горючие слезы ваших вдов и сирот, отцов и безутешных матерей, родных, близких и всех честных русских людей, верных долгу пред Богом и Родиной, — пусть взойдут на небо. Океаном горя нашего поднимутся эти слезы и достигнут вечного града вашего, вашей новой Отчизны. Они предстанут безмолвные пред Сидящим на Престоле и будут умолять о вас вечного Агнца, Искупителя мира, умолять вечную Милость и Правду... Долго-долго будут они литься по скорбному лицу вашей земной страдающей Родины: просочатся они и до ваших земных могил и омоют ваши страдальческие кости!

Нам же, еще оставшимся в живых, всем слугам добра и Отчизны, нам в заповедь: молитва о вас и память, почитание вашего подвига не словом только, но делом, верностью христианским началам жизни, верностью нашему долгу пред Богом и Родиной, неустанною борьбой с замутившеюся общественною мыслью и совестью, готовностью постоять во имя долга до смерти и крови. Только в этом выразятся наше почитание и наша благодарность мученикам за Родину. А страх, уступки, измена тому, чему они служили, — это будет признанием бесплодности и ненужности их подвига, горькою насмешкой над пролитой их кровью, вторым их распятием.

Кровь Агнца Непорочного — Христа, пролитая во оставление грехов мира, будет приноситься здесь воспоминательною, умиловательною о них Жертвою. Да будет она для них очищением и залогом вечной к ним милости и вечного спасения. Они ушли от земли, ибо так подобало им исполнить всякую правду, по образу Христа. Да будет правда Его и милость их вечным покровом, их вечною радостью! Аминь.

БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ПРЕДАННОСТЬ БОГУ

**Слово при погребении игуменьи Нины,
настоятельницы Самтаврского монастыря в Мцхете (Грузия),
3 января 1905 г.¹¹⁷**

*Ты же отыдеши ко отцем твоим в мире,
препитан в старости добрей.*

Быт. 15, 15

Как будто сегодня и как будто именно о почившей матери Нине сказано это библейское слово. В глубоком мире, в старости честной и доброй отошла она к отцам своим и к отцам своего народа. И если смерть каждого человека-христианина полна назидания, если назидательна и смерть младенца, то тем более исполнена глубочайших поучений и самых памятных уроков смерть почившей старицы-монахини. Станем же, братие, у ее гроба, выслушаем ее последние, безмолвные уроки.

Отошедши к Господу в глубокой старости, приложившись к отцам своего родного народа, и видимо еще пребывая среди нас сегодня в последний раз своим телом, она является теперь как бы вестницею иного, горнего мира, голосом предков, обращенным к живущим и имеющим жить поколениям. Неразрывна эта таинственная связь прошлого с настоящим и будущим; разорвать, прекратить ее невозможно — все равно, что признать несуществующими у пожилого человека его детство и юность, все равно, что пересечь одно живое тело пополам и ожидать продолжения его жизни. Непредложной этой истине, живой духовной связи настоящего с прошлым в его самых лучших и святых заветах и служила в долгие годы своего жития покойная в этой древней обители древнего Мцхета, где мы с вами, братие, сейчас предстоим святому алтарю. Предстала духом почившая пред святою и равноапостольною Ниною, имя коей она носила, на месте жития и подвигов которой и она подвизалась; узрела она святых и блаженных Мириана и Нонну, первых благоверных князей Грузии; узрела святых и благочестивых их царственных преемников; узрела сонмы первопрестольников в Иверской Церкви, блаженных архипастырей и пастырей, подвижников, мучеников, героев народных, кровью своею

запечатлевших здесь во дни нашествия врагов свою верность родной Церкви и родной стране.

Что она скажет им? С полным правом скажет она им: «Вы заветовали народу грузинскому Крест Господень, вы оставили ему веру святую, православную, нерушимую, вы заповедали ему закон Господень, вы дали ему слово Божие, вы устроили храмы и честные обители, вы повелели сынам вашего народа всем сердцем, всею душою, всем существом любить Бога и Его Единого, в вере искать своего спасения, счастья и смысла всей жизни. Я исполнила ваши заветы, сколько было сил; во все дни моей долгой жизни я помнила их и им служила. Вот моя седая голова, столько пережившая, столько переиспытывавшая: она с молодых лет кланялась только Богу Единому, о Нем Едином помышляла. Вот мое сердце, теперь переставшее биться; вот мои уста, теперь на земле безмолвные; вот мое тело, ныне мертвенное и недвижимое: всем, всем существом моим я уневестилась Христу моему, служила вере, святому Православию как престарелая евангельская Анна-пророчица, *дщи Фануилева <...> яже не отхождаше от церкви, постом и молитвами служащи день и ночь* (Лк. 2: 36–37); я презрела мое княжеское имя; я оставила мир, который некогда и мне улыбался, и меня манил к себе; я послужила Богу и исполнила святые заветы предков моих в том монашеском чине, который во дни моего земного жития подвергался такому глумлению, таким насмешкам и гонениям, каких не видела Церковь Святая от первых дней своего бытия. Никто не знал, никто не видел, как мне в моем монастыре, славном знатностью и святыми воспоминаниями, пришлось вести жизнь подвига и молитвы, и богомыслия часто в скудости и нужде, часто в недостатке хлеба насущного на завтрашний день для меня и моих сестер, как мне приходилось заботиться о том, чтобы не разошлись от голода овцы моего стада... И только по смерти моей узнали, что у меня ничего не было из благ мирских, что меня и похоронить почти не на что.

Ныне я окончила мое земное поприще и переселилась ко граду Бога Живаго, Иерусалиму Небесному, и тьмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных, на небесах написанных... и духом праведник совершенных, и к Судии всех Богу и Ходатаю Завета Нового Иисусу (Евр. 12, 22–24), моему Жениху Небесному».

Что же ответит новой пришельце на небо святой сонм небожителей? Узнают ли ее предки святые, признают ли ее своей близкой, родной? Они узнают ее по той святой вере, которой служили они и служила она; они узнают ее по преданности тому Православию, той Церкви Божией, ее уставам и заповедям, которыми водились в жизни земной они и которыми и она жила и существовала.

И верим мы — святые небожители, молитвенники за землю Иверскую, примут почившую в свой светлый круг, и Небесный Жених скажет ей великое слово: прииди, наследуй уготованное тебе блаженство; в малом была ты верною, над многими тебя поставлю; сеявшая слезами, пожни теперь радостью; в доме Отца Моего есть тебе обитель...

Здесь и нам поучение у этого гроба. Монашество не всем доступно и не все к нему призываются: только могий вместити да вместит.

Но то, что составляет душу монашества, есть душа и христианства. Стремление к постоянному духовному совершенству; всецелое подчинение Богу и Его закону; распинание плоти со страстями и похотями; подчинение чувственности духу; обновление в себе образа Божия; отречение от себялюбия и всех страстей плотских и духовных; стремление к богообщению; соединение со Христом; постоянное богомыслие, память и приготовление к вечной жизни. Разве это не обязательно для каждого из нас? Основа монашества — смирение, душа его — любовь, и конец — непрестанное возрастание в духе и в любви к Богу и ближним, в любви чистой, святой, свободной от всего низменного и страстного. Разве это не указание пути в Царство Божие для каждого христианина?

Услышим же голос любви и посмертного назидания от этого гроба. Уста мои молчат, но сердце вещает — так учит нас почившая. Оно вещает, подобны мне бывайте, отдайте жизнь вашу всю безраздельно, всю без остатка Богу и Его закону, Церкви и ее святому водительству. В этом найдете вы мир, которого ищете и не имеете; в этом богатство, которого ни червь, ни тля тлит, которого воры не подкапывают и не крадут; в этом ваше счастье на земле, к которому вы идете без веры, без Бога, без молитвы и поэтому никогда не найдете; в этом существо жизни и истории вашего

родного народа; в этом ваша связь с отжившими поколениями славных предков, связь живая земли с небом, и в этом ваше вечное спасение на небе!

Не слышится ли вам, братие, и еще мольба почившей? Она гласит: я любила эту святую и древнюю обитель, для нее жила, о ней заботилась, и что вы видите здесь благоустроенного, все это я создавала трудами и заботами, испрашивая средства у добрых людей. Поберегите же, сохраните мое сокровище, не дайте ему погибнуть, поддержите вашей любовью и ревностью к вере и к дому Божию! Оно ведь и ваше сокровище, ваша честь, слава, ваша родная святыня!

Поклон тебе до земли, мать всечестная, за твои уроки и назидания, поклон благодарный и наши от души молитвенные желания. Иди, благодатная душа, иди в мире туда, куда позвал тебя Господь Бог, иди к Жениху твоему Небесному, и да будет покой твой — честь.

Блажени мертвии, умирающие о Господе... ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих... (Апок. 14, 13). Аминь.

ОСНОВАТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Речь при поминовении убиенного
великого князя Сергея Александровича,
7 октября 1907 г.

Немногим, быть может, известно, что сегодня именины преподобного отца нашего Сергея, память святых мучеников Сергея и Вакха¹¹⁸; в честь одного из них и назван великий Радонежский подвижник и всея России чудотворец.

Не вспоминается ли нам невольной смертью мученика, соименный преподобному Сергию и имевший его своим небесным

* Сказана по случаю открытия в Москве отдела Императорского Палестинского общества.

покровителем, царственный витязь и подвижник за землю Русскую благоверный великий князь Сергей Александрович¹¹⁹? В день, когда в Москве открывается отдел Императорского Палестинского общества¹²⁰, в котором он столь долго трудился и которое благоустроил, — как не вспомнить о нем, как не помолиться об упокоении со святыми его души? К тому обязывает благодарное сердце членов и соревнователей общества, о том же говорит и апостол, когда заповедует христианам: поминайте труждающихся у вас.

Великая скромность покойного августейшего председателя Палестинского общества и благородная опасливость, чтобы его высокое и властное положение в Москве не было истолковано как принуждение и давление на подчиненных, в случае открытия здесь им отдела общества, — вот что препятствовало совершиться сегодняшнему торжеству гораздо раньше. Ныне время для него пришло.

Имя почившего великого князя Сергея Александровича тесно и неразрывно связано с Палестинским обществом. В служении покойного благу общества сказалась и высота задач и целей самого общества, и высота души августейшего его работника и соиздателя. Нам невольно и естественно приходится говорить о том и другом вместе и одновременно.

Святая Земля с детства предносится мысли и воображению каждого верующего. Ее созерцание питает и возгревает живое религиозное чувство живым напоминанием о Том, Кто там родился и жил во днях плоти, учил, чудодействовал, умер и воскрес, совершив наше спасение. Чем сильнее религиозное чувство, чем набожнее душа, чем более она способна преклониться в благоговении пред тайной Воплощения и Голгофы, тем сильнее стремление ко граду Иерусалиму и к его святыням. И хотя изменилась Палестина до неузнаваемости, хотя умолкли во Святой Земле гласы пророческие и, во исполнение вечного проречения Христова, *Иерусалим попирается языки, дондеже скончаются времена язык* (Лк. 21, 24), — Святая Земля, однако, одним своим видом воскрешает в душе то, что в ней свершалось в течение веков и тысячелетий таинственного и мирового, навеки незабвенного, о чем поведали нам глаголы Священного Писания.

Набожная душа покойного великого князя была именно такою, что она способна была проникнуться сознанием святости Святой Земли и уразуметь ее значение для верующего. Он и сам отправился туда паломником, он сам видел ее своими глазами и вместе со множеством верующего народа, вид которого всегда доставлял для него высокое наслаждение, пережил святые чувства высокого религиозного восторга и умиления. Знал ли он, предчувствовал ли, что в этом было для него, для его жизни и смерти, что-то особенно знаменательное и прямо пророческое? В городе, который из века в век от лет древних был знаменем верности Богу и основным началом религиозного и народного быта Израиля, в городе, который был местом смерти и заклания стольких мучеников и одного — Захарии, сына Варахиина, убитого даже в храме, между жертвенником и алтарем, — в этом древнем Сионе думал ли августейший паломник о том, что в русском Сионе, в Москве, этом храме России, в священном Кремле, как ее алтаре, падет и он сам жертвой злобы и ненависти врагов народа и станет мучеником России?

Святая Земля будит в верующем сознание братства православных народов. Вместе с тем она говорит о печальной судьбе и тягостном положении Православия на Востоке и мировом значении России, его единственной защитницы, исторически и преемственно воспринявшей это призвание от умирающей Византии. Какое патриотическое сердце не вдохновлялось этими мыслями? Какая русская душа не горела огнем, не трепетала от предчувствий таинственных велений и указаний Промысла относительно России и православного Востока? Давно, на заре нашей истории, еще во дни слабости, в дни нестроений, смуты и усобиц на Руси, русский игумен уже возжег на Гробе Господнем кандило за землю Русскую¹²¹.

Мог ли не отозваться на все это и покойный великий князь, этот витязь-патриот, этот вдумчивый и прозорливый государственный муж и радетель за землю Русскую? Мог ли он всем сердцем не отдаться Обществу, которое утверждало на Востоке Православие, делало на Востоке русское дело, благовествовало русскую честь и славу и поздним потомкам древних русских паломников давало

возможность у величайшей святыни христианского мира приносить молитвы за Россию? Во дни смуты русской, начало которой он пережил и перечувствовал, не неслась ли душа великого князя туда же, в молитве за Русь и царя? И, думается, знал и чувствовал он, что он сам падет жертвою смерти, в числе многих других героев долга, кровь которых пролилась как семя и основание для будущего покоя и счастья Родины.

Церковная песнь взывает к земному Иерусалиму: «Радуйся, Сионе святой, мати Церквей, Божие жилище! Ты бо приял еси первое оставление грехов Воскресением». Другая песнь церковная зовет христианина «не к тому в земной Иерусалим», но от земного переносит его мысль и чувство к новому, небесному и горнему Иерусалиму, где нет солнца и луны, где ворота не затворены день и ночь, где царствует Агнец Божий — Христос, где стоит Престол Агнца.

Пред этим Престолом в числе тех, изображенных тайнозрителем, что пришли к Нему от скорби многой, в одеждах белых и с пальмовыми ветвями мира, с песнью вечной хвалы Сидящему на Престоле и вечной победы, верим, пребывает и мученик наш великий князь Сергей Александрович. Не алчет, не жаждет он и не палит его зной... (см.: Апок. 7, 9–17). И он приял оставление грехов Воскресением Христовым, и он примет вечные кровы в горнем Иерусалиме.

В этот час заупокойного о нем моления, продолжая в любимой им Москве любимое им дело, мы призываем его светлый дух, и, приобщая его к радости подвига во имя Церкви и России, мы уповаем на невидимое его нам вспоможение духом его любви, его загробного дерзновения в молитве к Богу. В его светлом образе, в его заботливых трудах, в его сочувствии делу Палестинского общества пусть новый московский его отдел найдет для себя источник вдохновений, бодрости и радости труда! Аминь.

ПАМЯТИ УБИЕННОГО АРХИЕПИСКОПА НИКОНА, ЭКЗАРХА ГРУЗИИ

Слово у гроба архиепископа Никона в Москве,
на Курском вокзале, 6 июня 1908 г.

Не чужой для Москвы убиенный святитель Божий¹²², как начальник одной из обителей древней нашей столицы. Но бесконечно он теперь дорог сердцу России, создавшему и хранившему издревле бережно русские церковные и государственные начала, как проливший теперь за эти начала кровь свою и отдавший им жизнь.

Да, воистину, меч Божий не перестает посекать нас, и горе за горем, удар за ударом поражают сердце наше! При виде этого гроба горе наше так тяжело, так больно дает себя чувствовать, что связывает самое слово. Убивали доселе рядовых священников, калечили и ранили простых проповедников, служителей Церкви. Но вот пред нами неслыханное злодеяние — убийство архипастыря; рука злодеев поднялась на убийство высокого представителя Церкви, стоявшего во главе обширной паствы, правившего целой областью в несколько епархий. Когда в Крыму, в Алушке, кинжалами резали трое злодеев священника Троепольского, когда ни крики жены, ни слезы пятерых детей не могли остановить злодеев, когда один из них обратился к истекающему кровью несчастному мученику со словами: «Прости, батюшка» и, получив ответ: «Бог простит», нанес последний, самый жестокий, смертельный удар своей жертве и, как оказалось, спрашивал лишь для того, чтобы удостовериться — жива ли еще жертва, тогда думалось и казалось, что нет большей низости и наглости, нет отвратительнее дерзости и лицемерия.

Ныне мы видим: и эта мера превзойдена. За всю историю русскую мы знаем только два случая зверского убийства архипастырей, один из них в Москве, но то было проявлением дикого безумия толпы. Здесь мы видим преступление, задолго обдуманное, приведенное в исполнение с сатанинской жестокостью, с невероятным хладнокровием, с дьявольским лицемерием. Здесь мы ви-

дим определенных лиц, которые свершили кровавое дело, умножив его еще другими убийствами, и скрылись. Их совесть, по-видимому, спокойна, и кровь пролитая, неповинная, не палит огнем их сердца.

Наш законодательный кодекс даже не предвидит убийства архиерея и не указывает для него наказаний: так не вмещалось ни в ум, ни в сердце законодателя столь гнусное преступление. И вот — наше время дало доказательство, что и такое преступление возможно.

Какое же ужасное время! Какие ужасные нравы! Хотят запугать архипастырей и пастырей, хотят их заставить повернуть с пути долга. Как бы возвращаются давно отшедшие времена гонений, направленных главным образом на предстоятелей Церкви.

Но история гласит, что мера гонений всегда была слабее духа исповедничества в служителях Христовой Церкви. Сонм мучеников упредил нас на этом пути и светит нам своим примером. И история же гласит, что ни меч, ни огонь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина — никто и ничто не отвратит пастырство Церкви от исполнения им своего призвания. Пусть найдутся слабые, пусть будут падшие: все пастырство пребудет верным Христу и Церкви. А примеры мученичества, такие, как у нас сейчас пред глазами, не утрашат, не запугают, напротив, ободряют истинных служителей Церкви и Родины идти до конца путем служения долгу.

Господь ведает, что творит. Господь ведет Свою Церковь. В урочный час Он попустил пролиться крови неповинной. Она, эта кровь, на убийцах и на их скрытых вдохновителях и попустителях. Но, верим, силен Бог и злое обратит, по последствиям, в доброе. Да будет Его святая воля!

От царского престола и до последней хижины поселянина на православной Руси пронесся стон негодования пред неслыханным злодеянием. Он слышен был на всем печальном пути следования этого гроба от города крови — Тифлиса до сердца России. Уже в этом самом — земной суд злодеям и злодейству. Будет Божий суд, небесный. На нем восстанешь и ты, обогранный кровью, убиенный Божий архиерей, и верность твою, и труд, и любовь, и смерть, и кровь, и архиерейство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО НА ПАНИХИДЕ ПО УБИЕННОМ АРХИЕПИСКОПЕ НИКОНЕ

8 июня 1908 г.*

Тяжело было нам встречать здесь, в Москве, в сердце России, гроб мученика-архипастыря, архипастыря, которого так недавно видели здесь полного духовной жизни и телесных сил, которого провожали на дальнюю замутившуюся окраину со страхом и вместе с надеждами на то, что он, быть может, сохранен будет для Русской Церкви. Увы, ни его испытанная мудрость в управлении, ни природный ум, ни обаятельные качества сердца, ни благородство души, ни мягкость в обращении, ни справедливость во всех делах и отношениях — ничто не спасло его от зверей-людей, жаждущих убийств и крови, пылающих ненавистью ко всему русскому. За что эта ненависть? За то разве, что Россия оказала одни благодеяния народу, пославшему убийц к этому архипастырю-мученику? За то, что Россия, в защиту и ради избавления этого народа от диких орд мусульманских, залила Кавказ кровью своих сынов и засыпала его своим золотом, вычерпывая его из средств своей небогатой страны, урезывая потребности своего родного народа ради великой христианской идеи человеколюбия? Не будем здесь говорить подробно о причинах, непосредственно на месте приведших к убийству экзарха. Мы говорим здесь это слово, мы молимся о новой жертве смуты среди представителей общественных русских патриотических организаций; на одну из сторон общественной жизни, способствовавших кровавому и неслыханному преступлению в Тифлисе, мы и обратим наше внимание.

Безмерно тяжело было встречать этот гроб мученика-архипастыря здесь, в Москве, потому еще, что здесь, именно в Москве, в одной из ничтожных газет против убиенного экзарха с первых дней его вступления на паству в Грузии велась систематическая и озлобленная травля. Обвиняли покойного и в недостатке ума, потому что он-де из сельских священников, и в несправедливых отношениях

* Сказано в общем собрании Московских патриотических союзов.

к пастве, и в том, что он якобы «душил» грузинский клир, что он будто бы оскорблял грузинский народ, что он корыстолюбив и жестокосерд, что он чуть ли не ради собственного удовольствия в карете переехал какую-то девочку (чего на самом деле не было)... Скажут: ничтожны газета и ее сотрудники, в Москве о них никто не знает. Но нужно быть на Кавказе, нужно знать тамошние нравы, нужно иметь представление о множестве больных кровавым безумием людей среди народностей Кавказа — плодах многотысячелетней кровавой истории этой страны; нужно знать, какое впечатление производит на них то обстоятельство, что русская газета, русские публицисты льют грязь на русского экзарха, нужно знать, как чрез это все действия экзарха и его сотрудников приписываются их капризу и жестокости, а не требованиям долга русского человека. Нужно все это знать, чтобы понять, какое значение в науськивании и подстрекательстве к преступлению имела газетная травля против покойного экзарха. Эта травля бьет по больным нервам неуравновешенных лиц, взволнованных революционной агитацией и склонных к убийствам по самым ничтожным поводам, эта травля заранее возводит убийц в разряд народных героев...

Да, тяжело нам встречать этот гроб! А как тяжело тем, кто был и служил на Кавказе, кто живо может перенестись в обстановку гнусного злодеяния, кто ясно себе представляет все то, до чего только с величайшим трудом может дойти судебная власть, и, вероятнее всего, во всей глубине никогда не дойдет! Ведь нашу сегодняшнюю заупокойную молитву, предстоя собору священства, совершил и сейчас среди нас присутствует владыка митрополит, от которого на Кавказе отведена была Господом рука таких же убийц, которые теперь свели в могилу одного из его преемников по кафедре. Здесь, среди нас, достойнейший служитель алтаря, протоиерей Тифлисский отец Сергей Городцов, жестоко раненый двумя пулями, чудом Божиим, молитвами горячо любящих его русских людей сохраненный для жизни и славной деятельности: он может подтвердить, как один за другим падают в Тифлисе под ударами убийц десятки и сотни русских патриотов, членов Тифлисского патриотического общества. Пред вами, наконец, и это самое слово говорит человек, над головой которого на Кавказе также не раз веяли

призраки смерти, и жизнь которого была обречена той же дикой расправе, плоды которой мы видим в лице убиенного архипастыря. Я глубочайше убежден, что та же клика преступная, обрекшая некогда меня на смерть, привела теперь в исполнение кровавый заговор и против экзарха. И потому вы простите за этот порыв, за это негодование не только к презренным убийцам, но главным образом и к тем русским подстрекателям на убийства церковных работников на Кавказе, к тем подстрекателям, которые вот уже почти два десятка лет занимаются своим низким делом, которые нам, кавказским деятелям, особенно ведомы и чувствительны были, которые теперь могут при виде совершенного злодейства видеть плоды своих усилий.

Да, безмерно нам тяжело говорить. И все-таки ты, безвинно погибший, ты, кровью залитый, ты, мученик русский, можешь пред лицом Господа, и Церкви, и России сказать словами апостола: *не в суете текох, не в тщете трудихся* (Флп. 2, 16). Не будет забыто твое имя, не будет забыто твое дело. Ты кровью оросил служение чести Русской Церкви, ты не уступил ничего из своего долга, и ты этим, как древние мученики, укрепил, оживил и уплодоносил русское церковное дело на Кавказской окраине. Говорить теперь об уступках, действовать твоим преемникам не по твоим стопам — трусливо; ради охраны мнимого спокойствия и собственного благополучия уступить желаниям тех, которые хотят кровью залить дело Церкви и ее интересов достигать убийствами — это значило бы ругаться над твоей кровью и над твоей памятью.

Газеты передают, что покойный экзарх, сраженный пулями, успел только спросить: «Кто еще убит?» и затем, узнав, что никто не убит, перекрестившись, умер. Что это? Пророческий вопрос? Кто еще будет убит? Чья очередь? Кому враги России готовят мученическую кончину? Но кто бы ни стоял на очереди, какой бы ни был длинный ряд намеченных жертв, достойный русских призыв после каждой жертвы один: сомкни ряды! Таков завет и убиенного архiereя-мученика. Вечная ему память!

**ТРУДЫ
ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА ВОСТОРГОВА**

1. Полное собрание сочинений. М., 1913–1916. Т. 1–5; репринт. СПб., 1995. Т. 1–5.

Т. 1 — Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1889–1990 гг. М., 1914 г.

Т. 2 — Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1901–1905 гг. М., 1914 г.

Т. 3 — Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1906–1908 гг. М., 1915 г.

Т. 4 — Статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим. 1887–1912 гг. М., 1916 г.

Т. 5 — Социализм при свете христианства. Теория, практика и история социализма, критика его начал. М., 1913 г.

2. Во дни войны. Голос пастыря-патриота. Вып. 1–3, М., 1914–1916 гг.

3. Пастырский голос во дни смуты. М., 1917. Вып. 1. Проповеди и статьи, помещенные в «Московских ведомостях» и журнале «Церковность» в 1917 г.

4. Клевета Дурново. Ответ протоиерея И. И. Восторгова. М., 1909 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ День Всех святых — переходящий праздник, совершаемый в первое воскресенье после дня Пресвятой Троицы (Сошествия Святого Духа на апостолов), ибо святые — благодатный плод Святого Духа. «Первоначально Неделя Всех святых установлена была преимущественно в честь святых исповедников и мучеников — первых святых в христианстве, по многочисленности коих имена, деяния и дни преставления некоторых из них могли не сохраниться в страшные времена продолжительных гонений... (Дебольский Г. С., прот. Дни богослужения Православной Церкви. М., 1996 г. Т. 2. С. 268–269). Со временем Церковь к памяти святых мучеников присоединила празднование всего лика святых угодников Божиих. Согласно Синаксарию, император Лев VI Мудрый (886–911) первый построил в Константинополе, близ церкви Святых апостолов «храм превелий и предобрый» в честь Всех святых (Триодь Цветная, Неделя Всех святых, утренья, по 6-й песне канона).

² Преподобный Антоний Великий — один из основателей пустынножительного монашества. Родился в 251 г. в коптской семье от благочестивых родителей в с. Кома в Египте. 85 лет провел в неустанных подвигах в пустыне в Нижней Фиваиде. Стяжал столь богатые дарования, что уже при жизни имя его вызывало особое уважение во всех Средиземноморских странах (в Африке, Испании, Италии, Галии и т. д.). Когда в 335 г. он приходил в Александрию обличать арианскую ересь, весь город выходил смотреть на него. Даже язычники желали коснуться его одежды. Сам же прп. Антоний, стоя на высокой ступени смиренномудрия, говорил: «В том состоит делание человека, чтобы грех свой полагать на главу свою пред Богом и ожидать искушения до последнего дыхания» («Древний патерик»). Достигнув 105 лет и сделав последние распоряжения (тунику и мантию завещал святителю Афанасию Великому, власяницу — двум ученикам), в 356 г. сподобился блаженной, мирной кончины. Святой Афанасий составил его житие, которое вскоре было переведено пресвитером Евагрием Антиохийским на латинский язык. Святой Иоанн Златоуст в 8-й беседе на Евангелие от Матфея говорит: «Египет произвел славнейшего после апостолов мужа, блаженного и великого Антония, о котором все доныне говорят непрестанно» (VIII, 5).

Святые мощи прп. Антония в 561 г. при императоре Иустиниане были перенесены в Александрию. Около 635 г., после взятия арабами Египта, их привезли в Константинополь. Сейчас они находятся в Арле (Франция), в церкви Святого Иулиана (с 1491 г.).

³Синаксарь (Синаксарий) (*новогреч.*, от *синаксис* — собрание) — сборник сведений о святых и праздниках. Синаксарь печатается в Триодях и Минеях (помещается на службах утрени по 6 песни канона, после кондака и икоса).

⁴День Усекновения главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, согласно церковному уставу, праздник (29 августа), установленный в воспоминание мученической кончины величайшего святого. Об этом событии Священной истории повествуют евангелисты: Мф. 14, 3–12; Мк. 6, 16–29; Лк. 3, 19–20; 9, 7–9. Тягчайшее преступление, совершенное по приказу четвертовластника Ирода Антипы, было совершено в 32 г. по Р. Х. в крепости Махерон (Махерунт), находившейся близ Мертвого моря на Маовитском нагорье на высоте 1120 м над уровнем моря. В эту крепость, стоявшую у границы Аравии, великий пророк Иоанн был заключен за обличение Ирода Антипы в прелюбодейном браке с женой брата. Иосиф Флавий об этом пишет так: «Во время своего путешествия в Рим он заехал к своему брату Ироду (Филиппу), который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристовула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорила с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Арета (Арефа). После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условии с Иродиадой, просила разрешения уехать в Махерон <...> Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно» (Иудейские древности. XVIII, 5. 1). Из Махерона она отправилась в Аравию и рассказала все отцу. Арет на основании этого решил начать войну со своим зятем. <...> Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Арета и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено. <...> Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убийство Иоанна. Ирод умертвил этого праведного

человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивые чувства к Предвечному и собираться для омовения. <...> Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не привело к каким-либо осложнениям. <...> Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен (там же, XVIII, 5. 2).

Рассказ иудейского историка второй половины I века по Р. Х. ценен как внебиблейское свидетельство о великом Пророке Иоанне, но ему недостает знания подлинной причины усекновения главы проповедника и точности в передаче содержания его проповеди: ничего не сказано о призыве к покаянию. Ученики св. Предтечи и Крестителя Иоанна погребли тело его в Самарийском городе Севастии. В III веке над гробом пророка-мученика устроена была церковь во имя его. Можно считать, что праздник Усекновения главы св. Предтечи и Крестителя возник ранее III века.

⁵ Слова св. праведного Симеона (см.: Лк. 2, 29–31). В качестве песнопения используются в конце вечерни: во время праздничной поются, а на вседневной — читаются.

⁶ Блаженный старец Симеон назван Церковью Богоприимцем, потому что принял в Иерусалимском храме на свои руки Богомладенца Иисуса, Который был принесен в Иерусалим *по закону Моисееву... чтобы представить пред Господа* (Лк. 2, 22). *Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон, — рассказывает св. апостол и евангелист Лука. — Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня* (Лк. 2, 25–26). При каких обстоятельствах было предсказание — священный писатель не сообщает. Об этом говорит предание (записанное в XIV веке патриархом Никифором Каллистом и принятое православной агиографией: свт. Димитрий Ростовский и др.). Св. Симеон был среди 72 иудеев, переводивших на греческий язык священные книги Ветхого Завета. Откровение ему было дано тогда, когда в Книге пророка Исаии (*Се Дева во чреве приимет и родит Сына*) (Ис. 7, 14) он хотел вместо слова «Дева» поставить «Жена». Предание об участии св. Симеона в переводе еврейских священных книг на о. Фарос в Александрии имеет и другую версию: «Праведный Симеон высказал свое недоумение спутникам

уже при возвращении на родину. Переходя вброд какую-то реку, он снял со своей руки перстень, бросил в реку и сказал: «Если найдут его, то могу поверить изречению пророка по букве». Остановившись затем на ночлег в одном местечке близ этой реки, он купил себе на ужин рыбу. Когда после приготовления он сел есть ее со своими спутниками, то, к общему изумлению, нашел внутри нее перстень, брошенный в реку. Здесь-то, прибавляет вторая версия предания, и произошло чудесное откровение Духа Святого, обещавшего ему *не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). (Дмитриевский А. А., проф. Праздник Сретения Господня у гроба праведного Симеона Богоприимца в Катамонасе, близ Иерусалима. М., 1994 г. С. 6; репринт, СПб., 1907 г.). Имея на себе Святого Духа, св. прав. Симеон пророчески сказал Матери Богомладенца о крестных страданиях Ее Сына и о Ее страданиях.

По преданию, св. Симеон скончался на 360-м году жизни. «Его мощи были перенесены в Константинополь при императоре Иустине (563–578) и положены там при Халкопратийском храме в пределе св. Иакова, брата Господня, построенном этим императором. Гроб Симеона Богоприимца видел здесь и наш паломник XII в., архиепископ Новгородский Антоний (Дмитриевский А. А., там же, С. 7–8).

⁷Прошения из мирной, или великой ектении.

⁸Священнические возгласы во время Божественной литургии.

⁹Слова из чинопоследования Таинства рукоположения: «Божественная благодать всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая, пророчествует...» (Чиновник Архиерейского священнослужения).

¹⁰Праздник в честь свв. жен-мироносиц был установлен еще в ранней христианской Церкви. Свт. Иоанн Златоуст назидал своих служителей беседой в эту Неделю. Рассказы свв. евангелистов о женах-мироносицах дополняют церковное предание. «Многи убо быша мироносиц, — говорится в Синаксаре, — но евангелисти о нарочитых точию сотворше поминание, другия оставиша. Бяху же сия: первая всех Магдалина Мария, из неяже и демонов семь Христос изгна, яже и по Христове вознесении в Рим пришедши, яко словом новым, смерти Пилата и архиерея придает, яже о Спасе Христе Тиверию кесарю возвестивши. Последи же во Ефесе умирает, и от Богослова Иоанна погребается: от Предмудрого же Льва в Константинополь приносится. Вторая же Саломи яже есть обручника Иосифа дщи, сие бо и обоих

именоваху, яже дщи его, Зеведея имяше мужа, от неяже евангелист Иоанн и Иаков родистася. Четыре бо сына мужеска полу роди Иосиф: Иакова, глаголемого Малаго, и Иосию, Симона и Иуду, и дщери три: Есфирь, Фамарь и Саломи Зеведееву. Якоже егда слышиши во Евангелии Марию Иакове Малаго и Иосиеву мать, Богородицу непшуй быти, яко мать Иосифовых чад Богородица вменяется: якоже приключится отсюда, сестричишу быти Христову евангелисту Иоанну, яко братню сыну. Третья же мироносиц есть Иоанна жена Хузана, иже баше назиратель и строитель дому царя Ирода. Четвертая же и пятая, Мария и Марфа, сестре Лазареве. Шестая Мария Клеопина. Седьмая Сосанна, и иныя множийшиа бяху, якоже Лука Божественный повествует: «яже бяху, глаголет, служащия Христу и учеником Его, от именний своих» (Триодь цветная, 3-я Неделя по Пасхе, утренья, канон по 6-й песни).

¹¹ Первоевангелием иногда называют первое обетование Божие о спасении человечества, данное нашим прародителям: *вражду положу между тобою (змеем) и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту* (Быт. 3, 15).

¹² Святой великомученик и целитель Пантелеимон был родом из г. Никомидии (Малая Азия). Происходил из семьи знатного язычника Евсторгия, который назвал сына Пантелеоном («по всему лев»). Мать его — святая Еввула (память 30 марта). Она рано умерла, но успела заронить в душу сына семени христианской веры. Отец отдал отрока на воспитание и обучение язычникам. От придворного врача Евфросина Пантелеон научился искусству врачевания и стал известен царю Максимиану, жившему в то время в Никомидии. Он был жестоким гонителем христиан (сжег в церкви 20 тысяч св. мучеников; память их 24 декабря). По благодати Божией никомидийский пресвитер Ермолай обратил Пантелеона в ученика Иисуса Христа и крестил. Однажды Пантелеон в присутствии отца молитвой ко Господу исцелил оставленного всеми врачами слепца. Чудо исцеления сделало верующим в Бога не только прозревшего, но и отца Пантелеона — Евсторгия, который вскоре умер. Имя Пантелеона — исповедника Господа нашего Иисуса Христа — стало известно царю и всему городу. Никакие истязания и пытки не сломили стойкого христианина. Перед тем, как принять мученическую смерть, страдалец сподобился Божественного явления. Господь дал ему новое имя — Пантелеимон (всемиловитый). Маслина, у которой был

усечен мечом великомученик (305 г.), привязанный к дереву, сразу же дала целительные плоды. «В месяцеслове Василия (императора; относится к концу X в. или нач. XI в.) говорится, что истекшие при усечении святого кровь и молоко хранились до того времени (до конца X века) и подавали верующим исцеления, об этом говорится и в греческом Стишном прологе (XII в.), и в описании чудес святого на западе в XI или XIII веке. Память св. Пантелеимона издревле особенно чтится на Востоке; церкви, во имя его построенные в Севастии армянской и в Константинополе, относятся к IV веку». (Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 3. С. 287).

¹³ Святитель Николай Мирликийский родился около 280 г. в царствование имп. Валериана в ликийском городе Патары от благородных и благочестивых родителей Феофана и Нонны. Еще на младенце Господь явил знамения сугубой благодати. По кончине родителей свт. Николай раздал имение нищим и отправился в Палестину на поклонение святым местам. Возвратясь из паломничества, он поселился в Сионской обители, которую основал в Патарах дядя его — епископ Патарский Николай, рукоположивший племянника во епископа. Поставленный епископом города Миры в Ликий, святитель Николай был «правилом веры и образом кротости». Во время гонений императора Диоклитиана (284–305) он был заключен в узы. Освобожденный при св. равноапостольном Константине Великом (324–337), вернулся к святительским трудам. Участвовал в Никее в 325 г. в Первом Вселенском Соборе, где обличал Ариеву ересь. 6 декабря 349 г. сподобился блаженной кончины. Св. Андрей Критский праздник во имя свт. Николая называет священным и всепразднственным, в который собирались верующие в храм в воспоминание святого... Греческий император Феодосий (V в.) воздвиг ему в Мирах великолепный храм, потому что слава его была велика, и жизнь его была описана около этого времени. (Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов... С. 496–497).

¹⁴ Начало тропаря (глас 4-й) праздника Перенесения мощей святителя и чудотворца Николая (9/22 мая).

¹⁵ Арий — ересиарх, отрицавший Божественную природу Господа нашего Иисуса Христа. Родом ливиец. Имел сан пресвитера в Александрии. В 318 г. вступил в спор со своим епископом святителем Александром († 326 г.), изъяснявшим учение о Святой Троице. Арий своим лжеучением увлек часть александрийского клира. «Зло распространилось по всему Египту, Ливии и верхней Фиваиде и пожирало уже прочие епархии

и города» (Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996. С. 10). Первый Вселенский Собор, собравшийся в Никее в 325 г., осудил Ария и арианство: «Прежде всего в присутствии боголюбейшего императора нашего Константина было исследуемо дело, касающееся нечестивого и незаконного Ария и его сообщников. При этом все единогласно пришили придать проклятию нечестивое его учение, его хульные выражения и мысли, которые он изрыгал к уничижению Сына Божия... Все это Святой Собор предал анафеме...» (Соборное послание к Церквам Божиим... — «Деяния Вселенских Соборов». СПб., 1996. Т. 1. С. 83). Арий был изгнан в Иллирию. Возвращенный из ссылки, умер в Константинополе в 336 г. нечестивой смертью. (Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. М., 1993. С. 54).

Святитель Николай был участником Вселенского Собора в Никее. Согласно церковному преданию, он со священной ревностью изобличал Ария, что нашло отражение в православной агиографии и литургийной жизни (см. 3-й тропарь 6-й песни второго канона на утрени в день праздника святителя (6/19 декабря): «Ариево неистовство потребил еси»).

¹⁶ Монастырь в честь 12 св. апостолов, устроенный в 1903 г. на Песочной улице Аптекарского острова в Санкт-Петербурге св. праведным Иоанном Кронштадтским. Земельный участок для обители был пожертвован купцом Семеном Григорьевичем Раменским. Строительство, обошедшееся в 1,5 млн. рублей, было осуществлено на деньги, пожертвованные верующими. В монастыре св. прав. Иоанн построил небольшой храм в честь небесных покровителей своих родителей — св. пророка Божия Илии и св. царицы Феодоры, где и был погребен великий молитвенник.

¹⁷ Собор святых Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого был установлен в XI в. В 1084 г. митрополиту Евхаитскому Иоанну явились вместе три святителя и объявили, что они равны у Бога. Это чудесное посещение было вызвано спорами среди почитателей святых о том, кто из них выше. Был установлен общий день их памяти — 30 января. В этот праздник — день тезоименитства священномученика Иоанна Восторгова.

¹⁸ Василий Великий († 1 января 379 г.) — святитель, один из столпов Вселенской Церкви. Родился в Кесарии Каппадокийской. Отец его, юрист Василий, был известен в городе своей благотворительностью. Мать — св. праведная Емилия. Первые годы обучения прошли под ру-

ководством отца в благочестивой обстановке родной семьи. Затем Василий несколько лет посвятил изучению философии и наук в Афинах. Около 357 г. совершил путешествие в Египет, Палестину и Месопотамию с целью изучения духовного опыта монахов-аскетов. Поселившись в Понте на берегу р. Ирис, в уединении вел подвижническую жизнь.

В 362 г. был посвящен епископом Мелетием в сан диакона. В 364 г. епископ Кесарийский Евсевий рукоположил Василия в пресвитера. В тяжелое для Церкви время, вызванное распространением арианской ереси, поддержанной императорской властью, Василий был поставлен в 370 г. собором епископов на Кесарийскую кафедру. Святитель Василий Великий был мудрым святителем и строителем церковной жизни. Богослужение совершал с царственной красотой и величием, оставил после себя богатое и разнообразное по содержанию богословское наследие. Современники были свидетелями чудес, совершенных Богом по его молитвам.

Свои святительские труды Василий Великий совершал, преодолевая постоянные и тяжелые недуги. В письме к епископу Самосатскому Евсевию он писал в 373 г.: «В каком положении нашел меня добрый Исаакес, об этом лучше перескажет тебе сам он, хотя и не владеет достаточно языком, чтобы трогательно описать чрезмерность страданий, — так велика была моя болезнь! Но, вероятно, известно это всякому, кто хотя несколько меня знает. Ибо, если и тогда, как по-видимому в добром я здоровье, у меня менее сил, чем у людей, в жизни которых уже отчаялись. <...> Быть нездоровым стало для меня чем-то естественным...» (Василий Великий. Творения. СПб., 1911. Т. 3. С. 158).

¹⁹ Григорий Богослов — святитель, которому Церковь усвоила имя Богослов за его творения о Боге Слове и Святом Духе. Святитель Григорий родился около 329 г. в Арианзе после долгих молитв своих благочестивых родителей (свт. Григория и св. прав. Нонны), которые до этого были бездетны. «От пелен воспитанный во всем прекрасном, потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома...» (Стихотворение, в котором свт. Григорий пересказывает жизнь свою: Творения, СПб. Т. 2. Ч. 2. С. 352). С раннего возраста обнаружилось в нем сильное влечение к познанию. Образование прекрасно одаренного юноши, начавшееся дома, успешно продолжалось в школах Назианза, Кесарии Каппадокийской, Александрии, а затем в Афинах, где зародилась дружба с Василием Великим. Окончив в 358 г. учебу, свт. Григорий вернулся в Назианз.

Хотя его всегда влекло желание в пустынном безмолвии вести уединенную молитвенную и духовно-творческую жизнь, любовь и долг перед престарелыми родителями побудили его принять сан пресвитера. В течение нескольких лет он помогал своему отцу-епископу. В 372 г. свт. Василий Великий поставил Григория епископом небольшого города Сосимы. После блаженной кончины его родителей (374 г.) он удалился в Селевкию, в монастырь св. Феклы. В 379 г. по зову православных людей Константинополя свт. Григорий оставил обитель и прибыл в столицу, где еретики-ариане захватили все храмы. В доме своего родственника (св. Анастасия) он устроил домовый храм в честь Воскресения Христова. «Одно было у меня любимое стяжание, одно преимущественное богатство, одна надежда к забвению трудов — это общее для всех сияние Великой Троицы, проповедать Которую приходил я к людям именитым, для меня чужеземным» (Творения. Т. 2. С. 404). Арианская ересь была побеждена. Второй Вселенский Собор, собравшийся в 381 г. в столице Византии, поставил свт. Григория Богослова архиепископом Константинопольским. Но споры, начавшиеся среди епископов о законности избрания свт. Григория, побудили его ради церковного мира удалиться в июне 381 г. в Назианз. В скорбях, постигавших его, свт. Григорий находил утешение в духовном общении со своим великим другом свт. Василием, который и по смерти «уцеломудривает меня в ночных видениях» (Творения. Т. 1. С. 654). 25 января 389 г. последовала блаженная кончина свт. Григория Богослова. В 950 г., при императоре Константине Порфирородном, его святые мощи были перенесены из Назианза в Константинополь: «одна часть их положена была в храме Апостолов, другая — в храме Святой Анастасии. <...> Ныне его мощи есть в Риме, в соборе Святого Петра. <...> Глава Григория Богослова в 1654 г. вместе с Влахернскою иконою (7 июля) прислана была из Царьграда царю Алексию Михайловичу» (Архиеп. Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 3. С. 37–38).

²⁰ Святитель Иоанн Златоуст (около 347–407 гг.) — великий светильник Вселенской Церкви. Родился в Антиохии. Родители: Секунд и Анфуса. Рано овдовевшая мать, отличавшаяся высоким благочестием, привила сыну ревностную любовь к Богу. Святитель Мелетий Антиохийский, с любовью относившийся к юному Иоанну, крестил его и ввел в должность чтеца. После смерти матери он провел несколько лет в подвигах пустынножительства. По возвращении в Антиохию св. Иоанн был рукоположен свт. Мелетием в диакона. В 386 г. начинает-

ся его 12-летний период священнического служения. Неусыпное попечение о спасении пасомых, неустанная проповедь, яркая по форме и богатая нравственным назиданием, сделали пресвитера Иоанна известным за пределами Антиохии. По смерти архиепископа Константинопольского Нектария возник для молодого императора трудный вопрос о преемнике. Пользовавшийся в это время влиянием при дворе евнух Евтропий указал царю Аркадию на антиохийского проповедника Иоанна. Областенаачальник Астерий пригласил его за город. Колесница увезла св. Иоанна в Константинополь. Он со смирением покорился. В столицу были вызваны многие епископы. 26 февраля 398 г. Архиерейский Собор во главе с архиепископом Александрийским Феофилом рукоположил Иоанна в архиепископа Константинопольского.

Предстояли великие труды. Менее двух десятилетий назад население города находилось под влиянием ариан. Столичная жизнь сильно расслабляла людей духовно-нравственно. Свт. Иоанн «золотыми» устами проповедовал христианские добродетели, обличая нравы и назидая. Он преобразовал монастыри, возрождая в них молитвенно-аскетическую жизнь. Широко и деятельно совершал дела милосердия и благотворительности.

При императорском дворе было немало людей, настроенных враждебно к истинному архипастырю. Когда начались преследования свт. Иоанна со стороны ненавидевшей его царицы Евдоксии, первосвященник явил несгибаемое мужество и готовность пожертвовать жизнью ради блага Церкви и пасомых.

В марте 404 г. великий святитель в нарушение церковных канонов был лишен кафедры и отправлен в заточение. Воинам было приказано безжалостно обращаться со свт. Иоанном во время его мучительного следования к месту ссылки (с. Кукуз в Малой Армении). В июне 407 г. пришел из столицы новый приказ: немедленно отправить в далекий Питицунт (ныне Пицунда в Абхазии). Тяжелобольной святитель с обнаженной головой под палящим солнцем и в дождь в течение трех месяцев шел к месту своего упокоения без ропота и жалоб, постоянно произнося слова благодарения: «Слава Богу за всё». Во время остановки близ г. Коман у церкви Святого Василиска ему явился святой мученик, которому был посвящен храм, и сказал: «Мужайся, мой брат Иоанн, завтра мы будем вместе». На другой день свт. Иоанн совершил Божественную литургию, причастился Святых Таин и отошел ко Господу

в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября 407 г.).

²¹ Святители Московские. См. прим. к поучению: «Заветы древних святителей Московских».

²² Жизнь св. равноапостольного Владимира — один из самых впечатляющих примеров преобразующего действия православной веры на человека. Сын кн. Святослава Игоревича и Малуши (ключницы св. кн. Ольги) от природы был человеком, наделенным многими достоинствами: сильной волей, мужеством, предприимчивым умом. Но в соединении с ложной языческой верой они не только не были во благо ему и подчиненным, но усугубляли греховную жизнь. Взяв в 988 г. Корсунь (Херсон), он послал письмо к императору Византии Василию II Порфирородному с требованием выдать за него свою сестру. В случае отказа Владимир грозил осадить столицу. Царь потребовал, чтобы князь Владимир крестился. Пока царевна Анна была в плавании, по смотрению Божию, князь ослеп. Прибывшая невеста сказала: «Если хочешь исцелиться от своей болезни, крестись скорее — иначе не получишь исцеления». Когда епископ Корсунский при совершении Таинства коснулся рукой главы князя Владимира, он прозрел. Это чудо, совершенное сошедшим на него Святым Духом, было первым в ряду других, происшедших в его жизни. Приняв в святом крещении имя великого вселенского учителя Василия Великого, св. равноапостольный князь построил в Корсунь церковь в честь своего Небесного покровителя. Прибыв в Киев, св. Владимир уничтожил идолов и совершил самое великое свое деяние — крещение Руси. После 27 лет своих равноапостольных трудов он сподобился 15 июля 1015 г. блаженной кончины. Погребен был св. князь в храме Пресвятой Богородицы, получившем название Десятинный. Почитание св. Владимира как равноапостольного и второго Константина Великого было на Руси древним, но прославление его и начало празднования его памяти относится к более позднему времени. «Установлено было празднование памяти Владимира более или менее вскоре после 1240 года, и не в Киеве или вообще южной Руси, а в Новгороде. В 1240 году, 15 июля, в день преставления Владимира, новгородцы под предводительством князя Александра Ярославовича Невского одержали при впадении Ижоры в Неву знаменитую победу над шведами <...> и по инициативе или Александра Ярославовича, или самих новгородцев память о знаменитой победе, имевшей место в день преставления Владимира, и была увековечена

в Новгороде установлением церковного праздника последнему» (Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998 г. (репринт). С. 63–64). Св. мощи равноапостольного Владимира были обретены позже. В 1636 г. Киевский митрополит Петр Могила, осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Батыем, и открыв гробы св. Владимира и супруги его Анны, обрел главу равноапостольного князя и положил ее в храме Преображения Господня, а потом в Киево-Печерском соборном храме Успения... (Дебольский Г. С. Дни богослужения Православной Церкви. М., 1996. С. 399 (репринт, М., 1901 г.).

²³ *Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь* (Мф. 7, 19).

²⁴ Подобно тому, как Вселенская Церковь празднует вместе память трех Вселенских учителей и святителей, в 1596 г. по предложению правоверного царя Феодора Иоанновича, с благословения Святейшего Патриарха Иова и всего Священного Собора, был установлен общий праздник в честь трех Всероссийских святителей: Петра, Алексия, Ионы. Во имя их на патриаршем дворе в Москве был сооружен храм. В 1875 г. по ходатайству святителя Иннокентия Московского перед Святейшим Синодом, к ним был причислен священномученик митрополит Филипп. В 1913 г. после прославления священномученика Ермогена, он был также введен в собор Московских святителей, празднуемый 5 октября.

²⁵ Святитель Алексей происходил из знатного боярского рода. Родителями его были Феодор (по прозвищу Бяконт) и Мария. В конце XIII в. они переехали из Черниговского княжества, страдавшего от частых татарских набегов, в Москву, под защиту св. благоверного князя Даниила Александровича. В источниках к Житию свт. Алексия нет единой даты рождения. Агиографы время это указывают приблизительно — около 1300 г. В св. крещении он был наречен Елевферием (в некоторых летописях встречается и другое имя — Симеон). Восприемником был княжич — отрок Иоанн Данилович (будущий великий князь Калита). Когда ему было около 20 лет, он принял постриг в Московском Богоявленском монастыре в Загородье (позже — Китай-город) с именем Алексей. До сорокалетнего возраста инок Алексей совершенствовался в монашеских добродетелях. Престарелый митрополит Феогност сделал его своим заместителем, а затем, 6 декабря 1352 г., рукоположил во епископа Владимирского. В 1354 г. патриарх Константинопольский

Филофей в Царьграде поставил свт. Алексия митрополитом Киевским (реально кафедра была в Москве) и всея Руси. Умер свт. Алексий 12 февраля 1378 г. и погребен, согласно завещанию, в Чудовом монастыре. Прославлен он был 20 мая 1431 г. В настоящее время его св. мощи находятся в Елоховском Богоявленском соборе в Москве. Общецерковное празднование его памяти <...> было установлено митрополитом Ионою в конце 1448 г. непосредственно вслед за восшествием его на митрополичью кафедру (что было 15 декабря указанного года), быв самым первым деянием его как митрополита (Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 74–75).

²⁶ Начало тропаря (глас 2-й) праздника Усекновения главы св. Предтечи и Крестителя Иоанна (29 августа).

²⁷ Святитель Феогност — митрополит Киевский. Грек по происхождению. Всероссийский митрополит с 1328 г. Как и святитель Петр, жил в Москве. Был советником московских князей, стремившихся к объединению русских земель. В 1342 г. ездил в Орду к новому хану Джанибеку. Своей твердой позицией добился освобождения Церкви от податей. В столице Орды подвергался истязаниям, но все перенес с терпением. Скончался 11 марта 1353 г. Погребен в Успенском соборе. В настоящее время св. мощи находятся под спудом.

²⁸ Первый раз свт. Алексий совершил путешествие в Константинополь в 1354 г. Патриарх Филофей поставил святителя Алексия митрополитом Киевским и всея Руси. Второй раз он был в столице Византии в 1361 г. Во время этого путешествия патриархом Константинопольским г. Владимир был утвержден в качестве местопребывания русских митрополитов, с сохранением Киева как престольного града.

²⁹ В 1359 г. умер вел. кн. Иоанн II Иоаннович. Ему наследовал Димитрий Иоаннович (1350–1389). При малолетнем князе Димитрии свт. Алексий нес труды по управлению Московским княжеством в качестве опекуна.

³⁰ С именем святителя Алексия связано строительство Московского Спасо-Андроникова монастыря (ок. 1360 г.) (по обету после чудесного избавления от опасности в Черном море при возвращении из Царьграда); Чудова монастыря в Кремле (ок. 1365 г.) и Симонова монастыря (между 1375 г. и 1377 г.).

³¹ В первую поездку в Орду свт. Алексий исцелил в 1357 г. жену хана Джанибека Тайдулу от слепоты. Вскоре вновь должен был посетить Орду. После смерти Джанибека ханом стал его сын, жестокий и буйный

Бердибек, который убил 12 своих братьев и хотел идти с войском на Москву. Свт. Алексей укротил ярость хана и добился мира.

³² Алексей (Опоцкий Алексей Алексеевич) — экзарх Грузии (с 10 ноября 1901 г.).

С 1 июля 1905 г. — архиепископ Тверской и Кашинский. По его предложению возобновилось почитание в лике святых блгв. кн. Анны Кашинской (1909 г.). С января 1910 г. — на покое.

³³ Слова «Сын Царев» взяты из псалма: *«Боже, суд Твой Цареву даждь, и правду Твою сыну Цареву»* (Пс. 71, 1). Так молился св. прор. Давид о своем сыне Соломоне. Святые отцы в этих словах видят прообраз Спасителя. «Сын, Который есть Отчая правда, именуется приемлющим правду по человечеству. Ибо Христос есть и Царь, и Сын Царев» (Свт. Афанасий Великий. Творения. М., 1994. С. 242). Священномученик Иоанн применяет данный стих псалма к сыну царя Николая II, цесаревичу Алексею.

Св. страстотерпец царевич Алексей Николаевич (1904 г., Петергоф — 1918 г., Екатеринбург) — наследник Российского престола. Сын святых мучеников: царя Николая II и царицы Александры. Он родился после долгих лет ожидания, на 10 году их супружеской жизни, по молитвам преподобного Серафима Саровского, через год после его прославления. Во время Саровских торжеств императрица горячо молилась новопрославленному угоднику Божию. В день рождения цесаревича государь издал манифест: «В 30-й день сего июля любезнейшая супруга наша государыня императрица Александра Феодоровна благополучно разрешилась от бремени рождением нам сына, нареченного Алексием...» (Цесаревич: документы, воспоминания, фотографии. М., 1998. С. 16). В личном дневнике государь записал: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божия» (там же). Уже на 13 день (11 августа) младенец был крещен. Восприимниками его были: дядя царя вел. кн. Алексей Александрович (1850—1908) и вдовствующая императрица Мария Феодоровна (1847—1928).

По словам воспитателя цесаревича: «Алексей Николаевич был умный, сметливый и живой ребенок, в высшей степени сердечный и полный восторженности и пламенных порывов. Очень простой от природы, чуждый всякого высокомерия и тщеславия, он нисколько не кичился тем, что был наследником...» (Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии в сб. «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных». М., 1999. С. 547). Светлая, нравственно

чуткая душа его запечатлелась в его письмах и дневниковых записях. «Дорогой папа, — пишет он отцу. — без тебя стало скучно. Я за тебя буду молиться. Поздравь от меня дядю и тетю и скорее возвращайся. Целую. Любящий Алексей. 7 мая 1913 г.» («Цесаревич...», с. 59).

Наследственная болезнь (несвертываемость крови), как и долгое отсутствие у царя наследника, были знаками неизбежного конца царствования. Жизнь цесаревича была на волоске. Любой ушиб приводил к внутренним кровоизлияниям, что причиняло сильнейшие боли. Страдал не только сам отрок, но и родители. В одном из писем государь писал 20 октября 1912 г. своей матери: «Дни от 6-го до 10-го окт[ября] были самые тяжелые. Несчастный маленький страдал ужасно, боли схватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой темп[ературы] он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: «Господи, помилуй» («Цесаревич...», с. 49). Чистая душа отрока в этих болезнях облагораживалась и совершенствовалась. «Частые страдания и невольное самопожертвование развили в характере Алексея Николаевича жалость и сострадание ко всем, кто был болен, а также удивительное уважение к матери и всем старшим. Наследник принимал горячее участие, если и у прислуги стряслось какое-нибудь горе» (Танеева (Вырубова) А. А. Страницы из моей жизни. Царственные мученики... с. 152).

С октября 1915 г. 11-летний отрок Алексей сопровождал отца во время поездки в действующую армию. Почти весь 1916 г. он провел в Ставке Верховного Главнокомандующего. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов вспоминал: «Это был изумительно красивый мальчик, стройный, изящный, смелый и находчивый. На него нельзя было не залюбоваться, когда он шутиливо становился на часы у столовой палатки государя, ожидая прихода туда отца. <...> Наряду с внешними привлекательными качествами, маленький наследник обладал, пожалуй, еще более привлекательными внутренними. У него было то, что мы, русские, привыкли называть «золотым сердцем». Он легко привязывался к людям, любил их, старался всеми силами помочь в особенности тем, кто ему казался несправедливо обижен <...> Застенчивость его в последние годы, благодаря частому пребыванию в Ставке, почти прошла. Несмотря на его добродушие и жалостливость, он, без всякого сомнения, обещал обладать в будущем твердым, независимым характером. <...> Действительно, Алексей Николаевич

обещал быть не только хорошим, но и выдающимся русским монархом» («На военно-полевой службе», цит. по: «Цесаревич...», с. 95). Но Господь уготовил ему иную, высшую славу — святое мученичество. В марте 1917 г. все члены царской семьи были подвергнуты аресту. 1 августа того же года их под конвоем везут в ссылку в Тобольск. Последний этап жизни св. мученика отрока Алексия — пребывание под арестом в доме Н. К. Ипатьева в Екатеринбурге (с 23 мая 1917 г.). Еще в 1908 г. мать св. отрока записала: «Христианство, как небесная любовь, возвышает душу человека. Я счастлива: чем меньше надежды, тем сильнее вера. Бог знает, что для нас лучше, а мы нет. В постоянном смирении я начинаю находить источник постоянной силы. Ежедневное умирание — это тропа к ежедневной жизни» (государыня императрица Александра Федоровна Романова. Дневниковые записи, переписка. М., 1998. С. 301–302). Последнее упоминание о св. царевице — запись, сделанная за несколько часов до расстрела в дневнике матери: «Серое утро, позднее чудесное солнце. У дорогого Бэби легкая простуда. <...> Мы с Ольгой разбирали наши лекарства. Татьяна читала духовную литературу. Все ушли. Татьяна осталась со мной и читала святого пророка Амоса и пророка Авдия» (там же, с. 467). В ночь с 3/16 на 4/17 июля 1918 г. св. царевич Алексей был убит палачами вместе с родителями, сестрами и теми друзьями семьи, которые проявили жертвенную христианскую любовь и остались с ними. В августе 2000 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил цесаревича Алексия в лике святых (память 4/17 июля и в Соборе новомучеников и исповедников Российских).

³⁴ Св. благоверный князь Димитрий Иоаннович (прозван после Куликовской битвы Донским) (1350–1389) — великий князь Московский (с 1362 г.). Сын вел. кн. Иоанна II Красного. В первые годы его княжения руководство делами по причине малолетства Димитрия принадлежало святителю Алексию. Став самостоятельным правителем, вел. кн. Димитрий возвысил значение Москвы как центра будущей единой Руси. Благоверный князь первый за долгий период монгольского ига поднял знамя открытой вооруженной борьбы с татарами. В 1378 г. его войско разбило их в рязанских землях на р. Воже. Самым значительным достижением этой борьбы была знаменитая Куликовская битва (1380 г.). Великий князь посетил обитель Святой Троицы и взял благословение на брань за веру и Отечество у преподобного Сергия. Во время похода на Мамай, который начался в августе 1380 г., когда вождь

русского войска устроил на ночь лагерь, «явился ему на оном месте пречуден образ Николая Чудотворца, вапою (краска. — *греч.*) украшен, звездами светло окружаемый и великим светом осияваемый, стоящ о себе на воздухе над древом, зовомым сосною, ту стоящий, никем же держимый. И то видя явление, благоверный великий князь Димитрий Иоаннович с воинством своим, с благоверными князи и бояры притекоша с несумненною верою, и молящуся сему чудесному образу, сниде сама с высоты святая оная икона и в честныя руке князю вдадеса, он же радостно и умильно прият ю на рамы своя со слезами и облобыза ю. По одолении же Мамаю, егда возвратися благоверный князь благополучно от брани с преславною победою, достиже паки онаго места, на немже оный образ с явлением чудесне в честныя руке ему вдадеса, и о дарованной ему победе на враги благодарив Всесвятого Бога и угодника Божия Николая, моляся соверши молебное пение с воинством своим, и в то время сам благоверный князь Димитрий Иоаннович, с благоверными князи и бояры, нарече оное место прозванием «Угреша» (от глагола «угрывать» — греть: т. е. согреть душу), еже зовется тем именем и до сего дне, и повеле на оном месте сооружити храм во имя и в честь святителя угодника Христова Николая чудотворца: и воздигну ту обитель славну, и удовольствова ю по пропитанию всеми потребными неоскудно» (Вознесенский А. и Гусев Ф. Житие и чудеса свт. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1994 (репр.). С. 285). В память погибших православных воинов благоверным князем Димитрием была установлена Димитриевская суббота (ближайшая суббота перед праздником его небесного покровителя великомученика Димитрия Солунского: память 26 окт.). 19 мая 1389 г. 39-летний вел. князь Димитрий, находясь в болезни и чувствуя близость кончины, простился с женой, княгиней Евдокией, детьми и боярами. Сказав: «Бог мира да будет с вами», сложил руки на груди и преставился. На погребении был преподобный Сергей Радонежский. Место его упокоения — собор Архангела Михаила в Московском Кремле.

³⁵ Святитель Иоанн Златоуст скончался 14 сентября 407 г. Так как в этот день совершается великий двенадесятый праздник — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, Святая Церковь празднование памяти великого святителя установила 13 (26) ноября.

³⁶ Преподобный Сергей (в св. крещении — Варфоломей) — великий подвижник иноческого делания. Год рождения неизвестен. У митропо-

лита Макария (Булгакова) указан 1320 г. (История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 108). В агиографической и исторической литературе имеются и другие даты (1314, 1319, 1322 гг.). Родиной его была Ростовская земля. Родители его, прп. Кирилл и Мария, принадлежали боярскому сословию. Когда он еще был во чреве матери, трижды громко прокричал во время Божественной литургии (перед чтением Святого Евангелия, во время Херувимской и по возгласе: «Святая святым»). В семь лет был отдан вместе с братьями в обучение книжному знанию. Будучи «неудобоучающимся», скорбел об этом, но чудесным образом обрел способности к познанию по молитвам старца-черноризца, которого встретил в поле. Ростов и прилегающие земли часто разорялись от набегов татар. Родители прп. Сергия покинули родину и переселились в Радонеж. Когда они упокоились, юный Варфоломей вместе с братом Стефаном отправился в глухие лесные места для подвигов пустынножительства. Сотворив молитву, братья срубили себе келью, а затем (ок. 1340 г.) построили по благословению митрополита Феогноста (ум. 11 марта 1353 г.) церковь во имя Святой Живоначальной Троицы. Было положено начало славной обители, ставшей позднее духовным сердцем России. 7 октября 1342 г. прибывший в образовавшуюся обитель игумен Митрофан постриг Варфоломея в иночество с именем Сергей (в честь римского мученика Сергия, память которого совершается в этот день). Епископ Волынский Афанасий, управлявший в то время Переяславской кафедрой, рукоположил его около 1354 г. в пресвитера, а затем дал сан игумена.

Преподобный Сергей стяжал высокие дарования духовные: сердечную, чудотворящую молитву, любовь и смирение. Он был великим наставником монахов. Четырнадцать его учеников стали преподобными, прославлены в лике святых. Преподобный Сергей сподобился блаженной кончины 25 октября 1392 г. Святые его мощи были обретены 5 июля 1422 г. Житие в 1417–18 гг. составил ученик его Епифаний Премудрый.

«Местное празднование преподобного Сергия в самом Троицком монастыре, как со всею вероятностью следует думать, началось тотчас или в самом непродолжительном времени после кончины, ибо он прославился как великий чудотворец еще при своей жизни. Не знаем, было ли нарочитым образом установлено ему общецерковное празднование или он сделался общецерковным, общерусским святым сам собой, по причине своей великой славы, но в 1447–48 годах он уже

называется в числе великих святых, весьма немногих тогда, чудотворцев Русской земли (см.: Собр. летописей. VIII, 121, под 1448-м годом)» (Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998 г. С. 72).

³⁷ Митрополит Платон (Петр Григорьевич Лёвшин; 1737–1812). Родился в семье причетника. Учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1761 г. принял монашество. С 2 января 1775 г. — архиепископ Московский и Калужский. В 1787 г. возведен в сан митрополита. Четверть века возглавлял Московскую митрополию. Оставил большое гомилетическое (ок. 500 проповедей) и духовно-литературное наследие: «Катехизис для священнослужителей и церковнослужителей» (1775 г.), «Православное учение веры» (1765 г.) и др.

³⁸ Священномученик Ермоген — патриарх Московский и всея Руси. Родился около 1530 г. В начале своего служения был священником церкви Святителя и Чудотворца Николая в Казани. В приходе этого храма было чудесное явление Казанской иконы Божией Матери в 1579 г. Сщмч. Ермогеном был написан тропарь чудотворной Казанской иконе («Заступница Усердная, Мати Господа Вышнего...») и «Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него» («Патриарх Ермоген». М., 1997).

С 1582 г. сщмч. Ермоген — архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Казани. 13 мая 1589 г. он был рукоположен во епископа. Ему был дан титул митрополита Казанского. По его предложению совершилась канонизация трех мучеников, пострадавших в Казани: Иоанна, Петра и Стефана (двое последних были новокрещенными татарами). При митрополите Ермогене было обретение в 1595 г. святых мощей Казанских чудотворцев: святителей Гурия и Варсонофия. Сщмч. Ермоген составил их житие.

3 июля 1606 г. сщмч. Ермоген был возведен на Патриарший престол. Его первосвятительство совершалось в тяжелое, так называемое Смутное время. Святейший Патриарх Ермоген явился в эти годы великим исповедником Православия и патриотом. «Вспомняте, на Кого воздвизаете оружие — и не на Бога ли, сотворшего нас, не жребия ли Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев, не на своих ли единоплеменных братию? Не свое ли Отечество разоряете, ему же иноплеменных многия орды чюдишася, ныне же вами обрутаемо и попираемо?» — писал он в воззвании о незаконном сведении с престола царя Василия Иоанновича («Патриарх Ермоген». С. 97).

Захватившие Москву поляки вместе с русскими предателями заточили священномученика Ермогена в подземелье Чудова монастыря. После девятимесячных мучений в темнице 17 февраля 1612 г. отошла ко Господу душа великого молитвенника и защитника Православия и Отечества.

³⁹ «Мощи священномученика, перенесенные в 1653 г. в собор, были обретены нетленными и положены поперх помоста, в ящике, обитом фиолетовым бархатом, подле медного шатра, построенного для ризы Господней. В 1812 году враги-грабители извлекли их из ящика, думая, что там скрыты сокровища. По изгнании наполеоновских полчищ из Москвы мощи святителя Божия найдены на полу храма, в прежнем полном нетлении. Они почивают и теперь на том же месте, в том же ящике» («Описание о российских святых...». Дополнил биографическими сведениями граф М. В. Толстой, М., 1887 г.; цит. по репр. изд. М., 1995. С. 60). 11 и 12 мая 1914 г. происходило торжественное открытие св. мощей святителя Ермогена. Накануне, 10 мая, была совершена Божественная литургия. Прибывший в Успенский собор святитель Макарий (Невский) в сослужении викарных архиереев и духовенства совершил молебен. «Затем иерархи и священнослужители, по снятии надгробия, вынули из кипарисового гроба святые мощи и стали облачать их в жертвуемые их величествами одежды. На главу святителя возложен был белый патриарший куколь, на котором государыня императрица собственноручно вышила и обнизала жемчугом изображение шестикрылатого Серафима. На воскрилиях, в шести четырехугольных дробницах, обнизанных жемчугом (по три с каждой стороны), изображены святые покровители царской семьи. Затем надета была епитрахиль, изготовленная в Вознесенском монастыре, с вышитыми на ней изображениями Московских святителей: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. На мантии, на верхних скрижалях, сделаны шитые шелками и золотом и украшенные жемчугом изображения: справа Казанской иконы Богоматери, слева тезоименитых святителю мучеников: святых Ермолая и Ермогена. Владыка митрополит окроплял святою водою каждую принадлежность патриаршего облачения. На грудь святителя возложена его панагия. Шитье высокохудожественной работы на все облачения исполнили монахини Алексеевского и Иоанновского монастырей. По окончании облачения святые мощи были положены в новый кипарисовый гроб. Затем началось соби́рание раки. Она сделана из серебра в несколько десятков пудов. Орнамента́ция ее представляет

репродукцию украшения ермогеновской панагии. <...> Ко дню открытия мощей свт. Ермогена протопресвитером Любимовым Н. А. была выпущена брошюра о чудесах, совершенных у гробницы святителя» (Открытие мощей святителя Ермогена — «Патриарх Ермоген». М., 1997. С. 284).

⁴⁰Прот. Иоанн приводит имена современников свт. Ермогена, твердо стоявших за веру, царя и Отечество.

Священномученик Феокист — архиепископ Тверской и Кашинский. Рукоположен в январе 1603 г.; пленен поляками в 1608 г. Убит ими в 1609 г. Память 29 апреля.

Священномученик Галактион — архиепископ Суздальский и Кашинский. Рукоположен в 1593 г. из архимандритов Казанского Спасо-Преображенского монастыря. В 1609 г. лишен кафедры. В том же году умер. Погребен в Суздальском соборе.

Герасим — архиепископ Суздальский и Кашинский. Рукоположен в 1612 г. Умер не ранее 1615 г.

Сергий — архиепископ Смоленский и Брянский (1608–1611). При захвате Смоленска поляками взят в плен. Упомянут еще в 1623 г.

Иосиф — епископ Коломенский и Каширский. Рукоположен в 1586 г. Умер 27 января 1615 г. Погребен в Коломенском соборе.

Филарет (Романов) — митрополит Ростовский и Ярославский. Рукоположен в мае 1606 г.; взят поляками в плен 17 августа 1610 г., где находился до 1619 г. С 22 июня 1619 г. — патриарх Московский и всея Руси.

Иоиль — архимандрит Печерского Вознесенского монастыря под Нижним Новгородом (1607–1610).

Преосвященный Матфей — 2 июля назначен игуменом Кирилло-Белозерского Успенского монастыря. 7 февраля 1615 г. рукоположен в епископа и поставлен митрополитом Казанским.

Преподобный Дионисий Радонежский. В миру — Давид Феодорович Зобниновский. Родился ок. 1570 г. в г. Ржеве. Принял монашество в Старицком Богородском монастыре. Около 1605 г. возведен в сан архимандрита. С 1610 г. — архимандрит Свято-Троицкого Сергиева монастыря. Автор патриотических посланий, в которых убеждал всех «постоять за благочестие и Отечество крепко и мужественно». Умело и самоотверженно руководил обителью во время 18-месячной осады ее поляками. После изгнания поляков царь поручил архимандриту Ди-

онисию вместе со старцем Арсением и священником Иоанном исправить напечатанный в 1602 г. типографщиком Андроником Невежею Требник. Правщики сличали до двадцати различных старых Требников. В результате работы они исключили из молитвы Великого освящения воды в день Богоявления прибавление в Требнике 1602 года слова «и огнем», добавленные типографщиком и не встречавшиеся в более древних Требниках. За это преподобный Дионисий и его помощники незаслуженно подверглись обвинению в ереси. На преподобного Дионисия была возложена епитимья. Он был запрещен в священнослужении и заключен в Новоспасском монастыре. Ежедневно он должен был класть тысячу поклонов. Смиранный Дионисий добавил от себя еще тысячу. Иногда его привозили на патриарший двор. Он клал поклоны перед толпами народа. Некоторые ругались над мнимым еретиком. Избранный в 1619 г. Собором патриарх Филарет оправдал преподобного Дионисия и помощников его. Скончался он мирно 10 мая 1633 г., приняв перед кончиной схиму. Отпевал преподобного патриарх Филарет (Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996. С. 116). Память святого празднуется 12 мая (по ст. ст.).

Авраамий Палицын (в миру — Аверкий Иванович). Родился около 1550 г. в Протасьево, близ Ростова. Происходил из древнего дворянского рода. При царе Феодоре Иоанновиче подвергся опале и был сослан. Принял монашеский постриг в Соловецком монастыре. С 1608 (или 1607) г. — келарь Свято-Троицкого Сергиева монастыря. Во время осады поляками монастыря (1608–1610 гг.) был на Троицком подворье в Москве. Вместе с преподобным Дионисием (Зобниновским) и другими монахами монастыря составлял патриотические воззвания против захватчиков. Был участником Земского Собора 1613 г., выступал за избрание царем Михаила Феодоровича. В 1618 г. управлял Свято-Троицким Сергиевым монастырем. С 1620 (или 1619) г. на покое в Соловецком монастыре. Ок. 1620 г. составил «Историю в память предыдущих родов» («Сказание Авраама Палицына»), включившую, по мнению исследователей, также текст, написанный прп. Дионисием. «История...» — ценный источник о России 1584–1618 гг. Умер 13 сентября 1626 г. в Соловецком монастыре.

⁴¹ Имеется в виду св. блгв. кн. Димитрий Московский, Донской († 1389 г.), которого прп. Сергей Радонежский благословил на Куликовскую битву, предсказав победу русскому войску.

⁴² Вот как описывает в одной из проповедей этот храм о. Иоанн: «Прежде грязное, сырое подземелье Чудова монастыря приведено теперь в весьма благоустроенный вид. Чисто, тепло, сухо. Пол выстлан метлахскими плитками, проведено электрическое освещение, каменные своды подземелья очищены от насевшей на них вековой пыли. Весь храм устроен в древнем стиле, в стиле начала XVII века. К этому именно времени относится поставленный здесь иконостас; образа, заключенные в нем, старинного письма; они снабжены окладами из басменных изделий — тонких металлических листов с оттиснутыми на них фигурами и узорами. (В старину в Москве было много мастеров-басменщиков; они проживали, главным образом, в «басменной слободе» — теперь Басманная улица.) Иконостас в храме деревянный, обложен медью, басменной чеканной работы, вызолочен под старую отделку. Царские врата, сень и столбики — времен Алексея Михайловича. Образа и церковные предметы относятся также ко временам Московского царства; крест и запрестольная икона (Смоленская Божией Матери со свт. Николаем Чудотворцем) — к XVII веку; водосвятная чаша — около 1720 года; икона «Спас Мокрая брада» — времен Михаила Феодоровича; икона Казанская Божией Матери со святыми: Гурием, Варсонофием, Германом и Архистратигом Михаилом — строгановского письма (XVII века) в старинном серебряном басменном окладе. Перед иконостасом поставлены старинные, весьма художественной работы, подсвечники. Из предметов богослужебных заслуживают быть отмеченными: 1) Евангелие чеканной работы, древнего рисунка, с чеканными изображениями евангелистов, с картиной «Благословляющий Спаситель» и чеканными картинами святых, имена коих носят представители царской фамилии, а также изображением св. мученика Ермогена; 2) семисвечник металлический со стаканчиками, отливным украшением до вышины престола, причем нижняя труба и поддон басменные. Обращает также на себя внимание отопление, устроенное в новом храме. Здесь применена вододуховая система, заключающаяся в том, что в соседнем с храмом здании поставлен водяной котел и камера с батареей; отсюда посредством электрического вентилятора нагретый воздух идет по подземным трубам и входит в храм чрез особое отверстие, сделанное в его юго-восточном углу; нагретый воздух, распространяясь по всему пространству подземелья, выходит чрез выводную трубу и направляется обратно к месту нагрева, куда поступает непосредственно с улицы. Эта система отопления тем более замеча-

тельна, что она пока почти не применена в Москве; в настоящее время она функционирует только в церкви Василия Блаженного и устраивается в Успенском соборе.

Нам остается еще описать место заключения патриарха Ермогена, расположенное в северо-восточном углу подземелья. Здесь, как повествует одна из древних рукописей о святейшем Ермогене, «немиловитивни приставники изменничьи замориша его голодом, меташа бо страдальцу Христову не человеческую пищу — в неделю сноп овса и мало воды». Это место, где находился в заточении окруженный врагами и томимый голодом патриарх, представляет собою очень маленькую камеру, площадью приблизительно в полтора квадратных аршина, с незначительным окошечком вверху, снабженным железной решеткой. Здесь, в такой тесной камерке, в темноте и сырости, зимою в холоде, почти год томился святейший Ермоген; здесь его светлая, чистая душа, оставляя землю, отлетела к Престолу Всевышнего... В настоящее время здесь поставлен канунный столик, на котором теплятся поминальные свечи» (Цит. по кн. «Патриарх Ермоген: жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление». М., 1997).

⁴³ Преподобный Серафим Саровский родился в ночь с 19 на 20 июля (день памяти св. пророка Илии; знаменательно, что семья Мошних принадлежала к приходу Ильинской церкви). Годом рождения святого принято считать — 1759-й. Отец его, Исидор Иванович Мошнин, был купец, имел кирпичные заводы, занимался строительством храмов и домов. Мать звали Агафья Фотиевна. Оба родителя, будучи людьми благочестивыми, воспитывали в святой православной традиции троих своих детей: Параскеву, Алексия и Прохора (так был назван будущий великий светильник монашества). После святого крещения его небесным покровителем стал апостол из 70 — св. Прохор (память 28 июля). Когда Прохор был семилетним отроком, над ним совершилось дивное чудо Божие: он упал с высокой, стоявшей еще без перил, колокольни недостроенного храма в честь преподобного Сергия и Казанской иконы Божией Матери (строительство началось в 1752 г., а закончилось в 1777 г., а после прославления св. Серафима был устроен в ней придел в честь преподобного) и остался жив и невредим. В десятилетнем возрасте Прохор сподобился второго чуда. Ему, тяжело болящему, явилась Матерь Божия и обещала исцелить. Вскоре это совершилось: чудотворную Курскую Коренную икону несли по Сергиевской улице, на которой был их дом. Из-за начавшегося ливня понесли для

сокращения пути через двор Мошниных. Мать вынесла ребенка. Приложившись к чудотворному образу, он исцелился.

20 ноября 1778 г. Прохор вместе с двумя спутниками прибыл в Саровскую Свято-Успенскую обитель. Первым послушанием Прохора было исполнение обязанностей келейника при игумене монастыря Пахомии. После были и другие: в хлебной, просфорне, столярной. Был он будильщиком, пел на клиросе. Через два года после вступления в монастырь Прохор сильно заболел: открылась тяжелая форма водянки. От врачебной помощи отказался и всецело отдал себя Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Однажды после Причастия Святых Таин явилась ему в несказанном свете Мать Божия с апостолами Петром и Иоанном Богословом и сказала: «Сей — от рода нашего». Коснувшись жезлом болящего, Она подала ему полное исцеление.

13 августа 1786 г., за два дня до престольного праздника обители — Успения Пресвятой Богородицы, игумен Пахомий постриг Прохора в монашество с именем Серафим. Сорок пять лет провел он в обители, на которую обратила его взор преподобная Досифея (в миру Дария Тяпкина), когда он посетил Китаеву пустынь. За эти годы он стяжал великие добродетели и, оправдывая свое имя, стал «собеседником Ангелов». Дарования чудотворений, прозрений и духовно-мудрого старческого назидания привлекали к нему множество людей со всей России. Иеромонах Серафим сподобился блаженной кончины во время коленопреклоненной молитвы в келии 2 января 1833 г.

⁴⁴ Первые шаги к прославлению старца были сделаны игуменом Рафаилом (в миру Николай Иванович Трухин), назначенным настоятелем Саровской обители 31 декабря 1889 г. Он создал комиссию по исследованию и описанию чудес, совершившихся по молитвам отца Серафима. Результаты работы были представлены в 1894 г. в Тамбовскую духовную консисторию. Но реальных шагов к канонизации после этого сделано не было. Решение о прославлении явилось плодом ревностных трудов священномученика Серафима (Чичагова), составившего «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (опубликована в 1896 г. и преподнесена государю Николаю II, который имел особое молитвенное почитание Серафима как святого старца). По высочайшему указанию Святейший Синод приступил к подготовке канонизации. 11 января 1903 г. комиссия из 10 человек во главе со священномучеником Владимиром (митрополитом Московским) освидетельствовала могилу преподобного Серафима и из-под свода из-

влекла его гроб. Членами комиссии был составлен подробный акт освидетельствования. По результатам работы комиссии Святейший Синод представил государю доклад. На нем император Николай II 26 января 1903 г. сделал надпись: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления».

Канонизация совершилась 19 июля 1903 г. 17 июля прибыл государь с государыней и члены царствующего дома. Сохранились свидетельства участников Саровских торжеств: «Я сам был на этом торжестве, видел, как государь пешком, благоговейным паломником, ходил к целебному источнику и в дальнюю пустыньку старца Серафима, на своих царственных плечах нес гроб с честными останками новоявленного чудотворца и причащался вместе с супругою своею Святых Таин Христовых. Они исповедовались у смиренного старца иеросхимонаха Симеона и причащались 18 июля за ранней обедней <...> вместе с народом. Я сам среди этих паломников приобщился и видел, с каким благоговением царственные богомольцы приступили к святому Таинству. Простота и религиозность их сильно повлияли на меня еще тогда, вызывая слезы умиления. Только истинная вера в Бога, истинная преданность Православию и глубокое благоговение к святым мощам праведного убогого старца-отшельника, смиренного пустытника, подвигнула царственных богомольцев на далекое и трудное путешествие. <...> Государь на свои средства соорудил серебряную художественную раку для мощей преподобного Серафима, а царица собственноручно вышила покров на гробницу и коврик с дорожками» (Игумен Серафим (Кузнецов). Православный царь-мученик. М., 1997. С. 150).

В Саровских торжествах принимали участие великий князь Сергей Александрович и св. преподобномученица Елизавета Феодоровна. В письме к государю Николаю II 23 мая 1909 г. в связи с готовившимся праздником восстановления в лике святых благоверной княгини Анны Кашинской, она писала: «... я, конечно, была бы счастлива вновь пережить божественные впечатления, как тогда в Сарове — это редкостное благословение и поддержка в жизни» (Материалы к Житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 40).

⁴⁵ Святитель Филарет (Василий Михайлович Дроздов) родился 26 декабря 1782 г. в г. Коломне в семье соборного диакона (позже — священника) Михаила Феодоровича. Имея блестящие способности, успешно учился сначала в Коломенской духовной семинарии (с 1791 г.),

а затем в семинарии Троице-Сергиевой лавры (с 1800 г.), которую окончил в 1803 г. Оставлен был при семинарии преподавать греческий и еврейский языки. Дважды жители г. Коломны приезжали к митрополиту Московскому Платону с просьбой поставить Василия Дроздова во священника в Коломну, но опытный архипастырь отказывал, видя особые его дарования. В 1806 г. он получил послушание быть проповедником при лавре. В годовщину освобождения Троице-Сергиевой обители от поляков, осаждавших ее, Василий Дроздов 12 января произнес проповедь. В ней высказана мысль, которую подтвердила история нашего Отечества более 100 лет спустя: «Религия в обществе есть пружина, по ослаблении коей все действия махины приходят час от часу в больший беспорядок. По ниспровержении сего оплота поток беззакония не находит никакой преграды и всюду разносит бедствия и опустошения» (Сочинения. Слова и речи. М., 1873. Т. 1. С. 120).

16 ноября 1808 г. он был пострижен в монашество с именем Филарет (в честь св. Филарета Милостивого, память 1 декабря). Через пять дней был рукоположен в иеродиакона, а 28 марта 1809 г. посвящен в иеромонаха. 11 марта 1812 г. — архимандрит. В июле 1811 г. был назначен ректором С.-Петербургской духовной академии и профессором богословских наук. 5 августа 1817 г. был рукоположен в епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии. Через два года (15 августа 1819 г.) преосвященный Филарет назначается архиепископом Тверским и членом Святейшего Синода. 3 июля 1821 г. 38-летний Филарет был поставлен во главе древнейшей кафедры (архиепископом, а с 1826 г. митрополитом Московским), которую возглавлял 46 лет. Умер в 1867 г. в день (19 ноября), о котором он был извещен за несколько месяцев явившимся ему родным отцом. Многих современников изумляла богатая многообразными дарованиями личность святителя Филарета. Во всех областях, где протекала его деятельность, он оставил глубокий, яркий след. Как архиерей он был духовно мудрым, неутомимо ревностным, справедливым и внимательным. В богословии ученость и глубина соединялись со строгостью в отношении чистоты православного учения. Многочисленные проповеди отличаются высотой мысли, тщательной продуманностью и отточенностью выражений. Среди множества совершаемых им дел он стяжал дар молитвы. «Бывали случаи исцелений по его молитвам. Так одна восьмилетняя девочка, бывшая в полном расслаблении, тотчас стала ходить, как только мать поднесла ее под благословение святителя Филарета. Девица, бывшая

в продолжение 13 лет немою, тотчас заговорила, как только святитель, благословив, спросил ее: «Как тебя зовут?» и заставил ее тут же прочитывать молитву Господню. У одного купца появился в руке антонов огонь. Доктора уже решили отнять руку, но болящий, через своего приходского священника, попросил с верою молитв у святителя Филарета, и вслед за тем увидел во сне, что владыка благословил его: проснувшись, он почувствовал себя лучше, и когда явились врачи для операции, то рука, к их изумлению, оказалась совершенно белой, так что ни в какой операции не было надобности. <...> Один купец, заблудившийся в киргизской степи во время страшного бурана, призвал в молитве святителя, и в дремоте увидел святителя, который благословил его, промолвив: «Бог благословит тебя продолжать путь благополучно», и купец был спасен. <...> Много и других подобных случаев было с благоговейными читателями памяти святителя Филарета» («Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков». Ноябрь. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994. С. 487–488).

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1994 году причислил митрополита Филарета к лику святых.

“Св. праведный Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) — великий пастырь и молитвенник. Родился в ночь на 19 октября 1829 г. Ребенок появился на свет очень слабым. Не имея уверенности, что младенец проживет хотя бы несколько дней, родители попросили священника крестить его в первую же ночь. Его небесным покровителем стал преподобный Иоанн Рыльский, память которого празднуется в этот день. Пятьдесят лет спустя св. прав. Иоанн писал о себе: «Я — сын причетника села Сурского Пинежского уезда Архангельской губернии. С самого раннего детства, как только я помню себя, лет четырех или пяти, а может быть, и менее, родители приучали меня к молитве и своим религиозным настроением сделали из меня религиозно настроенного мальчика». («Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев». М., 1997. С. 14).

На 10-м году отрок Иоанн был принят в Архангельское приходское училище. Об учебе сам св. прав. Иоанн вспоминал: «Долго не давалась мне эта мудрость, но будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение» (там же, С. 14). Св. Иоанн окончил Архангельское приходское училище, Архангельскую духовную семинарию

(в 1851 г.) и был как первый ученик послан «на казенный счет» в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1855 г. кандидатом богословия.

⁴⁷ Об этом посещении в «Московских церковных ведомостях» сообщалось: «5 декабря с поездом, в 10 часов утра по Балтийской железной дороге выехали в Кронштадт с целью посетить болящего высокочтимого и горячо любимого всею православною Русью Кронштадтского пастыря Иоанна Ильича Сергиева — высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский, преосвященные Серафим (Чичагов) Орловский и Ермоген (Долганов) Саратовский (оба духовные чада о. Иоанна и им призваны к священству), в сопровождении пастырей и мирян из почитателей о. Иоанна, в том числе были протоиерей И. И. Восторгов, В. М. Скворцов и др.» (1907, № 50, 15 декабря).

⁴⁸ Иоанн Сергиев был рукоположен в священника через несколько месяцев после окончания учебы в Духовной академии (12 декабря 1855 г.) преосвященным Христофором (Феодор Эммауский, 1795–1872), епископом Ревельским. Еще во время учебы на четвертом году в академии св. прав. Иоанну было видение: он подъезжает к храму, входит в него, а затем выходит другими дверями. Позже, когда ему предложили место в Кронштадтском Андреевском соборе и он поехал туда, был изумлен, что это был именно тот храм, который был показан ему в видении. В этом храме, ставшем известным всей России, отец Иоанн прослужил 53 года. В 1860 г. он награждается набедренником, в 1861 г. фиолетово-бархатной скуфьею, в 1866 г. фиолетово-бархатной камилавкой, золотым наперсным крестом (1870 г.). В 1875 г. был возведен в сан протоиерея. В 1876 г. стал ключарем Андреевского собора. В 1894 г. настоятель собора протоиерей П. В. Трачевский вышел за штат. Настоятельские обязанности были возложены на протоиерея Иоанна Сергиева.

В 1895 г. прот. Иоанн получил палицу, а в 1899 г. был возведен в сан митрофорного протоиерея («за усердную, свыше 40-летнюю службу в духовном сане»). Одновременно трудился как законоучитель: в Кронштадтском уездном училище (1857–1862 гг.), а с 1862 г. в течение 23 лет в Кронштадтской классической гимназии. Всего 28 лет.

В 80-е годы, когда стали писать о нем как о необыкновенном молитвеннике-чудотворце, начались регулярные, а позже — ежедневные поездки в Петербург к больным и страждущим. Обычно возвращался отец Иоанн в первом часу ночи. Вставал он ранее четырех утра. Изум-

ляет то постоянство, с каким совершался в течение десятилетий этот жертвенный труд.

Толстой же был томим постоянной неудовлетворенностью в своих занятиях. Найдя призвание в писательском труде и получив европейское признание, он стремится к чему-то другому и желает стать «учителем жизни», основателем нового нравственного учения.

⁴⁹ Л. Толстой, будучи на год с небольшим старше св. Иоанна, начал учиться в эти же годы. В 1844 г. с трудом сдал вступительные экзамены, поступил в Казанский университет по разряду арабско-турецкой словесности с намерением стать дипломатом. Опыт других показывает, что знания в этой области могут быть очень полезными. Н. И. Ильинский, изучивший арабский, турецкий и персидский языки, внес выдающийся вклад в миссионерское дело. Но Л. Толстой через год переходит на юридический факультет. Увлекается светской жизнью (балы, любительские спектакли). В 1847 г., не окончив курса, уходит из университета.

⁵⁰ О пастырских и духовно-писательских трудах св. прав. Иоанна свт. Феофан Затворник говорит в письме от 17 марта 1892 г.: «О. Иоанн Кронштадтский — Божий человек. Молитва его к Богу доходна, по великой вере его. Господь да хранит его в смирении и преданности Его святой воле, и в самоотвержении. У него не одна книжка, а до 15 или более. Потрудитесь приобрести. <...> О. Иоанн и часто исповедует. <...> У него бывает народу не до 200, а до 2000. Это милость Божия! (Творения. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник», 1994. Вып. 5. С. 214–215). И еще о трудах Кронштадтского пастыря: «Вон вышли книги, «Моя жизнь во Христе» озаглавлены, о. Иоанна Кронштадтского < ...> одного сорта с моими. Но в них есть многое лучше написанное, чем у меня» (там же, вып. 4. С. 155). В письме от 12 октября 1890 г. святитель Феофан Затворник писал о. Иоанну Кронштадтскому: «Достопочтеннейший о. протоиерей! Приношу вам глубокую благодарность за ваши слова и поучения многоназидательные, простые и глубокие, краткие и полные, всеоключающие без излишеств и словоизвитий. Благослови, Господи, ваши пастырские труды во всей их широте. Вам дана благодать не учить только, но и творить. Помогите вам, Господи, успешно служить братьям о Христе всяким дарованием, какое прияли вы от Господа» (Творения. Собрание писем. Вып. 3. С. 166–167).

⁵¹ Отец Иоанн прожил почти полвека в скромной квартире на втором этаже церковного дома на углу Андреевской и Посадской улиц. За несколько десятилетий через его руки прошли сотни тысяч рублей, на которые можно было приобрести несколько домов. Но все эти средства он отдавал нуждающимся и жертвовал на строительство храмов и монастырей (Свято-Иоанно-Богословский женский монастырь в с. Сура и два его подворья: в Архангельске и Санкт-Петербурге на р. Карповке).

⁵² Дерзновенность молитвы, высокое познание сыновства перед Богом у св. Иоанна соединялись со смирением и простотой при возрастающей славе и народном признании. Об этом мы имеем много свидетельств. Очевидец рассказывает о прибытии в 1894 г. св. Иоанна на пароходе в Казань: «С 8 часов вечера Самолетская пристань на Волге начала переполняться громадной массой народа, которая росла все более. Весь путь от Казани до Устья всю ночь до утра был усеян пешеходами, экипажами; вагоны конно-железной дороги, отходя один вслед за другим, не могли вмещать желающих ехать. К рассвету не только Самолетная пристань, но и весь приволжский берег был сплошь усеян народом, не спавшим всю ночь и с лихорадочным нетерпением направлявшим постоянно свои взоры на низовую часть Волги... В начале 6 часа утра 5 июля толпа вдруг зашевелилась, зашумела: на горизонте южного плеса р. Волги показался пароход. Вся толпа изображала войско, коему скомандовано было: «Смирно!»... В это время «Отважный» успел причалить к Самолетной пристани, изображавшей собой одну лишь сплошную массу голов, колыхавшуюся волнами» («Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев». М., 1997, С. 313–314).

⁵³ О Л. Толстом свт. Феофан говорит неоднократно в своих письмах: «Вы хорошо сделали, что отказались читать бредни Толстого, и не берите их в руки. Вон почитайте, что у него писано... у этого Льва, рыкающего, кого поглотить. Я и забыл прописать, что Лев признает только Евангелие, и то в искаженном виде, как у него... Послания св. апостолов не признает, ни отцов и учителей Церкви» (там же, вып. 4. С. 99). Толстой, по собственному признанию, до 1881 г. не был верующим. Это не помешало человеку, не имеющему духовного опыта, богословских и философских знаний, стать сразу же новым «учителем жизни». Свт. Феофан в этом видит свидетельство религиозного неблагополучия современного ему образованного общества: «Лев Толстой... где-то нахватался, как чаду, злых мыслей — и распространя-

ет, украдкою, в рукописях. Но в сих рукописях только бредни его содержатся без всяких доказательств... Как у нас молодежь веры не знает, то легко увлекается сими бреднями по одному предположению, что-де такой писатель верно имеет основание так говорить» (вып. 8. С. 111), «яд настоящий для молодежи...» (С. 112). Наставляя своих чад, святой Затворник говорит о благодатной пользе творений св. прав. Иоанна: «Хорошо, что мысли о. Иоанна так вас озаряют. Я называл их утренним весенним ветерком благоуханным. Прочтите их не раз, а несколько раз...» (вып. 4. С. 135).

⁵⁴ Л. Толстой был отлучен от Церкви. В «Определении Святейшего Синода от 20–23 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам Православной Российской Церкви о графе Льве Толстом» было сказано: «И в наши дни Божиим попущением явился новый лжеучитель — граф Лев Толстой <...> в прельщении гордого ума своего дерзко восстал на Господа и на Христа Его, на святое Его достоинство, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви <...> Он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает Личность Живаго Бога, во Святей Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Исккупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради, человеков, и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождению Пречистой Богородицы, Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все Таинства Церкви и благодатное в них действие Святаго Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глумлению величайшее из Таинств — святую Евхаристию. <...> Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви вместе и молимся, да подаст ему Господь *покаяние в разум истины* (2 Тим. 2, 25). Молимся, милосердый Господи, не хотяи смерти грешных, услыши и помилуй, и обрати его ко Святей Твоей Церкви. Аминь». Семь подписей: митрополиты Антоний (С.-Петербургский), Феогност (Киевский), Владимир (Московский) и др. члены Святейшего Синода.

⁵⁵ Для о. Иоанна, всю жизнь стремившегося соединиться с Небесным Отцом, это было время последних приготовлений к переходу в родное, вечное Отечество. «Путешествуя по России, — записал он в дневнике 1907–08 гг., — встречаешь часто храмы, как кущи странновавшего по пустыне Израиля, или как странноприимные дома. И в самом деле, храмы городские или сельские суть кущи и странноприимницы, ибо все веруем и знаем, что мы все здесь странники и пришельцы, а не постоянные жители, храмы — это духовные школы, врачевницы, просветительные места, дорожные станции для путешественников Неба, дома благотворительные, где оказываются нам величайшие благодеяния и пособия благодатные для приготовления к водворению на небе» («Живой колос с духовной нивы». СПб., 1909. С. 21). В том же дневнике он благодарит за дарованные ему 53 года священства. «Сколько залогов милости я получил и получаю от Бога в этой жизни, надеюсь, что и в будущей жизни по смерти: а смерть есть рождение в жизнь вечную, Божиею милостью и человеколюбием» (там же, С. 154). Сам он, св. прав. Иоанн Кронштадтский, как спелый живой колос на Божией ниве, пополнил небесную житницу. Его блаженная кончина наступила 20 декабря 1908 г. в 7 часов 40 минут утра в присутствии священника Иоанна Орнатского (родственника его) и Руфины Шемякиной (племянницы его матушки Елизаветы Константиновны).

Конец жизни Л. Толстого был трагичен. Болезненные ссоры и раздоры между толстовцами, несоответствие собственного образа жизни в графском имении с распространяемым им учением привели к тому, что в литературе получило название «уход Толстого». 28 октября 1910 г. утром он тайно бежал из Ясной Поляны. В этот же день он был в Оптиной Пустыни. «Прибыл в Оптину пустынь известный писатель граф Лев Толстой, — записано в «Летописи скита». — Остановившись в монастырской гостинице, он спросил заведующего ею рясофорного послушника Михаила: «Может быть, вам неприятно, что я приехал к вам? Я, Лев Толстой, отлучен от Церкви: приехал поговорить с вашими старцами. Завтра уеду в Шамордино»... На другой день дважды уходил на прогулку, причем его видели у скита, но в скит не заходил, у старцев не был и в 3 часа уехал в Шамордино. О пребывании же графа в Шамордине имеются следующие сведения: встреча его с сестрою своею, шамординскою монахиною, была очень трогательна — граф со слезами обнял ее, после они долго беседовали вдвоем. Между прочим, граф говорил, что он был в Оптиной, что там хорошо, что с радостью он надел бы подряс-

ник и жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но что он условием бы поставил не принуждать его молиться, чего он не может. На замечание сестры, что и ему бы поставили условие ничего не проповедовать и не учить, граф ответил: «Чему учить! Там надо учиться», и говорил, что на другой день поедет на ночь в Оптину, чтобы повидать старцев. Про Шамордино отзывался хорошо и говорил, что и здесь затворился бы в своей храмине и готовился бы к смерти...» (Цит. по кн.: Житие оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1995. С. 340–341). Желание Толстого осталось неисполненным. Вечером 30 октября приехала дочь его Александра Львовна и рано утром увезла на станцию. В Астапово вышли из поезда. Тяжелобольному Толстому начальник станции И. И. Озолин предоставил возможность остановиться в его квартире. О дальнейшем рассказывается в «Летописи скита»: «4-го сего месяца [ноября] утром получена телеграмма преосвященного Калужского о назначении по распоряжению Синода бывшему скитоначальнику иеромонаху Иосифу ехать на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги к заболевшему в пути графу Льву Толстому для предложения ему духовной беседы и религиозного утешения в целях примирения с Церковью. На сие получено телеграммою, что о. Иосиф болен и на воздух не выходит, но за послушание ехать решился. При сем настоятелем оптинским испрашивалось разрешение вследствие затруднения для о. Иосифа ехать по назначению, заменить его о. игуменом Варсонофием. На это последовал ответ епископа Вениамина, что Святейший Синод сие разрешил. <...> Вечером 4-го же числа от старца о. Иосифа было телеграммою спрошено у начальника станции Астапово, там ли Толстой, можно ли его застать 5-го числа вечером и если выехал, то куда. На это получен ответ, что семья Толстого просит не выезжать. Однако утром сего числа о. игумен Варсонофий, во исполнение синодального распоряжения, выехал к графу Толстому в Астапово» (там же, С. 343–344). Находившийся в Астапово рязанский губернатор кн. Оболенский обращался к дочери писателя Александре Львовне разрешить игумену Варсонофию навестить больного Толстого для беседы, но получил отказ. Отец Варсонофий телеграфировал со станции Астапово епископу Калужскому Вениамину: «Граф Толстой скончался сегодня 7 ноября в 6 часов утра. <...> Умер без покаяния. Меня не пригласили». В другой телеграмме он сообщил: «Согласно воле графа, тело его будет перевезено завтра в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов в саду» (там же, С. 345).

⁵⁶ Иосия — 15-й царь в Иудее. Царствовал 31 год: 639–609 (по другой хронологии: 638–608) гг. до Р. Х. Был последним благочестивым царем из рода Давида, правившего до вавилонского плена. Деяния царя Иосии описаны в Четвертой книге Царств (22–23) и во Второй книге Паралипоменон (34, 1 – 35, 27). Он истребил в Израиле идолопоклонство, введенное предшествующими царями. Храм был очищен и обновлен. *Когда вынимали они серебро, принесенное в дом Господень, тогда Хелкия священник нашел книгу закона Господня, данную рукою Моисея* (2 Пар. 34, 14). В библеистике нет единого мнения: найден был весь свиток Пятикнижия пророка Моисея или только Второзаконие. При царе Иосии было возобновлено празднование пасхи. Иосия пал в сражении с войском фараона Нехао на равнине Мегиддо. Св. прор. Иеремиа вместе со всем Израилем оплакал смерть царя *в песне плачевной* (2 Пар. 35, 25).

⁵⁷ Св. прав. Иоанн Кронштадтский скончался 20 декабря 1908 г., в доме на углу улиц Андреевской и Посадской, где прожил более 50 лет. Канон при разлучении души от тела прочел священник Иоанн Николаевич Орнатский (муж его племянницы Анны Семеновны). Заупокойную литургию и панихиду 21 декабря в Андреевском соборе совершил духовное чадо св. Иоанна епископ Гдовский Кирилл (Смирнов) (впоследствии митрополит, священномученик) вместе с многочисленным сонмом священников. Литургию и отпевание в Иоанновском монастыре 23 декабря возглавил митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Сослужили три архиерея и многочисленное духовенство. В 2 часа 15 мин. гроб со св. останками был опущен в мраморную гробницу, расположенную в нижнем этаже церкви Преподобного Иоанна Рыльского, где старанием отца Иоанна был устроен храм в честь небесных покровителей его родителей: св. пророка Божия Илии и св. царицы Феодоры.

⁵⁸ Симей (по-евр. Шимей) — израильтянин в Бахуриме из колена Вениамина, который злословил и бросал камнями в царя Давида, когда он бежал от поднявшего мятеж сына Авессалома (см.: 2 Цар. 5–13).

⁵⁹ «Колокол» — ежедневная общественно-церковная газета. Выходила в Петербурге в 1905–1917 гг. Издатель — В. М. Скворцов. «Величайшая, далеко не оцененная заслуга Василия Михайловича в эти дни всеобщего развала (в годы революционной смуты 1905–07 гг.), когда духовенство совсем не имело руководящего органа, это — создание первой и пока единственной церковно-общественной газеты «Колокол»

(Восторгов И. И., прот. К 25-летию служебной и литературной деятельности В. М. Скворцова. — Полн. собр. соч. Т. 4. С. 470).

⁶⁰ «Русское слово» — ежедневная либеральная газета. Выходила в Москве с 1895 по ноябрь 1918 г. С 1897 г. издателем был И. Д. Сытин. В январе–июне 1918 г. выходила под названием «Новое слово», «Наше слово». Закрыта большевиками.

⁶¹ «Речь» — ежедневная либеральная газета: центральный орган партии кадетов. Выходила в 1906–17 гг. в Петербурге. Редактировали газету: И. В. Гессен, П. Н. Милюков. Закрыта при советской власти.

⁶² *Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай* (Деян. 18, 9).

⁶³ Публикуется та часть доклада священномученика Иоанна, которая посвящена деятельности великого миссионера св. равноапостольного Николая Японского.

⁶⁴ Святитель Николай Японский (в миру — Иван Дмитриевич Касаткин). Прославлен в лике святых как равноапостольный 10 апреля 1970 г. Русской Православной Церковью. Он родился 1 августа 1836 г. в Березовском погосте Бельского уезда Смоленской губернии. Родителями его были: диакон Димитрий Иванович и Ксения Алексеевна (умерла в 34 года, когда Ивану было 5 лет). Будущий миссионер был крещен в честь великого Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. Иван Касаткин успешно окончил Бельское духовное училище, а затем Смоленскую духовную семинарию. В 1857 г. был принят в Санкт-Петербургскую духовную академию, где обнаружил незаурядные способности к богословию. Учеба подходила к концу, когда Иван Касаткин принял решение поехать в Японию. 24 июня 1860 г. он был пострижен в монашество с именем Николай (в переводе с греческого означает «победитель народа», что исполнилось в жизни великого миссионера). В праздник св. первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня 1860 года епископ Нектарий, ректор академии, рукоположил его в иеродиакона, а на другой день (Собор двенадцати апостолов) — в иеромонаха.

В июне 1861 г. отец Николай прибыл в японский порт Хакодате, где находилось русское консульство, открытое в 1858 г. Предшественником отца Николая был священник Василий Махов, построивший при консульстве церковь Воскресения. Иеромонах Николай прибыл в страну, где с 1639 г. действовал закон, запрещающий исповедание христианства. Первые годы он посвятил изучению японского языка, местных

языческих религий и культуры. В 1868 г. закончилась изоляция страны, наступила эпоха Мэйдзи — «просвященное правление». В начале этого года отец Николай крестил первых трех японцев, обратившихся к Православию. В 1870 г., во время пребывания иеромонаха в Петербурге, Святейший Синод принял решение о создании Японской духовной миссии, подчинявшейся епископу Камчатскому. 30 марта 1880 г. в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре митрополит Исидор совершил епископскую хиротонию архимандрита Николая. Он получил титул епископа Ревельского и Японского. Предстоятель созданной им в далекой языческой стране Православной Церкви Николай писал: «Я счастлив, что имею радость служить водворению Царства Божия на земле» (Цит. по кн.: «Николай-До. Святитель Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневника». М., 2001. С. 39). За более чем полвека своей миссионерской деятельности архиепископ Николай совершал апостольский труд. Отходя ко Господу, он оставил после себя Японскую Православную Церковь, насчитывавшую 34 110 человек (не считая 8 170 усопших ранее), 276 приходов, 34 иерея, 8 диаконов, 115 проповедников (там же, С. 4). Почил св. равноапостольный Николай 3 (16) февраля 1912 г.

⁶⁵ Гошкевич Иосиф Антонович (1814–1875) — сын белорусского священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Был консулом в Японии до 1865 г.

⁶⁶ Такума Савабе (1835–1913). Женился на дочери жреца синтоистской кумирни. Унаследовал его место. До обращения (произошло в 1864 г.) был крайне агрессивно настроен против иностранцев, особенно в отношении христиан. Но благодатью Божией и миссионерскими трудами о. Николая он обратился к Православию. 20 апреля 1865 г. отец Николай писал в Петербург митр. Исидору: «Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всею душою предан христианству. Единственная цель его жизни теперь — послужить отечеству распространением христианства, и мне приходится постоянно останавливать его просьбы из опасения, чтобы он не потерял голову, прежде чем успеет сделать что-либо для этой цели» («Николай-До...». С. 27). В апреле 1868 г. иеромонах Николай тайно крестил в своем доме Савабе с именем Павел. Многими скорбями была испытана его вера. Жена его, сойдя с ума, сожгла дом, он лишился средств к существованию. В 1868 г. он был посажен в тюрьму. В 1875 г. Павел-Савабе был рукоположен в священника.

⁶⁷ Ацунори Сакаи был приведен к Православию его другом Савабе. Они были крещены в один день (в апреле 1869 г.). Сакаи получил имя Иоанн. «Вторым христианином был у нас г-н Сакаи-Иоанн. Это был местный врач и близкий друг г-на Савабе, обращенного в христианство. Савабе старался склонить к тому же и своего друга, но Сакаи был силен в диалектике, и трудно было победить его; тогда г-н Савабе стал почаще приглашать его ко мне, и мы вдвоем убеждали его. Наконец и г-н Сакаи был крещен и даже посвящен в сан священника, в каковом сане скоро, по болезни, и скончался», — писал святитель Николай («Николай-До...». С. 28).

⁶⁸ Иеромонах Анатолий (Тихай) — выпускник Киевской духовной академии. В 1872 г. прибыл в г. Хакодате, где руководил миссионерским делом. Отец Николай, получивший сан архимандрита, в феврале 1872 г. переехал в Токио. Иеромонах Анатолий руководил в Хакодате основанной им школой для православных детей. Переехав в Осаку, построил там миссионерский дом, храм и катехизаторскую школу. Умер архимандритом. «Благодарные японцы увековечили его память сооружением при соборе Воскресения Христова в Токио большого креста с иконой на лицевой стороне и кратким жизнеописанием архимандрита Анатолия — на другой» («Николай-До...». С. 30).

⁶⁹ Лициний (около 250–325 гг. по Р. Х.). Был соправителем Галерия (308–311 гг.), а затем Константина Великого (312–324). В 313 г. вместе с св. Константином издал Миланский эдикт, разрешавший христианам свободу вероисповедания. В 324 г. был побежден св. Константином, а в 325 г. казнен.

⁷⁰ Карл Великий (742–814) — правитель из династии Каролингов: с 768 г. — франкский король, с 800 г. — император. Земля саксов была завоевана в 772–804 годы.

⁷¹ До принятия христианства киевские князья-язычники совершали неоднократно походы на Царьград. Прот. Иоанн, очевидно, имел в виду поход князя Олега, о котором сообщается в «Повести временных лет»: «В год 6415 (от сотворения мира; от Рождества Христова — 907 год), пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: всех их греки называли Великая Скифь. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули

Суд (гавань. — *Ред.*), а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег... И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дань на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей... и повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошел от Царьграда («Изборник», М., 1969. С. 37–39).

⁷²В газете «Московские ведомости» 31 августа 1907 г. (№ 200, С. 1) было напечатано: «По предварительным сведениям, яхта «Штандарт» шла с лоцманом со скоростью 14 узлов и наткнулась у Грангрунда посреди фарватера на 18-футовую банку, не указанную на картах. По обе стороны банки глубина 30 футов. Яхта получила две подводные пробоины: одну незначительную, в носовой части, другую, гораздо большую, против задней трубы. Были спущены водолазы. Всю ночь <...> откачивали воду <...> Весь русский народ увидит в этом событии новое доказательство, что над возлюбленным нашим царем простерта рука Всевышнего, неоднократно уже спасавшего государя от смертной гибели, предназначая Его на славный подвиг спасения России от окружающих ее опасностей. Возблагодарим же Господа Бога всем сердцем и душою, и пожелаем и царю нашему, и всей его царской семье, да хранит их Царь царствующих на многая, многая лета!»

⁷³Св. страстотерпец император Николай прославлен в лике святых на Архиерейском Соборе в августе 2000 г. вместе с другими членами августейшей семьи. Он родился в Санкт-Петербурге в Аничковом дворце 6 мая 1868 г., в день памяти св. праведного Иова Многострадального. Был первым сыном наследника престола, будущего царя-мироотворца Александра III. Его полувековая жизнь заметно разделяется на три периода: 1) наследник царства; 2) царь; 3) страстотерпец.

В первый период (самый протяженный — 26 лет) великий князь Николай Александрович был хорошо подготовлен к царствованию. Воспитание, лишенное каких-либо сословных и придворных условностей, проходило в атмосфере искренности и сердечной простоты. Государь с детства любил все церковное. «В Ники было что-то от ученика духовного училища: он любил зажигать и расставлять свечи перед иконами и тщательно следил за их сгоранием; тогда он выходил из-за занавески, тушил огонек, и огарок, чтобы не дымил, опрокидывал в отверстие подсвечника. Делал это истово, по-ктиторски. <...> Заветным

его желанием было облачиться в золотой стихарик, стоять около священника посредине церкви и во время елеопомазания держать священный стаканчик. Ники недурно знал чин служб, был музыкален и умел тактично и корректно подтягивать хор. У него была музыкальная память, и в спальне очень часто мы повторяли и «Хвалите» с басовыми раскатами, и «Аллилуия», и особенно «Ангельские силы на Гробе Твоем» (так вспоминает воспитывавшийся вместе с царевичем Николаем полковник В. К. Оленгрэн. См.: «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных». М., 1999. С. 22).

Будущий государь получил фундаментальное образование под руководством лучших русских ученых. «План учебных занятий великого князя был рассчитан на 12 лет, из которых восемь лет отводилось на прохождение гимназического курса и четыре — на изучение университетских наук. Блестящие способности, удивительная память позволили Николаю добиться значительных успехов: по словам современников, он был одним из образованнейших и воспитанных людей своего времени. Николай в совершенстве знал французский, немецкий, английский языки, мог говорить на датском. По давней традиции император должен был быть в первую очередь военным. Поэтому изучение военных дисциплин было определено в объеме курса Академии Генерального штаба («Цесаревич: документы, воспоминания, фотографии». М., 1998. С. 5).

В единодержавное правление величайшей страной с 125-миллионным населением Николай Александрович вступил сразу же после смерти отца, царя-миротворца, в октябре 1894 г. 14 мая 1896 г. в Кремлевском соборе Успения Пресвятой Богородицы совершилась торжественная коронация и помазание св. миром на царство.

Двадцать четыре года и четыре месяца правления последнего монарха Российской империи были отмечены немалыми достижениями. «На двадцатом году царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния. Прошло еще только пять лет со слов Столыпина: «Дайте нам двадцать лет мира, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России», а перемена уже начинала сказываться. После обильных урожаев 1912 и 1913 гг., период с лета 1912 по лето 1914 г. явился поистине высшей точкой расцвета русского хозяйства. За двадцать лет население империи выросло на пятьдесят миллионов человек — на сорок процентов; естественный прирост населения превысил три миллиона

в год. Наряду с естественным приростом, равно свидетельствовавшим о жизненной силе нации и о наличии условий, дающих возможность прокормить возрастающее число жителей, заметно повысился общий уровень благосостояния» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 495). Наблюдался быстрый подъем университетской науки, были и большие достижения в различных областях искусства.

Особенно важные события за эти четверть века происходили в церковной жизни. На высокодуховном подъеме, с участием сотен тысяч верующих, совершались прославления дивных угодников Божиих (святителя Феодосия Черниговского, преподобного Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского, священномученика Ермогена и др.). В Саровских торжествах государь участвовал сам, в остальных оказывал деятельную поддержку.

У царя Николая II было глубокое (по выражению близко знавших его — мистическое) переживание своей ответственности перед Судом Божиим за вверенную ему Россию. Вряд ли кто-либо более чутко, чем он, воспринимал знамения приближающегося конца христианской государственности и ожидающиеся бедствия (несчастье на Ходынском поле, долгое отсутствие в семье наследника, потрясавшие страну мятежи и др.).

2 марта 1917 г. начинается третий период его жизни. Клевету, заключение, угрозы он переносил с христианским смирением и покорностью святой Божественной воле. О состоянии души пребывавшего в неволе бывшего царя свидетельствуют дошедшие до нас письма. Драгоценны строки одного из последних писем св. мч. великой княжны Ольги Николаевны: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...» Память: в день его убиения (4/17 июля) и в воскресенье, ближайшее к 25 января, — Собор новомучеников и исповедников Российских.

⁷⁴ В книге пророка Иезекииля Господь говорит: *По прошествии же семи дней было ко мне слово Господне: Сын Человеческий! Я поставил Тебя стражем дому Израилеву, и Ты будешь слушать слово из уст Моих, и будешь вразумлять их от Меня* (Иез. 3, 16–17).

⁷⁵ Живуче мнение (даже среди людей, признающих нравственные достоинства последнего государя), что Николай II был «слабым ца-

рем». Штамп этот родился еще в начале XX в. в либерально-опозиционной и революционной печати; затем он вошел в советские школьные учебники по истории СССР, формиравшие сознание миллионов людей нескольких поколений. Любовь священика Иоанна Восторгова к государю и незаурядный ум его дали ему возможность высоко ценить царя Николая как монарха. Николай Александрович был приготовлен к царствованию двойным высшим образованием (университетским и военно-академическим). Он имел ясное понимание принципов и целей своего высочайшего правления. «Это были чистые верования, и как таковые искренне, посильно продуманные, подкрепленные опытом отечественной истории, проникнутые беспредельным желанием добра не только для части, но и для всего населения необъятной России. Это были верования, в которых низких побуждений личной заинтересованности не было и тени, и отказать которым в глубочайшем уважении, при всем желании, нельзя» (Флигель-адъютант А. Мордвинов. Воспоминания. — «Царственные мученики...», с. 65). В нем никогда не слабело высокое чувство долга за вверенное ему царство. Эту ответственность он понимал прежде всего духовно, зная что на Суде Божиим будет испытан как царь и от того, какой он даст ответ, будет зависеть его посмертная участь. «Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых ему вопросов. Все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него была исключительная память, в частности на лица. Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался, и зачастую, в конце концов, добивался своего». (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 37).

Эти качества соединялись у него с трудолюбием и большой работоспособностью. «Министры приносили с собою пачки бумаг, которые государь оставлял у себя для внимательного чтения. На каждом документе он ставил свои заметки карандашом и зачастую просиживал до поздней ночи, чтобы ознакомиться со всеми бумагами. <...> Ни одна бумага не оставалась на его столе — он всегда прочитывал и возвращал все без задержки. Его работа в течение царствования все время увеличивалась, так как появлялись новые министерства и департаменты» (Бухсгевден. С. К. Император Николай II, каким я его знала. — «Царственные мученики...», С. 31).

⁷⁶ Из стихотворения А. С. Пушкина «Друзьям» (1828 г.), посвященное приезду государя Николая Павловича в Москву.

⁷⁷ Владимир (Богоявленский Василий Никифорович) — священномученик, митрополит Киевский и Галицкий. Родился 1 января 1847 г. в семье священника в с. Малые Морошки Моршанского уезда Тамбовской губернии. После окончания Тамбовской духовной семинарии учился в Киевской духовной академии, которую окончил в 1874 г. кандидатом богословия. В этом же году был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. В 1882 г. рукоположен во священника Покровской соборной церкви г. Козлова. В 1883 г. — благочинный городских церквей. В 1886 г. овдовевший отец Василий принял монашеский постриг. В сане архимандрита был назначен настоятелем Троицкого монастыря г. Козлова. 13 июня 1888 г. был рукоположен в Александро-Невской лавре во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1891–92 гг. — епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 г. назначен архиепископом Карталинским, экзархом Грузии. Много заботился высокопреосвященный Владимир о просвещении края в духе Православия. При его содействии было открыто более 300 школ. Усилиями архиепископа Владимира было построено или возобновлено более 100 храмов. В 1898 г. он был назначен митрополитом Московским и Коломенским. Владыка имел особое попечение о нравственном состоянии своей многочисленной паствы. Он ревностно боролся с таким массовым недугом, как пьянство (Архипастырский призыв духовенства и общества в борьбе с пьянством. СПб., 1911 г.). Митр. Владимир содействовал преподобномученице великой княгине Елизавете Феодоровне в основании Марфо-Мариинской обители. Как член Святейшего Синода принимал участие в канонизации святых (прп. Серафима Саровского, свт. Питирима Тамбовского, свт. Иоасафа Белгородского). В 1912–15 гг. — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Первенствующий член Святейшего Синода. В 1915–18 гг. — митрополит Киевский и Галицкий. Был Почетным Председателем Священного Собора Российской Православной Церкви как старейший архиерей. 21 ноября (4 декабря) 1917 г. возглавлял торжественный чин интронизации Святейшего Патриарха Тихона в Кремлевском Успенском соборе.

25 января (7 февраля) 1918 г. принял святое мученичество: был убит вооруженными бандитами в день взятия Киева большевиками.

Митрополит Владимир известен как яркий проповедник и духовный писатель: «Беседы на семь слов Спасителя со Креста», СПб.,

1899 г.; «Где истинное счастье — в вере или неверии», СПб., 1905 г.; «К богатым и бедным», М., 1906 г.; «О труде и собственности», М., 1905 г.; «Социальная задача семьи», М., 1906 г.; «Беседа Иисуса Христа с Никодимом», М., 1908 г. и др.

В апреле 1992 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил митр. Владимира к лику святых.

⁷⁶ В Елисаветпольскую гимназию отец Иоанн Восторгов был назначен в 1894 г. из г. Ставрополя.

⁷⁹ В 1897 г. отец Иоанн был переведен законоучителем в Тифлискую 1-ю женскую великой княгини Ольги Феодоровны гимназию и утвержден экзархом Грузии архиеп. Владимиром в должности настоятеля домового гимназической церкви во имя Святой равноапостольной Ольги. В 1898 г. отцу Иоанну было поручено также преподавание Закона Божия в 1-й Тифлисской мужской классической гимназии.

⁸⁰ Саблер Владимир Карлович (1847–1929) — государственный деятель России. По происхождению немец. Окончил юридический факультет Московского университета. За работу «О значении древности в уголовном праве» (М., 1872 г.) получил степень магистра. В 1872–73 гг. читал в Московском университете лекции по уголовному судопроизводству. В 1873–83 гг. служил юрисконсультom Святтейшего Синода. В 1883 г. был назначен начальником канцелярии Синода. С 1892 г. до мая 1905 г. был товарищем обер-прокурора Святтейшего Синода. В. К. Саблер был сторонником созыва Всероссийского Поместного Собора, что привело его к разногласиям с К. П. Победоносцевым. С апреля 1906 г. — член государственного совета. С 2 мая 1911 г. по 5 мая 1915 г. — обер-прокурор Синода. В ноябре–декабре 1925 г. арестован. В 1926–29 гг. — в ссылке в г. Твери, сохранил верность Святой Церкви.

В воспоминаниях о святителе Афанасии (Сахарове) рассказывается: «В Полтаве о. Афанасий Сахаров прослужил всего один учебный год (окт. 1912–сент. 1913). В это время ему стало известно, что во Владимирской семинарии требуется преподаватель как раз по этим предметам (литургике и гомилетике). Он решил подать прошение в Синод и сделать это лично. Прямо с вокзала он направился к обер-прокурору Синода В. К. Саблеру, но тот должен был куда-то ехать сопровождать государя. Он был уже одет в парадную форму и готовился уезжать. Увидев молодого иеромонаха, В[ладимир] К[арлович] спросил: «Чего вы, батенька, хотите?» Отец Афанасий изложил свою

просьбу. В[ладимир] К[арлович] спросил секретаря: «А что, подписано ли назначение преподавателя во Владимирскую семинарию?» Когда оказалось, что еще не подписано, Саблер тут же без всяких бюрократических проволочек приказал секретарю внести в приказ имя иеромонаха Сахарова и подписал назначение. У о. Афанасия на всю жизнь осталось теплое воспоминание о В. К. Саблере. Последний не только выполнил просьбу, но и по-отечески позаботился о молодом иеромонахе, спросив: «А где вы остановились?» — «Да я прямо с вокзала!» — «Ну вот, батенька, вам в гостинице останавливаться неудобно, а я вам дам записку в Александро-Невскую лавру, там вам будет хорошо» (Апушкина Е. В. Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова)// Афанасий (Сахаров), свт. Молитва всех вас спасет. М., 2000. С. 178–180).

⁸¹ В Урмии (город на северо-западе Персии) среди несториан сирийско-халдейского происхождения возникло сильное стремление к Православию. В 1895–98 гг. по благословению Святейшего Синода в Урмии была основана духовная миссия, руководство которой было поручено экзарху Грузии. К 1901 г. к Православной Церкви было присоединено около 20 тыс. несториан. В 1912 г. в ведении миссии было 36 православных храмов с 26 священниками (8 русских), 70 школ, в которых обучалось более 2000 учащихся. (История Русской Церкви. М., 1997. Кн. 8. Ч. 2. С. 282–283). Прот. Иоанн посвятил миссии небольшую статью: «Русская православная миссия в Урмии в 1900 г.», — Полн. собр. соч. Т. 4. С. 66–68). В августе 1901 г. указом Святейшего Синода отец Иоанн был направлен в Персию для обозрения и ревизии дел Православной духовной миссии в Урмии (пробыл там до 9 октября 1901 г.).

⁸² Епархиальный дом с церковью Святого равноапостольного князя Владимира находился по адресу: Лихов переулок, д. 6. Здание было заложено в 1901 г. Архитектор — П. А. Виноградов. Церковь расписывал художник В. П. Гурьянов. В 1922 г. храм был закрыт. В епархиальном доме располагались: общество любителей духовного просвещения, епархиальная библиотека, Православно-миссионерское общество, Духовно-цензурный комитет, епархиальное общество борьбы с пьянством и др. учреждения.

⁸³ 2 ноября 1912 г. скончался митрополит Антоний (Вадковский). Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер предложил государю назначить на Санкт-Петербургскую кафедру митрополита Антония

(Храповицкого). Государь согласился. «При первом же свидании с владыкой Антонием В. К. Саблер передал ему слова государя. На это владыка Антоний просил не переводить его в С.-Петербург, который ему не был по духу из-за своего строя церковной жизни. Тогда Саблер предложил такой проект: «Митрополита Владимира мы переводим в С.-Петербург со званием первенствующего члена Святейшего Синода, а в Москву назначим вас». Владыка на это сказал, что в Москву он с радостью пошел бы» («Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский. М., 1996. С. 24–25). Окончательное решение принял сам государь: 23 ноября 1912 г. священномученик Владимир был назначен митрополитом Санкт-Петербургским, а 25 ноября того же года был подписан высочайший рескрипт о назначении архиепископа Томского Макария (Невского) митрополитом Московским.

⁸⁴ Исидор (Никольский Яков Сергеевич; 1799–1892) — митрополит. Рукоположен в 1834 г. в епископа Димитровского, викария Московской епархии. С 1837 г. — епископ Полоцкий и Витебский. В 1840–1844 гг. управлял Могилевской епархией (с 1841 г. — архиепископ). В 1844 г. назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии (с 1856 г. — митрополит). В 1858–60 гг. — митрополит Киевский и Галицкий. В 1860 г. поставлен митрополитом С.-Петербургским. С 1865 г. именовался: Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский. Преосвященнейший Исидор 58 лет был епископом (34 г. митрополитом). Жил при пяти императорах. Имел все возможные духовные титулы, даже знаки патриаршего сана: преднесение креста. «На Кавказе им во многих местностях воздвигнуты были новые храмы и возобновлены ветхие; учреждена архиерейская кафедра в Абхазии; белое и монашеское духовенство получило определенное содержание; для образования дочерей духовенства учреждено женское училище в Мцхете. И[сидору] принадлежит деятельное участие в переводе Библии на русский яз[ык] <...> В Петербургской епархии входил во все нужды духовенства, заботился об обеспечении быта вдов, сирот и учащегося юношества, устроил «Александро-Невский дом для призрения бедных духовного звания», открыл епархиальное училище в Новгородской и Петербургской епархиях» («Христианство». Энциклопедический словарь. М., 1993 г. Т. 1. С. 651).

⁸⁵ Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) — публицист-славянофил; генерал-майор (1878 г.), с 1907 г. — генерал от кавалерии.

Происходил из древнего дворянского рода. А. А. Киреев с детства был знаком со старшими славянофилами (И. В. Киреевским, К. С. и И. С. Аксаковыми, А. С. Хомяковым и др.), посещавшими дом его родителей. В 1853 г. окончил Пажеский корпус. Участвовал в Крымской войне и Польском походе 1863–64 гг. В 1856–59 гг. был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета. В 1872–77 гг. — секретарь С.-Петербургского отделения Общества любителей духовного просвещения. Сотрудничал в «Известиях славянского благотворительного общества», с газетой «Русь», с журналом «Богословский вестник» и др. периодическими изданиями. Защищал церковность, православное учение и освященные им самодержавно-государственные и народные традиции. Известна его полемика с Вл. С. Соловьевым: «Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву», СПб., 1890 г. Воспоминания о А. А. Кирееве: Л. А. Тихомиров. Тени прошлого. М., 2000 г.

* Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал-адъютант (с 1907 г.), генерал от артиллерии. В 1904–1905 гг. командовал 3-м Сибирским корпусом. В 1906–1908 гг. — военный начальник г. Кронштадта. В 1908–14 гг. командовал Киевским военным округом. Командующий Юго-Западным фронтом (1914–1916). Состоял при Ставке государя Николая II. 27 февраля 1917 г. назначен командующим Петроградским военным округом. Н. И. Иванов был почитателем св. праведного Иоанна Кронштадтского, и преданнейшим св. мученику царю Николаю II высокопоставленным военным деятелем. Д. Н. Дубенский, с октября 1914 г. находившийся при государе для ведения ежедневной записи событий войны, писал: «Николай Иудович был чисто русский человек незначительного происхождения, пробивший себе дорогу упорным трудом. Неглупый, осторожный, настойчивый, глубоко религиозный и честный, генерал Иванов и по внешнему виду является типичным великороссом, с большой, теперь уже поседевшей, бородой и характерной русской речью. Мы сели. Николай Иудович стал угощать нас чаем. «Что-то будет от такой разрухи (беседа была в Могилеве 27 февраля 1917 г.)? Чем все это кончится?» — сказал он. «Вам необходимо прийти на помощь государю. Он совершенно один и измучен. Вам надо отправиться в Петроград, принять командование всеми войсками и водворить порядок», — ответили мы. «Поздно теперь, части зашатались и верных мало осталось. Мне, конечно, самому ничего не надо. Жизнь уже к концу. Я рад и счастлив помочь его величеству, но как это сделать? Необходи-

димо иметь хоть небольшую, но твердую часть, чтобы до Царского к императрице доехать и охранить семью, а там уже действовать, как Бог укажет», — рассуждал Иванов» (Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России. — «Царские мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 370–371). Государь послал генерала Иванова с Георгиевским батальоном. «...Он явился к императрице и доложил ей, что прибыл для водворения порядка в столице и принятия командования над войсками по повелению государя. Ее величество, спокойно выслушав его, долго говорила с ним, была хорошо осведомлена о состоянии столицы и Царского и высказала мысль, что генералу Иванову надо вернуться назад, ибо помочь делу было уже поздно. Николай Иудович недолго простоял в Царском со своим отрядом в 800 человек и вернулся в Могилев, кажется, одновременно с прибытием государя в Псков» (там же, С. 457). После Октябрьского переворота генерал Иванов уехал в Киев, а затем на Дон. Участник Белого движения. В октябре–ноябре 1918 г. командовал Казачьей Южной армией. Умер от тифа.

⁸⁷ Антоний (Вадковский Александр Васильевич; 3 августа 1846, с. Царевка (Гремячка) Кирсанского уезда Тамбовской губернии — 2 ноября 1912 г., С.-Петербург) — митрополит С.-Петербургский и Ладожский (1898–1912). Первенствующий член Святейшего Синода. Много уделял внимания духовному просвещению народа и делам благотворительности. По древнему христианскому обычаю в праздник Святой Пасхи и Рождества Христова посещал заключенных в тюрьмах и щедро раздавал милостыню. Митр. Антонием написаны труды по истории Церкви, патрологии и гомилетике. Со священномучеником Владимиром он был дружен в детские годы (они были земляками).

⁸⁸ Питирим (Окнов Павел Васильевич; 1857 — 25 марта 1919 г.) — митрополит. Рукоположен 17 июля 1893 г. в епископа Новоград-Северского, викария Черниговской епархии. С 2 ноября 1896 г. — епископ Тульский и Белевский; с 17 июня 1904 г. — епископ Курский и Белгородский (с 25 февраля 1905 г. именовался: Курский и Обоянский); с 6 мая 1909 г. — архиепископ. С 4 октября 1911 г. возглавлял Владикавказскую епархию. С 22 декабря 1913 г. до 26 июня 1914 г. — архиепископ Самарский и Ставропольский. Назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии. С 23 ноября 1915 г. — митрополит Петроградский и Ладожский. 6 марта 1917 г. был низведен с кафедры постановлением Синода. Сделано это было В. Н. Львовым, назначенным на обер-прокурорскую должность революционным

Временным правительством. Причина — монархическая настроенность митр. Питирима и его близость к царской семье. Местопребыванием его был определен находившийся во Владикавказской епархии Второ-Афонский Успенский монастырь у подножия горы Бештау, «или в подворье того же монастыря в Пятигорске». Владыка там бедствовал, болезненно переживая тяготы гражданской войны. Скончался митр. Питирим в Екатеринодарском архиерейском доме, где дал ему приют митр. Антоний (Храповицкий), временно управлявший епархией до 1919 г. Он же и отпевал почившего владыку.

⁸⁹ Раев Николай Павлович. Родился в 1856 г. Сын Павла Ивановича Раева, овдовевшего в 1861 г. и принявшего монашеский постриг с именем Палладий (в 1892–98 гг. — митрополит С.-Петербургский и Ладужский). Н. П. Раев с 1885 г. служил по ведомству министерства народного образования. Действительный статский советник. Был обер-прокурором Святейшего Синода (30 августа 1916—3 марта 1917 г.).

⁹⁰ «15 апреля 1917 г. в зал заседаний Синода вошли В. Н. Львов с группой чиновников и военных. Революционный обер-прокурор, служивший прежде в кавалергардском полку, громко скомандовал: «Прощу встать! Объявляю указ Временного правительства» — и зачитал распоряжение о прекращении зимней сессии Синода и об увольнении его членов: митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), архиепископов Литовского Тихона (будущего Святейшего Патриарха), Арсения (Стадницкого), Гродненского Михаила (Ермакова), Нижегородского Иоакима (Левицкого), Черниговского Василия (Богоявленского), протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского — всех, кроме архиепископа Сергия (Страгородского)» (Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997 гг. — История Русской Церкви. М., 1997 г. Т. 9. С. 11).

⁹¹ Львов Владимир Николаевич (1872–1934) — обер-прокурор Синода (2 марта–24 июля 1917 г.). Правление предпоследнего обер-прокурора наглядно показывает неканоничность и несоответствие духу Православия петровского нововведения. В. Н. Львов видел свою задачу «реформировать», «демократизировать» Церковь. В числе первых его шагов было увольнение неканоническим путем, по произволу, с Московской кафедры святителя Макария (Невского), а затем и др. архиереев. Епископ Арсений (Жадановский), близко стоявший к свт. Макарию, писал о Львове: «Когда пошли перемены в правительстве, скоро сместили и его, и даже заключили в Петропавловскую крепость,

которой он в свое время угрожал митрополиту. Выпущенный оттуда, он по необходимости обратился в скитальца и странника по лицу земли Русской. В таком жалком положении Львов однажды забрел к знакомому иеромонаху, бывшему келейнику старца Варнавы, с целью открыть душу. Пришедший рассказывал о постигших его ужасных внешних лишениях, а главное — о внутренних тяжких переживаниях, сознавая, что не находит себе покоя ни днем, ни ночью, так как перед глазами его стоит образ обиженного им старца-митрополита» (Воспоминания. М., 1995. С. 208). В январе 1920 г. эмигрировал. В 1922 г. вернулся в Россию. Примкнул к группе «Живая Церковь». Вошел в обновленческий орган ВЦУ. В феврале 1927 г. арестован. Осужден на три года ссылки в г. Томск, где продолжал проживать после окончания срока приговора. Умер в Томске.

⁹² «25 января 1918 г. красноармейцы учинили обыск в покоях митрополита, а вечером вломились пятеро пьяных бандитов. Они втолкнули владыку в спальню и начали пытать, душили цепочкой от креста, сорвали с груди крест и ладанку, нательную иконку. Из спальни святителя вывели в рясе, в белом клобуке, с панагией. Бандиты втолкнули святителя в автомобиль, отвезли на полверсты от лаврских ворот и расстреляли. Прах убитого священномученика обнаружили наутро, владыка лежал на спине в луже крови, без панагии и в клобуке без клобучного креста. Святые мощи мученика перенесли в лавру. На похороны убитого владыки собралось много народу. Служили пять архиереев во главе с митрополитом Платоном (Рождественским), сонм киевского духовенства» (Цыпин В., прот. История... С. 51).

⁹³ Личность Александра Васильевича Суворова (1730–1800) привлекает внимание не только историков, представителей военной науки, но и духовных писателей. Все, что нам известно о нем по документам и рассказам современников, свидетельствует о нем как о подвижнике. С детства он был благочестив и оставался таким всю свою жизнь: в казармах и при дворе, в учениях и жестоких сражениях. Все он делал с верой и молитвой. Известны его слова: «Слава Господу, ибо Он есть источник всякой славы...» Бог споспешествовал ему, только чудом можно объяснить, что он остался непобежденным, не проиграл ни одного сражения даже тогда, когда силы противника были численно явно превосходящими.

Когда Суворов был командиром Суздальского пехотного полка, стоявшего в Новой Ладоге, он в 1764 г. построил там деревянную церковь

во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Сам вместе с солдатами участвовал в строительных работах и вырезал для церкви деревянный крест-распятие. Находясь в походе, Суворов писал настоятелю этого храма: «Честный протоиерей о. Антоний! В оставшейся в Ладоге полку Суздальского полковой церкви Петра и Павла, прошу вашего благословения, доколе полк назад не возвратится в Ладогу, чтобы производима была ежедневная служба, за что полк вашему благословению или кто ту службу отправлять будет от усердия посылает в год по двадцати рублей. <...> Вашего благословения покорный слуга Александр Суворов» (Цит. по кн. М. Г. Жуковой «Твой есмь аз. Суворов». М., 1998. С. 15–16).

Великий полководец все совершал с упованием на помощь от Бога и Божией Матери. Отечество наше называл домом Богородицы. 1 октября 1787 г., в день Покрова Пресвятой Богородицы, турки высадились на берег, чтобы овладеть крепостью Кинбурн, которую защищали войска под командованием Суворова. Суворов с офицерами были на праздничной службе. Ему дважды докладывали о появлении на Кинбурнской косе турецких воинов. Однако Суворов отстоял обедню до конца, веря в покровительство Царицы Небесной. После тяжелого боя пришла победа. Суворов в благодарность Богу и Матери Божией построил храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Человеколюбие Суворова проявлялось в отношении к пленным. Он запрещал какую-либо жестокость. Когда противник складывал оружие, он говорил: «Да будет мир на Израиле». Пленные получали хорошую еду и медицинскую помощь. Его служение было жертвенным. Никогда не думал о себе, всегда был готов положить душу за Отечество и «други своя». Суворов во всем стремился к простоте. Образ жизни он вел аскетический, питал отвращение к роскоши и всему, что могло изнежить человека.

«Постоянной заботой Суворова были церкви. Значительная часть оброков шла на исправление старых церквей и сооружение новых... Параллельно с заботами о церковных зданиях, утвари и вообще благолепии, отдавались распоряжения о помещениях для причта и его содержания. Давая распоряжения по постройке церкви в селе Рождествено, Суворов писал следующее: «На Рождественской Божией церкви на главах крестам должно быть самой первой работы и драгоценно позлащенным для прочности на обычай городской, но без полулуний» («Твой есмь аз. Суворов», С. 105).

Когда в русской армии были введены прусские порядки, Суворов открыто выразил недовольство. Получив отставку, Суворов в 1797 г. поселился в имении Кончанское (Боровичского уезда Новгородской губ.). Великим постом вставал за два часа до рассвета, шел в церковь к заутрене и обедне. День проводил чаще всего в уединении. Скоромного не ел. На вечерню шел в храм. Свидетельством высокого благочестия Суворова было созревшее в конце жизни желание поступить в монастырь. В декабре 1798 г. он писал императору Павлу Петровичу: «Ваше императорское величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности мои прости, милосердный государь». Под прошением подпись: «Всеподданнейший богомолец. Божий раб». Наступил 1799 г. Суворов ожидал ответа государя... Но судьба готовила ему Итальянский поход. Получив царский рескрипт, полководец отслужил молебен в сельской церкви и стал собираться» (там же, С. 120).

В Итальянском походе предстояло воевать с французской армией. Суворов рассматривал эту войну как борьбу христианских государств с носителями неверия и революционных идей. «Италия должна быть освобождена от ига безбожия и французов: всякий честный офицер должен жертвовать собою для этой цели...» — писал он в апреле 1799 г. генералу австрийской армии М. Меласу. Итальянский поход закончился победоносно. Суворов получил титул князя Италийского. Император Павел присвоил ему звание генералиссимуса. Но душа полководца ожидала будущего перехода от временной земной жизни к вечности. «В феврале–марте 1800 года тяжело больной Суворов останавливается на время в своем кобринском имении. Он обращает свои мысли к Богу. А так как шел Великий пост, то он проводил его со всей строгостью, предписанной церковным уставом. <...> Суворов ревностно посещал церковные службы, несмотря на болезнь, клал земные поклоны...» (там же, С. 136).

Скончался великий воин, все упование возложивший на Господа, в Петербурге, в доме своего племянника Д. И. Хвостова. Две недели продолжалась тяжелая болезнь. 6 мая 1800 г. он пожелал приобщиться Святых Христовых Таин. После исповеди и причастия сказал: «Долго гонялся я за славой — все мечта, покой души — у Престола Всевышнего». С молитвой отошел он в этот день ко Господу. 12 мая совершилось отпевание в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре. Погребен Суворов в Благовещенской церкви монастыря.

Незадолго до смерти Суворов написал покаянный «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу» (опубликован в кн.: «Твой есмь аз. Суворов», С. 146–159).

⁹⁴ Минин Косма (Кузьма). Был посадским человеком в Нижнем Новгороде. С 1611 г. — земский староста. Организовал в сентябре 1611 г. второе ополчение для освобождения Москвы от поляков. Вместе с кн. Димитрием Михайловичем Пожарским (1578–1642) командовал ополчением, которое 22 октября 1612 г. с Казанскою иконою Матери Божией вошло в Москву и освободило столицу. В благодарность Господу и Матери Божией в этот день совершается празднование чудотворной иконы Казанской.

В 1612–13 гг. К. Минин был членом «Совета всея земли» — земского правительства. В 1613 г. он находился в составе Боярской думы. Возведен в думные дворяне. Умер в 1616 г.

⁹⁵ Нахимов Павел Степанович (1802–1855) — флотоводец. Под командованием вице-адмирала Нахимова в 1853 г. русская эскадра уничтожила турецкий флот в Синопской бухте (северное побережье Турции). В 1854–55 гг. — один из руководителей обороны Севастополя во время Крымской войны. С 1855 г. — адмирал. Смертельно ранен на Малаховом кургане (1855 г.).

В эпистолярном наследии святителя Игнатия (Брянчанинова) имеется письмо к Софии Снесоровой: «Вам надо пожаловать ко мне прочесть ответ Нахимова, назидательный своим смирением и благочестием. Это отклик на Ваше смирение и благочестие; водимые ими Вы передали мне Ваше желание послать ему иконку святителя Митрофана, привили мне это желание. Вам преданный архимандрит Игнатий. 27 марта 1854 г. («Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского». М.-СПб., 1995, С. 567).

⁹⁶ Император Александр III (26 февраля 1845 г. — 20 октября 1894 г.) — второй сын царя Александра II Николаевича, родился в С.-Петербурге. Крещен был 17 марта в Большой церкви Зимнего дворца митрополитом Антонием (Рафальским). Крестным отцом стал его дед, государь Николай I Павлович. Александр III получил фундаментальное образование. Его учителями были: К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Я. К. Грот, генерал М. И. Драгомиров и др. 28 октября 1866 г. венчался с дочерью датского короля Христиана IX Софией Фредерикой Догмарой, присоединенной к Православной Церкви с именем Мария. Святитель Филарет Московский поздравил их: «Да будет супружеский союз полон

чистой и совершенной любви, да будет счастье семейной жизни вашей облегчением подвигов вашей царственной жизни». Будущий царь отвечал: «Да будут услышаны Всемогушим эти молитвы старейшего и достойнейшего иерарха Русской Церкви, да будет нам дано споспешествовать благоденствию благочестивейших родителей наших и заботам чадолюбивого нашего отца и монарха о горячо любимой России...» Его твердая, продуманная и последовательная политика, построенная на началах Православия и национальных традиций, дала ему имя Миротворца. Он уничтожил деятельность террористических организаций, возвысил значение самодержавной власти. В международном сообществе Россия была признана великой державой.

Царь Александр III обладал высокими христианскими добродетелями. Св. преподобномученица вел. княгиня Елизавета, присутствовавшая при его блаженной кончине, писала своей бабушке, королеве Виктории: «Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний тихий вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя» (Цит. по кн.: «Миллер Л. Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Феодоровна. М., 1994. С. 82).

Государь Александр III был праведником. С юности он имел глубокую и чистую православную веру. Душа его была искренняя и любящая. Особенно он был сильно привязан к своему старшему брату, наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Он присутствовал при его кончине. «Приехать простым великим князем и уехать наследником тяжело в особенности, лишившись самой моей верной опоры, лучшего друга и любимейшего брата! Но что же делать — это воля Божия, и недаром мы ежедневно повторяем: «Да будет воля Твоя».

В марте 1881 г., после цареубийства, Александр III, принявший скипетр правления страной, смятенной террором и нестроениями, писал К. П. Победоносцеву: «Молюсь и на одного Бога надеюсь. Он не оставит нас и нашу дорогую Россию». На исходе этого же года, испытав всю тяжесть принятого на себя бремени царской власти, он не колебался в своем уповании: «Но я не малодушен, а главное — верю

в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России. Часто, очень часто вспоминаю я слова Святого Евангелия: *Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте* (Ин. 14, 1). Эти могучие слова действуют на меня благотворно. С полным упованием на милость Божию кончаю это письмо: «Да будет воля Твоя, Господи». (Цит. по кн. Тальберга Н. Д. «Александр III...», С. 22.). С христианской верой в Бога и молитвой совершал Александр III все дела во время своего 13-летнего царствования. Сознывая великую ответственность перед Господом за вверенную ему христианскую державу и ее народ, Александр III до последних дней, находясь на одре предсмертной болезни, старался исполнять свои обязанности. Историк В. В. Назаревский пишет: «Для всех и для самого страдальца стало ясно, что конец приближается. Поразительны были светлое настроение и мужественное спокойствие самого царственного больного. Несмотря на слабость, бессонницу и сердцебиение, он все еще не хотел слечь в постель и усиливался продолжать занятия государственными делами. <...> Уже 9 октября больной сам сказал своему духовнику определенно, что чувствует близость смерти, и с большой радостью выслушал его предложение причаститься Святых Таин. Об одном только жалел, что не может по-прежнему, как в Великом посту, подготовиться к этому великому Таинству. Во время скоро состоявшейся исповеди государь, как здоровый, преклонил колени и клал земные поклоны. Но для причащения уже не мог подняться: его подняли государыня и духовник. С глубочайшим благоговением государь причастился Тела и Крови Христовых. На другой день, 10 октября, государь бодро и задумчиво встретил утром прибывшего в Ливадию отца Иоанна Кронштадтского. <...> На приветствие уважаемого пастыря государь с отличавшею его скромностью сказал: «Не смел я сам пригласить вас в такой далекий путь, но когда великая княгиня Александра Иосифовна предложила мне пригласить вас в Ливадию, я с радостью согласился на то, и благодарю, что вы прибыли. Прошу помолиться за меня: я очень недомогаю». <...> В знаменательный день 17 октября (празднуется икона Божией Матери «Избавительница»: у станции Борки в 1888 г. государь с семьей был чудесно спасен при крушении поезда) отец Иоанн Кронштадтский второй раз причастил государя Святых Таин. После обедни он вошел к больному со Святой Чашей в руках. Царь твердо, отдельно и с глубоким чувством повторял за священнослужителем слова: «Верую, Господи, и ис-

поведую, яко Ты еси воистину Христос...» и благоговейно причастился из Чаши. Слезы умиления падали на грудь его» (Цит. по кн.: Тальберг Н. Д. «Александр III...», С. 44–46).

В последние минуты в присутствии св. прав. Иоанна Кронштадтского и близких умирающий царь шептал слова молитвы. Он склонил голову на плечи государыни, закрыл глаза и тихо почил 20 октября в 2 часа 15 минут пополудни.

⁹⁷ Стэд (Stead) Уильям Томас — английский публицист и журналист. Основал ежемесячный иллюстрированный журнал «Review of Reviews», в котором печатал также собственные статьи по иностранной политике. Прот. Иоанн цитирует его по кн. «The Truth about Russia» (London, 1888 г.)

⁹⁸ Майков Апполон Николаевич (1821–1897) — русский поэт. Полное собрание сочинений его вышло в Петербурге в 1914 г. 9-м изданием в 4-х томах.

⁹⁹ Песнопение из «Последования мертвенного мирских тел» (Отпевание).

¹⁰⁰ Ктитор (от греч. ktitzo — строю). В Византии это слово применялось к лицам, на чьи средства строился храм. В России нередко так называли церковных старост.

¹⁰¹ Из стихотворения поэта графа Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848 г., Царское Село — 1913 г., С.-Петербург). С 1895 г. до конца своей жизни он возглавлял личную канцелярию императрицы Марии Феодоровны, вдовы царя Александра III.

¹⁰² Князь Голицын Димитрий Петрович (1860–1928) — прозаик, драматург, поэт. Печатался под псевдонимом Муравлин. Был членом совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Приведенные стихи («Ты нас учи...») — эпиграф в произведении Голицына «Сон услады» (СПб, 1902 г. С. 1).

¹⁰³ Псалом 128, стих 3: «*На хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои*». По толкованию святителя Иоанна Златоуста: «...на хребте моем» означает или хитрость и коварство, или напряженность и великую силу; т. е. старались сокрушить самую силу мою» (Беседы на псалмы. — Творения, М., 1995, репринт. С. 404).

¹⁰⁴ Анна Иоанновна (1693–1740) — с 1730 г. российская императрица. Дочь царя Иоанна V Алексеевича (старшего брата имп. Петра I) и П. Ф. Салтыковой. В течение 10 лет страной управляли иноверцы

(Э. И. Бирон, Х. А. Миних и др.), относившиеся к Православию враждебно. «В царствование Анны Иоанновны высшее духовенство подвергалось преследованиям по самым мелочным поводам, и число смещенных епископов постоянно росло. Редели и ряды приходского духовенства, монастыри пустели (вследствие так называемых разборов)». (Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Ч. 1. М., 1996. Т. 8 (Ч. 1). С. 182).

¹⁰⁵ Михаил Феодорович Романов (1596–1645) — всероссийский царь, первый из династии Романовых. Отец его — Феодор Никитич (в 1619–1633 гг. — Святейший Патриарх), а мать — Ксения Иванова, урожденная Шестова (в иночестве Марфа). Царь Михаил был избран 21 февраля 1713 г. на Земском Соборе, заседавшем в Успенском соборе Кремля. Отрок Михаил находился с матерью в Ипатьевском Свято-Троицком монастыре, близ Костромы. 13 марта посольство, состоявшее из архиепископа Рязанского и Муромского Феодорита (ум. в 1617), келаря Свято-Троице-Сергиевой обители Авраамия (Палицына), боярина Ф. И. Шереметьева и др., прибыло в Кострому. На другой день послы, сопровождаемые крестным ходом, явились к избранному царю и его матери с приглашением на царство. Узнав о решении Собора, мать отклонила предложение послов. Она выставила несколько причин: люди Московского царства измалодушествовали (присягали царям Борису, Лжедмитрию, Василию Шуйскому, а потом изменяли им); страна разорена; сын мал годами; отец царя в плену у поляков, и она опасается мести. Только чрезвычайная настойчивость послов побудила Михаила Феодоровича принять царский скипетр.

¹⁰⁶ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923). До сер. 80-х годов — народоволец. В 1888 г. подал прошение о помиловании. В 1889 г. вернулся в Россию. Исследования его посвящены православному учению о государстве. Священномученик Иоанн Восторгов ценил его труды: «В русской литературе имеется прекрасная и обстоятельная работа, выясняющая начала монархического строя, а именно «Монархическая государственность» Л. А. Тихомирова в четырех частях» (Полн. собр. соч. Т. 4. С. 508, примеч.). Сын его Александр (1882–1955) принял монашество с именем Тихон. Был епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии. Подвижник благочестия, многие годы провел в затворе в Ярославле.

¹⁰⁷ Книга Притчей Соломона (16, 12).

¹⁰⁸ Дюпюи (Dupuy) Шарль Александр (1851–1923) — премьер-министр Франции в течение нескольких месяцев: в 1893 г., 1894–95 гг., 1898–99 годы.

¹⁰⁹ Солсбери (Solisbury) Роберт Артур Толбот (1830–1903) — государственный деятель Британии. С 1881 г. — лидер консерваторов в палате лордов. В 1885–86 гг., 1886–92 гг., 1895–1902 гг. — премьер-министр.

¹¹⁰ Розбери (Rosebury) Арчибальд Филипп Примроуз (1847–1929) — британский премьер-министр (с 3 марта 1894 г. по 21 июня 1895 г.). Один из лидеров Либеральной партии.

¹¹¹ Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737–1794) — английский историк. Основная работа: «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–88). Последнее издание в русском переводе: «Закат и падение Римской империи», М., 1997, Т. 1–7.

¹¹² Прот. Иоанн перечисляет видных представителей отечественной исторической науки: Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) «История государства Российского». Кн. 1–3 (Т. 1–12). СПб., 1842–43, (репринт — М., 1988–89). Погодин Михаил Петрович (1800–1875) «Исследования, замечания и лекции о русской истории», М., 1846–57 гг. Ч. 1–7. Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) «Сочинения». Кн. 1–22, М., 1888–98. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) «Русская история». Т. 1–2 (в. 1). СПб., 1872–85. Ключевский Василий Осипович (1841–1911) «Курс русской истории». Ч. 1–5. 1904–1922 (переизд.: Сочинения. Т. 1–9. М., 1987–90).

¹¹³ Милюков Павел Иванович (1859–1943) — один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава. После Октябрьского переворота жил в эмиграции. Упомянутая священномучеником Иоанном книга «Очерки по истории русской культуры» переиздана: М., 1993–95. Т. 1–3.

¹¹⁴ Произнесено при закладке храма-памятника русской скорби в честь Ватопедской иконы Божией Матери, именуемой «Отрада», или «Утешение» на Ходынском поле в Москве в память великого князя Сергия Александровича и всех верных долгу и присяге царских слуг, павших за царя и Отечество от руки злодеев-революционеров крамолою 1905 года. Храм был построен близ Николаевских казарм как полковая церковь 1-го Донского им. генералиссимуса кн. А. В. Суворова казачьего полка и 1-й гренадерской артиллеристской графа Брюса бригады. Средства были пожертвованы действительным статским

советником И. А. Колесниковым. Архитектор В. Д. Адамович «до некоторой степени имел в виду подражание Солунской церкви 12 апостолов. Облицовка сделана из желтого и красного кирпича» (Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1995. Т. 3. С. 33). Освящена была церковь 5 апреля 1909 г. «Храм свободно вмещает 500 человек. Иконостас 2-ярусный, с золотой отделкой. Иконы исполнены московским иконописцем В. П. Гурьяновым. Плащаница вышита шелками и золотом инокинями московского Алексеевского монастыря по особому рисунку В. М. Васнецова. Внутри громадные доски из белого мрамора с именами убиенных крамольниками жертв по 73 губерниям, областям, городам и воинским частям в количестве 1850 человек» (Храм в честь Иконы Божией Матери «Отрада», или «Утешение» на Ходынском поле. М., 1909. С. 120; цит. по кн.: П. Паламарчук. Сорок сороков. С. 33–34). Храм был закрыт в 1924 г. Возвращен Церкви в 1991 г. Восстановлен в феврале 1996 г.

¹¹⁵ В Евангельском тексте: «Остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду...» (Мф. 3, 15) в ответ на слова св. Иоанна Предтечи: «аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне» (Мф. 3, 14).

¹¹⁶ О грехопадении прародителей в саду Эдемском рассказывает Книга Бытие (3, 1–24).

¹¹⁷ Игуменья Нина была настоятельницей Самтаврского женского монастыря в Мцхете. В обители было два храма: Преображения Господня с пределом св. Архистратига Божия Михаила и св. равноапостольной Нины. В начале XX в. в монастыре было 26 монахинь.

¹¹⁸ Святые мученики Сергей и Вакх были первыми сановниками при дворе императора Максимиана (240–310 гг.; правил: 286–305 гг. и 307–310 гг.). Царь очень ценил их за верность в службе, храбрость в походах и разумность в советах. Когда он узнал, что они христиане, то приказал им принести жертвы идолам. Они отказались и мужественно исповедали Иисуса Христа. Царь не хотел своих бывших любимцев казнить сам. Он отправил их к жестокому гонителю Антиоху — правителю над восточными (Азиатскими) провинциями, который должность игемона получил по ходатайству Сергея и Вакха. Местопребыванием его был г. Варвалиссо (в Месопотамии). Здесь св. Вакх после жесточайшего и продолжительного биения сподобился мученического венца. Св. Сергей после сильных истязаний принял мученическую смерть через усекновение главы в г. Розафе в Месопотамии (когда с победой христианства возник здесь в честь святого

Сергия монастырь, город стал именоваться Сергиополем). Св. мученичество Сергей и Вакх приняли около 300 г. Память этих святых мучеников с древности чтилась на Востоке. В V в. епископ Иерусалимский Александр выстроил им великолепную церковь. В Константинополе находились их главы, которые видели русские паломники: Антоний в 1200 г. и новгородец Стефан ок. 1350 г. «Главы их ныне показываются в епископии Аржешской в Валахии (Сергий Спасский, архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 3. С. 417). В день памяти свв. мучеников Сергия и Вакха (7/20 октября) — именины прп. Сергия Радонежского.

¹¹⁹ Вел. кн. Сергей Александрович (1857–1905) — пятый сын имп. Александра II. Через месяц после рождения, в день Пресвятой Троицы, был крещен. Восприемниками младенца были: наследник, вел. кн. Николай Александрович (1843–1865) и вел. кн. Екатерина Михайловна (1827–1894). Воспитание младенца было поручено А. Ф. Тютчевой. Приобщенная с детства к традициям нашей отечественной культуры, она стремилась передать это и своему воспитаннику. Будучи женой И. С. Аксакова, она разделяла его православно-патриотические убеждения. Ее благотворное влияние на формирование личности вел. кн. Сергея несомненно. Биограф его пишет: «Глубоко убежденная, широко просвещенная, обладавшая огненным словом, она рано научила любить свою Родину, Русскую землю, православную веру и Церковь. <...> По словам ее, она не скрывала от царских детей, что они не свободны от терний жизни, от скорбей и горя, неизбежных спутников человеческой судьбы, и должны готовиться к мужественной их встрече. <...> Великий князь впоследствии не раз посещал свою воспитательницу и несказанно благодарил за те добрые, спасительные семена, кои она посеяла в его душе в юные детские годы» (Авчинников А. Г. Великий князь Сергей Александрович. Иллюстрированный биографический очерк. Екатеринославль, 1915. С. 2). Когда ему исполнилось семь лет, имп. Александр II назначил его воспитателем капитан-лейтенанта Д. С. Арсеньева. Он искренне любил послушного, нравственно чуткого и весьма одаренного мальчика. «Первые дни жизни при Сергии Александровиче были мне очень отрадны, — вспоминал позже Арсеньев, — он молился при мне еще в это время вслух, и молился всегда очень усердно и внимательно» («Из записок адмирала Д. С. Арсеньева». — Русский архив, 1910, № 11, С. 425).

Обучение вел. кн. Сергей проходил по программе высшего образования. Педагогами его были видные ученые: К. Н. Бестужев-Рюмин, С. М. Соловьев, К. П. Победоносцев, генерал М. И. Драгомиров и др.

Вел. кн. Сергей во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. был в действующей армии. В походном дневнике Л. М. Чичагова (священномученик, митрополит Серафим) есть запись: «...турки открыли сильнейший артиллерийский огонь, причем взорвали в 19-й конной батарее передник, находившийся в 50-ти метрах от великого князя Сергея Александровича, состоявшего при колонне» (Чичагов Л. М. Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995. С. 385).

3 июня 1884 г. в церкви Большого дворца состоялось Таинство венчания вел. кн. Сергея и принцессы Гессен-Дармштадтской Елизаветы. В 1887 г. вел. кн. Сергей был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Преображенского полка. Он с отеческим вниманием и заботой относился к своим подчиненным. Покидая в 1891 г. полк, оставил 10 тыс. рублей для оказания помощи нуждающимся военнослужащим.

Высокое личное благочестие, духовный настрой и строгое исполнение церковного устава вел. кн. Сергием свидетельствовали для его молодой жены об истине Православия. 8 (20) марта 1891 г. она писала отцу: «...когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, я чувствовала себя отставшей от него, и чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу». (Цит. по кн.: Миллер Л. Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994. С. 67). Молитвы вел. кн. Сергея и его благочестие привели вел. кн. Елизавету к принятию Православия (присоединение к Православной Церкви совершилось в 1891 г.). Великий князь Сергей, имея правильное духовное устройство, был для своей жены и первым духовным наставником. В письме к государю от 18 апреля 1909 г. она писала: «Ты пишешь о «духе прелести», в который, увы, можно впасть и о котором мы часто говорили с Сергеем. <...> Сергей, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий православный христианин, и меня возрастил, и, благодарение Богу, предостерег от этого «духа прелести», о котором ты говоришь» («Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы». М., 1995. С. 25).

26 февраля 1891 г. вел. кн. Сергей был поставлен на должность московского генерал-губернатора. Будучи человеком твердых православных убеждений, он стремился восстановить в Москве традиции древнего благочестия и решительно противостоял разрушительным для вековых отечественных устоев силам. В условиях нарастающей активности «освободительного движения» он просил государя Николая II дать ему отставку. Просьба была удовлетворена 1 января 1905 г., а 4 февраля 1905 г. вел. кн. Сергей был убит бомбой, брошенной в его карету революционером И. П. Каляевым. Погребен он был в особо устроенном небольшом храме-усыпальнице Чудова монастыря. «Событием стало перенесение из Кремля в монастырь мощей убитого террористами в 1905 году великого князя Сергея Александровича Романова для перезахоронения в усыпальнице Романовых. Возобновилось народное почитание Сергея Александровича как угодника Божия. Есть свидетельства чудесной помощи и исцелений по молитвам к нему» (Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом. М., 1997 г.).

¹²⁰ Императорское Православное Палестинское общество основано вел. кн. Сергием Александровичем в 1882 г. В течение 22 лет он был его председателем. Общество имело исключительные заслуги в деле утверждения Православия на Святой Земле. Оно ставило три главные цели: защиту и распространение Православия в Палестине, содействие православным людям в паломничестве на Святую Землю, изучение и ознакомление русских людей с прошлым и настоящим Палестины и ее святынь. Общество строило на Святой Земле храмы, больницы, школы, проводило археологические исследования. Научные издания, осуществленные Палестинским обществом, внесли вклад в мировую науку. После мученической кончины вел. кн. Сергея председателем Общества была св. преподобномученица Елизавета Феодоровна.

¹²¹ Игумен Даниил около 1113–1115 гг. совершил путешествие на Святую Землю. В течение 16 месяцев поклонялся святыням Палестины. Был свидетелем схождения благодатного огня в храме Гроба Господня в Великую Субботу. Он поставил на Гробе Господнем кандило (лампаду) от всей Русской земли. «Хождение игумена Даниила» (в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1978. С. 24–115) — ценное повествование благочестивого русского паломника.

¹²² Архиепископ Никон (Николай Андреевич Софийский 1861–1908) — экзарх Грузии. Воспитанник Петербургской духовной

академии. Был викарием в Саратовской, а затем Петербургской епархиях. Управлял епархиями: Вятской, Владимирской. С 9 июня 1906 г. — архиепископ Карталинский и Катехинский, экзарх Грузии. По его инициативе началось исправление священных и богослужебных книг на грузинском языке. Убит 28 мая 1908 г. в Тифлисе. Отпевание было совершено при большом стечении народа сонмом священников во главе с архиепископом Владимирским и Суздальским Николаем (Налимовым). Погребен преосвященный Никон рядом с архиепископом Сергием (Спасским) в юго-западной части Успенского кафедрального собора во Владимире. О нем: «Церковный вестник», 1908, № 23. Проповеди его опубликованы в кн.: Л. И. Софийский. Высокопреосвященный Никон. СПб., 1909.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЖИТИЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА	
ИОАННА ВОСТОРГОВА (1867–1918)	11
ЛИК СВЯТЫХ	
ПРОПОВЕДИ О СВЯТЫХ УГОДНИКАХ БОЖИИХ	49
Христианин должен быть святым	
Поучение в Неделю Всех святых, 1-ю по Пятидесятнице	51
Суд святых	
Слово в Неделю Всех святых	55
Свидетели верные	
Слово в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа 1908 г.	59
Мир душевный	
Слово в день Сретения Господня, 2 февраля 1894 г.	66
Любовь ко Христу	
Слово в Неделю жен-мироносиц, 20 апреля 1903 г.	68
Женщина-христианка	
Слово в Неделю о расслабленном	74
Подражание святым	
Слово в день памяти великомученика Пантелеимона в ст. Крымской, 27 июля 1894 года	81
Вера и ревность	
Слово по случаю торжества в честь местночтимой иконы святителя Николая Чудотворца, 9 мая 1908 г.	85
Вечная память в Церкви	
Слово в день памяти трех вселенских святителей, сказанное в Иоанновском монастыре в Санкт-Петербурге 30 января 1909 г.	92
Русь Святая	
Речь в Неделю Всех святых 8 июня 1908 г.	96

Христианство жизненное	
Поучение в день памяти святого князя Владимира	100
Заветы древних святителей Московских	
5 октября 1908 г.	104
Святые заветы детям	
Слово в день памяти святителя Алексия, митрополита Московского, 12 февраля 1902 г.	110
Патриотическое служение русского духовенства.	
Заветы святителя Алексия	
Речь в день тезоименитства наследника цесаревича, 5 октября 1906 г.	115
Заветы жизни святителя Иоанна Златоустого	
Слово в день памяти святого Иоанна Златоустого, 13 ноября 1907 г.	120
Священной памяти небесного покровителя земли Русской	
Слово в день памяти преподобного Сергия Радонежского, 5 июля 1906 г.	127
Вечное чудо христианства	
Слово в Свято-Троицкой лавре в день памяти преподобного Сергия, 25 сентября 1908 г.	129
Заветы патриарха Ермогена	
Речь в Успенском соборе при открытии IV Всероссийского съезда русских людей в Москве, 26 апреля 1907 г.	136
Слово похвальное Ермогену,	
Святейшему Патриарху Всероссийскому	
17 февраля 1911 г.	142
Служение вечному.	
Священной памяти Святейшего Патриарха Ермогена	
Слово в день 300-летия мученической кончины Святейшего Патриарха, 19 февраля 1912 г.	147
В ожидании прославления Святейшего Патриарха Ермогена	
16 февраля 1913 г.	153
Духовный вождь русского народа	
Слово на освящении подземного храма во имя святителя Ермогена в Чудовом монастыре, 13 мая 1913 г.	157

Правда веры и жизни

- Слово в Неделю Православия, 23 февраля 1903 г.,
перед чтением Деяния Святейшего Синода
о прославлении старца Серафима Саровского 163

Уроки прославления святых

- Слово в день прославления преподобного
Серафима Саровского 166

Блаженной памяти Московского митрополита Филарета 171

Кронштадтский светоч и газетные глени

- 6 декабря 1907 г. 177

В Кронштадте у отца Иоанна 182

Знамения времени.

Отец Иоанн Кронштадтский и граф Л. Н. Толстой

- Речь 19 октября 1908 г., по случаю дня Ангела
отца Иоанна Кронштадтского 187

Божие дитя. Памяти отца Иоанна Кронштадтского

- 22 декабря 1908 г. 196

В Иоанновском монастыре 203

Говори, не умолкай!

- Статья в газете «Колокол» за 1909 г., № 872 205

Православие в Японии

- 26 февраля 1904 г. 207

Спасение царево

- Речь на благодарственном молебствии
по получении известия о спасении жизни государя
императора и царской семьи, 29 августа 1907 г. 221

На царской страже

- По поводу пятидесятилетия царствования
государя императора Николая II 223

В жертву всегда избирается лучшее 226

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ БУДЕТ ПРАВЕДНИК

- СЛОВА И РЕЧИ О ПОДВИЖНИКАХ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ 235

Тайна обаяния великого полководца

- Речь в день столетнего юбилея со дня смерти
великого полководца А. В. Суворова, 6 мая 1900 г. 237

Памяти царя-миротворца

- Речь пред панихидой в церкви Елисаветпольской гимназии,
20 октября 1896 г. 244

Нравственный облик царя-миротворца

- Речь в торжественном собрании Тифлисского отдела
Общества ревнителей русского исторического просвещения
в память императора Александра III, 26 февраля 1901 г. 248

Церковная деятельность на Кавказе

- в царствование императора Александра III
20 октября 1904 г. 253

Памяти императора Александра III.

- Смысл и значение его царствования
20 октября 1904 г., по случаю десятилетия
со дня кончины государя 264

Жертвы и герои долга

- Слово при закладке храма в г. Москве в память убиенного
великого князя Сергея Александровича и всех павших
при исполнении долга от руки злодеев-революционеров,
29 апреля 1907 г. 281

Беспредельная преданность Богу

- Слово при погребении игуменьи Нины,
настоятельницы Самтаврского монастыря
в Мцхете (Грузия), 3 января 1905 г. 287

Основатель Православного Палестинского общества

- Речь при поминовении убиенного великого князя
Сергия Александровича, 7 октября 1907 г. 290

Памяти убиенного архиепископа Никона, экзарха Грузии

- Слово у гроба архиепископа Никона в Москве,
на Курском вокзале, 6 июня 1908 г. 294

Слово на панихиде по убиенном архиепископе Никоне

- 8 июня 1908 г. 296

Труды протоиерея Иоанна Восторгова 299**Примечания** 300

Составитель благодарит ректора Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерея Владимира Воробьева за предоставленную возможность ознакомиться со следственным делом протоиерея Иоанна Восторгова и сотрудницу института И. И. Ковалеву за оказанную помощь в работе над житием священномученика Иоанна.

ПРАВДА ВЕРЫ И ЖИЗНИ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ПРОТОИЕРЕИ
ИОАНН
ВОСТОРГОВ

Проповеди
о святых угодниках Божиих
и подвижниках благочестия

*Редактор Жукова М. Г.
Корректор Пухова М. А.
Художник Попов С. В.
Верстка Родионов М. Ю.
Тех. редактор Мышкин М. Ю.*

ISBN 5-7533-0295-5

© Сретенский монастырь - верстка, оформление, 2004 г.
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
Сретенского монастыря в типографии АО "Молодая гвардия".
Формат 70х100/16. Объем 23 пл. Тираж 5 000 экз. Зак № 43145
Печать офсет. Бумага офс. №1. Подп. в печать 17.02.2004
Адрес АО "Молодая гвардия": 127994, Москва, Суцеская, 21
Адрес издательства: 107031, Москва, Б. Лубянка, 19
ЛР № 030613 от 24.07.99